ПОѢЗДКА ВЪ ЕГИПЕТЪ.

ИЗЪ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ВЪ КАИРЪ.

ПО НИЛУ И НА СУЭЗСКОМЪ КАНАЛѢ.

Ю. Н. Щербачева.

ВЪ ПРИЛОЖЕНIИ:

1. При[illegible] къ поѣздкѣ въ Египетъ.
2. Въ Русскомъ домѣ [illegible]ницей. М.

МОСКВА.

1883.

ПОѢЗДКА ВЪ ЕГИПЕТЪ.

ИЗЪ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ВЪ КАИРЪ.

ПО НИЛУ И НА СУЭЗСКОМЪ КАНАЛѢ.

Ю. Н. Щербачева.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

I. Примѣчанія къ поѣздкѣ въ Египетъ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1883.

ПОѢЗДКА ВЪ ЕГИПЕТЪ.

Поѣздка эта относится собственно къ 1876 году. Однако, за истекшія семь лѣтъ на берегахъ Нила и Суэзскаго канала ничто не измѣнилось изъ того, что̀ здѣсь описано: предлагаемые наброски ни политическихъ, ни экономическихъ вопросовъ не затрогиваютъ а касаются исключительно путевыхъ впечатлѣній туриста, осмотрѣвшаго то, что̀ осматривалось, осматривается и во вѣки будетъ осматриваться въ Египтѣ.

Наброски эти разновременно появились на страницахъ Русскаго Вѣстника. Въ настоящей книжкѣ нѣкоторыя утомительныя подробности — по большей части археологическія—перенесены изъ текста въ примѣчанія.

I.

3-го января.

Константинъ протяжно засвистѣлъ, пуская въ небо струю бѣлаго какъ снѣгъ пара, и тронулся.

— Не забывайте насъ, пишите! кричали изъ каика посольскіе товарищи.

Перевѣсившись за бортъ, я кивалъ имъ головою въ отвѣтъ на тѣ прощальные порученія и совѣты, которые произносятся въ послѣднюю минуту предъ разлукой и обыкновенно не имѣютъ никакого смысла.

— Возвращайтесь скорѣе!

— Вспомните обо мнѣ, когда будете въ Бейрутѣ.

— Смотрите, не заболѣйте!

Каикъ началъ замѣтно отставать.

— Привези мнѣ пирамиду, просилъ одинъ изъ провожавшихъ;—конечно выбирай которая поменьше...

Другой сложилъ руки рупоромъ и приставилъ ихъ ко рту. Достаньте сфинкса! кричалъ онъ,—непремѣнно живаго... или негритёнка, они тамъ дешевы, содержать ничего не стôитъ—ѣдятъ всякую дрянь... когда выростетъ, перепродадимъ съ ба-ры-шомъ!..

Долетѣло еще нѣсколько словъ искалѣченныхъ разстояніемъ, и товарищи замахали платками: навѣвая попутный вѣтеръ, платки гнали прочь бурю, смерчи и подводные камни.

За кормою тянулась по Босфору бирюзовая лента воды съ узорами изъ пѣны; неуловимо-причудливые, они таяли, сливались и вновь расходились по поверхности: точно морскія царевны съ волшебною быстротой плели и расплетали

венеціанское кружево; нѣсколько чаекъ слетѣлось полюбоваться на это диво.

Солнце между тѣмъ зашло: на азіятскомъ берегу полымемъ вспыхнули, отражая закатъ, безчисленныя окна Скутари и Кадикёя; Стамбулъ плотнѣе окутался въ жемчужный туманъ, и только абрисы его мечетей вырѣзались на огненной полосѣ зари; надъ лѣсомъ мачтъ у пристани, черепичныя крыши Галаты и Перы * смѣшались въ безформенную массу. Далеко за нами, ширкеты **, свистя, дымясь и лопоча колесами, снуютъ въ устьѣ Золотаго Рога и разгоняютъ лодки величиною съ орѣховую скорлупку. Вонъ и знакомый каикъ. Товарищи,—маленькіе премаленькіе,—все еще машутъ платками. Прощайте, прощайте... Прощай Константинополь!

Предо мною открытое море; лѣвѣе еще видны Принцевы острова и южный берегъ Исмидскаго залива, а прямо ничего не видать кромѣ неба и воды.

Путешествіе изъ Константинополя въ Александрію съ пароходами Русскаго Общества, заходящими въ малоазійскіе порты и на нѣкоторые острова Архипелага, длится 12—13 сутокъ. Съ Ллойдомъ и египетскою компаніей Хедивіе можно совершить этотъ переѣздъ прямымъ сообщеніемъ менѣе чѣмъ въ недѣлю. Нынѣшнею зимой и наши пароходы, минуя сирійскій берегъ, гдѣ, вслѣдствіе чумы въ Багдадѣ, былъ учрежденъ карантинъ, ходили въ Александрію въ шесть дней. Но вчера, когда я уже взялъ билетъ въ русскомъ агентствѣ, было получено извѣстіе о снятіи карантина, и *Константинъ* снова дѣлаетъ круговой рейсъ. ***

Кромѣ меня въ первомъ классѣ всего двое пассажировъ, оба въ сертукахъ турецкаго покроя и въ фескахъ: одинъ

---

* Константинопольскіе кварталы, расположенные противъ Стамбула по другую сторону Золотаго Рога.

** Такъ называются сокращенно пасажирскіе пароходы компаніи Ширкетъ-и-Хайріе (т.-е. компанія „Хайріе“), поддерживающіе сообщенія между Константинополемъ и безчисленными мѣстечками, разсыпанными по берегамъ Босфора.

*** Съ 1878 года и Русское Общество установило правильные рейсы прямаго сообщенія.

съ просѣдью въ подстриженной бородѣ,—Нусретъ-паша, только что назначенный генералъ-губернаторомъ въ Адану; другой—черномазый молодой человѣкъ, повидимому его секретарь.

Нусретъ-паша ѣдетъ въ Мерсину, ближайшую отъ Аданы гавань; онъ везетъ съ собою гаремъ (семейство): жену, дѣтей и невольницъ. Женщины одѣты въ неуклюжіе, скрывающіе станъ подрясники изъ полосатой матеріи, какую обыкновенно употребляютъ на перины. (Семенъ Семеновичъ, капитанъ *Константина*, называетъ нашихъ спутницъ ходячими матрацами); вмѣсто прозрачныхъ яшмаковъ, чадры изъ темнаго ситца покрываютъ лицо: не разберешь даже которая госпожа. Ихъ почти и не видно; сидятъ онѣ въ дамской комнатѣ или за занавѣской въ глубинѣ каютъ-компаніи; порою иная прошмыгнетъ мимо насъ безшумною поступью...

Генералъ-губернаторъ и его секретарь по-французски объясняются довольно плохо, но понять можно. Первый разказываетъ о своихъ похожденіяхъ въ Европѣ, въ особенности любитъ останавливаться на пребываніи своемъ въ Парижѣ; говоритъ о всемірной выставкѣ, о дворѣ. Секретарь слушаетъ съ благоговѣніемъ.

— Императоръ Наполеонъ III предложилъ мнѣ однажды чубукъ, повѣствовалъ между прочимъ Нусретъ-паша,—а я никогда не курю, потому что это портитъ желудокъ. „Хоть я и Турокъ", отвѣчалъ я его величеству, „однако не курю, какъ Турокъ". Императоръ много смѣялся. И тутъ же Нусретъ-паша вспомнилъ о какомъ-то черномъ соусѣ, которымъ его угощали во дворцѣ: ни сперва, ни послѣ ему не случалось ѣсть ничего подобнаго.

Переходя къ настоящему, генералъ-губернаторъ вздыхаетъ и покачиваетъ головой.

— Надолго ли я ѣду въ Адану? меня могутъ отозвать чрезъ шесть недѣль; а ка̀къ дорого сто̀ятъ такія передвиженія! на одни бакшиши сколько истратишь.

Мнѣ вспомнилось, ка̀къ нѣсколько часовъ назадъ чиновники, муллы, софты и разныя подозрительныя личности,

пріѣхавъ провожать Нусретъ-пашу на пароходъ, поочередно исчезали въ его каютѣ; тамъ звенѣли деньги. Чрезъ минуту посѣтитель выходилъ задомъ, низко кланяясь и зажимая въ рукѣ золотыя лиры.

— Я спрашивалъ верховнаго визиря, продолжалъ Нусретъ-паша,—насколько времени меня посылаютъ?... Еслибъ я зналъ, что чрезъ три мѣсяца меня отзовутъ, я бы вовсе не поѣхалъ.

— Надо бы сначала спросить у султана, долго ли продержится Махмудъ-Недимъ * шепнулъ мнѣ секретарь.

Каймакамовъ (губернаторовъ), министровъ, верховныхъ визирей смѣняютъ каждую пятницу, говорилъ молодой человѣкъ, оставшись со мной наединѣ: гдѣ же быть порядку? Намъ, мелкимъ чиновникамъ, по году не платятъ жалованья: поневолѣ мы воры и взяточники.

Младшій изъ моихъ спутниковъ, какъ и всѣ представители юной Турціи, большой охотникъ до самобичеванія.

Обѣдъ въ обществѣ Турокъ показался мнѣ весьма забавнымъ. Чтобы не ударить въ грязь лицомъ предо мною и капитаномъ, они старались ѣсть по-европейски; однако въ обращеніи ихъ съ ножомъ и вилкой проглядывала нѣкоторая нерѣшительность: Востокъ незнакомъ съ употребленіемъ этихъ инструментовъ. Когда Нусретъ-пашѣ подали къ рыбѣ судокъ со множествомъ графинчиковъ, онъ изо всякаго отсыпалъ или отлилъ себѣ въ тарелку: тутъ были масло, уксусъ, толченый сахаръ, перецъ, горчица, англійская соя.... Генералъ-губернатору очень понравилось, и онъ снова упомянулъ о черномъ соусѣ, который ѣлъ въ Парижѣ. Между блюдами Нусретъ-паша вынималъ серебряные часы луковицей, заставлялъ ихъ бить и подносилъ къ уху. Секретарь, наливая вина *вали* **, подобострастно вставалъ съ мѣста и лѣвую руку въ знакъ почтенія прикладывалъ къ животу. Косая дѣвочка, дочь генералъ-губернатора, въ теченіе обѣда нѣсколько разъ подходила къ отцу; тотъ руками давалъ ей

* Тогдашній верховный визирь.

** Генералъ-губернаторъ.

съ тарелки кость или кусокъ жаркаго и говорилъ по-турецки: пошла вонъ! Дѣвочка исчезала за занавѣской. Въ свою чашку кофе Нусретъ-паша положилъ изъ коробочки какого-то пахучаго порошку и мнѣ предложилъ отвѣдать.

Вечеромъ, послѣ чаю, всѣ вышли на ютъ (кормовая часть палубы). Было холодно, но безвѣтренно и пароходъ шелъ словно по рѣкѣ. Небо усѣяли крупныя звѣзды. Снизу слышалось бренчаніе фортепіанъ, напоминавшее звуки тѣхъ шарманокъ, въ которыхъ будто сидитъ кто-то и бойко колотитъ деревянными пальцами по клавишамъ.

— C'est madame! съ гордостью промолвилъ Нусретъ-паша.

4-го января.

Къ утру мнѣ приснилось, что я качаюсь на качеляхъ; подъ байковымъ одѣяломъ было тепло, и спалось такъ сладко что я, кажется, проспалъ бы до самой Александріи, еслибы качели внезапно не остановились... Мы отдали якорь. Сквозь круглый иллюминаторъ, точно картина въ рамкѣ, виднѣлась набережная съ высокими опрятными зданіями.

— Дарданеллы,—наша первая станція, объяснилъ мнѣ сквозь дверь Семенъ Семеновичъ;—ни одного пассажира, а грузу взяли два мѣшка лѣсныхъ орѣховъ.

Одѣвшись, я поспѣшилъ наверхъ, но городъ уже скрылся; мы снова плыли: на холмистыхъ берегахъ печально чернѣли нагія деревья и кустарники; изрѣдка попадались крѣпостцы, старинные зáмки, неприглядныя мѣстечки.

Проливъ—эта блѣдная копія Босфора—хорошъ только весною, когда деревья въ полномъ цвѣту, холмы покрыты первою зеленью,

Lustige Delphinenschaaren
Scherzen in dem silberklaren,
Reinen Element umher,

и голубыя волны, звучнѣе шиллеровскихъ стиховъ, разказываютъ трогательную повѣсть любви Леандра и Геро.

Теперь же все мрачно кругомъ, небо хмуро, того и гляди пойдетъ снѣгъ.

На пароходѣ нѣтъ и слѣда вчерашней суматохи: въ трюмъ не валятся ящики, лебёдка-тараторка молчитъ *; не суетится и не ругается разноплеменная толпа путешественниковъ... Лишнія вещи убраны подальше; вокругъ трубы и у бортовъ разостланы для сидѣнья одѣяла и ковры. Всякій занятъ своимъ дѣломъ: кто спитъ, кто ѣстъ, кто смотритъ на вьющихся надъ кормою альбатросовъ; не слыхать голоса человѣческаго; только машина глухо шумитъ, да водорѣзъ пѣнитъ море подъ гипсовымъ изображеніемъ Великаго Князя Константина Николаевича.

Три богатыря—не то Грузины, не то Черкесы—въ высокихъ черныхъ шапкахъ и заскорузлыхъ башмакахъ на босу ногу, держатся въ сторонѣ отъ прочихъ пассажировъ; они водятъ за руки лѣтъ семи дѣвочку, одѣтую какъ кукла; ея шелковая кофта, богатый съ золотымъ отливомъ платокъ, чисто вымытая мордочка совсѣмъ не подходятъ къ ихъ оборваннымъ фигурамъ и суровымъ лицамъ, обросшимъ до глазъ волосами.... Неужели она дочь одного изъ этихъ страшилищъ?

Черкесы посмотрѣли на меня недоброжелательно, когда я послалъ дѣвочкѣ нѣсколько воздушныхъ поцѣлуевъ, но она тихо высвободилась изъ ихъ рукъ и безъ страха, безъ свойственныхъ ея возрасту ужимокъ подошла ко мнѣ. Чрезъ полчаса мы были пріятелями: видно яблоки, взятыя мною у буфетчика, понравились молодой красавицѣ. Гуляя по палубѣ, мы вели самый оживленный разговоръ—я по-русски, она на какомъ-то непонятномъ языкѣ. Дѣвочку все занимало: она смотрѣла, кàкъ въ машинѣ, стуча и шипя, ходятъ взадъ и впередъ поршни, кàкъ глубоко внизу, въ полумракѣ, кочегаръ возится у печки, кидая лопатой уголь въ раскаленное жерло, кàкъ поваръ шпаритъ только что зарѣзанную курицу. Около кухни, между кускомъ баранины и

---

* Лебёдка—снарядъ при помощи котораго спускаютъ въ трюмъ и вынимаютъ оттуда грузъ.

связкой салата висѣла клѣтка съ утками, осужденными на съѣденіе; собесѣдница моя просовывала къ нимъ пальчики съ крашеными ногтями *; утки ежились и слабо покрякивали. Невдалекѣ, покрытая мохнатою попоной, стояла лошадь Нусретъ-паши; хозяинъ трепалъ ее по шеѣ и называлъ ласкательными именами. Дѣвочка непремѣнно хотѣла вступить съ нимъ въ разговоръ, но *вали* насъ не замѣчалъ.

„Кузумъ! (ягненокъ мой)!“ говорилъ онъ, глядя въ глаза красивому животному и цѣлуя его въ бархатныя ноздри.

Когда Нусретъ-паша объясняется со своею лошадью, лице его становится очень симпатичнымъ, и мнѣ жаль, что онъ такъ несносенъ за обѣдомъ: чувствуя ко мнѣ расположеніе за то, что я терпѣливо выношу его безконечныя разглагольствованія, генералъ-губернаторъ подсыпаетъ мнѣ въ знакъ дружбы своего отвратительнаго порошку не только въ кофе, но и въ пирожное, въ овощи, даже въ супъ.

Митилене.—На пароходъ сѣлъ нѣкто г. Алира̀, типъ Грека-негоціанта, нажившаго себѣ состояніе путемъ... всякими путями. Семенъ Семеновичъ не любитъ Грековъ; по его словамъ, каждый изъ нихъ—олицетворенное тщеславіе и алчность къ деньгамъ. Грекъ живетъ широко; домъ его убранъ безъ вкуса, но богато; накупитъ онъ по случаю, баснословно дешево, ковровъ, китайскихъ вазъ и японскихъ болвановъ; лакеевъ одѣнетъ въ ливреи (по утрамъ они служатъ въ грязномъ бѣльѣ и босикомъ); вензель такой на каретѣ выставитъ, что и вблизи не разглядишь хорошенько,—выходитъ что-то въ родѣ герба. У жены его пріемные дни; подаютъ чай, глико (греческое варенье), мороженое; хозяинъ тароватъ и радушенъ; но „гдѣ до прибыли коснется“, тамъ пальца ему въ ротъ не клади,—у себя же на вечерѣ васъ въ карты обыграетъ! И Семенъ Семеновичъ невнятно, но крѣпко, произнесъ нѣсколько неодобрительныхъ словъ.

Я вышелъ посмотрѣть на Митилене. Увы, окрестность была покрыта мракомъ; очерки горъ и мачты сосѣднихъ су-

---

* Обычай красить ногти прежде былъ общимъ на Востокѣ; теперь онъ сохраняется лишь въ простонародіи.

довъ еле выдѣлялись на небосклонѣ, по берегу же мигали одни красные огоньки...

— Протащилъ такі! съ досадой воскликнулъ чей-то голосъ; оглянувшись, я узналъ капитана.

— Ужь я ли не караулилъ, продолжалъ онъ съ жаромъ;— всѣ глаза просмотрѣлъ, да нелегкая дернула отвернуться— матросъ скатился въ трюмъ,—на мгновеніе отвернулся, а онъ въ это время и протащилъ!

— Кто? спросилъ я въ недоумѣніи.

— Алира́.

— Кого?

— Горничную свою, въ первый классъ, да такъ ловко, что никто не видалъ.

— Зачѣмъ же онъ протащилъ?

— А чтобы за нее не платить.—Самъ онъ служитъ въ нашемъ Обществѣ и имѣетъ безплатный проѣздъ. Сегодня цѣлый часъ ко мнѣ приставалъ, чтобъ я ее даромъ во второй классъ посадилъ; я отказалъ, а теперь она въ первомъ даромъ поѣдетъ! Не будь этого Турка (вы свой человѣкъ— я бы предъ вами извинился), онъ у меня сейчасъ бы заплатилъ. Ну да завтра еще поглядимъ!... Этакаго скряги я отъ роду не видывалъ: денегъ куры не клюютъ, а посмотрите, спроситъ ли онъ себѣ хоть стаканъ чаю; сколько разъ ходитъ со мной и никогда не возьметъ билета на продовольствіе. Дѣтей и жену тоже голодомъ моритъ.

Настоящимъ образомъ я морскою болѣзнію не страдаю и во дни моей юности очень гордился этимъ. Бывало, пока другіе пассажиры лежали пластомъ въ койкахъ, я обѣдалъ глазъ-на-глазъ съ капитаномъ,—и воображалъ, что онъ удивляется моей выносливости, втайнѣ уважаетъ меня. Разумѣется, въ то золотое время я напрягалъ всѣ силы души, чтобы казаться веселымъ. Но теперь, когда убѣдился, что капитанамъ рѣшительно все равно, укачиваетъ меня или нѣтъ, когда мнѣ самому стало все равно, какого они мнѣнія о моихъ мореходныхъ качествахъ, я не скрываю своей тоски во время сильнаго волненія.

Въ каютѣ все мнѣ постыло: легкій трескъ и скрипъ судна, мѣрное покачиваніе лампъ и дверныхъ занавѣсокъ, оттопыренные локти официанта, сходящаго съ лѣстницы, за буфетомъ дребезгъ пересыпающейся при каждомъ кренѣ посуды,—словомъ, что̀ бы ни услышало ухо, куда бы ни упалъ взглядъ, все какъ-то особенно омерзительно. Но безспорно противнѣе всего прибитое у зеркала объявленіе на трехъ языкахъ:

Курить дозволяется только на палубѣ.
Il n'est permis de fumer que sur le pont.
E permesso di fumare soltanto sulla coperta.

И какъ глупо! Кто же можетъ думать о куреніи? Отъ одного этого картоннаго четвероугольника мнѣ нудно, мнѣ почти тошно. Наверхъ! на просторъ! на свѣжій воздухъ!.. Пусть вѣтеръ дуетъ крѣпче, пусть громче воетъ въ трубѣ и пускай побольше брызгъ летитъ мнѣ въ лицо!..

Вечеромъ я принялся было за корреспонденцію. Однако капитанъ предупредилъ меня, что противъ Сандерликскаго залива будетъ качать (здѣсь всегда неспокойно). И дѣйствительно, не прошло часу послѣ выхода изъ Митилене, какъ все кругомъ меня зашевелилось: апельсинъ, лежавшій рядомъ съ моими письменными аппаратами, спрыгнулъ со стола на скамейку, со скамейки на полъ, откатился немного, а затѣмъ словно перемѣнивъ намѣреніе, побѣжалъ уже по другому направленію; чернильница поползла въ сторону отъ пера, которое я собирался въ нее обмокнуть; изъ дверей каюты выглянулъ чемоданъ, постоялъ на порогѣ въ раздумьи и снова уплылъ за занавѣску. Непутешествовавшимъ по морю трудно понять, до чего возмутительно—гадко такое пресмыканіе неодушевленныхъ предметовъ.

Откладываю письма до завтра и иду на мостикъ бесѣдовать съ Семеномъ Семеновичемъ; за эти два дня я такъ полюбилъ его разказы.

Ощупью пробираюсь по мокрой палубѣ, шагая чрезъ свернувшіеся въ кольца канаты; надо мною вѣтеръ мчитъ въ темноту искры, упорно гудитъ въ реяхъ и, во что̀ бы

то ни стало, хочетъ сорвать съ меня шапку; волны, принявъ образъ бѣлыхъ медвѣдей, цѣпляются за бортъ и силятся опрокинуть судно, но, оборвавшись, съ ревомъ тонутъ въ пучинѣ; всякій разъ какъ наклонится пароходъ, кто-то плеснетъ мнѣ въ лицо горстью ледяной воды.

— Выползли?—коротко замѣтилъ капитанъ. Я насилу разглядѣлъ его въ потемкахъ: укутанный въ огромную шубу, точно часовой въ метель, онъ сидѣлъ на сундукѣ съ сигнальными флагами.

— Я вамъ не мѣшаю?—освѣдомился я.

— Чему мѣшать? Дивлюсь только съ какого... то-есть для чего вы не спите?

— А вы сами?

— Я здѣсь по службѣ: что̀ бы на пароходѣ ни случилось, я за все отвѣчаю; одна машина не мое дѣло.

Семенъ Семеновичъ часто сѣтуетъ на свою службу: торчи на вѣтру и на морозѣ, не спи по ночамъ, только на якорѣ и отдыхаешь; поживешь пять дней въ Одессѣ, съ семьей не успѣешь хорошенько поздороваться (Семенъ Семеновичъ женатъ и, какъ у всѣхъ капитановъ, у него множество дѣтей), не успѣешь повидаться со знакомыми,—опять грузись и ступай въ мѣсячный рейсъ.

— Неужели вамъ не приходится жить въ Россіи недѣли двѣ къ ряду?

— Рѣдко. Впрочемъ тогда еще хуже.

— Почему?

— Да скучно, снова хочется въ море.

И хоть бы прибыль какая была отъ этой собачьей должности, продолжалъ жаловаться Семенъ Семеновичъ,—безъ толку ходишь въ Александрію и обратно: пассажировъ нѣтъ, груза нѣтъ... Теперь, напримѣръ, что̀ мы взяли въ Дарданеллахъ, въ Митилене?

— А вамъ какая съ того печаль?

— Мы процентъ получаемъ съ фрахта. Вотъ по кавказской линіи капитанамъ хорошее житье, много зарабатываютъ. И я когда-то тамъ ходилъ; давно уже... Славно жи-

лось, ни въ чемъ не нуждался; ну и молодость много значитъ... Эхъ, какія на Кавказѣ женщины!

Бесѣда на морѣ такъ же неустойчива какъ судно, на которомъ ѣдешь. О чемъ мы только ни болтали съ Семеномъ Семеновичемъ? о политикѣ, о литературѣ, о внутреннихъ займахъ, и вдругъ, неизвѣстно по какому сцѣпленію мыслей, отъ невѣроятности выиграть двѣсти тысячъ, перешли къ предчувствіямъ. Капитанъ въ нихъ вѣритъ.

— Со мной бывали дѣла, промолвилъ онъ, и на мою просьбу—разказать хоть одно такое дѣло—изъявилъ согласіе.

— Я тогда командовалъ *Могучимъ*, началъ Семенъ Семеновичъ,—шли мы изъ Константинополя въ Поти; ночью заштилевало совсѣмъ; туманъ всталъ такой, что бушприта не видать. Вотъ и идемъ мы по восьми узловъ въ часъ; курсъ въ шестнадцати миляхъ отъ берега; на всякій случай велѣлъ забрать еще мористѣе, влѣво--оно все вѣрнѣе,—и дѣлать мнѣ больше нечего, хожу себѣ взадъ и впередъ по мостику. Спать я разумѣется не легъ: въ туманъ и лѣнивый не спитъ. Предъ разсвѣтомъ зашелъ въ каюту, промочилъ глаза водой... Тутъ-то меня точно дернула невѣдомая сила, внутри все перевернулось; куда дѣвались безпечность и спокойствіе! Самъ не свой взбѣгаю наверхъ, приказываю вахтенному офицеру лотъ * кинуть. Тотъ улыбается: помилуйте, говоритъ, Семенъ Семеновичъ, мы дна не достанемъ, саженъ полтораста... И чувствую я, что правъ офицеръ, что самъ не вѣдаю что̀ творю: по разчету мы противъ Амастро, миляхъ въ двадцати отъ земли. А мнѣ таки неспокойно̀, попросту сказать страхъ беретъ; и вѣдь глупый страхъ, безъ причины,—все хуже и хуже.... Здѣсь, ей-Богу, я вамъ даже объяснить не могу, что̀ со мной сталось; подскочилъ я какъ сумашедшій къ телеграфу ** и

* Лотъ—снарядъ посредствомъ котораго измѣряется глубина.

** Снарядъ особаго устройства. По циферблату съ надписями: *малый ходъ, полный ходъ, задній ходъ, стопъ* и пр. движется стрѣлка. Капитанъ или вахтенный офицеръ сверху передаютъ свои приказанія въ машину, останавливая стрѣлку противъ одной изъ надписей.

застопарилъ.... Смотрю,—съ правой стороны подъ носомъ, саженяхъ въ десяти чернѣетъ ровно пятно какое.... Тфу ты, Господи, мерещится мнѣ что̀ ли? Вглядѣлся,—точно, чернѣетъ... Лодка, должно-быть, или боченокъ?.... Анъ нѣтъ! (капитанъ опять произнесъ нѣсколько неразборчивыхъ, но крѣпкихъ словъ) вообразите, камень! Когда знаешь, гдѣ опасность, страхъ пропадаетъ; я сразу овладѣлъ собою: повернулъ на полный ходъ, скомандовалъ „право руля"... * А вахтенный съ носу кричитъ:—„Право камень".

— „Право руля"!

— „Право скала".

— „Руль на бортъ"!

— Выбрались мы.... Отошелъ я немного въ море и сталъ подъ парами, жду дня. Разсвѣло, поднялся туманъ... Что̀ же? мы дѣйствительно находились противъ Амастро, только не въ двадцати миляхъ, а у самаго берега; и берегъ-то скверный, скалистый, стѣною. Отнесло ли насъ теченіемъ, невѣрно ли держали курсъ—шутъ его вѣдаетъ; но еслибы меня не дернуло, и я сдуру не остановилъ машины, клянусь вамъ, отъ парохода остались бы щепки.

Какъ только Семенъ Семеновичъ кончилъ, я сызнова услыхалъ вой вѣтра и шумъ пѣнящихся волнъ; гребни ихъ вспыхивали блѣднымъ голубоватымъ свѣтомъ. *Константинъ* качало по прежнему. Земли нельзя было различить, но какъ будто чувствовалась ея близость кругомъ насъ. Быть можетъ такого же рода ощущеніе испытывалъ около Амастро капитанъ *Могучаго*, когда не вѣдалъ, что̀ творилъ. Долго сидѣли мы молча.

— Ступайте спать! неожиданно произнесъ капитанъ:— чего̀ вылѣзли право?—эка невидаль!

— Семенъ Семеновичъ, возразилъ я,—неужели вы не понимаете, какъ здѣсь хорошо? Взгляните на волны, онѣ свѣтятся точно привидѣнія; а ревъ бури....

— Полноте! остановилъ онъ меня;—свѣжо немного, а ужь вы сейчасъ *буря!*

---

* То-есть держать влѣво.

Опять молчаніе.

О чемъ думаетъ Семенъ Семеновичъ? Лица его не видать; одни усы сердито щетинятся изъ воротника шубы.... Мучитъ ли его новое предчувствіе? Взгрустнулось ли по родномъ домѣ? Встали ль предъ нимъ картины давно минувшихъ дней,—тѣхъ дней, когда онъ ходилъ по кавказской линіи? Или вспомнилось ему, что въ Дарданеллахъ нагрузили всего два мѣшка орѣховъ, а въ Митилене Алира даромъ въ первый классъ горничную протащилъ?

Смирна. 5 января.

Отдали якорь въ 2 часа пополуночи.

Мысль что я такъ близко отъ милой, желанной Смирны не давала мнѣ уснуть. Скучно и медленно ползла ночь; наверху однообразно шагали сапоги вахтеннаго, словно отсчитывали секунды, а рядомъ, въ каютѣ Нусрета, старинная луковица била фистулою какіе-то невозможные часы (распредѣленіе турецкихъ часовъ не соотвѣтствуетъ нашему).

Я припоминалъ свое первое путешествіе въ Смирну.

То было раннимъ лѣтомъ. Пароходъ вошелъ въ бухту, когда берега еще тонули въ предразсвѣтной душистой мглѣ. Я чутко спалъ на площадкѣ подъ звѣзднымъ небомъ. Солнце огненное и огромное, показавшись изъ-за амфитеатра горъ, заставило меня открыть глаза. Предо мной на берегу вся въ зелени, съ величественнымъ куполомъ православнаго собора среди минаретовъ и кипарисовъ мусульманскихъ кладбищъ, разметнулась „родина розъ и красавицъ“, съ вершины ближняго холма сторожатъ ее бастіоны древней крѣпости, а дальше со всѣхъ сторонъ заглядѣлись на Смирну высокія горы; онѣ не давятъ ее своею громадой: пространною дугой разступились онѣ вокругъ залива. У подножья ихъ, за предѣлами водъ, стоятъ—точно изъ поверхности моря выросшіе сады съ бѣлыми домиками, пріютившимися въ зелени,—это прибрежныя деревушки. Я съѣхалъ на берегъ, и чуденъ показался мнѣ городъ въ утренней тишинѣ. Помнится, прежде всего попалъ я на главную Европейскую улицу: прикащики отпирали магазины, и въ

глазахъ рябило отъ различнаго рода товаровъ, которые такъ и лѣзли на свѣтъ Божій, высовывались въ окна, покрывали стѣны домовъ. Бокъ-о-бокъ съ вывѣсками развернулись полотнища цвѣтныхъ матерій, повисли снизанныя въ гроздья кофейныя чашки, заблистало богатое оружіе. А гдѣ не было магазиновъ, тамъ изъ-за рѣшетокъ крошечныхъ дворовъ выглядывали на улицу цвѣты и растенія, какія до того времени я видалъ только въ оранжереяхъ да въ дѣтскихъ книжкахъ.

Потомъ очутился я въ турецкомъ базарѣ, въ лабиринтѣ улицъ, крытыхъ деревянною кровлей: здѣсь царили полусвѣтъ и прохлада, пахло овощами, сыростью, кардамономъ. Я не останавливался у лавокъ съ полосатыми платками и съ туфлями, по бархату шитыми золотомъ,—онѣ успѣли надоѣсть въ Стамбулѣ;—я замеръ въ обжорномъ ряду среди моллюсковъ, съѣдобныхъ раковинъ, морскихъ пауковъ, всевозможныхъ фруктовъ и цѣлыхъ горъ красныхъ, какъ маковъ цвѣтъ, баклажановъ.

Хорошо и укромно было въ жалкихъ кривыхъ переулкахъ за базаромъ, куда подъ конецъ понесли меня усталыя ноги. И тутъ преобладала тѣнь, хотя деревяннаго навѣса уже не было: въ иныхъ мѣстахъ его замѣняли цыновки, въ другихъ—аллеями росли густолиственные чинары, или же по перекинутымъ съ крыши на крышу жердямъ любовно вился виноградъ. Бывало выйду изъ такого прохладнаго тайника на площадь и остановлюсь очарованный блескомъ знойнаго неба; а мимо меня ступая по камню мягкими плюснами неслышно проходятъ верблюды съ тюками хлопка, и валлонея *; стада навьюченныхъ ословъ звенятъ колокольчиками, и въ платанахъ, не умолкая, поютъ цикады **.

Въ базарѣ, на площадяхъ, въ переулкахъ,—всюду встрѣчалъ я много прекрасныхъ Смирніотокъ,—и сама Смирна представлялась мнѣ черноокою дѣвушкой въ одеждахъ изъ

---

* Желудь дуба quercus aegylops (дубильное вещество), одинъ изъ главныхъ предметовъ мѣстной отпускной торговли.

** Cicada orni, насѣкомое изъ семейства полужесткокрылыхъ.

дамасскихъ тканей, съ плющемъ и розами въ благоуханныхъ волосахъ.

Разсвѣло, сѣрый день прокрался въ каюту, поднялся шумъ на палубѣ, и мечты мои улетѣли.

Когда я вставалъ, греческій священникъ, должно-быть изъ города, отпахнулъ занавѣску и покропилъ меня святою водой съ привязанной на палочку губки. Турчанки—смѣлыя, веселыя, безъ покрывалъ—шныряли предъ моею дверью, изъ чего я заключилъ, что Нусретъ-паша съѣхалъ. Отсутствіе его развязало руки и Семену Семеновичу, который вытребовалъ у Алира плату за билетъ перваго класса.

Я вышелъ, и сердце во мнѣ сжалось, какъ при видѣ искаженнаго лица, когда-то любимаго, сіявшаго красотой. Кругомъ залива, какъ и сперва, высились горы, но зимой онѣ угрюмы и безжизненны: исчезли зелень, голубое небо и солнечный свѣтъ,—исчезла гармонія въ картинѣ; надъ чертою воды, изъ конца въ конецъ, безтолково пестрѣютъ зданія... Я не призналъ моей Смирны.

И на улицахъ все измѣнилось, все незнакомо: чинары осыпались, рѣдкостные цвѣты отцвѣли; лозы, колебавшіяся граціозными гирляндами, теперь безъ кистей и безъ листьевъ, сплелись въ узлы и висятъ въ вышинѣ, подобно изсохшимъ змѣямъ; только вѣтви апельсинныхъ деревъ, сердито качаемыя вѣтромъ, темнѣютъ зеленью и золотятся плодами. Медленно подвигаюсь я, минуя лужи, вонючіе ручейки, собакъ и нищихъ; тротуаровъ нѣтъ, и при ходьбѣ по адской мостовой больно подошвамъ.—Прошлый разъ я не замѣчалъ всего этого. Въ переулкахъ надо спасаться отъ верблюдовъ, а то придушатъ вьюками къ стѣнѣ—и уходишь въ двери домовъ, какъ при проѣздѣ кареты на Перской улицѣ.

Былъ въ консульствѣ. Въ канцеляріи, на стульяхъ и на диванахъ, окаменѣло человѣкъ двѣнадцать безмолвныхъ посѣтителей; нависшія черныя брови и носы какъ у попугаевъ обличали ихъ восточное происхожденіе. Это были тѣ „Русскіе", которыхъ столько въ Турціи,—люди, принявшіе русское подданство для торговыхъ цѣлей или изъ другихъ матеріальныхъ выгодъ. Много разнаго рода прошеній, пре-

имущественно на французскомъ языкѣ—часто безсмысленныхъ, всегда безграмотныхъ—поступаютъ отъ этихъ господъ въ наши агентства на Востокѣ. „Русскіе“ жалуются другъ на друга, заявляютъ претензіи на иностранцевъ, заводятъ процессы съ Турецкимъ правительствомъ. Консулъ показывалъ мнѣ не мало образчиковъ высокаго слога и послѣдовательнаго изложенія мыслей.

Но меня болѣе интересовалъ лежавшій на столѣ, въ числѣ прочихъ бумагъ, паспортъ нѣкоей „поклонницы“, оренбургской мѣщанки Анны Константиновой,—быть-можетъ оттого, что на немъ не было обозначено особыхъ примѣтъ, возраста, цвѣта волосъ и т. д. Вотъ что̀ узналъ я о его предъявительницѣ.

Позапрошлымъ лѣтомъ, на пути изъ Іерусалима, Анна Константинова занемогла въ Смирнѣ и была помѣщена въ здѣшній госпиталь. Вскорѣ она оправилась, но заболѣла другою болѣе упорною, хотя и не опасною болѣзнью: безумно влюбилась въ одного изъ больничныхъ служителей. Между тѣмъ срокъ ея паспорту истекъ, и наши власти посадили поклонницу на первый отходившій въ Одессу пароходъ, отписавъ кому слѣдуетъ о водвореніи ея на мѣстожительство; изъ Одессы Анну Константинову препроводили по этапу въ Оренбургъ. Минулъ годъ; Анна Константинова снова отправилась ко Гробу Господню, но въ этотъ разъ, не доѣхавъ даже до Іерусалима, высадилась въ Смирнѣ и поселилась въ больницѣ. Директоръ послѣдней обратился къ нашему консулу. „Не хочетъ уходить—такъ пускай по крайней мѣрѣ занеможетъ“, просилъ онъ. Консулъ потребовалъ, чтобы поклонница возвратилась на родину; однако ни угрозы, ни увѣщанія не помогли, она только плакала въ отвѣтъ. Теперь, во избѣжаніе соблазна, рѣшено отправить ее отсюда во что̀ бы то ни стало, куда-нибудь, хоть ко Святымъ Мѣстамъ, и Анна Константинова ѣдетъ съ нашимъ пароходомъ до Яффы.

Утромъ, когда я съѣзжалъ въ городъ, сумрачный Семенъ Семеновичъ провозгласилъ: „снимаемся въ четыре: ждать васъ не будемъ“.

Ровно въ 4 часа я былъ *дома*.

Семенъ Семеновичъ просвѣтлѣлъ, вѣроятно отоспался на якорѣ, къ тому же грузу было много: сотни пудовъ валлонея опускались въ трюмъ.

Нусретъ-паша, давно уже вернувшійся, обрадовался мнѣ какъ родному и тотчасъ принялся сообщать свои дневныя впечатлѣнія. Въ мое отсутствіе смирнскій генералъ-губернаторъ Хуршидъ-паша сдѣлалъ ему визитъ на *Константинъ* и привезъ въ подарокъ винограду, до того душистаго, что въ меня невольно закрадывается сомнѣніе, не посыпалъ ли его Нусретъ-паша порошкомъ.

6 января.

— И зачѣмъ велятъ намъ заходить въ Хіосъ? восклицалъ за утреннимъ чаемъ Семенъ Семеновичъ;—сколько угля перевелъ, а хоть бы кошка на пароходъ сѣла! Ну да и ноченька выдалась славная, прибавилъ онъ, протирая глаза.

Утро было тоже очень недурно. Я проснулся на полу, выброшенный съ тюфякомъ и подушками изъ койки; возлѣ раскиданы были платье, папиросы, умывальныя принадлежности, стаканъ изъ толстаго стекла катался въ разныя стороны и дорожные мѣшки приняли наступательное положеніе.

Одѣться и умыться стоило большаго труда: полъ то подымался, и я, казалось, дѣлался такъ тученъ что колѣни гнулись подъ тяжестью тѣла; то наоборотъ онъ уходилъ изъ-подъ ногъ, и я становился легче пуха, словно во снѣ, когда собираешься летѣть, но терялъ равновѣсіе и противъ всякаго ожиданія прегрузно и пребольно наталкивался на стѣну или на рукомойникъ.—Я вышелъ, не подобравъ вещей, и заперъ наглухо дверь.

— Пусть ихъ тамъ рѣзвятся, замѣтилъ капитанъ,—лишь бы не разбѣжались по каютъ-компаніи.

Послѣ завтрака дѣвочка Черкешенка, имѣющая входъ повсюду, тащила меня изъ-за стола. Качка не вліяетъ на нее, и мы по цѣлымъ часамъ бродимъ по *Константину* въ то

время, какъ Черкесы-богатыри безмолвно и недвижно сидятъ въ кружкѣ, скорчивъ ноги и низко пригнувъ къ колѣнамъ черныя папахи. Аргусовъ сломила морская болѣзнь; если одинъ изъ нихъ порой и взглянетъ въ нашу сторону, онъ смотритъ довѣрчиво, какъ цѣпная собака, у которой прохожій гладитъ щенка, отбѣжавшаго отъ конуры.

Сегодня что-то поразило мою подругу: раскраснѣвшаяся, взволнованная, она твердитъ непонятныя рѣчи и влечетъ меня къ выходу.

Съ палубы величественный видъ. Точно вершины затопленыхъ моремъ горъ стоятъ кругомъ непривѣтные острова; по мѣрѣ того, какъ мы подходимъ, они медленно, будто нехотя, разступаются, чтобы дать намъ дорогу; а тамъ, впереди, снова темное море, и острова за островами, уходя въ туманъ, синѣютъ и теряются на горизонтѣ. Чѣмъ они дальше, тѣмъ изящнѣе ихъ волнистые абрисы, и за перламутровою дымкой, обманчивою какъ женская вуаль, воображеніе угадываетъ тѣнистые сады, утесы и водопады. Но пароходъ приблизится, и обаяніе исчезнетъ: тѣ же нагіе склоны, каменистыя изволоки, кое-гдѣ обглоданный кустарникъ. На острова, по большей части необитаемые, лѣтомъ перевозятъ стада для пастьбы. Всякій клочокъ удобной почвы обработанъ—впрочемъ ея почти нѣтъ; растительность, довольно жалкая, покрываетъ лишь восточныя покатости, обращенныя къ материку,—оттого ли, что вѣтеръ приноситъ сѣмена травъ изъ Азіи, или утреннее солнце живительнѣе вечерняго и молодые лучи его, цѣлуя, плодотворятъ землю?

На сѣверѣ, занесенныя дождемъ, рисовались очертанія Самоса, родины Эрострата. Здѣсь царствовалъ знаменитый тиранъ, котораго преслѣдовало счастіе.

„Er stand auf seines Daches Zinnen,“—

припоминалъ я:

„Er shaute mit vergnügten Sinnen
„Auf das beherrschte Samos hinn“...

Но дѣвочка возмутилась моею разсѣянностью. Не затѣмъ она меня привела, чтобъ я стоялъ какъ вкопанный и разговаривалъ самъ съ собою, глядя въ пространство. *Онъ* всякую минуту можетъ скрыться—отдышется на свѣжемъ воздухѣ и снова уйдетъ вглубь. И пальчикъ съ краснымъ ноготкомъ указывалъ на измазаннаго сажею кочегара, который вылѣзъ по поясъ изъ-подъ полу и ворочалъ своими большими бѣлками.

Немалое изумленіе возбуждали также въ ребенкѣ торчавшія наружу изъ наръ босыя ноги поклонниковъ, безчувственно распростертыхъ одни надъ другими.

Я подивился и на кочегара, и на ноги богомольцевъ.

У подошвы одного острова, какъ стая морскихъ птицъ на отмели, вытянулись въ нитку бѣлыя пятнышки; простымъ глазомъ не различишь—дома это или валуны выброшенные прибоемъ; берегъ унизанъ ими на нѣсколько верстъ. Я обратился за разъясненіемъ къ капитану.

Семенъ Семеновичъ не сразу отвѣчалъ; по случаю перемѣны вѣтра онъ только что отдалъ приказъ убрать парусъ, намокшій отъ мимолетнаго дождя и гремѣвшій какъ желѣзный листъ. Матросы взобрались по веревочной лѣстницѣ и стали одинъ за другимъ скакать на свободный край полотна. Ихъ долго носило и трепало по воздуху.

— Это городъ Кòсъ, выговорилъ наконецъ Семенъ Семеновичъ, когда люди, побарахтавшись въ воздушномъ просторѣ, загребли-таки ногами и руками упрямый парусъ и прикрутили его къ мачтѣ.—Не хотите ли бинокль?

Я разглядѣлъ крѣпость, кубической формы зданія, десятокъ минаретовъ и обнаженныя деревья. Разстояніе было такъ велико, что, казалось, весь городъ стоялъ въ водѣ.

— Семенъ Семеновичъ, разкажите, чтò вы знаете про Кòсъ?

— Ничего я не знаю; мы на него не заходимъ. Одинъ Англичанинъ говорилъ, что тутъ Иппократъ родился. Можетъ и не правда...

— Смотрите, сказалъ спустя нѣкоторое время Семенъ Семеновичъ, сахарная голова изъ воды высунулась; это ка-

мень *Пашà;* былъ здѣсь сперва маякъ, а теперь уничтожили... Греческая экономія! не угодно ли пройти въ темь! Направо островъ Караброглу́; сейчасъ, какъ поравняемся, покажу вамъ каменнаго Хохла; только не зѣвайте, его видно, одну минуту, не больше...

— Вотъ онъ, смотрите...

На скатѣ, въ полугорѣ, довольно отчетливо вырѣзался въ небѣ профиль человѣка въ малороссійской шапкѣ; онъ будто закопанъ по плечи въ землю и, нагнувшись, глядитъ внизъ, въ море.

— А когда вы мнѣ Ро́досъ покажете?

— До него еще далеко, часовъ восемь. Хорошій городъ; я однажды провелъ въ немъ съ недѣлю. Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ лучше Грековъ, чѣмъ тамошніе; живутъ весело, открыто, и какіе гостепріимные! Правда, чванны немного: у нихъ вѣдь родословныя ведутся отъ Перикловъ и Аристидовъ. Ну и самъ городъ тоже старинный. Вообразите, напримѣръ, улица временъ крестоносцевъ; дома такъ сохранились, ровно жилые; прибиты къ нимъ щиты и гербы... Того и жди, вылетитъ изъ воротъ рыцарь съ опущеннымъ забраломъ, копье на перевѣсъ, и стопчетъ тебя своимъ конемъ: чего молъ ходишь въ наши владѣнія?...

— Долго простоимъ мы въ Ро́досѣ?

— Мы туда не зайдемъ вовсе.

— Какъ такъ? вѣдь по расписанію должны же остановиться?

— Что̀ расписаніе? Теперь вонъ нельзя бросить якорь,— зыбь идетъ съ зюйдъ-о̀стъ-тень-о̀ста... Я такъ и проставлю въ журналъ.

Семенъ Семеновичъ вынесъ изъ рубки морскую карту большаго масштаба, на которой былъ даже помѣченъ *Пашà*, и беря меня въ свидѣтели, сталъ вычислять неудобства, представляемыя открытымъ родосскимъ рейдомъ при сегодняшнемъ вѣтрѣ и зыби.

— Еслибы дулъ нордъ-вѐстъ-тень-вѐстъ, тогда бы зыбь съ зюйдъ-о̀стъ-тень-о̀ста улеглась...

Я ничего не понималъ.

— А главное, чтобы взять на судно одного Жида и три мѣшка арбузовъ, нужно за практику уплатить чуть не пятьдесятъ рублей, да угля сожжешь рублей на двадцать! И выходитъ одинъ оптическій обманъ.

Это я понялъ, но подобныхъ причинъ Семенъ Семеновичъ въ журналъ не заноситъ.

Опять пошелъ дождь и больно сѣчетъ лицо; капитанъ убралъ карту, кочегаръ скрылся въ подпольи, босыя ноги спрятались въ нары, а дѣвочка убѣжала къ другому своему пріятелю, повару.

Семенъ Семеновичъ еще вчера превозносилъ мнѣ красоту одной изъ поклонницъ.

— Полюбуйтесь когда-нибудь, настоящая краля, говорилъ онъ.

Не она ли, высокая, стройная, стоитъ у борта и задумчиво смотритъ въ даль? Повязка спустилась съ головы и русые волосы покрыли щеки.

„Навѣрно Анна Константинова"! мелькнуло у меня въ мысляхъ, но ничто, кромѣ собственной фантазіи, не могло подтвердить этой догадки. Еслибъ еще цвѣтъ глазъ, ростъ, особыя примѣты были выставлены въ ея паспортѣ...

Она не замѣчаетъ дождя и вѣтра; устремленный въ одну точку взглядъ не видитъ окружающаго; за моремъ, за островами на горизонтѣ, открылась ей иная картина: тихая пристань, деревни дремлющія у подножія горъ, и Смирна, свѣтлая и радостная какъ весна... Тамъ миръ и покой, тамъ рай, потому что тамъ *онъ*, а *онъ* все!..

Кто онъ такой? Неужели Грекъ въ засаленной фескѣ съ попугаечьимъ носомъ, въ родѣ тѣхъ почтительныхъ истукановъ, что сидѣли въ консульствѣ на кончикѣ стульевъ?

Обѣдали со скрипкой. * Нусретъ-паша лежитъ у себя, но блюда поочередно исчезаютъ въ его помѣщеніи и выносятся оттуда пустыми.

Вечеромъ молчимъ съ Семеномъ Семеновичемъ на мостикѣ. Несмотря на сильный вѣтеръ, въ осеннемъ пальто мнѣ

* Снарядъ изъ дощечекъ и веревокъ, которымъ во время качки придерживается посуда; его натягиваютъ на столъ поверхъ скатерти.

не холодно. А нынче Крещеніе: въ Россіи стужа, санный путь, иней на деревьяхъ... И услужливое воображеніе переноситъ меня со Средиземнаго Моря въ тотъ край, гдѣ хотя и не цвѣтутъ лимоны, но который для Русскаго краше всѣхъ странъ на свѣтѣ.... Рулевой должно-быть тоже вспомнилъ родину; онъ провѣряетъ курсъ, наклонившись надъ мѣднымъ кожухомъ компаса, и поетъ вполголоса: „Ахъ ты, поле мое, поле чистое". Во мракѣ видно одно его освѣщенное лицо.

7 января.

Побережья, вѣчно гористыя, въ отдаленіи синеватыя, вблизи бурыя, до сихъ поръ томили меня однообразіемъ, и я недоумѣвалъ, зачѣмъ ихъ такъ пестро и заманчиво раскрашиваютъ на географическихъ картахъ?... Еслибы дѣти знали правду, они навѣрное съ меньшею охотой изучали бы географію.

Но сегодня берегъ представляетъ нѣкоторыя особенности: онъ исполинскою ступенью подымается изъ воды и виденъ слѣва по курсу, въ ту и другую сторону, чуть не на сотню верстъ. Мы идемъ въ двѣнадцати миляхъ, однако воздухъ такъ прозраченъ, что, кажется, до земли рукой подать; разстояніе скрадываетъ лишь мысы и заливы, и горы отвѣсною ровною стѣной преграждаютъ море. За ними, гораздо дальше, отъ насъ верстахъ въ сорока, высится пологій снѣжный уступъ; кое-гдѣ, какъ точки рѣдѣющія къ вершинѣ, разсыпаны ливанскіе кедры, но чаще сверкаетъ сплошная дѣвственная бѣлизна. Вглядываясь въ холодный блескъ равнинъ, въ голубоватыя тѣни доловъ, я всею душой раздѣляю желаніе Семена Семеновича „хоть полчасика поваляться въ снѣгу".

Капитанъ попрежнему служитъ мнѣ чичероне.

Вотъ островъ Кастель-Россо—тотъ, что съ красноватымъ оттѣнкомъ по склонамъ; на немъ развалины города времени Крестовыхъ походовъ. Крестоносцы заселяли весь южный берегъ Малой Азіи. Завтра Семенъ Семеновичъ покажетъ мнѣ съ палубы Онамуръ, цѣлый городъ, сохранившійся не хуже улицы въ Родосѣ.

На холмикѣ, у подошвы Анатолійскихъ возвышенностей, ограда, какъ нить паутины, и еле различимое глиняное зданіе; это остатки Миры Ликійской,—церковь, гдѣ совершалъ богослуженіе Николай Чудотворецъ; ее открылъ въ сороковыхъ годахъ А. Н. Муравьевъ. Она находилась глубоко подъ землею и была наполнена до самыхъ сводовъ высохшею глиной и иломъ. Вѣроятно прорвалось озеро, лежавшее на высшемъ уровнѣ, и затопило храмъ.

Впереди—мысъ Хелидонія; дальше не видать береговъ; четырнадцать часовъ будемъ плыть по Адалійскому заливу, гдѣ лѣтъ двадцать назадъ разъѣзжали еще пираты съ правильно организованными командами и ловили парусныя суда. Теперь въ Адалійскомъ заливѣ одна опасность или, вѣрнѣе, непріятность: частые нордъ-осты,—такъ треплетъ что, по выраженію Семена Семеновича, „лучше не нужно".

Насъ и то качаетъ; мертвая зыбь, которая помѣшала капитану бросить якорь въ Родосѣ, не улеглась. Давно вахтенный офицеръ пророчилъ штиль въ непродолжительномъ времени, давно дуетъ вожделѣнный Семенъ Семенычевъ нордъ-вестъ-тень-вестъ, а пароходъ по вчерашнему плавно ложится то на правый, то на лѣвый бокъ... Я начинаю терять аппетитъ и, что̀ хуже, чувствую влеченіе къ лимонаду.

8 января.

Лежу, но не отъ морской болѣзни, которой страшился, а отъ простуды. У меня жаръ; не шевелюсь и не ѣмъ.

9 января.

Жаръ продолжается.

Мерсина. Нусретъ-паша приходилъ прощаться предъ отплытіемъ на берегъ и смотрѣлъ на меня такими же глазами, какъ на свою лошадь.

— Vous êtes très mauvais, сказалъ онъ, разводя руками. Et c'est parce que vous avez mangé du coq à la coque. Генералъ-губернаторъ называетъ такъ яица въ смятку.

Съ трудомъ дотащился до иллюминатора и просунулъ голову наружу. Тепло, свѣтитъ солнце; вблизи явственнѣе

очертаніе увѣнчанныхъ снѣгомъ вершинъ; подернутое легкою рябью море спокойно и ослѣпительно; множество маленькихъ чаекъ кружатся съ капризнымъ плачемъ и корчатся на лету; головка, лапки, крылья—все у нихъ будто вихляется. Городъ расцвѣтился флагами; онъ исключительно состоитъ изъ агентствъ пароходныхъ обществъ. Западнѣе, верстахъ въ трехъ, развалины Помпеополиса,—амфитеатръ, ряды колоннъ... Обломками ихъ мостятъ мерсинскія улицы.

Черкешенка пришла навѣстить товарища прогулокъ по *Константину*, но, увидавъ его въ койкѣ, почему-то испугалась и убѣжала.

— Кузумъ! кричалъ я ей вслѣдъ.

Приходилъ и Семенъ Семеновичъ; видимо озабоченъ моею болѣзнью: на пароходѣ капитанъ за все отвѣчаетъ,—одна машина не его дѣло,—и онъ привелъ ко мнѣ фельдшера.

На якорѣ въ Александретѣ, 10-го января.

Пріятно, какъ въ нежаркій іюньскій день. Небольшая бухта Александреты со всѣхъ сторонъ окружена горами; когда цвѣтутъ покрывающіе ихъ олеандры, въ мірѣ нѣтъ мѣстности очаровательнѣе; но самъ городъ, расположенный среди болотъ, не представляетъ ничего живописнаго. Въ болотахъ водятся бекасы, по которымъ впрочемъ нельзя охотиться,—схватишь лихорадку.

Александрета—единственный портъ, откуда на весь Востокъ вывозятъ корень *хэнэ* для окрашиванія ногтей.

Въ лѣтній зной здѣсь невыносимѣе, чѣмъ въ Каирѣ.

По преданію, Іона былъ извергнутъ китомъ на берегу залива въ томъ мѣстѣ, гдѣ бѣлѣютъ два столба; поклонницы обыкновенно на нихъ крестятся.

Всѣ эти свѣдѣнія отобраны у Василія Ивановича, фельдшера Русскаго Общества, приказавшаго мнѣ выйти погрѣться на солнцѣ. Василій Ивановичъ, считая меня еще больнымъ, всячески старается развлечь: между прочимъ принесъ длинную цѣпь съ крюкомъ на одномъ концѣ, насадилъ кусокъ

говядины въ нѣсколько фунтовъ и опустилъ въ море. Долго облекалъ онъ свои дѣйствія таинственностью и не отвѣчалъ на мои разспросы; наконецъ признался, что удитъ акулъ. Ихъ тутъ множество, и купаться не безопасно. Въ прошломъ году Василій Ивановичъ поймалъ двухъ около Мерсины; онъ жалѣетъ, что ихъ систематически не истребляютъ.

— Недурно бы, говоритъ онъ,—еслибы какая-нибудь международная коммиссія назначала премію за каждую пойманную акулу.

Однако нынче Василій Ивановичъ ничего бы не заработалъ. Море было гладко какъ зеркало; сквозь прозрачную воду виднѣлась цѣпь, приманка въ глубинѣ, и стаи рыбокъ, окрашенныхъ въ нѣжный голубой цвѣтъ; онѣ гонялись другъ за другомъ и безнаказанно тормошили говядину. Объ акулахъ не было и помину.

Буфетчикъ успѣшнѣе ловилъ морскихъ окуней и бычковъ.

Офиціантъ тоже удилъ, но не рыбу, а чаекъ... Нацѣпивъ кусочекъ мяса на крючокъ, привязанный почти вплотную къ поплавку длинной лесы, птицеловъ закидывалъ ее чрезвычайно далеко и медленно тянулъ къ себѣ. На мое счастіе онъ ничего не поймалъ; у самой поверхности появилась такая туча мелкой рыбёшки, что говядина не соблазняла чаекъ, и лишь весьма немногія, побуждаемыя любопытствомъ, кувыркались въ воздухѣ надъ поплавкомъ.

Двое Туркменъ въ полосатыхъ кацавейкахъ подъѣхали съ грузомъ къ пароходу; нашъ матросъ неосторожно подалъ имъ въ барку цѣпь отъ лебедки и одному расшибъ стропомъ щеку. Обезображенный Туркменъ плюетъ кровью и съ большимъ достоинствомъ бранится; въ рѣчи его часто слышится слово „кошóнъ“, получившее право гражданства на Востокѣ. Капитанъ, выругавъ на чемъ свѣтъ стоитъ матроса, собственноручно заклеилъ лицо пострадавшаго розовымъ пластыремъ. Семенъ Семеновичъ дорожитъ добрымъ мнѣніемъ о насъ туземцевъ и умѣетъ имъ угодить. Польщенный Туркменъ во время операціи снялъ даже чалму и феску съ бритой головы.

Константинъ посѣтили двѣ Еврейки, мать и дочь, никогда не видавшія пароходовъ. Капитанъ самъ водилъ ихъ на мостикъ, по каютамъ и въ машину. Еврейки ни наружностью, ни выговоромъ не походили на нашихъ Жидовокъ: въ маленькихъ шапочкахъ и изящной одеждѣ съ пушною оторочкой, онѣ, казалось, сошли опрятныя, незапыленныя временемъ, съ полотна средневѣковой картины. Непринужденность дочери и свободная грація ея движеній могли бы вселить зависть въ душу не одной свѣтской барышни. Молодая дѣвушка понимала италіянскій языкъ и, бесѣдуя съ нею, Семенъ Семеновичъ, безъ сомнѣнія, уносился мыслью къ давно минувшимъ днямъ своей юности.

Фрахта въ Александретѣ взяли много, болѣе тысячи рублей, вѣроятно оттого, что вслѣдствіе карантина сюда давно не заходили пароходы. Грузъ главнымъ образомъ заключается въ рогатомъ скотѣ. Брали его на бортъ довольно страннымъ способомъ: подъ брюхо животнаго подсовывали широкую, аршина въ полтора, подпругу, въ родѣ маленькаго паруса съ палками по краямъ; палки сходились на спинѣ и прихватывались стропомъ; съ командой „вира"! лебедка начинала трещать, и быкъ тихо отдѣлялся отъ спутниковъ, стоявшихъ плотною кучей въ магонѣ (баркѣ). Хозяинъ скота, предполагая, что шеи животныхъ крѣпче привязанныхъ къ ихъ рогамъ веревокъ, не далъ себѣ труда распутать послѣднія, и когда быкъ подымался на сажень отъ лодки, прочіе вставали на заднія ноги. Паціентъ висѣлъ хвостомъ кверху съ отвѣсно вытянутою шеей. Въ концѣ концовъ разсчетъ хозяина оказывался вѣрнымъ: веревка лопалась, и быкъ уносился въ вышину; затѣмъ, качаясь какъ маятникъ, опускался въ трюмъ, причемъ цѣплялъ о края копытами, рогами и мордой... Но поднятіе нѣкоторыхъ совершалось торжественно-спокойно, и воздухоплаватели съ глупымъ удивленіемъ смотрѣли внизъ на покинутыхъ товарищей.

11-го января.

Останавливались противъ Латакіи и противъ Триполи.

Въ полугорѣ, окруженная табачными плантаціями, Латакія затерялась среди апельсинныхъ и гранатныхъ садовъ; ниже, близъ самаго моря, развалины крѣпости.

Триполи, по-турецки Тараболю, стоитъ у подножья горы высотою въ тринадцать тысячъ футовъ; угрюмый городъ съ тяжелыми строеніями; во всю ширину одной изъ его улицъ течетъ потокъ.

На обоихъ рейдахъ пароходъ осаждали лодки, и гребцы-Арабы подымали нестерпимый крикъ.

— Вы думаете, они бранятся? говорилъ Семенъ Семеновичъ.—Нѣтъ, эти разбойники между собою и по секрету такъ разговариваютъ. Можно и про нихъ, какъ про бабъ, сказать: два Араба—базаръ, три Араба—ярмарка.

Въ Триполи на *Константинъ* пріѣзжалъ агентъ Русскаго Общества, православный Арабъ Савва Азàръ. Капитанъ души не чаетъ въ своемъ сослуживцѣ.

При оцѣнкѣ нравственной стороны Арабовъ, Семенъ Семеновичъ дѣлитъ ихъ на высшій и низшій классы, на зажиточныхъ и на бѣдняковъ; первыхъ онъ боготворитъ за симпатіи къ Россіи и, говоря объ ихъ душевныхъ качествахъ, прибѣгаетъ къ чисто арабскимъ метафорамъ; вторыхъ ненавидитъ,—и существительныя: мошенникъ, воръ, плутъ, грабитель, душегубецъ—безразлично употребляются имъ какъ синонимы понятію *феллахъ* (само по себѣ, во мнѣніи капитана, бранное слово); только когда рѣчь заходитъ о тѣлесныхъ ихъ свойствахъ, напримѣръ о ловкости Арабовъ-гребцовъ, Семенъ Семеновичъ не можетъ не отдать имъ справедливости и хвалитъ, называя чертями.

Савва Азàръ курилъ папиросу за папиросой, покуда капитанъ, не стѣсняясь его присутствіемъ, распространялся о заслугахъ гостя, то-есть исключительно о любви его къ Россіи. Влеченіе къ намъ Арабовъ въ самомъ дѣлѣ трогательно, ибо стоитъ внѣ всякихъ личныхъ разчетовъ. Завѣтная мысль Саввы Азàра, конечная цѣль его жизни—сдѣ-

латься русскимъ подданнымъ; и не изъ корыстныхъ видовъ, какъ Грекъ, стремится онъ къ этому; для него званіе русско-подданнаго имѣетъ такое же высокое значеніе, какъ въ древнемъ мірѣ званіе *civis Romanus*. Чтобъ осуществить свою мечту, онъ, согласно требованіямъ нашего закона, проживетъ въ Россіи пять лѣтъ; русскому языку онъ уже выучился и говоритъ на немъ довольно бѣгло; количество извѣстныхъ ему словъ, правда съ арабскими окончаніями, тѣмъ болѣе изумительно, что въ Триполи никто не знаетъ по-русски, а наши пароходы заглядываютъ сюда разъ въ недѣлю.

Иногда проявленія любви къ Россіи доходятъ у Арабовъ до смѣшнаго: такъ трипольскій агентъ Общества Пароходства и Торговли выписалъ изъ Одессы самоваръ и пріучилъ свою семью пить чай.

Вотъ что разказалъ мнѣ Семенъ Семеновичъ о другомъ своемъ пріятелѣ, восьмидесятилѣтнемъ Арабѣ, нештатномъ вицеконсулѣ нашемъ въ Латакіи.

Капитану пришлось однажды доставить ему орденъ Станислава третьей степени, пожалованный за долгую и усердную службу. О днѣ выѣзда Семена Семеновича изъ ближайшаго порта нештатный вицеконсулъ былъ извѣщенъ по телеграфу, и двадцать пять обитыхъ сукномъ, всячески изукрашенныхъ лодокъ ожидали на Латакійскомъ рейдѣ прибытія парохода: въ одной сидѣлъ самъ виновникъ торжества; въ другой слуги держали бархатную расшитую золотомъ подушку; въ остальныхъ никого не было. Арабъ не захотѣлъ получить присланную награду на пароходѣ и пригласилъ капитана, а равно и всѣхъ пассажировъ, къ себѣ на домъ. У пристани гостей встрѣтила толпа народа, и шествіе направилось въ городъ: впереди выступали вицеконсулъ и Семенъ Семеновичъ съ подушкой, на которой лежалъ крестъ; по сторонамъ кавасы съ булавами несли зажженные факелы (дѣло происходило въ солнечный день); сзади слѣдовали пассажиры и, отъ мала до велика, все населеніе Латакіи. Придя домой, амфитріонъ сѣлъ на особо приготовленное кресло—чуть не подъ балдахиномъ,—и капитанъ возложилъ на его грудь знаки ордена. Слуги пода-

ли шампанское. Хозяинъ взялъ бокалъ, хотѣлъ вымолвить что-то, но ничего не сказалъ,—только слезы закапали на его сѣдую бороду....

— Семенъ Семеновичъ! воскликнулъ я,—вѣдь это чудовищное честолюбіе.

— Честолюбіе?!.. Ну а какъ вы полагаете, еслибъ ему дали турецкій орденъ, онъ бы заплакалъ?

12 января.

Свѣтъ и тѣни; на улицахъ пестрая толпа въ блескѣ солнца,—въ крытыхъ проходахъ сумракъ и сырость; верхи кипарисовъ надъ плоскими кровлями зданій; какіе-то ponti dei sospiri арки и своды опутанные сухою лозой, какъ паутиной исполинскаго паука; у стѣнъ красные стебли сахарнаго тростника и ворохи апельсиновъ; бедуинъ на конѣ, окруженный чалмами и дамасскими халатами; негры съ нарѣзами на щекахъ; караванъ верблюдовъ въ золотой пыли; мурильйевскіе мальчишки съ глазами газелей и лихо надѣтыми фесками; женщины подъ темною фатой, всѣ въ бѣломъ, точно большія ночныя бабочки; вдали роща яркозеленыхъ пиній; пальмы, аллеи кактусовъ, полукружіе горъ: все это пронеслось предъ моими глазами, какъ декорація фантастическаго балета, во время трехчасовой прогулки по Бейруту.

Въ Сайдѣ (древній Сидонъ), куда мы прибыли въ сумерки, множество лодокъ съ бѣлыми призраками подъѣхало къ пароходу: то вдовы умершихъ отъ послѣдней эпидеміи; онѣ отправляются на заработки въ Александрію. Вслѣдствіе тѣсноты ихъ помѣстили на ютѣ, а ночью пошелъ проливной дождь пополамъ съ градомъ.

13 января.

— Ну-съ, зыбь большая,—благодарите судьбу.

— Не за что, Семенъ Семеновичъ! Ночью я не могъ заснуть.

— За то днемъ увидите презабавную штуку—выгрузку поклонниковъ.

— Въ штиль я вѣроятно увидалъ бы то же.

— Совсѣмъ нѣтъ: въ тихую погоду они бы по трапу спускались, теперь же ихъ прямо за бортъ будутъ подавать; пріѣдутъ пираты-лодочники, такой содомъ и гоморру подымутъ, хоть святыхъ вонъ неси. Иной Англичанинъ только за тѣмъ и ѣдетъ въ Іерусалимъ, чтобы высадиться въ Яффѣ.

По всей Сиріи нѣтъ гаваней въ тѣсномъ смыслѣ: Латакія, Триполи, Бейрутъ, Сайда, Яффа, Акра стоятъ у открытаго моря, точно при выборѣ мѣста основатели ихъ руководствовались не географическими условіями, а личнымъ произволомъ. Въ непогоду суда не заходятъ въ эти порты. [1])

Однажды Семенъ Семеновичъ на обратномъ пути изъ Іерусалима былъ вынужденъ провести въ Яффѣ цѣлую недѣлю. Была буря, и срочные пароходы разныхъ обществъ поочередно скрывались, появившись на горизонтѣ. Одинъ только Ллойдъ рѣшился лечь въ дрейфъ миляхъ въ пяти отъ берега. Семенъ Семеновичъ, который полжизни отдалъ бы, чтобы не пробыть лишняго дня въ скучной Яффѣ, договорилъ четырехъ лодочниковъ за баснословно дорогую цѣну—по два съ половиной рубля каждому (аспиды!) Прежде чемъ взяться за весла, они на случай крушенія сняли съ себя все до нитки и послѣ неимовѣрныхъ трудовъ благополучно доставили измокшаго до костей Семена Семеновича на австрійскій пароходъ. По мнѣнію капитана, лодка врядъ ли добралась назадъ.

— Такъ вы думаете аспиды потонули?

— Нѣтъ! сатанинское отродіе въ водѣ не тонетъ, въ огнѣ не горитъ; вотъ можетъ-быть акулы съѣли...

Сегодня когда мы приближались къ Яффѣ вѣтра не было, но широкая зыбь шла съ запада. Удержались мы подъ парами верстахъ въ двухъ отъ города. Небо было невеселое, пасмурное. Лѣсъ апельсиновъ начинающійся у самыхъ городскихъ строеній, песчаная коса и мутно-желтое взморье имѣли унылый видъ. Отъ берега лодки большихъ размѣровъ, нѣкоторыя съ десятью и двѣнадцатью весельщиками, тяжело подымаясь на волны, порой исчезая за ихъ хребтами, шли къ *Константину;* Арабы гребли на перегонки, выбиваясь изъ силъ.

Чтобы быть зрителемъ „презабавной штуки", я, по совѣту капитана, расположился на ютѣ: сюда не посмѣютъ взобраться грабители; впрочемъ имъ здѣсь и дѣлать нечего, жертвы ихъ на нижней палубѣ. Тамъ, у трубы, вокругъ трюма и дальше къ носу, презирая качку, бодро стоятъ онѣ въ твердомъ намѣреніи до послѣдней крайности защищать свои узелки и смотанныя въ одѣяла вещи. Непріятель уже недалеко; слышится мѣрный плескъ веселъ и глухія отрывочныя слова. Брошенная съ первой лодки веревка, свистя, прозмѣилась въ воздухѣ, и Арабы, какъ дикія кошки, судорожно-цѣпкими скачками взлетѣли на пароходъ. Яростныя лица, мельканіе голыхъ рукъ, воинственный зовъ нападающихъ, крики побѣжденныхъ—все мгновенно смѣшалось. Съ быстротою мысли разсыпались Арабы по палубѣ, коршунами накинулись на багажъ, съ руками отрываютъ мѣшечки у богомолокъ... А вдали, отсталые гребцы, стараясь опередить другъ друга, столкнулись обводами и готовы начать междоусобный бой; двое замахнулись веслами... Лодки, предоставленныя самимъ себѣ, уносятся волнами, и бѣлая пѣна летитъ черезъ край.

Не успѣлъ я глазъ отвести отъ этой послѣдней сцены, какъ на палубу точно съ неба свалился десятокъ новыхъ изверговъ; незамѣченные подошли они съ другаго бока; смятеніе внезапно удвоилось, и крики слились въ одуряющій гулъ...

Однако дѣло происходитъ не въ Адалійскомъ заливѣ, и не двадцать лѣтъ назадъ, и Арабы не морскіе разбойники, а простые перевощики. Одѣтые въ шлыки или колпаки изъ сѣрой парусины, въ шаравары, не достающія колѣнъ, и въ лохмотья, еле прикрывающія грудь, они дѣйствительно похожи на бандитовъ. Чтобы заручиться пассажирами, перевощики съ жадностью нищихъ бросаются на ихъ добро. Богомольцы же не хотятъ садиться безъ торгу; иные ѣдутъ вовсе не ко Гробу Господню, а на Синай; но Арабамъ нѣкогда торговаться или разбирать, кто куда ѣдетъ: слѣдующіе лодочники могутъ отбить сѣдоковъ,— и такимъ образомъ происходитъ свалка.

Одного поклонника Арабы уже изловили и тащатъ къ водѣ, будто хотятъ топить: это они показываютъ ему свою лодку. Другой окончательно попался въ ихъ лапы и „грузится"— лѣзетъ, крестясь, на стѣнку борта, потомъ, отважно перенеся ноги, спускается наружу и повисаетъ во весь ростъ надъ пучиною; сверху гребцы держатъ его за локти. Между тѣмъ оставшіеся внизу, подъ неистовое ораніе, корчась въ усиліяхъ, притягиваются: ихъ относитъ теченіемъ и волнами къ кормѣ. Вотъ пароходъ сильно накренило, они схватили пассажира за полы платья, но, вцѣпившись на мгновеніе, сорвались, и лодку снова отбросило назадъ. Верхніе осторожны, не пустятъ ноши, пока ее не выдернутъ силой. Опять гвалтъ и притягиваніе... А поклонникъ все продолжаетъ висѣть; море то подступаетъ къ его подошвамъ, то, пѣнясь, уходитъ въ глубину.

Женщинъ сажаютъ иначе: нѣсколько пиратовъ, выждавъ удобное мгновеніе, хватаютъ поклонницу подъ руки и подъ колѣни и какъ выразился Семенъ Семеновичъ, „подаютъ" въ лодку то-есть буквально выбрасываютъ за бортъ; не успѣетъ она вскрикнуть: „ой батюшки!" какъ уже лежитъ на скамейкахъ, между перинъ и котомокъ, вмѣстѣ съ поймавшими ее на лету гребцами.

Черкесы-богатыри тоже высаживаются въ Яффѣ. Они долго не сдавались Арабамъ, вихремъ носились за ними, опрокидывая все на пути, и отбивали пожитки. Послѣ удачной схватки, сойдясь съ разныхъ концовъ, титаны метали въ кучу свои громадные тюки, и опять по всѣмъ направленіямъ маячили ихъ папахи, а откидные рукава словно крылья летали по воздуху. Черкесами было занято по крайней мѣрѣ двадцать арабскихъ рукъ. Неизвѣстно за кѣмъ остался бы верхъ, еслибъ одинъ изъ перевощиковъ не прибѣгнулъ къ военной хитрости. Подкравшись къ маленькой моей пріятельницѣ, которая, прижавшись въ уголку, испуганно слѣдила за ходомъ сраженія, онъ сдвинулъ на лицо ея шелковый платокъ и въ два прыжка очутился съ нею у моря.... Еслибы не шумъ кругомъ, было бы слышно, какъ одинъ изъ

комковъ, полетѣвшихъ въ эту минуту черезъ бортъ, жалобно заплакалъ.

Замѣтивъ отсутствіе ребенка, богатыри оставили вещи и безпокойно зашагали по палубѣ; въ сторонѣ, похититель, не обращая на нихъ вниманія, бралъ уже приступомъ какую-то постороннюю старушку. Черкесы болѣе не сопротивлялись; только одинъ—самый страшный и волосатый—отказался съѣхать: ни ревъ лодочниковъ, ни убѣжденія товарищей не поколебали его рѣшимости, и доплативъ за проѣздъ до Портъ-Саида, онъ остался на *Константинѣ*.

Дѣвочка вскорѣ утѣшилась; ей покойно на днѣ лодки, среди подушекъ и свернутыхъ одѣялъ; хорошенькая, съ невысохшими глазами, она отвѣчаетъ ручкой на мои прощальные поцѣлуи.

Лодка отчалила... Въ ней сидѣла и Анна Константинова, безъ узелка и котомки, одна со своимъ горемъ; взглядъ ея, устремленный вдаль, видѣлъ что-то прекрасное, чего не видѣли другіе... А гребцы, увозя плѣнныхъ и награбленную добычу, пѣли дикую побѣдную пѣснь.

До сихъ поръ я былъ зрителемъ высадки, теперь началась посадка: прибыли возвращающіеся изъ Іерусалима.

Съ одной стороны бортъ вынутъ; Арабы и русскіе матросы, опираясь другъ на друга, стерегутъ пассажира, который, будучи приподнятъ снизу, какъ палка торчитъ изъ качающейся лодки; если ее высоко и плавно вскинетъ волной, онъ схваченъ поперекъ туловища, и все кончено; но иныхъ успѣваютъ поймать лишь за кисти рукъ и выволакиваютъ, какъ крупную рыбу. При этомъ ловцы, чтобы не упасть въ воду, должны тащить *на себя*, и пойманный вступаетъ на *Константинъ*, проѣхавшись лицомъ и грудью по углу, образуемому палубой и бокомъ судна. Иногда, дотащивъ поклонника до пояса, ловцы потеряютъ равновѣсіе, и онъ снова опустится до самыхъ кистей. Женщины съ перепугу падали въ обморокъ.

Коренастый солдатикъ весь въ медаляхъ и съ привязаннымъ у пояса чайникомъ, еще изъ лодки смѣшилъ матросовъ.

— Ишь кавалеръ-то какой тяжелый, говорили они, когда появившаяся было надъ палубой голова съ серьгою въ ухѣ опять скрылась изъ виду.

— Небось, не поклонница! Тяни, знай! отозвался голосъ за бортомъ.

Прежде чѣмъ ступить на ноги, кавалеръ успѣлъ снять и надѣть картузъ, сказавъ: „здорово ребятушки, спасибо вамъ!" затѣмъ самъ сталъ въ цѣпь и съ шутками да съ прибаутками принялся тащить довольно сомнительную странницу.

— Что̀ за притча, братцы? Щеки-то какъ полотно бѣлыя, а носъ красный.

—

Часъ спустя капитанъ быстро вошелъ въ мою каюту, гдѣ я лежалъ, утомленный вышеописанною суматохой.

— Семенъ Семеновичъ, что̀ съ вами? вы взволнованы...

— Конечно, досадно; еще слава Богу, что не на пароходѣ...

— Что̀ же случилось?

— Пятеро пассажировъ потонуло... Лодка, куда сѣли черномазые съ папахами, разбилась о рифъ саженяхъ въ пятидесяти отъ берега. Американцы, что̀ сейчасъ приплыли разсказываютъ... Совсѣмъ близко отъ нихъ; кинулись было спасать, навалились на весла, да тѣ недолго пробарахтались. Одинъ будто все еще держался... подошли,—а это шелковый платокъ на камнѣ волной полоскало...

— Какъ, всѣ погибли—и ваша красивая поклонница, и дѣвочка?

— Всѣ...

— И гребцы?

— Бьюсь объ закладъ, что головорѣзы выплыли, если только акулы не поглотали.

Капитанъ умолкъ. Вѣроятно онъ вспомнилъ странное упорство оставшагося на *Константинѣ* Черкеса, но не заговорилъ со мной о предчувствіяхъ. На насъ нашло тихое раздумье, какъ всегда бываетъ, когда смерть близко пройдетъ мимо.

II

Портъ-Саидъ, 14-го января.

Всесильно обаяніе „мирной пристани“ для тѣхъ, кого качало трое сутокъ къ ряду, и я не могу безпристрастно говорить о Портъ-Саидѣ. Въ блескѣ радостнаго лѣтняго дня онъ показался мнѣ живымъ и одухотвореннымъ. Я былъ увѣренъ, что шаловливые, смѣющіеся домики съ верандами и большими окнами навѣрно разбѣжались бы по пустынѣ, еслибы строгимъ гувернеромъ не сторожилъ ихъ великанъ-маякъ; одинъ бокъ его былъ въ пятнахъ табачнаго цвѣта; онъ не просохъ послѣ дождя и града, что̀ шли здѣсь третьяго дня.

Съ *Константина* невѣсть на какое разстояніе видны гряды волнъ, вздувающіяся пѣною на чертѣ песчанаго берега, и чудится—то не берегъ, а та же пѣна разостлалась гладью докуда хватаетъ зрѣніе. На югѣ, за городомъ, другимъ моремъ сверкаетъ на солнцѣ озеро Мензалэ, и въ ослѣпительной дали какъ точка чернѣетъ трехмачтовое судно на пути изъ Суэза. Послѣ гористыхъ береговъ, преслѣдовавшихъ васъ отъ самаго Константинополя, всею душой впиваешь благодать степнаго простора.

По сходнямъ прямо съ палубы спустился я на широкую набережную. Основанный всего лѣтъ десять назадъ, городъ находится въ порѣ младенчества; говорятъ, въ будущемъ онъ много обѣщаетъ, но теперь Портъ-Саидъ милъ какъ ребенокъ, и мнѣ грустно думать, что онъ съ лѣтами выростетъ. Дома двухъэтажные, одинъ въ одинъ, не успѣли сплотиться въ скучные прямолинейные ряды; тихія и безлюд-

ныя улицы только намѣчены; мостовую замѣняютъ песокъ и раковины, еще не опозоренные слѣдами колесъ.

На площади, противъ гостиницы „Франція", нѣсколько деревьевъ, покрытыхъ мелкими какъ бисеръ коралловыми ягодами, окружили павильйонъ для оркестра и бассейнъ съ нильскою водой (ее гонятъ посредствомъ паровой машины изъ Измаиліи). Площадь, гостиница, бассейнъ и въ немъ золотыя рыбки—все одинаково миніатюрно.

Зелени хотя и мало, но породы растительнаго царства весьма разнообразны. Въ кукольномъ садикѣ мѣстнаго агента Русскаго Общества есть даже финиковая пальма, немногимъ выше роста человѣческаго.

— Эти бобы, вьющіеся на заборѣ, очень красивы когда цвѣтутъ, говорилъ словоохотливый агентъ, Бельгіецъ родомъ;—вообще лѣтомъ у меня хорошо, все такъ и лѣзетъ изъ земли, распускаются всякіе цвѣты, если ихъ хорошенько поливать, бананъ даетъ роскошную тѣнь, листьевъ на немъ куда больше; mais maintenant que nous sommes en plein hiver... И онъ вытеръ фуляромъ свой потный лобъ; жилетъ его былъ разстегнутъ

Хотя Портъ-Саидъ лежитъ внѣ поворотныхъ круговъ, онъ имѣетъ совсѣмъ тропическую наружность: надъ верандой, поддержанною легкими столбами, далеко выступили края крышъ; попугаи—сѣрые съ розовыми головками, зеленые съ задраннымъ вверхъ хвостомъ, красные съ глупымъ выраженіемъ лица—кричатъ и качаются въ клѣткахъ; у воротъ на привязи сидятъ беззаботныя обезьянки; въ лавкахъ—склады китайскихъ издѣлій и остъиндскихъ рѣдкостей, до того дешевыхъ, что въ какіе-нибудь полчаса можно окончательно разориться.

Александрія 15-го—18-го января.

И небо, и вода бирюзоваго цвѣта... Въ послѣдній разъ прохаживаемся съ Семеномъ Семеновичемъ по мостику. Предъ нами, на носовой части, цѣлое стадо свиней, взятыхъ на бортъ вчера: отъ бугшприта до кухни некуда яблоку упасть. Новымъ путешественникамъ отгородили сравни-

тельно мало пространства для того, чтобъ они не побились дорогой, но одинъ задохся вслѣдствіе тѣсноты и (по увѣренію ресторатора, подавшаго намъ къ завтраку свиныя котлеты) былъ выкинутъ въ море. Въ Портъ-Саидѣ, когда ихъ грузили—особымъ способомъ, за заднія ноги—свиньи пронзительно визжали. „Больше отъ нѣжности", объяснялъ капитанъ; „повѣрьте, имъ совсѣмъ удобно". Въ настоящую минуту онѣ хрюкаютъ и грызутся между собою, являя безобразную смѣсь рылъ, ушей студенемъ, и хвостовъ завиткомъ.

— Каково зрѣлище? обратился ко мнѣ Семенъ Семеновичъ;—не даромъ свинью свиньей назвали... Знайте же, что Арабъ хуже свиньи (я просилъ капитана, какъ человѣка бывавшаго въ Египтѣ, дать мнѣ нѣкоторыя напутственныя наставленія)... Арабъ во сто разъ хуже, и въ сношеніяхъ съ нимъ совѣтую вамъ не слѣдовать русской пословицѣ: *замахнись да не ударь*, иначе онъ васъ самъ, если и не ударитъ, то кровно оскорбитъ. Первымъ дѣломъ вы конечно купите себѣ трость...

Я было заикнулся о человѣческомъ достоинствѣ.

— Человѣческое достоинство?... А еще хотите ѣхать вверхъ по Нилу, въ Нубію... Стыдитесь! Если вы такой деликатный, вамъ немедленно, изъ Александріи же надо возвратиться восвояси.

И Семенъ Семеновичъ привелъ нѣсколько случаевъ назойливости и мошенничества Арабовъ.

— Знаете ли, напримѣръ, что сдѣлали со мной эти душегубы внутри большой пирамиды. Одного туда не пускаютъ, да я ни за какія деньги не пошелъ бы одинъ. Повлекли меня за руки двое Арабовъ съ огарками. Сначала спускаешься внизъ покатымъ корридоромъ, аршина въ полтора вышины; приходится идти, перегнувшись вдвое; чѣмъ дальше, тѣмъ душнѣе. Потъ лилъ съ меня градомъ. Наконецъ мы выпрямились и полѣзли вверхъ; потолокъ поднялся высоко, еле видно. Идемъ бокомъ по узкому выступу вдоль стѣны, подъ ногами пропасть безъ дна, по ту сторону въ стѣнѣ тоже выступъ... Вдругъ искусители остави-

ли мои руки и перескочили на тотъ бокъ. Гляжу—сѣли, свѣсивши ноги, и сидятъ; огарки приставили вплотную къ стѣнѣ; огонь лижетъ камень, коптитъ, и уже ровно ничего не видно, только тѣни какія-то ходятъ. „Что же вы, черти?“ спрашиваю.

Отвѣчаютъ, что устали и что безъ бакшиша дальше не поведутъ.

— Такъ ведите же, мародеры, назадъ.

— И назадъ не можемъ, тяжело безъ бакшиша...

По-арабски я не умѣю, мы больше знаками объяснялись. Еще предъ тѣмъ, какъ лѣзть внутрь, я вынулъ изъ кармана кошелекъ, отстегнулъ запонки, снялъ даже обручальное кольцо и все отдалъ въ руки оставшемуся наружи товарищу, словомъ для Арабовъ демонстрацію сдѣлалъ: съ меня молъ взятки гладки. Какъ видите, не помогло. Ужь я кричалъ, ругался, грозилъ имъ судомъ и каторгой, а пошевельнуться боюсь... Этакъ они меня, подлецы, съ четверть часа продержали. Хорошо и то, что со мной револьвера не было: одного я застрѣлилъ бы, другой бы убѣжалъ, а безъ посторонней помощи я не сумѣлъ бы выбраться назадъ.

Мы приближаемся къ Александріи. Слѣва тянется линія земли; въ одномъ мѣстѣ можно различить кучу строеній,— это крѣпость Абукиръ. Впереди, гдѣ небо сходится съ водой, въ бинокль видны махры пальмъ; стволы ихъ показываются мало-по-малу,—иные уже совсѣмъ поднялись, вынурнула даже узкая кайма берега, а дальше всплываютъ новыя верхушки, и пальмы растутъ изъ моря какъ грибы. Мнѣ въ первый разъ приходится быть свидѣтелемъ подобнаго явленія, служащаго нагляднымъ доказательствомъ шарообразности нашей планеты. Появились еще зданія,—мѣстечко Рамли, подгородныя дачи. За ними начинается Александрія. Видъ ея не живописенъ: далеко растянувшаяся полоска бѣлыхъ домовъ, маякъ какъ черточка, и всюду низменные берега.

У входа въ гавань есть подводные камни, и навстрѣчу *Константину* выѣхалъ лоцманъ, совершенно излишній въ

такую тихую погоду какъ сегодня. Когда мы вошли въ портъ, городъ исчезъ за частыми мачтами.

Прежде чѣмъ *Константинъ* отыскалъ свою бочку, на ютъ вскарабкалось множество разсыльныхъ изъ гостиницъ. Они было приступили къ Американцамъ изъ Яффы, но распознавъ въ нихъ, по нѣкоторымъ крутымъ пріемамъ людей тертыхъ, обратили всю свою обязательность на меня. Изъ Портъ-Саида я по телеграфу просилъ вицеконсульство наше въ Египтѣ выслать за мной каваса и потому не нуждался въ ихъ услугахъ.

Вотъ одинъ тихонько суетъ мнѣ подъ носъ карточку съ надписью: „Hôtel d'Orient".

— „Best hotel", * произноситъ онъ внушительно-конфиденціальнымъ тономъ.

— Пожалуста, не вѣрьте ему, sir, возражаетъ другой и вытаскиваетъ свою карточку „Hôtel d'Europe".

— Не нужно, говорю я, убирайтесь!

Однако толпа увеличивается; предъ моими глазами мелькаютъ всевозможныя названія гостиницъ; нѣсколько оборванныхъ лодочниковъ дергаютъ меня за рукавъ... Я отмахиваюсь и тычу пальцемъ по направленію каваса, который подъѣзжаетъ къ пароходу; но они разгорячены, ничего не видятъ, не слышатъ; крики, брань, неистовыя лица... Минуту спустя, галдящіе Арабы влекутъ меня къ борту съ явнымъ намѣреніемъ утопить....

И вдругъ—тишина; всѣ разсыпались, какъ по колдовству.... Предо мной стоитъ Семенъ Семеновичъ и мощною рукой держитъ за шиворотъ одного изъ лодочниковъ.

— Что? спрашиваетъ онъ,—попробывали вы вашего человѣческаго достоинства?

Разстались мы съ капитаномъ друзьями. Онъ взялся отвезти моему константинопольскому товарищу,—тому что просилъ маленькаго невольника,—купленную въ Бейрутѣ палку сахарнаго тростника.

---

* „Лучшая гостиница". Въ Египтѣ самый распространенный изъ иностранныхъ языковъ—англійскій.

Сахарный тростникъ ѣдятъ, то-есть, отрѣзавъ колѣно, сосутъ мягкую внутренность; приторно и отзывается древесиной.

Кавасъ собралъ мои вещи и мы поѣхали, пробираясь между корпусами безчисленныхъ судовъ; лодка двигалась подъ звуки арабской дубинушки. Проворные, ловкіе, но слабосильные Арабы не въ состояніи дѣлать какую бы то ни было работу безъ круговой пѣсни, въ высшей степени унылой и монотонной.

Въ таможнѣ кавасъ ушелъ вести переговоры съ чиновниками, и меня снова обступили ненавистные коммиссіонеры. Одинъ—въ сюртукѣ безъ пуговицъ—окружалъ мою особу всякими попеченіями.

— Сколько у васъ мѣстъ? освѣдомлялся онъ озабоченно.

— Не ваше дѣло.

— Но если вы не знаете числа своихъ чемодановъ, вы легко можете ихъ растерять. Не хотите ли пройти направо здѣсь васъ безпокоютъ, къ тому же сквозной вѣтеръ...

— Покорно благодарю.

— Я нанялъ вамъ экипажъ.

— Напрасно. Отстаньте отъ меня наконецъ, со мной есть кавасъ.

— Гдѣ же онъ? я сейчасъ его приведу.

Впрочемъ при появленіи каваса, у котораго въ числѣ другихъ аттрибутовъ власти была обыкновенная палка, непрошеный покровитель скрылся...

Мнѣ хотѣлось поселиться поближе къ свободной стихіи; но лучшую гостиницу, Hôtel d'Angleterre, съ террасой надъ моремъ, недавно закрыли за долги; извощикъ повезъ меня въ Hôtel des Messageries, тоже на морскомъ берегу и недалеко отъ генеральнаго консульства.

Послѣ Перы, Александрія пріятно поражаетъ васъ своими широкими улицами, отличными тротуарами и мостовой. Еще неопрятные въ портовой части, дома къ центру города растутъ, хорошѣютъ и убираются вывѣсками. Place des Consuls иначе Place Mehemet-Ali—продолговатая площадь съ бульваромъ посрединѣ—щеголяетъ уже бронзовымъ мо-

нументомъ, бассейномъ и цѣльными окнами; въ магазинахъ можно найти

„Все, что въ Парижѣ вкусъ голодный,
Полезный промыселъ избравъ,
Изобрѣтаетъ для забавъ,
Для роскоши, для нѣги модной,
Все, чѣмъ для прихоти обильной
Торгуетъ Лондонъ щепетильный,“—

и еслибы не Бедуины, не турбаны, не пальмы, не живые какаду во дворахъ,—еслибы бронзовый памятникъ изображалъ не Турка, вы усомнились бы, что находитесь на Востокѣ, а не въ одной изъ европейскихъ столицъ.

„Messageries“ оказалась гостиницею средней руки. Плачу я въ сутки со столомъ и кофе двѣнадцать франковъ, за которые испытываю разныя неудобства. Положимъ съ утра до вечера я слышу прибой волнъ и днемъ видъ изъ моей комнаты, пожалуй, искупаетъ ея убогую меблировку. За то ночью стекла гремятъ отъ вѣтра, опущенный занавѣсъ, даже при закрытомъ окнѣ, вздымается парусомъ, и комары поютъ докучливыя пѣсенки надъ колеблющимся пламенемъ свѣчи; подъ пологомъ, необходимою въ этомъ краѣ принадлежностью всякой кровати, простыни и наволоки мокры, хоть выжми... При такой обстановкѣ и самый шумъ прибоя не навѣваетъ возвышенныхъ мыслей.

Сырость впрочемъ господствуетъ не въ одной этой гостиницѣ; въ январѣ въ городѣ всюду сыро, и только третій и четвертый этажи обитаемы. Состоятельные люди на зиму переѣзжаютъ изъ Александріи въ Каиръ. Лѣтомъ, наоборотъ, Каиръ несносно жаркій, пустѣетъ какъ Понтійскія болота; Александрія же дѣлается первенствующею столицей и резиденціей хедива.

Немедленно по пріѣздѣ я посвятилъ нѣсколько часовъ ознакомленію съ монетною системой и съ арабскимъ языкомъ—то и другое въ размѣрѣ, необходимомъ для путешественника, который не желаетъ, чтобъ его обсчитывали на каждомъ шагу.

Немного времени понадобилось кавасу, чтобы раскрыть мнѣ тайны египетскаго курса. Здѣшняя лира (приблизительно англійскій фунтъ стерлингъ) заключаетъ въ себѣ двадцать пять франковъ или сто піастровъ-*tarifs* (большіе серебряные піастры), или двѣсти піастровъ-*courants* (малые серебряные піастры), или четыреста мѣдныхъ піастровъ, или... но курсъ на мѣдь такъ измѣнчивъ и обращеніе ея въ городахъ такъ ничтожно, что о дальнѣйшихъ подраздѣленіяхъ говорить не стоитъ. Самыхъ мелкихъ денежныхъ знаковъ насчитываютъ въ лирѣ отъ трехъ тысячъ пятисотъ до четырехъ тысячъ и болѣе. Ассигнацій вовсе нѣтъ; золото ходитъ почти исключительно англійское; серебро преимущественно русское 84-й пробы—рубли, полтинники и четвертаки; четвертакъ равняется франку. Турецкаго золота и серебра никто не беретъ.

Лекція арабскаго языка (здѣсь разумѣется идетъ рѣчь не о классическомъ арабскомъ, а о египетскомъ разговорномъ), длилась гораздо долѣе, хотя для цѣли, какую я себѣ намѣтилъ, требовалось лишь запомнить слово: *камъ*, „сколько, сколько стоитъ“, и выучить числительныя имена до ста. Я уже зналъ ихъ по-турецки, но это обстоятельство ни къ чему не послужило.

На европейскихъ языкахъ умѣніе считать дается легко: названія однѣхъ и тѣхъ же цифръ сходятся довольно близко, напримѣръ наше *одинъ*, *два*, *три* напоминаетъ французское *un*, *deux*, *trois*, англійское *one*, *two*, *three*, греческое *ена*, *діо*, *тріа* и т. д.; турецкія же и арабскія числительныя имена не имѣютъ ничего общаго съ европейскими, а также ни чуть не сходятся между собой; *одинъ*, *два*, *три*, по-турецки: *биръ*, *ики*, *ючъ* (*utch*); по-арабски, *вахатъ*, *этнинъ*, *тлята*.

Окончивъ урокъ, я болѣе не опасался выйти на улицу безъ проводника и отпустилъ своего учителя; кавасъ поцѣловалъ концы пальцовъ и дотронулся до фески.

По разысканіи Русскихъ, выѣхавшихъ почти одновременно со мной изъ Константинополя на иностранномъ пароходѣ, я вмѣстѣ съ ними приступилъ къ осмотру достопримѣчательностей.

Въ Александріи почти нечего смотрѣть. Единственный памятникъ древне-египетской культуры это обелискъ „Игла Клеопатры“ *. Хотя онъ и сохранилъ въ неприкосновенности свои загадочные іероглифы, воображеніе не уносится въ древность: кругомъ, груды мусора отъ новѣйшихъ построекъ, возлѣ не кстати тянется досчатый заборъ и не кстати высятся трехъэтажные дома, моя невзрачная гостиница въ двухъ шагахъ...

Дворецъ хедива не производитъ никакого впечатлѣнія послѣ султанскихъ дворцевъ въ Константинополѣ, Долма-Бахче и Черагана; онъ много уступаетъ имъ въ размѣрахъ и великолѣпіи. Характеръ впрочемъ одинаковый: по частямъ все богато и изящно, въ общемъ та же безвкусица и смѣсь турецкаго съ европейскимъ; такіе же полулакеи, получиновники, безмолвно распахиваютъ предъ посѣтителемъ двери, откидываютъ чехлы съ мебели, снимаютъ настилку съ паркета, блестящаго какъ крышка палисандроваго рояля...

Въ одномъ изъ предмѣстій, надъ кучею мелкаго камня и песку, стоитъ „Помпеева колонна“, неизвѣстно кѣмъ и когда воздвигнутая. Около нея куполообразными бѣлыми памятниками, на подобіе безлюднаго города, раскинулось мусульманское кладбище (умершихъ отъ холеры въ 1838 году). По всей мѣстности неотвязчивыя дѣти просятъ милостыню, съ каждою минутой увеличиваясь въ числѣ; піастры ваши скоро истощаются, и не поспѣвшія вовремя попрошайки глядятъ голодными волченятами, которыхъ обнесли говядиной. Рядомъ въ школѣ, до половины зарывшейся въ щебень, учатся такія же грязныя, взаперти еще болѣе жалкія дѣти (исключительно мальчики). Держа предъ собою деревянныя доски, съ профилью двойной сходящейся къ верху лѣсенки (ихъ обыкновенно рисуютъ въ рукахъ у святыхъ), они покачиваются съ боку на бокъ на поджатыхъ ногахъ и читаютъ вслухъ Коранъ. Многіе декламируютъ наизусть, и не одна пара лукавыхъ глазокъ, пока уста бормочутъ священные стихи, смотритъ въ единственное окно,

* Его съ тѣхъ поръ увезли въ Англію.

гдѣ столпились любопытные иностранцы. Нѣкоторые—неизвѣстно въ награду или въ наказаніе—плетутъ у ногъ наставника корзины. Лѣнтяи сами выдаютъ себя: прервавшій чтеніе невольно прекращаетъ свои колебанія.

Замѣтивъ насъ, мулла вызвалъ перваго ученика. Остальные смолкли. Мальчикъ сѣлъ на циновку между корзинщиками и закачался... Я никогда не наслушался бы его пѣвучаго голоса, а непонятная рѣчь звучала такъ сладко, что мнѣ захотѣлось серіозно учиться арабскому языку, не однимъ числительнымъ именамъ. Казалось, ребенокъ молилъ, чтобъ его выпустили на свободу изъ душной комнаты, туда гдѣ такъ свѣтло и привольно, гдѣ вьются ласточки, гдѣ другія дѣти копаются въ сору и просятъ бакшишъ... Непреклонный мулла безучастно сидѣлъ на своемъ коникѣ, словно на тронѣ, и лишь изрѣдка грозилъ палкой шалунамъ въ заднихъ рядахъ.

Бродить по восточному городу, не задаваясь никакою цѣлью, куда глаза глядятъ, къ тому же бродить одному, гораздо пріятнѣе, чѣмъ, слѣдуя предписаніямъ *Путеводителя,* осматривать дворцы и памятники.

Отдѣлавшись подъ вымышленнымъ предлогомъ отъ какихъ-то Клеопатровыхъ ваннъ (такъ зовутъ въ одномъ кварталѣ груды щебня на берегу моря), я пошелъ пѣшкомъ на гулянье „вдоль канала".

Прежде всего попалъ на Площадь Консуловъ. Она немного напоминаетъ Тверской бульваръ въ Москвѣ, но дома здѣсь красивѣе, деревья выше, а бульварные заборчики замѣняютъ фестоны прикованной къ желѣзнымъ тумбамъ цѣпи; въ кофейняхъ ѣдятъ мороженое, какое умѣютъ дѣлать только на Югѣ. Всякое подобіе съ Москвою исчезаетъ при видѣ прохожаго люда: навстрѣчу, напримѣръ, движется разнощикъ, до того увѣшанный щетками и вѣниками, что за ними не видать его одеждъ, и трудно догадаться, къ какому полу онъ принадлежитъ; Арабъ обѣдаетъ на ходу, пользуясь странною салфеткой: оторвавъ кусокъ блинчатаго хлѣба, тонкаго какъ бумага, онъ утираетъ имъ руки, губы и затѣмъ отправляетъ въ ротъ; Мавръ съ неизбѣжными на-

рѣзами на щекахъ продаетъ чудесные цвѣты, надъ которыми хитро устроилъ зонтикъ изъ листьевъ банана. Но на все надо смотрѣть вскользь, равнодушно, чтобы нищіе и ослятники не узнали въ васъ пріѣзжаго „и обратившись не растерзали васъ“. Я насилу ушелъ отъ уродливаго негра, на котораго взглянулъ пристально, и который за это неотступно требовалъ съ меня вознагражденія.

Миновавъ зданіе новаго международнаго суда, я свернулъ въ безконечную улицу, напослѣдокъ обращающуюся въ аллею акацій и особаго рода сосенъ съ длинными мягкими иглами. У тротуаровъ остались однѣ изгороди, дома ушли въ чащу кактусовъ и финиковыхъ рощъ. Здѣсь уже не слыхать городскаго шума: лѣниво перекликаются слободскіе пѣтухи, большіе, плоскіе стручья слабо шелестятъ надъ головой, да у прилѣпившейся къ оградѣ мазанки сѣдой старикъ въ чалмѣ булькаетъ кальяномъ.

Улица упирается въ крѣпостные ворота (Porte de Rosette). За ними конецъ городу. Часовые въ красныхъ мундирахъ съ недоумѣніемъ проводили меня взоромъ въ неподвѣдомственную имъ ширь: вѣроятно рѣдкій Европеецъ доходитъ сюда пѣшкомъ, а до канала и гулянія еще далеко.

За городомъ—буерачная, песчаная пустыня съ оазисами нарядныхъ мызъ; исчезнувшая было аллея появляется урывками, какъ ракиты на нашихъ заброшенныхъ большихъ дорогахъ; степь пересѣкаютъ рельсы желѣзной дороги изъ Александріи въ Каиръ. Дальше арабская деревня показываетъ свои деревенскія идилліи: у колодца собралась живописная группа Египтянокъ; обнаженныя темныя руки съ массивными запястьями изъ серебра поддерживаютъ на головѣ узкогорлый кувшинъ; изъ-подъ черныхъ юпокъ видны выше щиколотки стройныя ноги; жаль, что лица закрыты по самые глаза *); неотмываемо-испачканные, должно-быть проголодавшіеся ребятишки играютъ пылью и, замѣсивъ ее въ тѣсто, стряпаютъ пирожки; въ сосѣдствѣ уличные ще-

* Въ Египтѣ только горожанки завѣшиваютъ лице и то невсегда.

нята неумѣло пьютъ жидкую грязь изъ лужи, и розовые язычки ихъ просвѣчиваютъ на солнцѣ.

Не стѣсненный обществомъ спутниковъ, останавливаясь, гдѣ вздумается, и подвигаясь не спѣша, я пришелъ на каналъ только вечеромъ. Впрочемъ гулянье было въ полномъ разгарѣ; по набережной вдоль садовъ съ легкими рѣшетками неслись ландо, four in hands, кавалькады... Глядя на модные экипажи изъ Парижа съ шорною упряжью, на молодыхъ людей со стеклышкомъ въ глазу, до носу укутанныхъ въ пледы, на дамъ съ прекраснымъ румянцемъ и съ перьями въ слишкомъ бѣлокурыхъ волосахъ, опять не вѣришь,. что дѣйствіе происходитъ въ Африкѣ.

Мѣстность красива и привольна. Гладкая поверхность воды отражаетъ паруса и зелень. На томъ берегу—поселки точно земляныя кучи, луга безъ конца, и вдали широкіе какъ озера разливы Нила.

У однихъ воротъ, гдѣ растутъ пирамидальные тополи и стоятъ полицейскіе въ длинныхъ балахонахъ, прибиты справа и слѣва надписи на французскомъ языкѣ: „по высочайшему указу охотиться воспрещается"—„садъ его высочества вице-короля открытъ для публики каждыя пятницу и воскресенье". Въ тотъ день была пятница; я вошелъ въ садъ и потерялся средь кущей банановъ, бѣлыхъ душистыхъ алоэ и множества другихъ неизвѣстныхъ мнѣ растеній. Хотя зима и здѣсь наложила свою печать, но нѣкоторые цвѣты еще пестрѣютъ по клумбамъ, съ деревьевъ свѣсились желтые бархатные шарики, на саженныхъ стебляхъ колеблются пунцовые листья, и разнообразіе оттѣнковъ при жаркомъ южномъ освѣщеніи является дивною музыкой для взора. Въ Египтѣ, даже всякая выцвѣтшая тряпка блеститъ на солнцѣ какъ драгоцѣнность.

Поздно собрался я домой; на набережной никого уже не было. Смеркалось. Въ догоравшей зарѣ, надъ равниною болотъ и луговъ, серебряною ниткой зажегся новорожденный мѣсяцъ; выше, въ таинственной и чудной синевѣ незнакомаго неба, блестѣла яркая звѣзда...

— Bon chouval! раздалось у меня надъ ухомъ, и Арабъ заслонилъ мнѣ дорогу своимъ осломъ.

Я очень утомился и охотно бы поѣхалъ, еслибъ оселъ не былъ такъ тщедушенъ и малъ, а погонщикъ не походилъ на Мефистофеля. Отрицательно мотнувъ головой—снизу вверхъ, по-восточному—я прошелъ мимо; но Арабъ призналъ во мнѣ иностранца.

— Good! his name Bismark; Bismark—good Esel! говорилъ онъ, очевидно принимая меня за Нѣмца и желая польстить національному самолюбію.

Ослятникъ вскорѣ понялъ, что я не поѣду, хотя бы по одному упрямству, и въ отместку рѣшилъ вывести меня изъ терпѣнія, чего, сознаюсь, достигъ вполнѣ.

— Moussiou! Good Esel! good donkey! твердилъ онъ на всѣхъ языкахъ no good—no money (т.-е. если не понравится не возьму съ васъ денегъ) pourquoi ne voulez pas? voulez colonne Pompée? voulez Cléopatre? conosco la cita.... карошъ donkey! courir bon! И полусонный оселъ, понукаемый сзади, преграждалъ мнѣ дорогу. Было ясно, что хозяинъ его дразнитъ меня: поворачиваю ли я направо, налѣво, назадъ, иду ли берегомъ или направляюсь къ рѣшеткѣ, гдѣ безстрастно дремлетъ городовой, всюду наперерѣзъ моему пути лѣзутъ длинныя уши, затѣмъ шея съ подстриженною гривой, горбатое сѣдло,—и Арабъ сатанински улыбается. Не имѣя съ собой ни трости, ни револьвера, я готовлюсь схватить его за горло и, подвергаясь непріятности быть побитымъ, такі выцарапать ему глаза... Но вотъ полицейскій, видно сжалившись надо мною, отдѣлился отъ ограды, идетъ навстрѣчу....

Что̀ это? на немъ не феска, а русская форменная фуражка...

— Здравствуйте, Человѣческое Достоинство! говоритъ онъ.

— Семенъ Семеновичъ; вы ли!

Да, это былъ Семенъ Семеновичъ; въ поискахъ за коляской, въ которой пріѣхалъ на гулянье, капитанъ, замѣтивъ

меня и ослятника, притаился, чтобы „наблюдать за развитіемъ сцены“.

— Погодите, воскликнулъ онъ послѣ первыхъ привѣтствій, я съ этимъ дьяволомъ расправлюсь по-своему....

Но злой духъ, вскочивъ на Бисмарка, уже умчался въ голубыя сумерки.

III.

Каиръ 19—27 января.

Быстро пронеслись мимо оконъ вагона песчаные бугры, мызы, перемежающаяся аллея, и предо мной въ утреннемъ блескѣ разостлалась Дельта съ зеленью молодыхъ всходовъ, со свѣтлыми поймами Нила, съ гнѣздами пальмъ на горизонтѣ. Поѣздъ несется то по болоту, вспугивая чибезовъ и шустрыхъ песочниковъ, то чрезъ плантаціи маиса, и дурры *, то надъ гладью озеръ—разливовъ; по ихъ берегамъ, Богъ вѣсть гдѣ, дымятся невидимыя деревеньки.

Взглядъ ловитъ на лету исчезающія одна за другою картины. На красноватыхъ прутикахъ хлопчатника тамъ и сямъ торчатъ забытые клочки ваты, будто шерсть оставленная въ терновникѣ стадомъ овецъ. Подъ вѣтромъ слегка зыблется нива сахарнаго тростника. Двое Арабовъ въ ветхозавѣтныхъ хитонахъ орошаютъ первобытнымъ способомъ поле: раскачивая привязанную на веревкахъ корзину, черпаютъ ею воду изъ одной ямы и выплескиваютъ въ другую, на высшемъ уровнѣ; отъ послѣдней въ разныя стороны проведены канавы. Надъ землей выдѣляется селеніе сплошнаго шоколаднаго цвѣта, безъ улицъ, безъ оконъ, съ кучами навоза вмѣсто крышъ, точь-въ-точь разметанный муравейникъ. Женщины, остановившись у рельсовъ, смотрятъ на быстро несущійся поѣздъ; ихъ движенія, одежда, лица, на плечахъ голыя дѣти, бронзовыя отъ загара, все носитъ печать какой - то библейской простоты. Черные буйволы лѣниво

* Родъ проса, sorghum.

уходятъ отъ грома и стука вагоновъ. По лугу, въ травѣ, развалисто гуляютъ священные ибисы, сверкая на солнцѣ ослѣпительною бѣлизной; они не боятся людей: исполненный суевѣрій человѣкъ и понынѣ не тревожитъ своихъ древнихъ боговъ.

Къ полудню на югѣ засинѣли холмы Нильской долины. и темный пологъ дыма и пыли нависъ надъ чертою земли. Отъ Каира видны лишь тонкіе какъ иглы минареты, но верблюды почуяли близость большаго города и бодрѣе выступаютъ по шоссе вдоль полотна желѣзной дороги (они несравненно тщедушнѣе и обтертѣе смирнскихъ; тѣ двугорбые, эти одногорбые). Движеніе кругомъ усиливается. Чаще попадаются дачи, сады. группы феллаховъ... Справа, одѣтыя въ опаловый туманъ, показались большія пирамиды.

Часа четыре послѣ выѣзда изъ Александріи локомотивъ засвистѣлъ, прощаясь съ Дельтой, и кондукторъ въ чалмѣ, просунувшись снаружи въ окно, отобралъ у меня билетъ.

На вокзалѣ облѣпившимъ меня garçons de place я выразилъ желаніе ѣхать въ Hôtel Abbat, гдѣ обѣщали остановиться мои Русскіе.

— Yes! come, come, пожалуйте, Hàpad's Hôtel, торопливо возгласилъ одинъ; но послѣднія слова были произнесены невнятно.

— Не Hàpad's Hôtel, а Abbats Hôtel, поправилъ я.

— The, same, sir, no difference,—одно и то же, нѣтъ разницы, и онъ приказалъ багажнымъ взять мои вещи.

— Я подоспѣлъ вовремя, sir, промолвилъ у меня за спиною другой, совсѣмъ столичный коммиссіонеръ въ позументахъ и въ галунной фуражкѣ, которая впрочемъ была почему-то надѣта задомъ напередъ;—этотъ обманщикъ хочетъ везти васъ въ Shepherd's Hôtel и, глотая буквы, выговариваетъ Hàpad's Hôtel.

— No difference,—all the same, пробормоталъ уличенный и скрылся въ толпѣ артельщиковъ.

— Я—служитель Hôtel Abbat, рекомендовался тѣмъ временемъ мой избавитель и, вынувъ изъ кармана книгу—

тоже съ галуномъ,—бойко прочелъ нѣсколько русскихъ фамилій.

Садясь на козлы нанятаго для меня извощичьяго ландо, онъ какъ слѣдуетъ надѣлъ фуражку и затараторилъ по-арабски съ кучеромъ.

Каиръ сразу не производитъ цѣльнаго впечатлѣнія: чтобы понять его прелесть, надо приглядѣться, привыкнуть къ нему какъ къ лагунамъ Венеціи; вдобавокъ, когда я впервые проѣзжалъ по его широкимъ улицамъ, народу встрѣчалось мало, лавки были заперты и собаки спали, свернувшись въ клубочки *: отъ полудня до 3 часовъ, нѣжась на солнцѣ, отдыхаетъ весь Египетъ. Въ началѣ меня удивило лишь кажущееся отсутствіе кровель, точно хамзинъ сорвалъ ихъ съ домовъ и минаретовъ и унесъ въ степь, да чадъ, такъ густо висѣвшій надъ городомъ, теперь раздался темно-сѣрымъ кольцомъ по кругозору, и высоко въ свѣтломъ небѣ парили коршуны.

Близъ публичнаго сада, въ центрѣ столицы, красуется большое зданіе, съ виду дворецъ.

— Гостиница, доложилъ разсыльный, отворяя дверцы экипажа.

На террасѣ съ колоннами и вьющимися растеніями сидѣли туристы, преимущественно Англичане и Американцы,—дамы въ нарядныхъ costumes de voyage, мущины съ биноклями черезъ плечо, съ кисейнымъ тюрбаномъ вокругъ шляпы и въ парусинныхъ башмакахъ на подобіе сандалій или мокасиновъ.

Прежде чѣмъ я успѣлъ выйти, коляску мою окружили Арабы съ завернутыми въ тряпки старинными монетами, съ ожерельями поддѣльныхъ каменныхъ жучковъ (scarabés), съ сушеными крокодилами и прочею дрянью. Мальчикъ въ панталонахъ, но безъ рубашки, мечется какъ бѣсноватый и потрясаетъ ржавымъ желѣзнымъ кольцемъ, выкрикивая: „real antic!“ ** Двое слѣпыхъ бредутъ за милостыней; одинъ

* Уличныя собаки, приближающіяся къ волчьему типу и распространенныя по всему Востоку.

** Настоящее древнее.

поддерживаетъ другому голову, будто иначе она отвалится; лицо у головы рябое, глаза съ бѣльмами, идіотски раскрытый ротъ... Только на Востокѣ находишь такіе образцы человѣческаго безобразія.

Основываясь на слухахъ, я составилъ себѣ самое скромное понятіе объ Hôtel Abbat и недоумѣвалъ при видѣ его мраморной лѣстницы, длинныхъ корридоровъ, убранства залъ. Въ столовой завтракало не менѣе полутораста человѣкъ; вокругъ суетились лакеи во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ; блюда, по большей части приправленныя кайенскимъ перцемъ и пикулями, чередовались нескончаемо. Одно не согласовалось съ общею роскошью: среди изящной посуды и хрусталя вода стояла въ необожженныхъ глиняныхъ кувшинахъ; графиновъ въ Египтѣ не употребляютъ.

Если здѣсь все такъ богато, подумалъ я, каковы же должны быть лучшія каирскія гостиницы,—Grand New-Hôtel напримѣръ,—и, случайно взглянувъ на заголовокъ *menu*, я къ великому своему изумленію прочелъ именно это самое названіе:

„Grand New-Hôtel“

Когда же на стѣнѣ въ рамкѣ замѣтилъ изображеніе увитыхъ ліанами террасы и колоннъ съ надписью: „Grand New-Hôtel“. завѣса окончательно спала съ моихъ глазъ...

Въ офиціантской, куда послѣ десерта перешли посѣтители, коммиссіонеръ, забывъ о моемъ существованіи, принималъ новыхъ путешественниковъ; на мѣдной бляхѣ поверхъ его козырька тоже стояло: „Grand New-Hôtel“!

Настоящій Hôtel Abbat (я перебрался туда немедленно) поистинѣ бѣдная гостиница всего съ четырнадцатью нумерами, но и въ послѣдней ея коморкѣ господствуетъ духъ чистоты и опрятности. Прибывшему съ перваго же дня становится покойно и уютно, словно попалъ онъ въ давно забытый край: все ему мило: и донельзя истертыя ступеньки лѣстницы, и кисейные пологи кроватей, и въ комнатахъ запахъ не то гари, не то сухой глины....

Однако соотечественниковъ моихъ тутъ не было: они измѣнили данному слову. Двѣ молодыя четы, странствующія, чтобы себя показать и людей посмотрѣть, остановились для таковой цѣли въ только что покинутомъ мною Grand New-Hôtel. Товарищъ моего дѣтства,—съ которымъ я былъ душевно радъ встрѣтиться вдали отъ родины и между тѣмъ не находилъ о чемъ сказать пары словъ,—избралъ Hôtel du Nil. Поэтъ-философъ, ѣхавшій собственно въ Римъ и попавшій въ Египетъ только по разсѣянности а также пріятель его, просто философъ, поселились было въ Hôtel Abbat, но вскорѣ изъ экономіи перешли въ chambres garnies, — гдѣ съ обѣдами въ табльдотахъ пребываніе въ Каирѣ стало обходиться имъ по крайней мѣрѣ въ полтора раза дороже. Моимъ сожителемъ былъ лишь генералъ Ѳедоровъ *, насмѣшникъ и острякъ большой руки, отъ котораго доставалось намъ всѣмъ, а философамъ же въ особенности. Про послѣднихъ генералъ выдумывалъ всякія небылицы, увѣрялъ, напримѣръ, будто друзья отправились однажды гулять за городъ и недѣлю безсознательно проскитались въ Ливійскихъ пескахъ, споря о томъ, кто изъ нихъ двухъ настоящій, абсолютный *я*.

Къ несчастію въ Аббатѣ помѣщаются нѣсколько чахоточныхъ. Ночью ихъ удушливый кашель не даетъ мнѣ спать, а присутствіе за общимъ столомъ наводитъ на грустныя размышленія. Особенно жалокъ молодой Швейцарецъ, на послѣднія деньги пріѣхавшій сюда лѣчиться; равнодушный ко всему, онъ однако дрожитъ отъ жадности, когда мимо него проносятъ какое-либо блюдо. Рядомъ обыкновенно садится пожилая женщина въ старомодномъ чепцѣ и поношенномъ платьѣ; она ухаживаетъ за сосѣдомъ какъ за ребенкомъ: рѣжетъ ему жаркое, наливаетъ воды (онъ не въ силахъ поднять кувшина). Въ то время какъ она украдкой смотритъ на больнаго и слѣдитъ за его движеніями, безконечная любовь и безконечное горе свѣтятся въ ея взглядѣ: мать видитъ, что сыну не поможетъ и Египетъ.

---

* Вымышленное имя.

*
* *

Другая жизнь, другіе дома, другіе люди, и я слоняюсь одинъ по невѣдомому городу. Легко на душѣ, нѣтъ дѣла ни до кого, и до меня никому нѣтъ дѣла. Туземцы, обманутые напускнымъ моимъ презрѣніемъ и холодностью къ окружающему, оставляютъ меня въ покоѣ. Идти удобно. Въ Константинополѣ все вниманіе, всѣ мысли пѣшехода устремлены подъ ноги; здѣсь же тротуары превосходны, и кто любитъ ходить пѣшкомъ, можетъ даромъ наслаждаться зрѣлищемъ пестрой толпы, какой за деньги не увидитъ ни въ одномъ маскарадѣ.

Впрочемъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ гостиницы, на стезѣ моихъ первыхъ изслѣдованій, всталъ большой бѣлый оселъ.

— My name is Tolbee, промолвилъ погонщикъ, кривой Арабъ.—Take donkey and you will be satisfied *.

Я не забылъ еще александрійскаго Мефистофеля и наотрѣзъ отказался ѣхать. Скрывшись въ одномъ направленіи, ослятникъ, минуту спустя, прискакалъ съ противоположной стороны и повидимому не узналъ меня.

— Take donkey, снова предложилъ онъ: his name is Hector because very clever; best animal in all Egypt ** Вѣроятно здѣсь такая мода представлять ословъ по имени.

Я повелъ бровями снизу вверхъ, сокращенный знакъ отрицанія, которымъ восточная лѣнь замѣнила движеніе всею головой.

— All right! сказалъ отверженецъ и, вздохнувъ, какъ человѣкъ, рѣшившій выдержать искусъ до конца, безропотно поплелся въ какой-то темный переулокъ, но выросъ изъ земли съ зажженною спичкой въ рукѣ въ то время какъ, пройдя шаговъ двѣсти, я доставалъ изъ кармана папи-

---

* Мое имя Тольби, возьмите осла и вы будете довольны.

** Возьмите осла, его имя Гекторъ, потому что онъ очень уменъ, лучшее животное во всемъ Египтѣ!

росницу; затѣмъ вторично исчезъ, не попросивъ даже на водку.

Недавній мой знакомый, какъ мнѣ пришлось убѣдиться въ послѣдствіи, отчасти заслуживаетъ тѣ эпитеты, которыми такъ щедро дарилъ Арабовъ Семенъ Семеновичъ; но Тольби умный мошенникъ: понимая, что быть наглымъ и назойливымъ въ большинствѣ случаевъ невыгодно, онъ прячетъ прирожденные пороки подъ личиной смиренномудрія и кротости. Я попался на эту приманку и при слѣдующей папироскѣ не устоялъ, взлѣзъ на Гектора.

— Go on! оа рэглэкъ! береги ноги! * воскликнулъ Тольби и, погнавъ его съ мѣста во всю прыть, побѣжалъ сзади, тяжело дыша и шлепая огромными туфлями; порой иная выстрѣливала какъ пистолетъ, и изъ-подъ нея подымалось облачко пыли. На встрѣчу намъ неслась многолюдная восточная улица...

Съ непривычки въ новомъ положеніи было и смѣшно, и страшно; сѣвъ верхомъ, я не прибавилъ себѣ роста, и при ровномъ ослиномъ галопѣ, мнѣ казалось, самъ я, подгоняемый тайною силой, противъ воли бѣгу въ припрыжку по мостовой, бѣгу безъ напряженія, безъ устали, ибо все мое дѣйствіе сводится къ тому, что забирая въ себя воздухъ, я стараюсь сдѣлаться легкимъ какъ перышко и не потерять равновѣсія; но сѣдло глупаго устройства имѣетъ поползновеніе свернуться на бокъ, стремена невозможно коротки, а best animal in all Egypt спотыкается что ни шагъ.

Съ тѣхъ поръ ежедневно, проснувшись рано, по-лѣтнему, и наскоро выпивъ чашку кофе, я спѣшу въ свѣжій какъ утро, еще нешумный городъ розыскивать бѣлаго осла.

Для осмотра здѣшнихъ примѣчательностей человѣкъ, знающій англійскій языкъ, не нуждается въ драгоманѣ-проводникѣ. Ослятники говорятъ по-англійски и, какъ они ни коверкаютъ это нарѣчіе, ихъ по-моему все же легче понять, чѣмъ природнаго Англичанина. Они повезутъ васъ,

---

* *Go on*—по англійски „пошелъ“! „ну“! *оа рэглэкъ*—арабское „пади“!—собственно значитъ „береги ноги“.

куда прикажете, и истолкуютъ, что̀ хотите,—правда истолкуютъ на свой ладъ, вслѣдствіе чего за справками полезнѣе обращаться къ *Путеводителю.* Берутъ они по франку въ часъ и гораздо дешевле, если не жалѣть своихъ ушей и поторговаться.

На каждомъ перекресткѣ большой выборъ каирскихъ ванекъ, не видать только криваго Тольби, а онъ такъ плѣнилъ меня мягкостью пріемовъ, что ни съ кѣмъ другимъ я ѣхать не соглашаюсь. Послѣ тщетныхъ поисковъ, когда потеряешь всякую надежду, онъ внезапно появится сзади, удальски выстрѣлитъ туфлей, и я опять несусь странною побѣжкой въ толпу.

„Оа рэ̀глэкъ, оа шма̀лэкъ, оа иммина̀къ"! (береги ноги, правѣе, лѣвѣе) кричитъ онъ и истязуетъ Гектора, бьетъ его наотмашъ палкой или ковыряетъ щепкой въ больныя мѣста; оселъ съ галопа переходитъ на дряблую рысь и, подбирая задъ отъ ударовъ, идетъ какъ-то отвратительно бокомъ. Несмотря на мою привязанность къ Тольби, я часто ссорюсь съ нимъ за жестокое обращеніе съ осломъ.

До полудня мы ѣздимъ взадъ и впередъ по Муски, шатаемся въ сумракѣ базаровъ или осматриваемъ какую-либо мечеть. О мечетяхъ и о всемъ томъ, что̂ смотрится въ Каирѣ, буду говорить послѣ, о базарахъ же и о Муски скажу два слова теперь, чтобы болѣе къ нимъ не возвращаться.

Муски—иначе Rue Neuve, главная промышленная артерія Эль-Масра—* имѣетъ весьма забавную наружность. Съ нашего неба солнце не заглянуло бы, поверхъ кровель многоэтажныхъ домовъ, на дно такой узкой улицы, какъ Rue Neuve, но въ Египтѣ дневное свѣтило любопытнѣе и, чтобъ защититься отъ его лучей, люди покрыли Муски на высотѣ ея стройки досчатою настилкой. Востокъ и Западъ, забывъ для денежныхъ разчетовъ религіозную вражду, сошлись и побратались подъ этимъ навѣсомъ, чтобы взапуски обсчитывать невѣрныхъ и правовѣрныхъ. Востокъ торгуетъ цвѣтными матеріями, тарбу̀шами, наргилэ; Западъ уставилъ окна своихъ магазиновъ модными картинками.

* Каиръ—по-арабски *Масръ-Эль-Кайра,* въ разговорномъ же языкѣ просто *Эль-Масръ* (собственно городъ).

Въ европейскихъ лавкахъ записные туристы, предварительно всякихъ экскурсій, покупаютъ между прочимъ кисейные тюрбаны, шлемы изъ пробки, парусинные зонты и сандаліи. Въ Египтѣ, конечно, бываетъ очень жарко; но въ ноябрѣ, декабрѣ, январѣ и февралѣ, сезонъ путешественниковъ, даже у Нильскихъ пороговъ температура мало отличается отъ лѣтней температуры нашихъ странъ. Къ чему же подобный тропическій нарядъ? Стóитъ онъ не малыхъ денегъ, украшенію вовсе не способствуетъ, и туристъ, благодаря ему, лишь въ большей мѣрѣ подвергается докучливымъ приставаніямъ Арабовъ...

Въ концѣ Муски находятся базары—сѣть частью крытыхъ, частью некрытыхъ закоулковъ, изъ которыхъ многіе ýже обыкновеннаго корридора. Базаровъ насчитываютъ до десяти, по роду предметовъ продажи. Въ этихъ постоянныхъ рядахъ, по понедѣльникамъ, собирается арабскій базаръ, базаръ въ нашемъ смыслѣ, гдѣ всякій выноситъ продавать, чтó вздумаетъ, начиная отъ стараго платья и кончая драгоцѣнностями.

По богатству Каирскій *эль-сукъ* ниже Стамбульскаго чарши, но не уступаетъ ему въ разнообразіи товаровъ. Чего только нѣтъ на этомъ „главномъ рынкѣ Африки"? Шелковыя издѣлія, тигровыя шкуры, лимоны величиной съ грецкій орѣхъ, бездѣлушки филигранной работы, свѣчи, мыло, лепешки изъ сѣраго тѣста, красильныя вещества, кольца и браслеты, вязаные золотомъ и серебромъ кошельки, благовонія продающіяся по каплямъ въ микроскопическихъ стклянкахъ, пучки палочекъ съ бирюзою на осмоленныхъ концахъ (такъ она здѣсь продается въ натурѣ), переплетающіеся въ воздухѣ чубуки кальяновъ и цѣлые кварталы туфель.

Народу столько, что гулъ стоитъ отъ шума шаговъ; разнощики голосятъ на всѣ лады, ослы ревутъ съ изступленіемъ, гремятъ невидимки-мѣнялы.... Еле выглядывая изъ своихъ подпольныхъ каморокъ, они, чтобы привлечь вниманіе прохожихъ, искусно пересыпаютъ изъ руки въ руку ни-

когда не распадающійся столбикъ монетъ; производимый звукъ напоминаетъ издали чиликанье сверчка.

Въ полдень, разставшись съ Тольби, я иду въ садъ Эзбекіе.

Лѣтъ одиннадцать назадъ пространство имъ занимаемое было площадью съ аллеей деревьевъ и нѣсколькими cafés chantants. Разбитъ онъ восмиугольникомъ въ центрѣ „новаго города“, Измаиліи *. Кругомъ столпились лучшія постройки—отели, театры и гостиный дворъ; движенія однако здѣсь меньше, чѣмъ въ старомъ Каирѣ **. Въ саду находятся фотографія и ресторанъ; по вечерамъ играетъ хоръ военной музыки; до часу дня входъ безплатный, но въ это время никого не бываетъ.

Одиноко прохаживаясь по чопорнымъ дорожкамъ, я люблю, среди окрестной тишины, перебирать въ умѣ видѣнное утромъ,—и тогда путешествіе мое въ землю Фараоновъ представляется мнѣ заманчивымъ, дикимъ, безсвязнымъ сномъ. Стóитъ мнѣ закрыть глаза, и я вижу въ потокахъ свѣта куполы и зàмки города полнаго чудесъ,—города, гдѣ все необычайно и странно,—гдѣ среди улицы распластавшись на животѣ, лежатъ верблюды, подобные допотопнымъ амфибіямъ, и злобно слѣдятъ за волнующеюся толпой,—гдѣ по всѣмъ направленіямъ впереди колясокъ неслышно мчатся сейсы (гайдуки) въ воздушно бѣлыхъ одеждахъ,—гдѣ надъ дверями домовъ, точно у обиталищъ чернокнижниковъ, прибиты для украшенія сухія змѣи, ящерицы и другіе гады, иногда чучело небольшаго слона.... На площади продается рыба въ деревянныхъ клѣткахъ, и переложенные травою карпы, просунувъ морды сквозь жерди, широко разѣваютъ рты; тутъ дѣти съ корзинами на головахъ руками подбираютъ свѣжій пометъ лошадей и рогатаго скота ***; тамъ собаки стаей накинулись на противнаго

* Европейскій кварталъ, названный такъ въ честь хедива (не надо смѣшивать съ городомъ Измаиліей на Суэзскомъ каналѣ).

** Арабскіе кварталы.

*** Навозъ этотъ сушатъ, и употребляютъ какъ топливо. крымскій кизякъ.

павіана; вожакъ и палкой, и бубнами отгоняетъ разсвирѣпѣвшихъ животныхъ.

И какъ во снѣ, не смѣняя другъ друга, сплетаются противорѣчивыя грезы, такъ самыя рѣзкія крайности стоятъ рядомъ и ходятъ рука объ руку по улицамъ Каира. Близъ зданія новѣйшей архитектуры примостилась древняя мечеть съ малиновыми и бѣлыми полосами. Недалеко отъ театровъ—пригородъ тѣсно скученныхъ арабскихъ лачугъ; сквозь него просѣчено шоссе,—справа и слѣва видны разрушенныя стѣны. часто внутренность комнаты; не истечетъ и году, на этихъ развалинахъ выростутъ новые порядки ярусныхъ строеній. За лачугами опять столица со столичнымъ шумомъ и суматохой; орловскіе рысаки въ дышлѣ обгоняютъ скачущихъ гурьбой ословъ; дама спѣшитъ по тротуару—набѣленная, нарумяненная, въ оборкахъ, лентахъ и бантахъ—и не замѣчаетъ, что за ней идетъ голый, какъ сама невинность, негритенокъ. Дѣвушка съ кувшиномъ на плечѣ. легкая и прекрасная какъ сновидѣніе, остановилась посмотрѣть на сказочный городъ: причудливыя рѣшетки оконъ, минареты, врѣзавшіеся на безоблачномъ небѣ Нилъ съ его парусами и чайками, пальмы на томъ берегу, все заглядѣлось на нее и не наглядится... Но прелестная мечта заслоняется кошмаромъ: мимо меня верхомъ на гамалѣ * (переносщикѣ тяжестей) проѣзжаетъ старуха; слезы въ родѣ гноя текутъ по ея морщинистымъ щекамъ,—и не изъ угловъ глазъ, а со средины воспаленныхъ отвисшихъ вѣкъ; носъ, желтый и горбатый, напоминаетъ костяной клювъ; платокъ оттопырилъ уши; отсохшая нога, перебитая ниже колѣна, вихляется взадъ и впередъ,. и слышно, какъ хруститъ хрящъ при каждомъ шагѣ носильщика....

А теперь развѣ я на яву гуляю по этому очарованному саду? Давно ли бѣжалъ я въ припрыжку, навстрѣчу неугомонному тысячеголовому чудовищу, грозившему унести и раздавить меня. Вокругъ все дышетъ покоемъ и нѣгой; листъ не шелохнетъ на деревьяхъ; возлѣ искусственной пещеры

---

* Гамалъ—переносщикъ тяжестей.

бабочки лѣниво перепархиваютъ съ камня на камень; другія уснули, лаская крылышками цвѣты: надъ водою склонилась плакучая ива, и по пруду, словно влюбленные, задумчиво плаваютъ лебеди.

Однако есть дневная пора, когда человѣку и въ самомъ чудномъ краѣ, при самыхъ высокихъ эстетическихъ наслажденіяхъ, хочется завтракать. Проснувшись отъ поэтическаго забытья, я направляюсь домой.

Въ Каирѣ завтракъ, обыкновенно слишкомъ сытный, подается въ часъ, и до обѣда, въ восемь часовъ, успѣваешь, замѣнивъ осла извощичьею коляской, сдѣлать одну изъ стереотипныхъ загородныхъ поѣздокъ.

Характеръ здѣшнихъ извощиковъ можно очертить двумя словами: они—тѣ же ослятники, иначе великіе негодяи, и плохо приходилось бы иностранцамъ, еслибъ для ѣзды—какъ по городу, такъ и за городомъ—не было установлено подробной таксы.

Прогулка возбуждаетъ аппетитъ, и по возвращеніи обѣдъ кажется весьма вкуснымъ; впрочемъ Аббатъ, несмотря на свое внѣшнее убожество, славится отличною кухней.

Вечеръ я провожу въ одномъ изъ театровъ,—въ „Италіянской оперѣ“ или во „Французской комедіи“. Играютъ въ нихъ поочередно: одинъ день дается опера или балетъ, на слѣдующій—драматическое представленіе и т. д. Цѣны мѣстамъ довольно умѣренныя (кресло перваго ряда въ „оперу“ стóитъ десять франковъ, въ „комедію“ пять).

Здѣшніе театры нужно причислить къ первостепеннымъ: *Аида*, которую Верди написалъ для хедива, идетъ въ Каирѣ лучше чѣмъ гдѣ-либо; Офенбаховскія и Лекоковскія оперетки обставлены во всѣхъ отношеніяхъ превосходно,—костюмы свѣжи, декораціи художественны, пѣвцы и въ особенности пѣвицы сдѣлали бы честь любой столичной сценѣ;—только въ комедіи игра актеровъ могла бы имѣть болѣе французской живости и граціи. Я чаще бываю въ оперѣ и сижу до тѣхъ поръ, пока не опустится въ конечный разъ эмблематическій занавѣсъ.

Кстати о занавѣсѣ. Кисть живописца изобразила на немъ состояніе современнаго Египта: полуголые феллахи строятъ подъ руководствомъ музъ новый Парѳенонъ; на ступеняхъ его возлегаетъ Фебъ, вдали пирамиды и мечеть, прикрытая кактусами.

— Это вовсе не Фебъ, это портретъ, говорилъ мнѣ однажды генералъ Ѳедоровъ: вглядитесь хорошенько; не узнаете? такъ и читаешь на его лицѣ: „сниму послѣднюю рубашку съ подданнаго, чтобы въ Египтѣ пощеголять европейскою цивилизаціей...“

Представленіе кончается поздно, — иногда во второмъ часу.

Нехотя иду я обратно въ гостиницу. Надъ городомъ волшебно свѣтитъ луна, и серебряная пыль прозрачнымъ туманомъ виситъ въ воздухѣ. Пальмы, поднявшись еще выше къ небу, дремлютъ въ ночномъ безвѣтріи. Затихъ грохотъ разъѣзда каретъ; по соннымъ улицамъ, еле звеня бубенчиками, проходитъ лишь запоздалый караванъ: Арабы, укутанные съ головою въ бурнусы, мѣрно покачиваются на высокихъ сѣдлахъ.

И какъ рѣзкій разладъ доносится откуда-то напѣвъ:

Père adoré—c'est Giroflée!...

Дома охватитъ меня слабый, оранжерейный запахъ гари и глины. Въ комнаткѣ моей такъ тѣсно, что приходится шагать черезъ открытые саквояжи. Ведя жизнь перелетной птицы, я по мѣрѣ надобности достаю изъ нихъ бѣлье и платье, но не разбираюсь окончательно; знаю, что на днѣ уложены черныя мысли, безпокойство, скука и тѣ мелкія заботы и хлопоты, которыя непримѣтно отравляютъ жизнь. Впрочемъ до полной раскладки далеко; много свѣтлыхъ дней впереди,—и я сплю сномъ ребенка, пока не разбудятъ меня, прокравшись сквозь кисею полога, лучи восходящаго солнца... Лишь бы ночью за стѣною не кашлялъ Швейцарецъ.

* * *

Въ Каирѣ я посѣтилъ цитадель, мечети Гасанъ и Эль-Азаръ, гробницы Халифовъ, молельню воющихъ дервишей, Ниломѣръ, коптскую церковь Абу-Сиргэ, Эль-Амръ, Булакъ и хедивскія конюшни.

Хотя для провѣрки объясненій, за которыми Тольби не лазилъ въ карманъ, мнѣ и случалось перелистывать *Murray*, но изъ боязни, чтобы настоящіе бѣглые наброски сами не разрослись въ скучный *Путеводитель*, я, при описаніи поименованныхъ мѣстъ, ограничусь, насколько возможно, личными впечатлѣніями.

—

Цитадель расположена на холмѣ въ восточной части города; сюда ѣздятъ смотрѣть „Мехмеда-Али", „колодезь Іосифа" и „Скачокъ мамелюка."

Построенная по образцу стамбульскихъ мечетей,—съ высокими минаретами,—мечеть Мехмеда-Али такъ же хороша, какъ ея оригиналы; внутри своды, поддержанные четырьмя столпами, пестрѣютъ арабесками и яркими стеклами оконъ.

„Колодезь Іосифа" существуетъ съ незапамятныхъ временъ. Въ XII вѣкѣ основатель цитадели, Селлахъ-Эддинъ Юссуфъ, очистилъ его отъ песку и оставилъ ему свое имя (Юссуфъ-Іосифъ). Тольби однако полагаетъ, что колодезь получилъ названіе отъ Іосифа Прекраснаго, которому будто бы служилъ темницею.

Кругомъ стѣнокъ, въ землѣ, прорытъ до самаго дна спиральный ходъ, по которому въ старину вывозили на быкахъ воду. Теперь ее добываютъ нѣсколько иначе: быки вращаютъ надъ колодцемъ большое колесо; на его ободѣ надѣто достающее до низу ожерелье кувшиновъ, обернутыхъ горлышками въ ту сторону, куда колесо вертится; такимъ образомъ, нижній кувшинъ на глубинѣ сорока саженъ черпаетъ воду, въ то время какъ верхній, надъ зем-

лею, выливается въ подставленный желобъ. Подобный способъ качанія распространенъ во всемъ Египтѣ.

Я спускался на дно; часть его занята сухимъ пространствомъ. Колодезь такъ глубокъ, что широкое отверстіе въ вышинѣ кажется маленькимъ свѣтлымъ четвероугольникомъ; внизу царитъ непроницаемый мракъ, котораго не разгоняетъ пламя свѣчи, въ рукахъ у сторожа, воздухъ неподвиженъ какъ въ склепѣ,—и чувствуешь себя

Tief unter dem Schall der menschlichen Rede.

Звуки наружнаго міра не долетаютъ до поверхности воды; лишь капля, падающая все въ ту же точку, уныло звенитъ въ темнотѣ и жалуется на свое одиночество.

— If you please, не угодно ли? сказалъ сторожъ, поднося огонь къ стѣнѣ сочащейся отъ сырости: легіоны путешественниковъ оставили на ней свои никому не нужныя имена.

Западная сторона цитадели, обращенная къ городу, пресѣчена обрывомъ, и въ этомъ мѣстѣ крѣпостной валъ замѣняетъ желѣзная рѣшетка. Подъ ногами простирается загадочный какъ сфинксъ свѣтлобурый Каиръ, плоскія кровли котораго осѣнены пальмовыми вѣнцами, дальше стелется зеленая низменность, изрѣзанная плесами Нила, а на горизонтѣ застыли волны песчанаго Океана-Сахары съ маяками-пирамидами на берегу.

Къ „Скачку мамелюка", такъ зовется обрывъ, идутъ, побывавъ въ Іосифовомъ колодцѣ. Человѣкъ, только-что выбравшись изъ нѣдръ земли, не ожидаетъ видѣть ее съ высоты птичьяго полета и, обвороженный, стоитъ безъ словъ и безъ мыслей, точно попалъ на тотъ баснословный островъ, гдѣ все забывается—и друзья, и слава, и родина....

Если Тольби правъ относительно первоначальнаго значенія колодца, мнѣ понятно, почему Фараоновъ виночерпій, по выходѣ изъ темницы, не вспомнилъ о своемъ товарищѣ заключенія.

На площадкѣ, откуда теперь я спокойно наслаждаюсь панорамой, полстолѣтія назадъ, въ такое же солнечное утро,

всадники въ богатыхъ одеждахъ метались въ страхѣ у края пропасти; слышались выстрѣлы, стоны умирающихъ, проклятія, мольбы о пощадѣ.... 16 февраля 1811 года здѣсь совершено было избіеніе 480 вождей мамелюковъ. Приглашенные Мехмедомъ-Али, подъ предлогомъ какого-то торжества, они довѣрчиво явились въ цитадель. Лишь только всѣ въѣхали, ворота захлопнулись, и со стѣнъ, съ башень, съ кровель зданій открылась пальба; вожди напрасно искали спасенія въ бѣгствѣ,—выходы были заперты. Видя предъ собою неминуемую смерть, нѣсколько наѣздниковъ вмѣстѣ съ конями ринулись въ бездну; въ числѣ ихъ былъ знаменитый Эминъ-Бей, какимъ-то чудомъ оставшійся въ живыхъ и даже, какъ увѣряютъ, не потерпѣвшій ушибовъ. Властелинъ, когда къ нему привели схваченнаго бѣглеца, сказалъ: „*Аллахъ кебиръ*“ (Богъ великъ), — и съ той поры могущественный вице-король и послѣдній изъ мамелюковъ стали неразлучными друзьями. Преданіе это передавалъ мнѣ въ Александріи одинъ почтенный египетскій старожилъ.

„Я однажды видѣлъ ихъ вмѣстѣ въ ложѣ театра“, заключилъ онъ свой разсказъ: „на Эминъ-беѣ былъ пурпуровый плащъ (мамелюкъ до самой смерти продолжалъ носить сословный нарядъ). Мехмедъ-Али, наклонившись, разговаривалъ съ нимъ вполголоса и часто икалъ... Нервная икота не оставляла вице-короля съ тѣхъ поръ, какъ, притаившись у одного изъ дворцовыхъ оконъ, глядѣлъ онъ на жертвы своего вѣроломства. Въ мое время дворца уже не существовало: въ 1824 году, по приказанію вице-короля, онъ былъ взорванъ порохомъ и надъ развалинами его строилась мечеть Мехмеда-Али“.

Я припоминалъ на мѣстѣ кровавую легенду и старался не слушать комментаріевъ Тольби.

„Their *nomber* was 7,000“, повѣствовалъ онъ, „and all where on their donkeys“ *...

—

* „Число ихъ было 7.000 и всѣ пріѣхали на своихъ ослахъ“.

Близь круглой площади Румэлэ стоятъ рядомъ двѣ большія мечети: одна, еще неоконченная, Эль-Руфайэ, строится исключительно на иждивеніе матери Измаилъ-паши; другая—Гассанъ—сооружена въ XIV вѣкѣ. Интересна только послѣдняя. Основатель ея, съ ужасно длиннымъ именемъ (Меликъ-энъ-Назиръ-Абу-эль-Маали-Гассанъ-ибнъ-Калуанъ), пораженный великолѣпіемъ мечети и опасаясь, чтобъ архитекторъ не выстроилъ подобной или лучшей внѣ предѣловъ страны, велѣлъ будто отрубить ему руки. По моему, храмъ даже не величественъ и только подавляетъ своею громадой. Внутри, на грязно-бѣлыхъ стѣнахъ нѣтъ украшеній, кромѣ фальшивыхъ парусовъ да надписи обручемъ ниже купола; по срединѣ—гробница Гассана. Темною стариной вѣетъ отовсюду; на каменномъ полу черныя пятна, слѣды кровяныхъ лужъ: мечеть служила и до нашихъ временъ служитъ мѣстомъ сходбищъ и буйныхъ расправъ во дни народныхъ возмущеній. Мрачныя сказанія связаны съ ея именемъ: такъ, по словамъ историка Макрици, одинъ изъ минаретовъ, обрушившись, задавилъ 300 человѣкъ.

Дѣвочки, надѣвшія мнѣ на ноги, у дверей, нѣчто въ родѣ соломенныхъ кульковъ, въ чаяніи бакшиша, прыгали около меня и удивлялись по-арабски моему уму, красотѣ и щедрости.

—

Эль-Азаръ—мечеть мечетей Каира; мнѣ много говорили о ней, и подъѣзжая къ ея портику, я искалъ глазами чудеснаго купола, уходящихъ въ небо минаретовъ... Ожиданія мои не сбылись. Обстроенная со всѣхъ сторонъ, Эль-Азаръ, если можно такъ выразиться, не имѣетъ наружнаго вида: съ улицы * ея почти не замѣтно. Въ сущности это не что̀ иное, какъ некрытый, выложенный плитами дворъ, замкнутый стѣнами, вдоль которыхъ идутъ галлереи съ рядами мраморныхъ и гранитныхъ столповъ (въ одной изъ галле-

* Мечеть находится на Муски.

рей ихъ болѣе трехъсотъ). Такого рода постройка служитъ прототипомъ мечети: мусульмане начали сооружать свои храмы на подобіе христіанскихъ церквей лишь послѣ завоеванія Константинополя.

Итакъ, Эль-Азаръ вовсе не похожа на современную мечеть, да и не имѣетъ какъ мечеть особой важности. Значеніе ея другое: она свѣточъ науки, alma mater, главный университетъ ислама на Востокѣ. Жаждущіе и алчущіе знаній стекаются сюда со всего мусульманскаго міра. Дворъ и галлереи служатъ необъятною аудиторіей, въ которой однако нѣтъ ни каѳедры, ни скамеекъ, ни стульевъ; воспитатели и воспитанники безъ различія сидятъ на полу. Студентовъ насчитываютъ до 11.000, профессоровъ до 350. Университетскій курсъ сводится къ изученію Корана и несмѣтныхъ его толкованій; богословіе, риторика и грамматика истекаютъ изъ сей „рѣки премудрости" лишь какъ придаточныя науки, а родившіяся на Востокѣ алгебра, геометрія и астрономія теперь преданы полному забвенію.

Меня долго заставили ждать у входа: кромѣ общаго разрѣшенія посѣщать мечети, для Эль-Азара требуется спеціальное свидѣтельство, „кэтабэ", и путешественникъ допускается не иначе, какъ въ сопровожденіи консульскаго каваса. Со мной были и кавасъ, и кэтабэ, но встрѣтившему насъ имаму послѣднее показалось сомнительнымъ, и онъ понесъ показывать его по начальству. Изъ двора долеталъ глухой ропотъ множества голосовъ. Въ воротахъ, какъ пчелы въ дырочкѣ улья, толпились входящіе и выходящіе студенты; останавливаясь, чтобы снять или надѣть туфли, они осторожно взглядывали на меня, на каваса, и чинно шли далѣе. Одежды ихъ мало отличались отъ костюма Тольби— развѣ чалмы были чище, но юноши держали себя весьма степенно и походили на людей—если не благовоспитанныхъ, то по крайней мѣрѣ дисциплинованныхъ. Мнѣ не вѣрится, чтобы въ Эль-Азарѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, слѣдовало опасаться мусульманскаго фанатизма.

Духовенство наконецъ удостовѣрилось, что свидѣтельство мое не фальшивое; я впущенъ и хожу среди колеблющагося

моря бѣлыхъ тюрбановъ. Въ тѣни колоннъ и на солнцѣ, покачиваясь на поджатыхъ ногахъ, поклонники Пророка читаютъ вслухъ рукописи, декламируютъ наизусть, бормочутъ зажмурясь; все шевелится, спѣшитъ куда-то, и ничто не движется съ мѣста... не подвигается впередъ и наука, зиждущаяся на Коранѣ.

Мулла въ черномъ подрясникѣ при помощи длинной гибкой трости расчищалъ намъ дорогу, то-есть безо всякой церемоніи билъ до одурѣнія закачавшихся студентовъ — билъ ихъ со всего размаха почему попало, билъ въ одиночку, гдѣ потѣснѣе билъ въ кучу... Подчасъ доставалось даже профессорамъ. И хоть бы малѣйшій протестъ, бранное слово или косой взглядъ; морщась отъ боли, прихрамывая и потираясь, наставники и ученики безмолвно разступались предъ знатнымъ иностранцемъ; если кто отходилъ медленно, въ догонку ему сыпались немилосердные удары.

При разставаніи мулла выпросилъ у меня два франка „за труды“.

—

На рубежѣ города, въ каменистой степи, надъ полуразрушенными оградами, одна красивѣе другой, высятся стройныя арабскія мечети; очертанія ихъ дивно совершенны; отъ основы до вершины желтовато-дикаго цвѣта, цвѣта окружающей почвы, онѣ какъ будто сами собою, безъ посредства рукъ человѣческихъ, выросли изъ пустыни. Ихъ называютъ „Гробницами Халифовъ“. Строились и содержались онѣ на деньги, которыя султаны оставляли „по душу“, но въ началѣ нынѣшняго вѣка образовавшіяся такимъ образомъ имущества были отобраны въ казну, и мечети мало-по-малу пришли въ упадокъ. Въ нѣкоторыя уже опасно входить; другія служатъ складами военныхъ матеріаловъ: къ этимъ и близко не подпускаютъ. Я посѣтилъ только Бэрху и Кантъ-бей, лучшіе образцы сарацинской архитектуры.

Бэрху (по произношенію Тольби, или по *Путеводителю* Баркукъ) имѣетъ два купола: подъ однимъ покоются въ

землѣ султанъ Бэрху съ сыновьями (старшій, Фарагъ, воевалъ съ Тамерланомъ), подъ другимъ — женщины султановой семьи.

Въ Каитъ-бей хранятся подъ балдахинами два камня, красный и черный, съ оттисками неестественныхъ по величинѣ людскихъ ногъ; Тольби, съ обезьяньимъ проворствомъ поцѣловавшій оба камня, замѣтилъ, что тутъ по пятницамъ стоитъ Магометъ. Я впрочемъ полагаю, что обстоятельство это было безразлично для Тольби, и камни поцѣловалъ онъ лишь за тѣмъ, чтобы показать свою ловкость.

Хотя для осмотра гробницъ не надо ни разрѣшенія, ни каваса, ни туфель, хотя вмѣсто муллы васъ сопровождаетъ голодная толпа нищихъ дѣтей,—потомки когда-то многочисленныхъ церковнослужителей,—хотя отъ прежняго величія видны лишь блѣдные слѣды, войдя въ любую изъ мечетей,

..... смущенный, ты
Вдругъ остановишься невольно,
Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты.

Кисти великаго художника ждутъ—и не разсыпаются въ прахъ—потолки, пестрые какъ персидскій коверъ, альковы, выложенные цвѣтною мозаикой, изсѣченныя въ мраморѣ надписи вязью, выпуклыя арабески архитравовъ.... Со всякой желѣзной обивки дверей, съ каждой скобки хотѣлось бы снять фотографію. И несмотря на ветхость и запустѣніе, здѣсь не вѣетъ угрюмою стариной, какъ въ Гассанѣ: со стѣнъ, со сводовъ, съ могильныхъ памятниковъ—отовсюду сквозь пыль столѣтій глядитъ на пришельца вѣчно юная красота.

Недалеко отъ „Халифовъ“ находится холмъ съ вѣтреными мельницами — любимая моя прогулка во время солнечнаго захода. Видъ отсюда схожъ съ видомъ изъ цитадели: Каиръ, Нилъ, яркая зелень полей и на окраинѣ земли Сахара съ пирамидами. Но прекраснѣе всего гробницы; озаренныя лучами заката, онѣ залюбовались съ высоты своихъ

узорчатыхъ куполовъ и очарованнымъ городомъ, и рѣкою—красавицей, и багряною далью пустыни.

—

Дервиши даютъ свои представленія по пятницамъ, отъ часу до двухъ пополудни, вертуны въ Гамѣ (мечети) эль-Акбарѣ, ревуны въ Гамѣ Касръ-эль-Айнѣ.

Вертуны или вертящіеся дервиши носятъ суконную куртку, юпку—иногда черную, иногда бѣлую—и набекрень шапку верблюжьяго войлока, напоминающую опрокинутый цвѣточный горшокъ (у потомковъ Магомета она внизу обмотана зеленою чалмой). Поклонившись предъ началомъ церемоніи сидящему въ глубинѣ шейху и разметнувъ руки, они кружатся сперва медленно, потомъ все скорѣе и скорѣе, и чрезъ пять минутъ предъ зрителемъ цѣлое собраніе заводящихся куколъ; каждая, подобно юлѣ, какъ бы привертѣлась къ полу; абрисъ наклоненной шапки быстро мерцаетъ—то справа, то слѣва; юпки съ широко отпахнутыми краями приняли форму неподвижныхъ конусовъ. Верченіе длится непонятно долго и подъ конецъ нагоняетъ уныніе, но куклы заведены во всю пружину...

Въ Каирѣ я не смотрѣлъ вертящихся дервишей: мнѣ слишкомъ часто приходилось ихъ видѣть на Босфорѣ. Тамъ же познакомился я и со скутарскими ревунами; но что̀ касается ревуновъ, то здѣшніе гораздо типичнѣе. Собираются они въ небольшой, чисто выбѣленной мечети, Касръ-эль-Айнѣ: полъ ея покрытъ камышевою стелькой; стѣны украшены стихами Корана на пергаментѣ; въ одной изъ нишъ виситъ оружіе необыкновеннаго рисунка, скорѣе похожее на орудія пытки, чѣмъ на ятаганы и ханджары; впрочемъ, въ мое посѣщеніе оно въ дѣйствіе не приводилось. У порога мнѣ навязали на ноги тряпки: любопытныхъ такъ много, что даже соломенныхъ туфель не хватаетъ. Явился я однимъ изъ первыхъ: ревнители вѣры, большею частью звѣрской наружности, только что повставали со своихъ овчинныхъ шкуръ и, готовясь къ богослуженію, сбрасывали верхнюю одежду.

Обрядъ воющихъ дервишей такъ же не сложенъ, какъ церемонія вертуновъ. Расположившись тѣснымъ полукружіемъ или образуя замкнутый хороводъ, они взываютъ къ Аллаху и кланяются; воззванія и поклоны, совершаемые всѣми за разъ, какъ по командѣ, сперва чередуются медленно, по прошествіи же нѣкотораго времени становятся невѣроятно часты: поклоны обращаются въ изступленное киваніе головой и мотаніе всѣмъ туловищемъ, а вмѣсто словъ „ля Илляху илля Лахъ“ (нѣтъ Бога кромѣ Бога),— вначалѣ ритмически и явственно произносимыхъ хоромъ, уста правовѣрныхъ издаютъ короткое, глухое рыканіе; музыка, надрывающая сердце, вторитъ возгласамъ дервишей... Звуки сливаются вверху, точно гдѣ-то подъ куполомъ гудитъ несносно громкая мѣдная труба. Тàкъ мало человѣческаго въ хищныхъ лицахъ молящихся, съ длинными черными какъ смоль волосами, которые при поклонахъ разсыпаются вѣеромъ по полу и тотчасъ снова взлетаютъ на воздухъ во всю длину, тàкъ автоматичны и быстры движенія, что фанатики кажутся не отдѣльными людьми, а одною сплоченною адскою машиной, гдѣ давленіе дошло до крайней степени, гдѣ сейчасъ, сію секунду, долженъ произойти взрывъ,—и ожиданіе этого взрыва наполняетъ холоднымъ ужасомъ душу. Между тѣмъ поклоны дѣлаются все чаще, безпощадная труба въ вышинѣ гудитъ громче и громче... Но вотъ бросилась въ глаза какая-нибудь подробность, поймали вы на мгновеніе налитой кровью взглядъ, мелькнулъ потный лобъ со вздувшимися жилами, и фантастическая машина распалась на части: опять видишь предъ собою сотни рыкающихъ извերговъ, ярость которыхъ не знаетъ предѣловъ, и чудится, что вотъ-вотъ по знаку предводителя они кинутся на васъ съ оглушительнымъ воплемъ и растерзаютъ на клочки...

Внезапная какъ молнія тишина.... Дервиши стоятъ недвижно-нѣмымъ полукругомъ и утираются платками. Съ однимъ дурно: онъ, какъ бы потерявъ равновѣсіе, пошелъ по мечети, продолжая трясти головой, и упалъ въ корчахъ недалеко отъ меня. Я хорошо могу разглядѣть его посинѣв-

шее лицо съ выраженіемъ страданія во всѣхъ чертахъ: отъ глазъ видны одни бѣлки, сквозь стиснутые зубы бѣжитъ блѣднорозовая пѣна. Дервишъ тяжело хрипя, задыхается, какъ умирающій; двое другихъ приводятъ его въ чувство и стараются отодрать отъ груди стиснутыя въ кулаки и сведенныя судорогами руки, а онъ все не перестаетъ дѣлать усиленное движеніе поклона и бьется о земь затылкомъ, теменемъ, лбомъ.

—

На островѣ Родо, возлѣ прибрежнаго дворца съ обвалившеюся штукатуркой, устроенъ Ниломѣръ—колодезь аршина четыре въ поперечникѣ, съ вертикальною балкой, на которой намѣченъ масштабъ; вдоль одной изъ стѣнокъ каменная лѣстница ведетъ къ водѣ: вода въ колодцѣ—самъ Нилъ.

Извѣстно вліяніе Нила на плодородіе страны. Чѣмъ выше онъ поднялся, тѣмъ богаче жатва въ Египтѣ, и наоборотъ; поэтому съ давнихъ поръ при ежегодномъ обсужденіи размѣра податей сообразовались съ наибольшею высотой лѣтняго разлива. Ее-то и опредѣляетъ Ниломѣръ. Но окруженный своими жрецами-чиновниками, онъ всякое лѣто показываетъ *maximum* поднятія воды. Жители долины платятъ налоги въ полномъ окладѣ и, подобно гулякѣ, который, пропившись въ пухъ, съ горя пускаетъ ребромъ послѣднюю копѣйку, неизмѣнно празднуютъ день объявленія этого *perpetuum maximum*.

На Родо, съ балкона дворца, я въ первый разъ увидалъ вблизи царственную рѣку; широко и вольно струятся ея мутныя съ желтымъ оттѣнкомъ воды; на поверхности появляются и крутятся воронкообразныя ямочки—признакъ сильнаго теченія, а по срединѣ, гдѣ свободно гуляетъ вѣтеръ, бѣгутъ на югъ вереницы волнъ окаймленныхъ сверкающею пѣной; дальніе берега рѣки щетинятся какъ спина дикобраза высокими, слегка загнутыми реями дагабій (мѣстныхъ парусныхъ судовъ).

Около дворца растутъ мандарины, бананы и финики; мандарины поспѣли—я ѣлъ ихъ съ дерева; садовникъ за двѣнадцать штукъ запросилъ съ меня четыре піастра (франкъ)—цѣна, возмутившая честнаго Тольби: „не платите!“ умолялъ онъ, „это грабежъ...“

Когда мы, пихаясь шестами, обратно переѣхали на плоскодонной лодкѣ рукавъ Нила, и безжалостно понукаемый Гекторъ засеменилъ бокомъ по улицамъ Стараго Каира, ослятникъ на ходу вздохнулъ во всю грудь.

— Житья нѣтъ, вездѣ обманъ, все такъ дорого,—сказалъ онъ и, къ великому моему разочарованію, принялся таскать изъ-за пазухи мандарины, за которые, разумѣется, не заплатилъ ни гроша.

--

Отъ Ниломѣра, въ обществѣ присоединившейся къ намъ Англичанки на ослѣ, двинулись мы къ коптской церкви Абу-Сиргэ (Святаго Сергія). Рѣзкій голосъ уроженки Альбіона, угловатость и смѣлость ея жестовъ, самая посадка на сѣдлѣ обличали завзятую туристку-репортера, и вѣрно сама Ида Пфейферъ не носила подъ мышкой столь объемистой тетради въ замшевомъ переплетѣ. Прежде чѣмъ записывать свои мысли по какому-либо поводу, добросовѣстная путешественница, казалось, всѣми пятью чувствами хотѣла убѣдиться въ реальности осматриваемаго.

Дорога къ Абу-Сиргэ идетъ неколесными переулками: зданія стоятъ такъ близко, что можно одновременно упираться ладонями въ противоположныя стѣны; небо заслоняютъ *шахнишины*,—крытые выступы съ окнами, напоминающіе, при здѣшней неуклюжей постройкѣ домовъ, выдвинутые изъ комодовъ ящики. Въ иныхъ мѣстахъ надо проѣзжать подъ воротами. Однажды Тольби остановился у большой окованной желѣзомъ двери: я думалъ, мы достигли цѣли нашего странствованія, но дверь вела въ новый переулокъ...

Внутренность Абу-Сиргэ имѣетъ много сходства съ Константинопольскою патріархіею и точно выдолблена въ деревянной коричневой массѣ; все пространство перегороже-

но рѣшетками изъ отполированнаго временемъ дерева (при богослуженіи женщины отдѣлены отъ мущинъ); иконостасъ безъ позолоты выложенъ костяными многоугольниками; образовъ мало, и темная ихъ живопись сливается съ общимъ тономъ церкви. Мальчикъ-Коптъ, освѣщая лики святыхъ восковою свѣчей, быстро говорилъ имена; карандашъ моей спутницы еле успѣвалъ заносить ихъ на страницы книги *Путевыхъ впечатлѣній.*

Въ подземельи, затопляемомъ лѣтомъ, куда мы спускались смотрѣть камень, служившій будто бы сидѣніемъ Божіей Матери, Ида Пфейферъ щупала, нюхала, чуть не лизала попадавшіеся предметы, въ то время какъ Тольби при слабомъ мерцаніи восковой свѣчи являлъ разные tours d'adresse новому своему пріятелю, проводнику.

—

Гама эль-Амръ, древнѣйшая изъ мечетей Каира, достигла полнаго блеска въ X вѣкѣ (въ 407-мъ году Геджиры), когда обладала 1.290 рукописными экземплярами Корана и ежедневно освѣщалась 18.000 лампадъ. Теперь она заброшена, и въ недалекомъ будущемъ отъ нея останутся однѣ великолѣпныя руины.

Эль-Амръ построена по образцу Эль-Азара: тотъ же широкій дворъ и галлереи съ колоннами (послѣднихъ столько же, сколько дней въ високосномъ году—366); посреди двора, подлѣ бесѣдки бассейна, растутъ два дерева, гледичья и пальма.

Въ одинъ лѣтній день 1808 года мечеть Эль-Амръ, въ которой давно не совершалось богослуженія, представляла странную, но торжественную картину. Уровень Нила, вмѣсто того чтобы повыситься, сталъ понижаться; необычайное явленіе грозило народнымъ бѣдствіемъ. Тогда мусульманскіе улемы, еврейскіе раввины и христіанское духовенство всѣхъ исповѣданій при стеченіи огромной толпы сошлись въ забытую мечеть на молитву единому Богу. Вода въ Нилѣ вскорѣ начала прибывать.

Вотъ еще нѣкоторыя сказанія, касающіяся Гамы эль-Амръ.

Мечеть имѣетъ будто бы подземное сообщеніе съ Меккой.

Только правовѣрный можетъ безнаказанно ступить на извѣстныя плиты двора.

Съ окончательнымъ разрушеніемъ мечети исчезнетъ вѣра ислама.

Одна изъ колоннъ храма, находившаяся сперва въ Меккѣ, была подарена Эль-Амру халифомъ Солиманомъ; три раза халифъ именемъ Магомета заклиналъ ее летѣть въ Каиръ,—она не трогалась. Солиманъ въ бѣшенствѣ стегнулъ ее курбачемъ (особаго рода кнутъ), и воля Аллаха исполнилась: столпъ, поднявшись на воздухъ, очутился у нильскихъ береговъ. Кнутъ Солимана оставилъ слѣдъ на мраморѣ: по темносѣрому его полю образовались бѣлыя полупрозрачныя жилы въ видѣ нѣсколькихъ красиво изогнутыхъ арабскихъ буквъ; онѣ составляютъ имя Пророка.

Но Тольби по обыкновенію переиначилъ легенду.

— Самъ Магометъ, спорилъ онъ со сторожемъ-муллой,— подарилъ Эль-Амру эту колонну и велѣлъ ей перенестись изъ Мекки въ Каиръ; сначала она не слушалась и не хотѣла двигаться. Пророкъ крикнулъ: „Go on! оа реглэкъ"! и сталъ бить ее палкой; тогда она пришла сюда *on foot*, т.-е. пѣшкомъ.

—

Булакъ есть собственно каирская пристань; иностранцы же этимъ именемъ назвали маленькій домикъ на правомъ берегу Нила—временное помѣщеніе Музея египетскихъ древностей. Домикъ такъ не великъ, что бóльшую часть предметовъ принуждены держать въ складѣ, и она покамѣстъ недоступна публикѣ.

Рѣдкимъ богатствомъ своимъ музей обязанъ почти исключительно неусыпнымъ трудамъ Француза Маріетъ-бея, подъ покровительствомъ котораго состоятъ всѣ памятники старины во владѣніяхъ хедива (съ 1863 года, то-есть съ во-

царенія Измаилъ-паши, ему дана монополія всякихъ раскопокъ въ странѣ) *. Но надо очень интересоваться исторіей Египта и быть хорошо подготовленнымъ, чтобы находить удовольствіе въ созерцаніи испещренныхъ іероглифами обломковъ, уродливыхъ барельефовъ, бронзовыхъ чудищъ...

Для меня сокровища музея остались мертвою буквой и только навѣяли тяжелое сомнѣніе. Съ утра я уже былъ грустно настроенъ: ночью сосѣдъ Швейцарецъ выкашливалъ душу, Тольби въ этотъ день не отыскался вовсе, и я долженъ былъ взять другаго погонщика, который еще безсердечнѣе обходился со своимъ осломъ, а по дорогѣ въ Булакъ собаки на моихъ глазахъ разорвали выскочившую изъ воротъ газель. Въ низкихъ, затхлыхъ его покояхъ никого не было. Я ходилъ одинъ среди сонмища мумій, сфинксовъ и каменныхъ быковъ; раскрашенные деревянные гробы въ образѣ спеленутыхъ людей вытянулись во весь ростъ за стекломъ и уставились на непрошенаго гостя очами, видѣвшими не одно тысячелѣтіе... Въ безжизненномъ взглядѣ какъ бы застыло подавляющее торжество вѣчнаго надъ конечнымъ, торжество матеріи надъ духомъ. Сквозь щели можно различить трупы завернутые въ порыжѣлое тряпье. По стѣнамъ аляповатые идолы въ неуклюжей неподвижности тоже имѣютъ подобіе мертвецовъ... И тишина небытія и забвенія царитъ въ этихъ катакомбахъ.

—

Конюшни хедива содержатся въ большомъ порядкѣ четырнадцатью жокеями, выписанными изъ Лондона. Одинъ изъ нихъ съ гордостью водилъ меня по всѣмъ отдѣленіямъ. При постоянной вентиляціи запахъ конюшни имѣлъ что-то живительно - пріятное. Полъ блестѣлъ чистотой, какъ палуба охотничьей яхты. Непривязанныя къ яслямъ, лошади свободно обращались въ просторныхъ устланныхъ рубленою соломой стойлахъ, и съ любопытствомъ слѣдили за нами сквозь проемы дверей; надъ каждою дверью красовалось имя.

* Онъ какъ извѣстно умеръ въ началѣ прошлаго (1881) года.

Лошади, преимущественно упряжныя, принадлежатъ къ русскимъ, французскимъ и англійскимъ породамъ; верховыхъ мало (Измаилъ-паша не любитель верховой ѣзды); между послѣдними я отличилъ черноокую кобылу, которой арабскіе поэты, если они еще не перевелись, вѣрно посвящаютъ лучшія свои стихотворенія. Но для профана достопримѣчательностью служатъ два англо-нормандскіе коня, неслыханной вышины и дородства. Замѣтивъ произведенное ими впечатлѣніе, жокей, чтобъ окончательно смутить меня, велѣлъ Арабамъ-конюхамъ проѣздить ихъ по двору. Эффектъ дѣйствительно вышелъ чрезвычайный: Арабы, казалось, гарцовали на мамонтахъ или динотеріумахъ, повидимому и не подозрѣвавшихъ, что на нихъ сидятъ люди; точно стопудовые молоты гремѣли копыта, земля тряслась кругомъ, и я невольно сторонился къ стѣнѣ.

Лошадей кормятъ клеверомъ пополамъ съ привознымъ сѣномъ (*сѣнокосныхъ* луговъ въ Египтѣ почти нѣтъ); вмѣсто овса засыпается ячмень, смѣшанный съ особаго рода бобами.

* * *

За городъ ѣздятъ на окаменѣлый лѣсъ, въ Шубру и Геліополисъ, къ дереву Богородицы, въ Джезире и къ большимъ пирамидамъ.

—

Въ окрестностяхъ Каира есть два окаменѣлые лѣса: малый—на Джебель-Хашабѣ, часахъ въ двухъ отъ города, и большой—гдѣ-то очень далеко; путешественники знакомятся только съ малымъ, и то не вполнѣ: по словамъ Murray, ослятники у первыхъ признаковъ окаменѣлостей объявляютъ, что это и есть „the petlified 'ood", и изъ лѣни отказываются везти васъ дальше, тогда какъ немного южнѣе находятся стоячіе пни и цѣльные стволы упавшихъ деревьевъ.

Прогулка на окаменѣлый лѣсъ главнымъ образомъ интересна, какъ partie de plaisir въ пустынѣ.

Тольби и я, въ этотъ разъ оба на ослахъ, тронулись рано утромъ (въ экипажѣ ѣхать неудобно, надо припрягать лишнихъ лошадей, и все-таки рискуешь застрять въ пескахъ). Сначала мчались мы населенною торговою улицей. У лавокъ съ фруктами и овощами продавцы и покупатели перекрикивали другъ друга; верблюды ревѣли, медленно опускаясь на колѣни—ихъ разгружали на мостовой; негръ, прислонившись къ фонарю, ѣлъ взваръ изъ финиковъ; двое мальчишекъ дрались и царапались кошачьями ухватками. На всемъ скаку сшибались мы съ конными и пѣшими, съ запряженными въ арбы бѣлоглазыми буйволами, съ вереницами навьюченныхъ ословъ... Погонщики ожесточенно бранились, матери хватали изъ пыли нагихъ дѣтей и вскидывали ихъ на плечи, а Тольби, не обращая ни на что вниманія, оралъ во все горло и гналъ сломя голову.

Изъ омута уличной жизни попали на безлюдное кладбище Халифовъ. Здѣсь, кромѣ нищихъ, никого не было, и равнодушный къ участи ихъ ногъ ослятникъ ни разу не произнесъ своего арабскаго предостереженія. За „Гробницами Халифовъ“ песокъ и камень, и уже до самаго Чермнаго моря не встрѣтишь живой души.

Дальнѣйшій путь къ „лѣсу“, пролегающій широкимъ каменистымъ доломъ по руслу изсякшей рѣчки, не живописенъ и скученъ; скоро утомляютъ взоръ невысокія кряжи, ихъ отлогіе гранитные скаты и подъ ногами сѣрыя волны песку... Ни звѣря, ни птицы, лишь справа и слѣва по краямъ небосклона плывутъ цѣпи облаковъ, окрашенныхъ въ молочноголубой оттѣнокъ. Я впервые вижу облака въ Египтѣ; въ настоящее время года они представляютъ исключеніе.

Несмотря на солнце, слѣпившее насъ всю дорогу, было холодно. Зябкій какъ сапажу, Тольби утратилъ отличавшую его живость и съежился комочкомъ въ своемъ красномъ сѣдлѣ; онъ развилъ тюрбанъ, поправилъ на бритой головѣ ермолку и окутался длиннымъ обмотомъ, такъ что отъ лица его остался только кончикъ плутоватаго носа.

Окаменѣлый лѣсъ покрываетъ плоскую возвышенность, и, подъѣзжая къ нему, нужно подыматься въ гору; въ полугорѣ, замѣтивъ незначительные кусочки дерева, погонщикъ соскочилъ наземь.

— The petlified 'ood, сказалъ онъ и, чтобъ укрыться отъ рѣзкаго вѣтра, залѣзъ подъ брюхо осла.

Я продолжалъ ѣхать впередъ. Тольби нехотя поплелся сзади.

— Very bad place—очень дурное мѣсто, ворчалъ онъ, и для острастки разсказалъ повѣсть—несомнѣнно тутъ же импровизованную — о трехъ слишкомъ смѣлыхъ путешественникахъ, уведенныхъ въ рабство бедуинами.

Черезъ десять минутъ почва оказалась густо усѣянною осколками деревьевъ; я нашелъ между ними окаменѣлый плодъ, схожій съ винною ягодой. Чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ куски становились увѣсистѣе; однако самый большой можно было безъ усилія приподнять съ полу. Обломки нѣкоторыхъ деревьевъ, разбившихся вѣроятно при паденіи, не разсыпались и въ совокупности сохранили форму ствола; такіе стволы, при аршинной толщинѣ, имѣли отъ четырехъ до шести саженъ въ длину; но цѣльныхъ бревенъ и пней на корню я нигдѣ не нашелъ.

Окаменѣлыя деревья, по изслѣдованіямъ новѣйшихъ ученыхъ, не суть пальмы, какъ думали прежде, а принадлежатъ къ двумъ болѣе не произрастающимъ въ Египтѣ породамъ (*Nicolia Owenii* и *Nicolia Aegyptiatica*).

На обратномъ пути потеплѣло. Тольби оттаялъ и на прощанье предался самымъ замысловатымъ гимнастическимъ упражненіямъ: я предупредилъ его, что прочія прогулки намѣренъ совершить въ коляскѣ. Онъ до того коверкался на своемъ тщедушномъ ослѣ, что подъ конецъ вмѣстѣ съ нимъ свалился въ какую-то канаву.

Въ воспоминаніе о Джебель-Хашабѣ я набралъ себѣ полны карманы камней и, разумѣется, на другой день не зналъ куда ихъ дѣвать.

—

Шýбра — зáмокъ Измаилъ-паши, въ семи верстахъ отъ Каира.

Во дворецъ я не заглянулъ, за то нѣсколько часовъ бродилъ по саду. Встрѣтившій меня у воротъ садовникъ, чтобы завязать сношенія, досталъ изъ рубахи чудесную махровую розу и очищенный апельсинъ, вслѣдствіе продолжительной носки за пазухой распавшійся на дольки; отъ апельсина я впрочемъ отказался.

Въ ботаническомъ отношеніи Шýбра не заслуживаетъ вниманія; въ ней нѣтъ ни рѣдкихъ растеній, ни пышныхъ цвѣтовъ; но для меня все было прекрасно: я не привыкъ еще къ ароматамъ южнаго сада, къ розамъ въ январѣ, къ апельсиннымъ, лимоннымъ и померанцевымъ деревьямъ на вольномъ воздухѣ, съ вѣтвями, гнущимися подъ тяжестью плодовъ...

Говоря о Шýбрѣ, нельзя обойти молчаніемъ царскую затѣю зáмка, — мраморный водоемъ подъ открытымъ небомъ, точнѣе прудъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ широкимъ перистилемъ; послѣдній имѣетъ по четыремъ угламъ комнаты: столовую, билліардную и двѣ *гаремныя* съ мягкими диванами для отдыха. Глубина бассейна по грудь; отовсюду въ него спускаются лѣстницы бѣлаго мрамора; посрединѣ такой же островъ на двадцати четырехъ крокодилахъ, изрыгающихъ воду. Любопытно, что купальня эта, достойная гурій Магометова рая, освѣщалась *a giorno* газомъ въ то время, какъ онъ еще не былъ введенъ въ употребленіе на улицахъ Парижа.

Я подошелъ къ краю, чтобъ измѣрить глазомъ ширину водной поверхности. Съ залитыхъ ступеней противоположной лѣстницы сорвался чернышъ и, мелькнувъ мимо колоннъ, исчезъ въ небѣ съ испуганнымъ посвистомъ. Птица напрасно безпокоилась: будь у меня даже ружье, оно врядъ ли хватило бъ съ одного берега на другой.

Аллея вѣковыхъ сикоморъ, ведущая изъ города въ Шýбру, служитъ мѣстомъ гулянья для жителей Каира. По пятницамъ и воскресеньямъ здѣсь увидишь то же, что̀ „вдоль

канала“ въ Александріи, но въ болѣе обширныхъ размѣрахъ; зимою въ каирскомъ Bois de Boulogne все многочисленнѣе—и кареты, и сановники, и французскія актрисы.

—

Дерево Богородицы и Геліополисъ смотрятся за одинъ разъ. Первое растетъ близъ селенія Матаріе въ полуторачасовомъ разстояніи отъ столицы. Оно подарено хедивомъ императрицѣ Евгеніи. Легенда гласитъ, что Святое Семейство часто покоилось въ тѣни его вѣтвей. Однажды Марія съ младенцемъ Іисусомъ, спасаясь отъ преслѣдованія, спряталась будто бы въ дупло, и паукъ такъ заткалъ отверстіе, что никто не могъ ихъ найти. Верстахъ въ двухъ, на другомъ концѣ названной деревни, находятся остатки Геліополиса. Городъ этотъ, въ Библіи *Онъ*, одинъ изъ главныхъ центровъ древняго Египта, славился культомъ Солнца.

Востокъ изобилуетъ памятниками и мѣстностями, съ которыми связаны завѣдомо ложныя преданія. Что̀ общаго, напримѣръ, имѣлъ Моисей съ источникомъ носящимъ его имя въ мертвыхъ окрестностяхъ Мокатàма? Къ числу такихъ апокрифическихъ достопримѣчательностей принадлежитъ и дерево Богородицы. Доподлинно извѣстно, что оно посажено въ **1672** году, взамѣнъ прежняго, другаго *дерева Богородицы* († 1665 г.), которое въ свою очередь имѣло предшественника, и т. д. Современное дерево — дряхлая сикомира, лишенная верхушки; торчатъ только два, три нижніе сука; стволъ безъ слѣдовъ коры—исчерченный, исцарапанный, изрѣзанный—представляетъ изъ себя кладбище людскихъ прозвищъ и фамилій. То путешественники при помощи перочинныхъ ножей оставили по себѣ воспоминаніе. На старыхъ именахъ легли новыя, какъ свѣжіе могильные холмы на могилахъ, сравнявшихся съ землею. Въ настоящее время сикомору огородили, и туристы могутъ тупить свои ножички лишь о рѣшетку.

Отъ дерева извощикъ повезъ меня обратно въ Каиръ, хотя былъ нанятъ до Геліополиса (о таксѣ я еще не зналъ и договаривался съ нимъ цѣлыхъ полчаса). Когда я потре-

бовалъ, чтобъ онъ ѣхалъ далѣе, за Матаріе, хитрый Арабъ уперся на меня недоумѣвающимъ взоромъ, точно не понималъ, и вмѣсто отвѣта стегнулъ по лошадямъ. Неоднократно повторялъ я свое приказаніе: негодяй то гналъ, то сдерживалъ, то совсѣмъ останавливался и снова выпучивалъ на меня глаза. Не желая пасть жертвой такой очевидной комедіи, я попробовалъ прибѣгнуть къ пантомимѣ и, не сказавъ ни слова, погрозилъ ему хлыстомъ.

— All right, спокойно отвѣчалъ онъ, и медленно, съ невозмутимымъ цинизмомъ, повернулъ лошадей.

Отъ города Солнца сохранился всего-на̀всего одинъ обелискъ; подъ сѣнью его бродятъ отрепанныя дѣти и не даютъ прохода иностранцамъ.

—

Джезйре (*островъ*) — загородный дворецъ, построенный Измаилъ-пашой на рѣчномъ островѣ, который соединенъ посредствомъ мола съ лѣвымъ берегомъ Нила. Въ былое время островъ сплошь затоплялся разливами, и, прежде чѣмъ строиться, надо было поднять его уровень; насыпной слой имѣетъ полтора метра толщины.

Джезйре самый роскошный дворецъ въ Египтѣ; въ немъ обыкновенно отводятся квартиры высокимъ гостямъ хедива. Въ залахъ, перемежаясь съ турецкими диванами, стоятъ вазы въ ростъ человѣческій, столы римской и флорентинской мозаики—подарки папы, и различные предметы искусства, купленные на всемірныхъ выставкахъ. Въ одной комнатѣ ониксовый каминъ съ зеркаломъ стоилъ 6.000 фунтовъ стерлинговъ. Покой, служившій спальней императрицѣ Французовъ, весь, какъ внутренность бомбоньерки, простеганъ голубымъ атласомъ.

Въ дворцовомъ паркѣ содержится звѣринецъ; тутъ, какъ и въ прочихъ зоологическихъ садахъ, среди рѣдкихъ фазаньихъ породъ разгуливаютъ доморощенныя куры, рядомъ съ гіенами дворняга въ клѣткѣ, повизгивая, ластится къ прохожимъ, тигры, рыча, поводятъ хвостомъ, слонъ ѣстъ хлѣбъ изъ рукъ, играетъ на губной гармоникѣ и хоботомъ

собираетъ деньги въ пользу сторожа... Но этимъ и заканчивается сходство Джезйрскаго звѣринца съ европейскими.

Грустное зрѣлище являютъ въ зимнюю стужу наши зоологическіе сады. Засвирестѣлъ блокъ, захлопнулась за вами дверь, въ которую, опережая васъ, клу̀бами ворвался морозный паръ, и вы очутились во мракѣ и удушливой вони „топленаго помѣщенія“; звѣри съ мутнымъ взглядомъ заученою поступью слоняются взадъ и впередъ, скользя по желѣзной рѣшеткѣ то правымъ, то лѣвымъ ухомъ. Олицетвореніе голода, тоски и тупаго отчаянія!

Обитатели Джезйре, преимущественно уроженцы центральной Африки, не нуждаются въ закрытыхъ зданіяхъ и вѣкуютъ вѣкъ на чистомъ воздухѣ; кормятъ ихъ сыто; уходъ за ними отличный. При подобныхъ условіяхъ животныя не утрачиваютъ природныхъ качествъ: львы имѣютъ поистинѣ королевскую осанку, шустрыя, проворныя мартышки нисколько не походятъ на жалкихъ чахоточныхъ твореній, которыхъ показываютъ на сѣверѣ, и нигдѣ нѣтъ жирафъ такого гигантскаго роста (проводникъ бросалъ къ нимъ въ закуту вѣтки мимозы; чтобы достать ихъ съ полу, долговязыя созданія разставляли переднія ноги, какъ акробаты).

Возлѣ небольшаго пруда кулики, камнешарки, различные виды болотной дичи съ крикомъ и пискомъ гонялись другъ за другомъ; сосредоточенные журавли, фламинго съ красными крыльями и розовые пеликаны не принимали участія въ общей суматохѣ. Просторный садокъ изъ проволоки вмѣщалъ великое разнообразіе мелкихъ пернатыхъ; но такія же птицы летали кругомъ на свободѣ.

Садъ Джезйре можно назвать и ботаническимъ: среди лабиринта дорожекъ, узорно выложенныхъ камешками, вокругъ бронзовыхъ оленей и мраморныхъ фонтановъ, африканская флора раскинулась въ полной красѣ.

Подчасъ, гуляя въ паркѣ, вообразишь, что онъ принадлежитъ не владѣтельной особѣ, а тебѣ самому, и тогда другими глазами, глазами взыскательнаго хозяина, посмотришь на окружающее: многое верхъ совершенства, а многое надо бы пересадить, передѣлать, перестроить... Въ нынѣшнюю

прогулку я подарилъ себѣ на нѣсколько минутъ островъ Джезїре съ его принадлежностями и, движимый новымъ чувствомъ, садился отдыхать на окаменѣлые пни съ Джебель-Хашаба, прислушивался къ журчанію водометовъ, удалялся въ гроты изъ ноздреватыхъ камней, ходилъ надъ каналами въ тѣни прибрежныхъ бамбуковъ: я собирался созидать и разрушать. Но здѣсь мой хозяйскій глазъ остался всѣмъ доволенъ: лучшаго сада придумать я не могъ и потому ничего бы въ немъ не измѣнилъ и не тронулъ... развѣ выпустилъ бы на волю свою соотечественницу, сороку, которая томится въ несвойственномъ ей климатѣ, предназначенная возбуждать на Нилѣ такое же удивленіе, какое у насъ возбуждаютъ попугаи.

—

На пирамиды, въ видахъ экономіи, принято ѣздить большимъ обществомъ. Я подыскалъ себѣ спутниковъ въ средѣ знакомыхъ. Кромѣ двухъ паръ молодыхъ супруговъ, товарища моего дѣтства, друзей-философовъ и врага всякой философіи, генерала Ѳедорова, въ Каирѣ проживалъ еще русскій—остзейскій баронъ, румяный и богатый юноша, который пріѣхалъ лѣчиться отъ воспаленія легкихъ, занималъ лучшій нумеръ въ Hôtel d'Orient, держалъ при себѣ доктора, карлика и обезьяну и никогда ни чѣмъ боленъ не былъ. Перечисленныя лица, за исключеніемъ генерала, изъявили согласіе раздѣлить пріятности и расходы прогулки, и въ назначенный день, сопровождаемый нѣсколькими пустыми извощиками, я поѣхалъ собирать по домамъ желающихъ.

Прежде всего постучался въ chambres garnies. У философа-поэта господствовалъ поэтическій безпорядокъ: на столѣ—пальто, ананасъ, жестянка съ thon mariné: на диванѣ—револьверъ, утиральникъ, полупудовая кисть банановъ... Хозяинъ еще не вставалъ и мрачно декламировалъ подъ пологомъ:

„Дальше, вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ.“

Облаченіе происходило непозволительно медленно. Я успѣлъ выпить нѣсколько чашекъ кофе, прочелъ газету *Машалла*, съѣздилъ въ консульство за кавасомъ, а поэтъ все еще не былъ готовъ и, надувъ верхнюю губу, то копотливо пристегивалъ цѣпочку часовъ, то вставлялъ запонки въ грудь рубашки.

Въ сосѣдней комнатѣ, его пріятель, просто философъ, горячо трактовалъ о высокихъ матеріяхъ съ остзейскимъ барономъ; увидавъ меня, оба собесѣдника въ одинъ голосъ воскликнули, что въ настоящую минуту ѣхать не могутъ, что имъ надо сперва доспорить до конца. Оставивъ въ ихъ распоряженіи одну изъ колясокъ, я съ поклонникомъ Лермонтова отправился далѣе.

Въ Hôtel du Nil захватили товарища дѣтства; онъ часто бывалъ на пирамидахъ и теперь ѣхалъ лишь для компаніи.

Послѣдняя остановка была у Grand New Hôtel, гдѣ насъ осадили тѣ же продавцы монетъ и каменныхъ жуковъ, нищій, у котораго отваливается голова, мальчикъ, не имѣющій на себѣ ничего, кромѣ штанишекъ... Сегодня, вмѣсто ржаваго кольца, онъ совалъ мнѣ въ носъ банку съ живымъ хамелеономъ и все-таки кричалъ: „real, antic!“

Русскихъ путешественницъ мы привѣтствовали съ тротуара: онѣ переняли мѣстный обычай цѣлые дни проводить въ праздности на террасѣ. Мужья ихъ стояли тутъ же, въ мокасинахъ и пробковыхъ шлемахъ.

Общество разсѣлось по экипажамъ, открыло холщевые зонтики, и коляски, подымая легкую пыль, помчали насъ по улицамъ Измаиліи къ самымъ древнимъ памятникамъ рода человѣческаго.

Солнечное утро на исходѣ, но воздухъ еще крѣпительно прохладенъ, и, впивая его всею грудью, ощущаешь приливъ новыхъ жизненныхъ силъ; горячій свѣтъ, одѣвшій зданія,

деревья, толпу, проникъ кажется и въ душу, наполнивъ ее нѣгой и безотчетнымъ весельемъ.

Въ молодомъ городѣ дома-особняки походятъ на виллы, и нерѣдко сквозь изгороди палисадниковъ виднѣется даль, задернутая неуловимымъ туманомъ. А возлѣ насъ течетъ будничная жизнь Каира, сталкиваются его постоянные контрасты, ключомъ кипитъ движеніе; феллахъ, согнувшись подъ тяжестью многоемнаго кожанаго мѣха, спрыскиваетъ мостовую; на припекѣ собрался митингъ дѣвочекъ, вышедшихъ на навозный промыселъ: онѣ хвастаютъ другъ предъ дружкой добычей и похлопываютъ ручонками по верху плотно набитыхъ корзинъ; предъ дышлами, слегка закинувъ назадъ голову, граціозно несутся гайдуки, иногда по два въ рядъ, нога въ ногу и локоть къ локтю; костюмъ ихъ состоитъ изъ бѣлой рубахи съ широкими рукавами, расшитаго золотомъ жилета и короткихъ по колѣни шароваръ. У насъ тоже есть сеисъ,—сеисъ изъ любви къ искусству, Арабченокъ - лѣтъ двѣнадцати, вздумавшій прогуляться за городъ. Порой онъ садится отдыхать на козлы нашихъ экипажей; кучера относятся къ нему съ презрѣніемъ, какъ къ паразиту, но не прогоняютъ.

У Касръ-эль-Нила, дворца вице-короля и вмѣстѣ казармъ, переѣхали черезъ желѣзный раздвижной мостъ и, оставивъ вправо Джезйре, повернули къ другому зàмку хедива, Гизе, получившему свое названіе отъ деревни расположенной на берегу Нила; сперва здѣсь находились дворцы мамелюковъ, безслѣдно исчезнувшіе. Именемъ Гизэ окрещены почему-то и Большія Пирамиды, хотя по дорогѣ къ нимъ попадаются еще нѣсколько поселковъ. Отъ Нила шоссе стрѣлою легло черезъ низменность къ Сахарѣ; оно выше уровня полей и никогда не заливается рѣкой.

Опять въ степномъ привольѣ развилась предо мною панорама невѣдомой страны съ глиняными деревушками, съ четами пальмъ, съ бѣлыми ибисами въ зеленомъ бархатѣ всходовъ. Такой яркой зелени какъ въ Египтѣ не сыщешь во всемъ мірѣ. На лугахъ стоятъ свѣтлыя лужи весенней воды, отражающей небо: если хорошенько въ нее вглядѣть-

ся, видно, какъ въ бездонной, лучезарной глубинѣ, опрокинувшись, парятъ ястреба.

Но зачѣмъ же дамы разговариваютъ о своихъ нарядахъ? Зачѣмъ поэтъ читаетъ гробовымъ голосомъ Лермонтовскій *Споръ?* Зачѣмъ одинъ изъ туристовъ непремѣнно хочетъ охотиться и, не обращая вниманія на крики жены, цѣлитъ во всякое живое существо? Усмотрѣвъ птицу, мирно прыгающую по берегу водомоины, спортсменъ велитъ кучеру остановиться и начинаетъ подкрадываться: впереди идетъ кавасъ, сзади лакей держитъ наготовѣ второе ружье.... И мы полчаса теряемъ изъ-за несчастнаго кулика, который, послѣ мѣткаго выстрѣла охотника, оказывается даже не куликомъ, а синицей.

Остается ѣхать верстъ пять, а за нами уже увязались бедуины изъ-подъ пирамидъ, сторожащіе свою добычу по дорогѣ. Они бѣгутъ рядомъ, трещатъ безъ умолку и вытаскиваютъ разныя бездѣлушки, болтающіяся за пазухой; но мы плохіе покупатели, и бедуины не безъ нѣкотораго удальства, единственно для того, чтобъ удивить насъ, назначаютъ все болѣе и болѣе невозможныя цѣны за вещицы самой грубой поддѣлки.

Я раскрываю *Дорожникъ* и черпаю изъ него слѣдующія свѣдѣнія, касающіяся цѣли нашего путешествія.

„Царственныя могилы“ въ Египтѣ, числомъ около ста, дѣлятся на нѣсколько группъ *; группа Гизэ, къ которой мы теперь ѣдемъ, состоитъ изъ трехъ большихъ пирамидъ **: Хеопса, Хефрена и Менкавра. Вотъ приблизительно, что̀ разказываетъ объ ихъ постройкѣ Геродотъ.

Хеопсъ (3091—3067 до Р. Х.) предался всякаго рода порокамъ, закрылъ храмы, воспретилъ жертвоприношенія и всѣхъ подданныхъ заставилъ безвозмездно работать для себя; одни добывали камень въ „Арабскихъ горахъ“ (подъ Каиромъ), другіе переправляли его черезъ Нилъ, третьи

---

* Гизе, Абу-Роашъ, Завьетъ-эль-Аріанъ, Абусиръ, Саккара и Дашуръ.

** О малыхъ я не упоминаю; ихъ, кажется, шесть.

везли далѣе къ ливійскимъ возвышенностямъ. На эти занятія обречены были 100.000 человѣкъ, смѣнявшіеся каждые три мѣсяца. Десять лѣтъ потребовалось имъ на проложеніе пути для подвозки по пескамъ матеріаловъ,—трудъ, по мнѣнію греческаго историка, мало уступающій постройкѣ большей изъ пирамидъ *. Затѣмъ, когда въ скалистомъ грунтѣ, послужившемъ ей основаніемъ, была высѣчена комната, окруженная подземнымъ кольцеобразнымъ каналомъ, приступили къ сооруженію самой гробницы и окончили ее въ двадцать лѣтъ. Вся она была покрыта совершенно гладкими, плотно пригнанными другъ къ другу брусьями не менѣе чѣмъ въ 30 футовъ (длиной, шириной, въ квадратѣ—авторъ не поясняетъ). На одной изъ сторонъ было обозначено, сколько денегъ пошло на покупку рабочимъ луку, чесноку и петрушки. „Если не ошибаюсь", говоритъ Геродотъ, „по словамъ толмача, прочитавшаго мнѣ надпись, сумма достигала 1.600 серебряныхъ талантовъ". На наши деньги около двухъ съ половиною милліоновъ рублей.

По смерти Хеопса на престолъ вступилъ братъ его, Хефренъ (3067—3043). Онъ одинаковымъ образомъ правилъ народомъ и тоже выстроилъ пирамиду, которая впрочемъ немного ниже Хеопсовой.

Послѣ продолжительнаго и тяжелаго гнета, Египтяне такъ возненавидѣли своихъ притѣснителей, Фараоновъ, что даже пирамиды назвали не ихъ именами, а именемъ пастуха Филитиса, пасшаго здѣсь стада.

Хефрену наслѣдовалъ сынъ Хеопса, Менкавръ (Микериносъ 3043—3020). Онъ не руководствовался примѣрами отца и дяди, напротивъ, открылъ капища и разрѣшилъ жертвоприношенія. Потому-то оставшійся послѣ него памятникъ гораздо меньше двухъ первыхъ [2]).

Смѣнились десятки и сотни поколѣній; люди позабыли для чего складывались эти каменныя горы и повѣрили пре-

* Дорога эта по Геродоту имѣла 926 метровъ длины, 19 ширины и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 15 вышины, и состояла изъ полированныхъ плитъ съ выдолбленными на нихъ фигурами. Отъ нея и понынѣ сохранились остатки.

даніямъ о погребенныхъ въ нихъ сокровищахъ. Особенно много золотыхъ слуховъ носилось про подвальную комнату, существованіе которой было уже извѣстно Геродоту; но какъ открыть ея положеніе подъ землею? Ходъ во внутренность Хеопсовой пирамиды тщательно задѣланъ снаружи, и гладкая ея поверхность остается нѣма для алчныхъ взоровъ.

Халифъ Мамунъ, сынъ Гарунъ-эль-Рашида, первый, безо всякихъ указаній, принялся на удачу пробивать каменную толщу. Послѣ долгаго безплоднаго труда терпѣніе его истощилось, рабочіе возроптали, и онъ рѣшилъ оставить свои поиски. Въ это самое время наткнулись случайно на одинъ изъ пустыхъ объемовъ пирамиды и нашли въ немъ сосудъ, наполненный золотомъ; лежавшая подлѣ скрижаль гласила, что отысканныхъ денегъ достанетъ для возмѣщенія затратъ, сдѣланныхъ корыстнымъ царемъ, но что всѣ послѣдующія его усилія будутъ безполезны. По странному стеченію обстоятельствъ, денегъ дѣйствительно хватило на уплату рабочимъ, которые и были немедленно распущены. Обрадованный счастливымъ исходомъ предпріятія, народъ прославилъ благоразуміе халифа. Сосудъ былъ изъ смарагда, и Эль-Мамунъ увезъ его съ собою въ Багдадъ.

Минули еще вѣка; цари перестали мечтать о кладахъ, но дѣло разрушенія пирамидъ не прекратилось. Визирь Селлахъ-Эддина (1169—1193), полушутъ, полугосударственный человѣкъ, Карагёзъ, имя котораго перешло въ наслѣдство восточному *Петрушкѣ*, бралъ изъ нихъ камень для каирскихъ построекъ (напримѣръ, для цитадели). Преемника Селлахъ-Эддина, Меликъ-эль-Камиля, осѣнила мысль разорить такъ-называемую *красную пирамиду* (Менкаврову). Восемь мѣсяцевъ стояли подъ нею лагеремъ рабочіе и упорно трудились, стараясь уничтожить то, что̀ прапращуры ихъ, упорно трудясь, созидали. На девятый Меликъ бросилъ безумную затѣю, приведшую его лишь къ убѣжденію въ своемъ безсиліи. „Когда смотришь на выломанныя глыбы“, говоритъ Абделятифъ, Арабскій врачъ и писатель XII вѣка, „думаешь, что пирамида Менкавра разрушена до основанія; ког-

да же взглянешь на самый памятникъ, видишь, что онъ почти не тронутъ; только на одной сторонѣ снята часть его зеркальной одежды".

Еще столѣтія канули въ вѣчность, а гробницы царей, до послѣднихъ дней служившія каменоломнями, попрежнему гордо и мощно возвышаются надъ Сахарой, и въ мірѣ только двѣ, три колокольни маковками крестовъ могутъ достать до верха Хеопсовой пирамиды [3]). „Все боится времени", сказалъ тотъ же писатель, „но время боится пирамидъ".

Однако Мехмедъ-Али чуть не опровергъ этого метафизическаго положенія, когда вмѣсто лома, уксуса и другихъ разъѣдающихъ составовъ, которые употреблялъ Мамунъ, задумалъ пустить въ ходъ англійскій ружейный порохъ. Европейскіе друзья во́время отговорили вице-короля, внушивъ ему опасеніе, что отъ взрыва пострадаютъ зданія столицы.

Мы были уже близко и я закрылъ книгу. Обработанныя поля кончились. Лошади подымались взволокомъ по глубокому песку; каменныя ограды по краямъ дороги не предохраняли ее отъ песчаныхъ метелей. На встрѣчу намъ, заслоняя прочіе памятники, ползла сѣрая громада Хеопсовой пирамиды; она разросталась въ высь и въ ширь, и дикіе камни ровными рядами уступовъ уходили въ поднебесье; на ней не сохранилось и признаковъ того гладкаго покрова, который видѣлъ Геродотъ, и при которомъ гробница имѣла законченную правильность кристалла.

Въ вышинѣ, около обращеннаго къ намъ ребра, точно развѣвался платокъ, еле замѣтно подымаясь къ вершинѣ; если вѣрить биноклю, это была цѣлая группа людей: четверо Арабовъ тащили въ гору предпріимчивую Англичанку, встрѣченную мною въ Абу-Сиргэ, и ея замшевую тетрадь.

Высадились мы у домика построеннаго хедивомъ (для одной единственной прогулки на пирамиды принца и принцессы Уэльскихъ) и тутъ только замѣтили недочетъ въ экипажахъ: передній былъ занятъ дамами, поэтомъ и мною, въ слѣдующемъ сидѣли туристы съ головнымъ уборомъ героевъ Иліады, въ третьемъ лакей везъ запасное ружье и

самоваръ, четвертаго же не было. Какъ мы въ послѣдствіи развѣдали, остзейскій баронъ, доспоривъ до конца, вмѣсто того, чтобъ ѣхать смотрѣть седьмое чудо свѣта, отправился съ философомъ домой показывать ему доктора, карлика и обезъяну.

Пока мы отряхивались и разминали члены, кругомъ, изъ сугробовъ песку, появлялись спаленные солнцемъ, почти краснокожіе люди. Какъ комары отравляютъ пріятность лѣтняго вечера, такъ просьбы бакшиша портятъ всякую поѣздку въ Египтѣ, но нигдѣ назойливость туземцевъ не достигаетъ той степени, что̀ здѣсь. Арабы ближнихъ деревень, именующіе себя вольными бедуинами, считаютъ пирамиды своею собственностью и требуютъ дани съ пріѣзжихъ иностранцевъ. Хотя размѣры ея и опредѣлены закономъ, седьмое чудо свѣта дорого обходится неопытнымъ путешественникамъ.

Товарищъ дѣтства въ первую свою прогулку истратилъ на одни „подарки" болѣе ста франковъ. Онъ давалъ направо и налѣво, не подозрѣвая, что щедростью подливаетъ масло въ огонь; подъ конецъ Арабы не хотѣли отпускать такого пріятнаго гостя и плотнымъ кагаломъ обступили экипажъ. Лишь только посѣтитель удовлетворялъ однѣ претензіи, являлись новыя, въ двойномъ количествѣ, подобно рыцарямъ былины, которыхъ наши богатыри не убиваютъ, а распложаютъ противъ желанія ударами палицы „въ девяносто пудъ". Одинъ бедуинъ просилъ награды за то, что поднялъ оброненный зонтикъ, другой за то, что снялъ пальто, тотъ несъ пледъ, этотъ поилъ водой... Поздно опомнился мой пріятель и, замѣтивъ, что въ портмоне почти совсѣмъ пусто, велѣлъ извощику ѣхать.

Но часъ избавленія его не на́сталъ. Высокій бедуинъ въ опрятномъ бурнусѣ, въ желтомъ кэфіэ *, до тѣхъ поръ неподвижный, подошелъ къ коляскѣ и молча протянулъ руку.

— Тебѣ съ какой стати? воскликнулъ раздосадованный путешественникъ;—ты для меня ничего не сдѣлалъ; я тебя даже не видалъ...

---

* Платокъ повязывающій голову.

— Я шейхъ, старшина, спокойно отвѣчалъ Арабъ.

— Мнѣ-то что? Я и такъ роздалъ не мало. Всѣ тѣ, которые оказали мнѣ какую-либо услугу, награждены.

— На то была ваша добрая воля: имъ вы могли ничего не давать, но мнѣ, какъ шейху, обязаны по таксѣ заплатить два шилинга.

Товарищъ дѣтства внѣ себя швырнулъ этому главному сборщику податей свои послѣдніе четвертаки.

— А теперь, прибавилъ бедуинъ,—если ваша милость будетъ, пожалуйте мнѣ, какъ шейху, бакшишъ.

Наученные опытомъ спутника, мы прежде всего приняли предохранительныя мѣры, а именно, подозвавъ старшину, обѣщались хорошо заплатить и ему, и другимъ бедуинамъ, но съ уговоромъ—чтобы во все время нашего здѣсь пребыванія самое слово „бакшишъ" не было произнесено никѣмъ изъ Арабовъ; въ противномъ случаѣ пригрозили заплатить только согласно таксѣ. Бедуинъ понималъ по-англійски, но для большей вѣрности товарищъ дѣтства, видно порядкомъ напуганный, заставилъ каваса перевести наше предостереженіе по-арабски. Кавасъ не обошелся безъ аллегорій: всякій разъ какъ въ рѣчи его, обращенной къ начальнику Арабовъ, попадалось запретное слово, онъ разилъ палкой какого-то невидимаго врага.

— Тàибъ, тàибъ кетѝръ (хорошо, очень хорошо), твердилъ шейхъ.

Для ближайшаго знакомства съ большою пирамидой онъ отрядилъ мнѣ и поэту по три проводника. Прочіе путешественники не захотѣли ни подыматься наверхъ, ни проникать внутрь. Кто жаловался на зубную боль, кто находилъ, что слишкомъ жарко. Нашъ сотоварищъ—охотникъ на всѣ предложенія, не объясняя причины, отрицательно моталъ головой.

— Да полѣзай же, мой другъ, говорила ему въ полголоса супруга.

— Полѣзай сама, возражалъ онъ, смущенно улыбаясь.

Другой туристъ—вторично пріѣзжающій въ Египетъ—нашелъ на камнѣ свою фамилію написанную имъ нѣсколько

лѣтъ назадъ, и, скрестивъ руки, замеръ предъ нею въ безмолвномъ восхищеніи.

Однако, все наше общество, пихаемое и влекомое гурьбой Арабовъ, взобралось таки по уступамъ саженъ на пять отъ земли къ небольшому четвероугольному отверстію, единственному входу въ темныя нѣдра пирамиды. Не по себѣ становится при мысли, что сейчасъ сойдешь живой въ эту могилу, но вглядываясь въ ея таинственный мракъ, человѣкъ невольно поддается любопытству: что̀ ждетъ его? Ужасъ, отъ котораго дыбомъ встанутъ волосы, или незнаемое смертными блаженство невозмутимаго покоя?

Я сдѣлалъ шагъ впередъ... Нѣсколько грязныхъ рукъ схватило меня за плечи: одному идти не дозволяется. Къ тому же насъ хотѣли сперва вести наверхъ. Но, предуга̀дывая, что *верхнее* впечатлѣніе во всякомъ случаѣ отраднѣе *внутренняго*, я не согласился. Арабы поупорствовали, погалдѣли, однако, видя мою рѣшимость, вынули огарки, взяли меня и поэта за руки,—и пирамида поглотила насъ.

Темно; невыносимо жарко; сѣрный духъ рѣжетъ глаза и спираетъ грудь, а представленіе о необъятной гранитной массѣ надъ головой давитъ невыносимымъ бременемъ. Гуськомъ, согнувшись, спускаемся мы по наклонному четырехгранному желобу изъ отшлифованныхъ камней и, разумѣется, скатились бы внизъ, какъ съ ледяной горы, не будь насѣчены, въ полуаршинномъ другъ отъ друга разстояніи, углубленія въ полу, замѣняющія ступени. Впрочемъ и они такъ сгладились отъ безпрестанной ходьбы, что могутъ служить опорой только привычнымъ и вдобавокъ босымъ ногамъ Арабовъ. Послѣднихъ не смущаетъ ни скользкій путь, ни жара, ни отсутствіе свѣжаго воздуха, и они стремительно тащатъ насъ въ глубину. Я изнемогаю, обливаясь по̀томъ, но у меня нѣтъ силы сопротивляться имъ, и даже не хватаетъ голоса приказать идти медленнѣе; такъ порою въ грезахъ страшнаго сна человѣкъ не въ состояніи ни пошевельнуться, ни вскрикнуть.

— Здѣсь адъ, выйдемъ отсюда! умоляетъ поэтъ.

Ходъ, который я назвалъ желобомъ (онъ имѣетъ не болѣе метра въ поперечникѣ), идетъ по прямой линіи къ подземной комнатѣ и выведенъ такъ правильно, что при длинѣ въ 320 футовъ съ нижняго его конца была бы видна точка небесной синевы, еслибъ обрушившаяся глыба не загромождала его на полудорогѣ.

Сколько мнѣ извѣстно, подземной комнаты не посѣщаютъ; мы по крайней мѣрѣ оставили ее далеко внизу и отъ завалившейся глыбы направились другимъ восходящимъ коридоромъ въ главный отдѣлъ гробницы, такъ-называемую царскую комнату.

Объ этой части нашего мытарства я сохранилъ самыя смутныя воспоминанія: я былъ наполовину бездыханенъ. Помню, что въ одномъ мѣстѣ мы двигались на четверенькахъ; впереди уползали голыя икры и пятки одного Араба; сзади другой закупоривалъ проходъ, а корридоръ становился все ўже и ўже, точно пирамида готовилась задушить насъ въ своихъ каменныхъ объятіяхъ. Помню я себя надъ какимъ-то неправильнымъ бездоннымъ колодцемъ, куда, упираясь руками и ногами въ противоположныя стѣнки, слѣзалъ бедуинъ со свѣчей. Иногда Арабы зажигали магній, и мы походили на гномовъ, нежданно застигнутыхъ въ расщелинѣ горы ослѣпляющимъ дневнымъ свѣтомъ. Помню я высокій ходъ, потолокъ котораго терялся во мракѣ; шли мы вдоль стѣны по узкому выступу, такой же выступъ былъ насупротивъ, и между ними зіяла пропасть...

Живо представилось мнѣ происшествіе случившееся съ Семеномъ Семеновичемъ: вѣроятно надъ этою самою пропастью онъ такъ коварно былъ покинутъ Арабами... Какъ бы и со мной они не сыграли той же штуки. Инстинктъ самосохраненія не совсѣмъ оставилъ меня и я зорко слѣжу за ихъ движеніями. Но глубокъ ли обрывъ? На ходу при колеблющемся пламени нельзя различить дна. Взявъ у проводника огарокъ я посвѣтилъ имъ внизъ и — — — спрыгнулъ въ бездну, такъ какъ полъ, покрытый слоемъ пыли и осколковъ, находился всего въ полутора аршинѣ отъ выступовъ.

Теперь мнѣ ясенъ смыслъ приключенія, повѣданнаго капитаномъ: отъ Арабовъ не ускользнуло, что Семенъ Семеновичъ съ боязнью жмется къ стѣнѣ, воображая подъ ногами неизмѣримую глубину, и сметливые „мародёры“ не посовѣстились извлечь пользу изъ его заблужденія.

Пять тысячъ лѣтъ протекли надъ вселенной со времени постройки пирамидъ; рушились города, исчезли цѣлые народы, лицо земли преобразилось; но царская комната не измѣнила первоначальнаго вида. Она сложена изъ огромныхъ гладкихъ брусьевъ, такъ искусно сплоченныхъ другъ съ другомъ, что въ пазы нельзя всунуть ни лезвія ножа, ни иголки, ни волоска. Отсутствіе оконъ и дверей, сѣрый камень кругомъ, пустой саркофагъ изъ порфира, единственный предметъ, на которомъ останавливается взоръ, все придаетъ комнатѣ крайне унылый характеръ; не пробывъ въ ней и двухъ минутъ, мы по тѣмъ же ходамъ вернулись наружу къ товарищамъ [4]).

Еслибъ, отрывъ замурованнаго преступника, даровать ему жизнь и свободу, врядъ ли онъ былъ бы счастливѣе меня, когда я очутился наконецъ на вольной волѣ. Съ дѣтскою радостью, съ любовнымъ трепетомъ привѣтствовалъ я воздухъ и солнечный свѣтъ; небо стало ярче и лазурнѣе, долина безпредѣльнѣе, и весь Божій міръ, какъ бы обновленный, сіялъ иною, дотолѣ неизвѣстною мнѣ красой.

А бедуины, погасивъ огарки, уже влекли насъ по уступамъ наверхъ. Когда взбираешься на пирамиду, она походитъ на полуразвалившуюся лѣстницу великановъ; нѣтъ ей границъ ни въ вышинѣ, ни съ боковъ, только внизу видно, что гряды камней выростаютъ изъ песку. Медленно, съ напряженіемъ, осиливали мы ступень за ступенью; онѣ выше обыкновеннаго письменнаго стола и притомъ лѣстница чрезвычайно крута. Вскорѣ поэтъ, который, какъ и я, взбирался по сѣверной сторонѣ, отсталъ отъ меня со своими Арабами, и я буквально *потерялъ ихъ изъ виду.* Это не покажется невѣроятнымъ, если примешь во вниманіе, что всякая изъ площадей Хеопсовой пирамиды имѣетъ около трехъ

десятинъ—размѣры приличнаго фруктоваго сада. Въ окружности пирамиды, у ея подножія, безъ малаго верста.

Черезъ десять минутъ я болѣе не могъ идти и отдался во власть проводникамъ значительно увеличившимся въ числѣ; двое снизу подымали меня за колѣни какъ палку, верхніе дергали за руки, и я *грузился* съ камня на камень, какъ поклонницы изъ Яффы на *Константинъ*. Только на послѣдніе ряды я пожелалъ подняться безъ посторонней помощи; съ каждымъ шагомъ трудность росла въ геометрической прогрессіи, и предъ верхнимъ уступомъ я остановился на нѣсколько секундъ вполнѣ изнеможенный: казалось мнѣ легче сызнова вскарабкаться до того мѣста, гдѣ нахожусь, чѣмъ преодолѣть эту одну, конечную ступень.

— *Ура!* воскликнулъ я на широкой площадкѣ, образующей вершину.

— *Ура-а!... Ура-а-а!* подхватили Арабы и проорали нѣсколько минутъ, какъ будто радуясь, что въ этотъ разъ не они первые начали.

Пирамиды стоятъ близь той черты, гдѣ безо всякой постепенности, безъ перехода, край, дышащій обиліемъ и жизнью, соприкасается съ мертвымъ моремъ песку и скалъ; съ вершины Хеопсовой гробницы черта замѣтна далеко въ обѣ стороны, на сѣверъ, и на югъ: отъ пирамидъ Абу-Роаша до пирамидъ Мемфиса жизнь и смерть раздѣлили поровну видимое пространство. Востокъ занятъ плодороднымъ Египтомъ,—сплошною, цвѣтущею нивою *, исполосованной каналами, испещренной деревушками-муравейниками и орошаемой величайшею изъ рѣкъ; верстахъ въ 15ти, у подошвы Мокатама, вырѣзается силуэтъ Каира. На западѣ, въ холмистой и безформенной, какъ хаосъ, Сахарѣ, владычествуетъ смерть,—безплодная, древняя смерть, окостенѣвшая десятки столѣтій назадъ; ее угадываешь и среди над-

* Въ Египтѣ не имѣютъ понятія о трехпольной системѣ; пару почти не видать; все засѣвается сподрядъ, иногда два раза въ годъ. По времени посѣва хлѣбопашество подраздѣляется на лѣтнее, зимнее и осеннее.

гробныхъ памятниковъ Фараоновъ, названія коихъ утрачены поколѣніями, и окрестъ Сфинкса, отжившаго бога съ потухшимъ взглядомъ, и на склонахъ каменнаго кряжа, гдѣ чернѣютъ могилы-колодцы, подобныя норамъ вымершихъ звѣрей.

Вокругъ меня нѣтъ ни баллюстрады, ни перилъ; я какъ будто стою на хребтѣ воздушнаго шара и *ощущаю* міровой просторъ... Мною овладѣваетъ идея неземнаго могущества; я чувствую себя миѳическимъ божествомъ; все мнѣ покорно,—солнце не жжетъ меня, долина кадитъ благоуханіемъ полей, вѣтерокъ ласкаетъ лицо, еле шевеля моими священными волосами. Лишь буйные аггелы не повинуются мнѣ,—тащатъ смотрѣть подпись герцога Вельсскаго, донъ-Педро и другихъ знатныхъ особъ, суетятся, шумятъ, въ перебой называютъ развернувшіяся предъ нами мѣстности....

— Sir, вкрадчиво говоритъ одинъ,—то что̀ вы заплатите шейху будетъ раздѣлено между *всѣми* бедуинами, а мы, которые такъ усердно вамъ служили...

Но, встрѣтивъ гнѣвный взоръ владыки міра, Арабъ умолкъ на полусловѣ и потомъ тихо прибавилъ въ оправданіе:

— Sir, я не произнесъ слова *бакшишъ*.

Гдѣ мои Русскіе? Они пьютъ чай въ душномъ хедивскомъ домикѣ, вмѣсто того, чтобъ олимпійски завтракать на темени пирамиды! Арабы на рукахъ взнесли бы и ихъ самихъ, и съѣстные припасы, и самоваръ... Со мной никого нѣтъ, кромѣ неизмѣннаго спутника, поэта, который пришелъ позже на 20 минутъ и теперь смотритъ вдаль декламируя:

„Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ....“

Бедуины предложили высѣчь наши имена въ камнѣ: то-есть мы должны были написать ихъ, а Арабы за два франка брались ихъ увѣковѣчить при помощи особаго инструмента. Я былъ непоколебимъ, поэтъ же досталъ изъ кармана карандашъ и, не знаю по разсѣянности или на смѣхъ, начерталъ крупною печатною прописью:

ГЕНЕРАЛЪ ѲЕДОРОВЪ.

Нехотя спустились мы въ пустыню.

Въ то время какъ сходишь, не боишься скатиться внизъ, хотя и представляется, что висишь между небомъ и землей среди камней нескончаемой, почти отвѣсной стѣны: подъ ногами виденъ слѣдующій уступъ, за нимъ другой, третій и т. д.; они настолько широки, что нѣтъ опасности сорваться. Если съ вершины пирамиды изо всѣхъ силъ бросить отъ себя камень, онъ, несмотря на кажущуюся кручу, не долетитъ до подножія, а остановится на полупути.

Для удобства я садился, свѣшивалъ ноги и, разставивъ костылями руки, слѣзалъ со ступени на ступень, какъ очень маленькія дѣти слѣзаютъ со стула. Предъ глазами, не заграждаемая ничѣмъ, лежала Дельта; горизонтъ ея, по мѣрѣ того какъ я опускался, дѣлался ниже и ниже. Изъ высокихъ сферъ поэзіи я мало-по-малу снисходилъ къ земной прозѣ и съ послѣдняго уступа спрыгнулъ въ объятія путешественника, все еще стоявшаго въ оцѣпенѣніи предъ своимъ автографомъ.

Дамы встрѣтили насъ весьма недружелюбно.

— На что же это похоже? говорили онѣ. — Вы портите намъ всякое удовольствіе; васъ ждутъ цѣлый часъ. Точно въ самомъ дѣлѣ мы пріѣхали сюда только для того, чтобъ напиться чаю.

Предъ отъѣздомъ осмотрѣли еще остатки нѣкоторыхъ храмовъ, обошли Хефренову пирамиду и подивовались вблизи на голову Сфинкса.

Послѣдняя находится въ трехъ четвертяхъ версты отъ памятника Хеопса; она такъ велика что человѣкъ, стоя на верхнемъ краю уха, ниже ея темени. Сфинксъ высѣченъ изъ цѣльной скалы. Аршинахъ въ пятнадцати подъ землей распростерты его могучія лапы: между ними помѣщалась каменная жаровня для жертвоприношеній;

„Курился дымъ ему отъ благовоній.
Его алтарь былъ зеленью увитъ...“

Но время источило Сфинкса, мамелюки изуродовали красивое лицо его, избранное ими мишенью для стрѣльбы, а хамсины удавили „бога солнечнаго восхода и жизненныхъ началъ“, закопавъ его по шею въ пескѣ.

У домика хедива, гдѣ ожидали насъ извощики, повторилась сцена извѣстная мнѣ изъ разсказовъ. Потныя, жадныя лица тѣснились надъ дверцами экипажей; сотни рукъ протягивались не то за милостыней, не то съ угрозой; когда лошади наконецъ тронули, живая волна головъ съ крикомъ и воемъ хлынула вслѣдъ за нами. И долго рядомъ съ колясками, освѣщенные вечернимъ солнцемъ бѣжали Арабы, дразня насъ различною старинною дрянью.

Я между тѣмъ дѣлалъ планы на будущее. Въ Каирѣ все мной осмотрѣно, а впереди еще много свободнаго времени. Куда мнѣ направиться? Давно не видалъ я сѣверной весны,—задумчивой, бѣлокурой волшебницы съ лѣснымъ запахомъ прошлогоднихъ листьевъ и медовыхъ цвѣтовъ, въ смѣняющихся уборахъ талаго снѣга, фіялокъ и ландышей; давно не слыхалъ я голосистаго пѣнія ея пробуждающихся рощъ... Но до нея еще далеко. Теперь другая весна манитъ меня въ свое лоно,—черноокая, страстная, незнакомая мнѣ весна, въ ожереліяхъ и запястьяхъ, подернутая золотымъ загаромъ, обвѣянная ароматомъ пряныхъ кореньевъ.... Дыханіе полей ея бьетъ мнѣ въ лицо и сладко щемитъ за сердце; шествуетъ она съ юга и зоветъ къ себѣ на встрѣчу, въ тотъ край, гдѣ только что зимовала вмѣстѣ со стрижами и ласточками...

Рѣшено! завтра же ѣду! вверхъ по Нилу, къ предѣламъ Нубіи.

IV.

28 января, пароходъ *Саидіе.*

Желѣзная дорога Нильской долины представляетъ мало удобствъ для путешественниковъ, желающихъ осматривать древне-египетскія гробницы и храмы: вопервыхъ, отъ Каира она доходитъ пока только до Миніе *; вовторыхъ, пассажирскіе поѣзда слѣдуютъ всего одинъ разъ въ день, и такимъ образомъ остановки туриста на промежуточныхъ станціяхъ поневолѣ должны длиться цѣлыя сутки, хотя бы для обзора извѣстнаго памятника было достаточно двухъ часовъ. Поэтому лучше ѣхать, или точнѣе *идти*, по Нилу въ частной *дагабіи* или на правительственномъ пароходѣ.

Дагабія—собственно несклоняемое *дагабіэ*—есть прелестнѣйшее въ мірѣ рѣчное судно. Кормовая часть его заключаетъ столовую, ванную и нѣсколько спальныхъ каютъ, часто самаго роскошнаго убранства; полъ ихъ ниже уровня воды, и волны близко подступаютъ къ широкимъ окнамъ. Наверху просторная палуба съ тентомъ, уставленная качалками, складными стульями, карточными и шахматными столиками. Кухонная рубка помѣщается дальше къ носу, у мачты съ косымъ парусомъ.

Нанявъ дагабію и подрядивъ драгомана, который уже со своей стороны договариваетъ шкипера, команду, повара и вообще принимаетъ на себя хозяйственно-административную часть путешествія, туристъ отправляется въ дальное стран-

* Теперь дорога проведена до Сіута; въ семь лѣтъ недалеко подвинулась.

ствіе. Съ попутнымъ вѣтромъ дагабія подвигается быстро, въ штиль и при противномъ вѣтрѣ отстаивается. Обыкновенно лишь при такихъ невольныхъ остановкахъ туристъ посѣщаетъ катакомбы и пирамиды или охотится на берегу. Если надоѣстъ сидѣть на мѣстѣ, а благопріятнаго вѣтра все нѣтъ, можно попробовать путешествія на долгихъ—идти на веслахъ или тянуться бичевой. Чудные памятники, царственная рѣка, вѣчно голубое небо, бездѣлье и свобода превращаютъ поѣздку въ прогулку по земному раю.

Путешествіе совершаютъ въ одиночку и обществомъ. Общество, по возможности малочисленное, должно состоять изъ хорошихъ знакомыхъ, еще лучше — изъ друзей, и во всякомъ случаѣ изъ людей покладистыхъ. Но пріятнѣе всего ѣхать одному съ молодою женой.... Говорятъ, если медовый мѣсяцъ не истекъ,—онъ растянется на все время путешествія, сколько бы оно ни длилось; если же онъ канулъ въ вѣчность, то на Нилѣ для супруговъ наступитъ новый, лучшій медовый мѣсяцъ. Генералъ Ѳедоровъ увѣряетъ, что объ этомъ можно справиться въ любомъ египетскомъ календарѣ.

Дагабія конечно имѣетъ неотразимыя чары, но доступна она лишь тѣмъ истиннымъ богачамъ, у которыхъ столько же свободныхъ денегъ, сколько свободнаго времени: чтобы побывать на первыхъ порогахъ, надо истратить три мѣсяца и нѣсколько сотъ фунтовъ стерлингъ.

На казенныхъ почтовыхъ пароходахъ, которыми въ силу особаго соглашенія съ правительствомъ завѣдуетъ фирма „Thomas Cook and Son", путешествіе обходится значительно дешевле и отбывается гораздо скорѣе. Поѣздка до Ассуана и обратно стóитъ 46 фунтовъ и длится двадцать дней; поѣздка до Вади-Хальфы и обратно длится тридцать пять дней и стóитъ 80 фунтовъ. За означенныя цѣны путешественники имѣютъ каждый свою каюту, получаютъ столъ, пользуются услугами драгомана и совѣтами доктора и дѣлаютъ положенныя экскурсіи на ослахъ. Такимъ образомъ—въ этомъ и заключается главное преимущество плаванія на пароходѣ—туристъ избавленъ отъ предварительныхъ договоровъ и заготовленій, а также ото всякихъ дальнѣйшихъ

путевыхъ хлопотъ. Необходимо лишь купить билетъ да отобрать побольше бѣлья на дорогу: если и есть прачки въ среднемъ и верхнемъ Египтѣ, то конечно крахмаленыя рубашки представляютъ для нихъ китайскую грамоту.

Вчера послѣ пирамидъ я обратился за билетомъ въ агентство Ѳомы Кука и Сына—маленькій павильйонъ, близь сада Shepherd's Hotel, дышащій такою американскою простотой что его скорѣе примешь за бесѣдку съ продажей искусственныхъ минеральныхъ водъ; только географическія карты по стѣнамъ, исчерченныя красными дорожками „туровъ Кука", намекаютъ о важности мѣста. Агентъ усадилъ меня, предложилъ сигару и подѣлился нѣкоторыми свѣдѣніями касательно судоходства по Нилу, между прочимъ сообщилъ, что рейсы до Вади-Хальфы дѣлаются лишь съ прошлой осени: въ іюнѣ прибыль воды была такъ велика, что удалось провести одинъ пароходъ за первые пороги; это покамѣсть единственный между Ассуаномъ и Вади-Хальфой: пассажиры, совершающіе полный „trip", пересаживаются на него выше Ассуана, объѣхавъ пороги сухимъ путемъ... Затѣмъ уже освѣдомился о причинѣ, приведшей меня въ павильйонъ, и узнавъ, что я желаю проѣхаться лишь до Ассуана, похвалилъ мою умѣренность: по его мнѣнію, ѣхать далѣе ко вторымъ порогамъ и утомительно, и безполезно: увидишь еще немножко песку, еще немножко Нила, но картины не представятъ ничего новаго...

Когда отсчитанные мною сорокъ шесть совереновъ исчезли въ ящикѣ стола, и ключъ два раза звонко щелкнулъ въ замкѣ, я, вглядѣвшись въ билетъ, съ грустью замѣтилъ, что моя каюта имѣетъ два нумера,—значитъ и двѣ койки. Предупредительный агентъ, понявъ мои сомнѣнія, ловко выхватилъ у меня билетъ изъ рукъ и на обратной его сторонѣ однимъ энергическимъ росчеркомъ написалъ: „to be left alone in his cabin".* Потомъ занесъ въ книгу мой адресъ, крѣпко потрясъ мнѣ руку и пожелалъ счастливаго пути: дѣло-молъ сдѣлано, къ чему же тратить время попусту. Для

* Предоставить каюту ему одному.

него я уже числился за нумеромъ и былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ багажомъ. Не то, чтобъ онъ сталъ невѣжливъ, напротивъ,—какъ бы выразиться яснѣе? — обращеніе его со мною напоминало обращеніе добросовѣстнаго артельщика съ ящикомъ, на которомъ значится: „хрупкое". На прощанье я получилъ въ подарокъ брошюру: *Up the Nile by steam*, * съ изображеніемъ на заглавномъ листѣ чего-то въ родѣ ордена Подвязки, какихъ-то сплетающихся лентъ, и съ круговою по нимъ надписью: *Europa*, *America*, *Azia*, *Africa*, *Cook's tours around and about the world*. **

Отбытіе парохода назначено на сегодня, 28 января. Просыпаюсь поздно и чувствую, что совсѣмъ боленъ—такъ боленъ, что билетъ мой долженъ пропасть даромъ, я не въ силахъ приподняться. Ломъ въ спинѣ и сильную боль въ ногахъ объясняю себѣ восхожденіемъ на пирамиду; но откуда тяжесть въ головѣ, внутренній жаръ, гнетущее ощущеніе никогда еще не испытаннаго недуга? Состояніе напоминаетъ похмѣлье, въ превосходной степени; однако вчера не было ни малѣйшей попойки. Простуда? Да развѣ можно простудиться въ лѣтнюю погоду, какая стоитъ эти дни. Я уже ищу причины въ заразѣ, перебираю въ умѣ самыя страшныя болѣзни: желтую горячку, оспу, чуму—когда лакей вмѣстѣ съ утреннимъ кофе приноситъ разрѣшеніе загадки:

— Поздравляю васъ, первый въ этомъ году *хамсинъ*.

Случалось мнѣ страдать отъ итальянскаго южнаго вѣтра, *сирокко*, но хамсинная немочь куда непріятнѣе. Какъ-то не вѣрится, что это только нервное состояніе, а не смертельная болѣзнь. Впрочемъ разгадка придала мнѣ бодрости. Я встряхнулся, всталъ и, перемогаясь, пошелъ бродить по Каиру. Странное дѣло! съ каждымъ движеніемъ силы мои прибывали, и чѣмъ больше я ходилъ, тѣмъ мнѣ становилось легче. Къ часу пополудни, времени опредѣленному для отъ-

---

* Вверхъ по Нилу на пароходѣ.

** Европа, Америка, Азія, Африка, туры Кука по свѣту и кругомъ свѣта.

ѣзда, я совсѣмъ, что̀ называется, разгулялся и уже ничего особеннаго не чувствовалъ, кромѣ легкой головной боли да общаго горѣнія кожи, сильнѣе всего на рукахъ и на ногахъ.

У желѣзнаго моста *Касръ-энъ-Ниля*, вмѣсто одного топилось два парохода; пассажировъ столько, что на одномъ помѣститься не могутъ. Пароходы *Бехера* и *Сайдіе* будутъ идти въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи и останавливаться одновременно. Устройство обоихъ совершенно одинаковое. Спальныя каюты расположены внизу, за исключеніемъ впрочемъ двухъ надпалубныхъ, возлѣ колесъ (одна изъ таковыхъ выпала на мою долю). Большая рубка—столовая, она же и гостиная—занимаетъ почти всю кормовую часть, оставляя кругомъ себя у борта узкій проходъ. Крыша рубки, сзади и съ боковъ продолженная настолько, что края ея приходятся надъ бортомъ (они поддержаны упирающимися въ него столбиками), будетъ служить намъ сборнымъ пунктомъ въ теченіе дня; палуба эта огорожена желѣзными перилами и покрыта тентомъ. Здѣсь, какъ на дагабіяхъ, стоятъ складныя и раздвижныя кресла; они составляютъ частную собственность: каждое помѣчено именемъ своего владѣльца; не взявшіе съ собою удобнаго сидѣнья довольствуются обыкновенными пароходными скамейками.

Въ общемъ, плоскодонный нильскій пароходъ отличается какимъ-то лѣтнимъ характеромъ постройки и разнится отъ морскаго судна, какъ укромная дача—отъ громоздкаго столичнаго дома.

Уже нѣсколько разъ звонили и свистѣли; Арабы перестали таскать съ берега уголь въ корзинахъ; часъ отхода давно просроченъ; трубы, которымъ вырывающійся паръ обдираетъ желѣзныя внутренности, оглушительно заявляютъ о негодованіи машинистовъ, и кажется, терпѣніе послѣднихъ готово лопнуть заодно съ машиной. Мои знакомые, исчерпавъ немногочисленные предметы предразлучнаго разговора, но все еще пріятно улыбаясь, украдкой посматриваютъ на часы. Я почему-то чувствую себя виноватымъ и убѣждаю ихъ идти домой.

— Нѣтъ, зачѣмъ же, говорятъ они любезнымъ тономъ, въ которомъ, мнѣ однако, чудится скрытое недоброжелательство.

Невыносимое положеніе! Кто ихъ просилъ провожать? И безъ того, само по себѣ, ожиданіе отплытія томительно и тягостно, какъ первый приступъ морской болѣзни. А мы все не идемъ: караванъ не въ полномъ составѣ, одного нумера не хватаетъ, и за опоздавшимъ послано на квартиру...

По билету мнѣ пришлось сѣсть на *Саидіе,* болѣе людный пароходъ, съ полнымъ комплектомъ пассажировъ: пустуетъ всего-на-все вторая койка въ моей каютѣ. Спутники, коими на двадцать дней надѣляетъ меня судьба, принадлежатъ къ различнымъ національностямъ; большинство—Американцы. Вниманіе мое въ особенности привлечено богатымъ нью-йоркскимъ семействомъ, состоящимъ изъ толстаго папаши-весельчака, сентиментально улыбающейся мамаши и двухъ дочекъ: младшая лѣтъ 12, съ тоненькимъ нѣжнымъ профилемъ, похожа на тѣхъ чопорныхъ дѣвочекъ, что̀ изображаются въ каррикатурахъ *Punch'а,* когда рѣчь идетъ о какой-нибудь прелестной ребяческой наивности; дѣвочка очень занята своею наружностью и нарядомъ; старшая—образецъ умной бой-барышни Новаго Свѣта, командуетъ всѣмъ семействомъ: на самомъ дѣлѣ путешествуетъ не толстый папенька и не глупая маменька, давно отрѣшившіеся отъ собственной воли, а старшая дочь въ сопровожденіи своего штата. Захотѣлось ей ѣхать вверхъ по Нилу,—и она поѣхала, взявъ съ собой для развлеченія папа, мама, маленькую сестру, горничную, а также влюбленнаго по уши Бельгійца, красиваго статнаго юношу съ немного придурковатымъ лицомъ; какъ мнѣ сказали вечеромъ, онъ уже третій мѣсяцъ „всюду слѣдуетъ тѣнью за ней". Между туристами прохаживается содержатель буфета, signor Angelo, хитрый черноокій Италіянецъ средних лѣтъ, блистающій изяществомъ манеръ и замысловатымъ сплетеніемъ золотыхъ цѣпочекъ на бархатной жилеткѣ. Онъ старается развлечь публику, разсказываетъ по-французски (съ едва замѣтнымъ италіянскимъ акцентомъ) о своихъ странствованіяхъ „en compagnie

du Directeur", т.-е. въ обществѣ знаменитаго директора Берлинскаго зоологическаго музея, Брэма, и берется за всякія путевыя разъясненія и комментаріи, лежащіе собственно на обязанности пароходнаго драгомана, Ахмета Сафи, стараго Нубійца, въ чалмѣ и съ подстриженною бородой, который во время разглагольствованій буфетчика перетираетъ вбзлѣ кухни посуду; онъ будетъ чистить намъ сапоги...

Наконецъ-то! тронулись—и какъ камень свалился съ души. Теперь другое чувство, сладостное и упоительное какъ запахъ египетскихъ полей, охватываетъ и проникаетъ все мое существо. На срединѣ Нила, объятый просторомъ неба и просторомъ рѣки, оторванный отъ суеты мірской съ ея обязанностями и заботами, вольный какъ птица, я живу всею полнотой жизни въ обаяніи молодости и счастья. Неудержимымъ порывомъ, подобно орлу, взвился я за облака и стою гдѣ-то высоко, не шевеля крыльями. Изъ обрывковъ мыслей, изъ мимолетныхъ впечатлѣній не имѣющихъ связи, слагается внутри меня великая поэма — безъ лицъ, безъ конца и начала, внѣ мѣста и времени,—поэма, которой не передать словами. Прошедшаго нѣтъ для меня, а будущее, уходя въ вѣчность, тянется вереницей свѣтлыхъ праздниковъ. Я не предвижу конца моему путешествію, какъ въ субботу вечеромъ ребенокъ, убравшій свои учебныя книги, не предвидитъ конца завтрашнему воскресенью. Что за блаженство, и вмѣстѣ съ тѣмъ какое полное торжество эгоизма, какое полное равнодушіе и презрѣніе ко всему міру!... Меня уже не тяготитъ отвѣтственность предъ знакомыми, которые, потерявъ даромъ цѣлый день, быть-можетъ отъ души проклинаютъ свою глупую затѣю проводовъ; я вовсе позабылъ о нихъ. Далеко сзади, подернутая легкимъ туманомъ, миніатюрною картиной рисуется аллегорія земнаго странствованія съ его вѣчною, безцѣльною, докучливою бѣготней: по сведеному желѣзному мосту, надъ широкими его пролетами, точно крупный и мелкій бисеръ снизанный на длинную нитку движутся не переставая—одни туда, другіе сюда — Англичанки на ослахъ, верблюды съ вьюками, ко-

ляски, офицеры, муллы, водоносы, солдаты, чиновники.... А впереди только солнечный блескъ, да Нилъ, да на кормѣ *Бехеръ*, перваго парохода (мы идемъ вторыми), волнуется гордое знамя свободы,—красный флагъ съ надписью бѣлыми буквами „Cook's tours".

Мы оставили за собой слѣва островъ Рóдо и старый Каиръ, справа—деревню Ги́зэ. Жители ея, для коихъ паровыя суда представляютъ рѣдкое зрѣлище, собравшись на берегу, орали, скакали и махали руками, какъ шаманы, покланяющіеся чудовищу или какому-нибудь грозному явленію природы. Въ получасовомъ разстояніи отъ Каира, на правомъ берегу (т.-е. слѣва отъ насъ), расположено мѣстечко Тура съ каменоломнями временъ постройки большихъ пирамидъ. По близости стоитъ старинная коптская церковь, гдѣ будто бы разъ въ годъ, если не ошибаюсь 9 мая, являются истинно-вѣрующимъ всѣ святые (та же легенда существуетъ относительно одного монастыря около Дамьеты). Южнѣе, на восточномъ же берегу, верстахъ въ четырехъ отъ Нила, въ пустынѣ, бьютъ цѣлебные сѣрные ключи; возлѣ нихъ недавно построены гостиница, курза́лъ съ ваннами и нѣсколько виллъ. Мѣстечко это, по имени Гелуанъ, орошаемое нильскою водой посредствомъ паровой машины, являетъ собою искусственный оазисъ и славится здоровымъ воздухомъ. Сюда обыкновенно посылаютъ тѣхъ чахоточныхъ, которые и въ Каирѣ не найдутъ себѣ мѣста. Гелуанъ футовъ на сто выше уровня рѣки, и съ плоскихъ его крышъ открывается пространный видъ на долину Нила и на группы пирамидъ по ту сторону, у окраины Ливійской пустыни.

Однако, оставаться долѣе на палубѣ нельзя: хамсинъ разыгрался во всей силѣ,—не настоящій хамсинъ, дующій съ юга въ теченіе пятидесяти дней * и палящій пламенемъ,—а какой-то особенный юго-западный, холодный и пронзи-

* Отсюда его имя (хамсинъ значитъ „пятьдесятъ"). Начинается онъ въ мартѣ и кончается предъ лѣтнимъ солнцестояніемъ. Въ просторѣчіи хамсиномъ зовется всякій южный вѣтеръ.

тельный. Песокъ несется обложною тучей; мелкій и неуловимый какъ тончайшая пыль, онъ стѣсняетъ дыханіе, щекочетъ горло, засоряетъ глаза и вмѣстѣ съ воздухомъ проникаетъ всюду: въ уши, за воротникъ рубашки, въ карманы, въ чулки, въ портмоне, подъ стеклышко часовъ, въ закрытыя аптечныя коробочки на днѣ чемодановъ... Солнце въ половину погасло, такъ что на него можно смотрѣть безвредно, какъ на тарелку изъ латуни. Берега исчезли; мы замедлили ходъ, а дагабіи и большія парусныя лодки съ рубленою соломой, словно обезумѣвъ отъ ужаса, полетѣли еще скорѣе, подобно стаду чаекъ, гонимыхъ бурей. Туристы удалились въ каютъ-компанію, гдѣ накрываютъ длинный-предлинный столъ. На всѣхъ предметахъ лежитъ слой пыли, неосязаемой и липкой какъ паутина.

Послѣ обѣда (его можно бы назвать сноснымъ еслибы блюда не были приправлены сахарскимъ пескомъ) въ столовой появился русый длиннобородый мущина, предводитель нашего общества, *самъ* мистеръ Кукъ, и громкимъ голосомъ обнародовалъ программу завтрашняго дня: мы встаемъ въ шесть часовъ утра (слабый ропотъ въ аудиторіи), завтракаемъ въ половинѣ седьмаго, въ семь ѣдемъ на ослахъ осматривать Мемфисъ, Уступчатую пирамиду, Серапеумъ и гробницу Ти, въ одиннадцать возвращаемся „домой“ и продолжаемъ путь къ первымъ порогамъ. If any further informations are required... * Мы заявили, что никакихъ другихъ свѣдѣній намъ не требуется.

Г. Кукъ перешелъ на нашъ пароходъ съ передняго, съ *bateau amiraille*, какъ называетъ его Анджело. Оба парохода уже установились рядышкомъ подъ крутымъ берегомъ, гдѣ по твердому грунту шелестѣлъ, убѣгая отъ вѣтра, песокъ, какъ шелеститъ по на́сту сухой снѣгъ во время метели. Въ полночь, когда вѣтеръ стихъ и песокъ улегся, я сошелъ по перекинутой доскѣ къ молчаливо-неподвижному Арабу, караулящему пароходы. Тепло; полнолуніе сіяющимъ покровомъ осѣнило заснувшій Египетъ, и прозрачное небо,

---

* Если требуются какія-либо дополнительныя свѣдѣнія...

гладь благоуханныхъ нивъ, едва скользящіе по Нилу паруса,— все грезитъ во снѣ любовію и весной. Стройныя финиковыя пальмы, какихъ я не видалъ ни въ Александріи, ни въ Каирѣ, пальмы въ родѣ той, что̀ снилась Гейневской ели, слегка наклонились къ рѣкѣ... Грустятъ ли онѣ одинокія? Отдались ли всецѣло очарованію этой *зимней* полуголубой, полусеребрянной ночи? Или напротивъ имъ давно наскучила безплодная грусть, а еще болѣе красы природы, и какъ кумушки, жадныя до сплетенъ, соглядаютъ онѣ оставшихся на палубѣ Бельгійца и Американку, прислушиваясь къ его страстнымъ рѣчамъ и къ ея звонкому смѣху?

—

29 января.

Нѣтъ и 6 часовъ, а уже многіе пассажиры, забывъ вчерашній свой ропотъ, вышли наверхъ. На востокѣ еле брежжетъ заря, съ запада свѣтитъ надъ горизонтомъ мѣсяцъ, и Нилъ, освѣщенный съ двухъ сторонъ, спокойный и величественный какъ просыпающійся богъ, покрылся весь сѣтью серебристыхъ струекъ; вслѣдствіе силы теченія онъ никогда не бываетъ совершенно гладокъ. Надъ обрывистымъ берегомъ въ небѣ вырѣзаются темными силуетами образы жалкихъ, худыхъ ословъ, пригнанныхъ изъ ближней деревни Бедрешени (западный берегъ). Ихъ цѣлое стадо; погонщики, преимущественно малолѣтніе, безъ толку колотятъ ихъ и орутъ благимъ матомъ, вѣроятно за тѣмъ, чтобы привлечь благосклонное вниманіе г. Кука, его помощника и драгомановъ, которые, отмахиваясь кнутами отъ назойливыхъ крикуновъ, дѣлаютъ выборъ между животными и къ отличеннымъ прилаживаютъ везомыя на пароходѣ горбатыя сѣдла. (За право пользованія сѣдломъ каждый туристъ, сверхъ цѣны билета, приплатилъ въ павильйонѣ 5 шиллинговъ.) Между тѣмъ разсвѣтъ наступаетъ быстро. И вотъ, пока луна уходитъ въ дальніе ливійскіе пески, изъ-за холмовъ противоположной пустыни поднимается солнце. Но то не наше утреннее свѣтило, румяное и холодное какъ сѣверная красавица, а другое солнце, слѣпящее и грѣющее точно въ

осенній полдень. Къ тому же—ни предварительныхъ огненныхъ полосъ въ небѣ, ни кокетливыхъ кудрявыхъ тучекъ, сотканныхъ изъ розоваго сіянія....

Послѣ *breakfast'a* изъ чая, кофе, топленаго масла въ консервахъ и яичницы, сходимъ на сушу по гибельной доскѣ, у которой въ честь дамъ устроены живыя перила: двое Арабовъ—одинъ съ берега, другой съ парохода—держатъ за концы, на высотѣ пояса, длинную палку.

Взобравшись наословъ, туристы, частью пускаются койкакъ впередъ по пыльной дорогѣ, частью же остаются на мѣстѣ, тщетно усиливаясь побѣдить зонтиками лѣнь или упорство животныхъ. Слѣдуютъ протесты всадниковъ, затѣмъ перемѣнаословъ, пересѣдлованіе и ревъ отверженныхъ мальчишекъ.

Незнакомые съ сѣдломъ и мундштукомъ, привыкшіе ходить подъ туземцами, какъ мать родила, и слушаться однихъ тычковъ въ шею, ослы плохо повинуются намъ. Погонщики, бѣгущіе сзади въ головоломномъ *steeple-chase*, похлопываютъ ихъ стержнями пальмовыхъ вѣтокъ и страннымъ образомъ понукаютъ, производя языкомъ и губами особый противный звукъ, напоминающій какое-то непрерывное прихлебываніе или напрасныя старанія обжоры проглотить устрицу, не совсѣмъ отдѣленную отъ раковины.

Толчея ослиной рыси, когда имѣешь подъ собою орудіе пытки вмѣсто сѣдла, производитъ впечатлѣніе лихой ѣзды по колотью въ телѣгѣ, лишенной переплета и подстилки. Для меня рысь эта тѣмъ мучительнѣе, что отъ прогулки на вершину Хеопсовой пирамиды я сохранилъ ощущеніе сплошнаго синяка по всему тѣлу; но мое вчерашнее возвышенное настроеніе не прошло, и духъ мой относится со спартанскимъ презрѣніемъ къ физическимъ неудобствамъ. Что̀ за бѣда, что бьетъ и трясетъ и ломитъ спину, если на душѣ покойнѣе, чѣмъ когда сидишь въ самыхъ покойныхъ креслахъ.

Ужели все пространство отъ рѣки до пустыни, черезъ которое мы теперь проѣзжаемъ, было когда-то занято Мемфисомъ? гдѣ же развалины, обѣщанныя г. Кукомъ? кругомъ

видны только пальмовыя рощи, поля зеленаго клевера и свѣтлыя тихія озера—притоны всевозможныхъ куликовъ...

По преданіямъ, первый фараонъ первой изъ тридцати династій Египта, Мена, соединивъ подъ своею державой разрозненныя племена, управлявшіяся до него богами, основалъ городъ Менеферъ, „хорошее мѣсто“ (4450 до Р. X., по другимъ 3892); имя это обратилось сначала въ *Менфъ*, затѣмъ въ *Мемфи* и наконецъ въ Мемфисъ. Русло Нила, текшаго первоначально у Ливійскихъ возвышенностей, было отведено посредствомъ запруды на средину долины, и городъ заложенъ на западномъ берегу: такимъ образомъ рѣка служила огражденіемъ отъ набѣговъ съ востока; на югѣ была построена „бѣлая или южная стѣна“; для защиты же съ прочихъ сторонъ выкопано озеро, имѣвшее сообщеніе съ Ниломъ и огибавшее Мемфисъ съ сѣвера и запада. Мена воздвигъ храмъ богу Пта, богу правды, создателю того яйца, изъ котораго вышли луна и солнце. Прежде Пта господствовала одна Влага (представленіе о хаосѣ), олицетворенная въ богѣ Нунъ, и богъ Хефера, жукъ, scarabeus sacer, каталъ между передними лапками шарикъ, заключавшій въ себѣ землю и небо. Разбивая этотъ шарикъ, Пта даетъ начало всему, и сонмъ египетскихъ боговъ и богинь разселяется въ небѣ, на землѣ и подъ землей.

Сынъ Мены, Ато́тисъ, соорудилъ въ Мемфисѣ велико́лѣпный дворецъ, послѣ чего городъ сталъ столицей. Время ея процвѣтанія длится до конца VIII династіи (2850 г.). IX и X династіи правятъ страной изъ Гераклеополиса, а XI переноситъ резиденцію въ стовратныя Ѳивы, и значеніе Мемфиса постепеннно падаетъ. Впрочемъ въ періодъ XXI династіи (1095—965), царившей въ Саисѣ, оно временно возрастаетъ вслѣдствіе близости новой столицы. Въ 527, въ царствованіе Псаметиха III (послѣдняго фараона XXVI династіи), Камбизъ царь персидскій беретъ Мемфисъ приступомъ. Съ основаніемъ Александріи (332) городъ Мена начинаетъ безвозвратно меркнуть и въ теченіе римско-византійскаго владычества мало-по-малу стирается съ лица земли; въ силу эдиктовъ Ѳеодосія Великаго (379—395 по Р. X.)

храмы и памятники его рушатся. Въ 638 году магометане завоевываютъ Египетъ, и кругомъ палатки Амръ-Ибнъ-ель-Ази, полководца халифа Омара, выростаетъ Фостатъ, нынѣшній Каиръ. * Развалины Мемфиса въ продолженіе многихъ вѣковъ поставляютъ строительный матеріалъ для его за́мковъ, дворцевъ и мечетей.

Легенды переданныя потомству Геродотомъ, Страбономъ, Діодоромъ и другими, нѣсколько разбросанныхъ по нивамъ, обломковъ—столь рѣдкихъ, что ни одного не попалось мнѣ на глаза, да безногій каменный колоссъ, статуя Рамзеса II, лежащій возлѣ дороги, лицомъ въ лужѣ—вотъ все, что̀ сохранилось отъ величія и славы первой митрополіи фараоновъ.

Изваянная изъ твердаго известняка, пятисаженная статуя Рамзеса, по свидѣтельству историковъ, стояла у входа въ храмъ Пта. На поясѣ, на груди, и на сверткѣ въ лѣвой рукѣ начертано имя и эпитеты великаго утѣснителя Израильтянъ [5]): „Рамзесъ, любимецъ Аммона, богъ солнца, могучій правдою, солнцемъ очищенный и проч." Лужа, въ которой лежитъ его голова—глубокая яма, лишь въ зимнее время наполненная водой; лѣтомъ, когда вода высыхаетъ, можно, спустившись на дно, видѣть его красивое каменное лицо. Найденный въ 1820 году путешественниками Кавильей и Сло́номъ (Sloane), колоссъ былъ подаренъ ими въ Британскій Музей, но Англійское правительство до сихъ поръ никакъ не соберется перевезти этотъ тяжеловѣсный подарокъ въ Лондонъ, и придорожный финиковый лѣсъ, волнуясь перистыми листьями, продолжаетъ докучать покойному фараону своими сѣтованіями на вѣтеръ.

Подъ Мемфисомъ пальмовые лѣса тянутся полосами въ нѣсколько верстъ. Они не имѣютъ ничего общаго съ нашими родными тайниками, исполненными тѣни, прохлады, птичьяго гама и „зеленаго шума". Пальмы хороши лишь ночью, когда образы ихъ статными призраками возвышаются надъ

* Южнѣе Каира есть мѣстечко до сихъ поръ сохранившее имя Фостата.

Ниломъ. Днемъ пальмовый лѣсъ похожъ, пожалуй, на рѣдкій сосновый боръ, но и тотъ тѣнистѣе: вдобавокъ, въ бору есть мохъ, папортники, верескъ; а здѣсь чахлая почва, покрытая пылью вѣковъ, стелется каменнымъ поломъ, доверху одѣтые чешуйчатымъ панцыремъ, круглые стволы напоминаютъ столпы храма, исщербленные іегорлифами, и пальмовый лѣсъ является какимъ-то многоколонным капищемъ съ воро́нами на колыхающихся блѣдно-зеленыхъ капителяхъ... Послѣднее обольщеніе исчезаетъ, когда узнаёшь, что всѣ пальмы въ Египтѣ на счету, и что каждая платитъ подать *.

Преслѣдуемые мальчишками и дѣвчонками сосѣдней деревушки, Митраени, мы проѣхали сквозь лѣсъ и пустились цѣликомъ по пахоти къ окраинѣ Сахары, на загородное Мемфисское кладбище. Въ пескахъ караванъ нашъ повстрѣчался съ караваномъ верблюдовъ, шедшимъ изъ оазиса эль-Фаюма. Оба поѣзда съ одинакимъ любопытствомъ разглядывали другъ друга: пока мы, закинувъ головы, любовались убогимъ, но живописнымъ нарядомъ Бедуиновъ, ихъ суровыми, прожжеными солнцемъ лицами, сыны пустыни въ недоумѣніи озирали съ высоты своихъ сѣделъ мудреные уборы нашихъ дамъ, зонтики мущинъ, платки кругомъ ихъ шляпъ, развѣвавшіеся при дробномъ ослиномъ галопцѣ, и всѣхъ цвѣтовъ радуги альбомы, записныя книжки, тетрадки, которыя плющились подъ мышками, торчали изъ-за пазухи или высовывались изъ многочисленныхъ кармановъ; а истомленные верблюды, чуя пастбища и воду, жадно втягивали ноздрями воздухъ.

Время и люди отнеслись къ некрополю съ бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ къ живому городу. Тутъ осталось еще нѣсколько осыпавшихся пирамидъ и, среди кучъ мусора, множество могильныхъ колодцевъ. Пирамиды, подобныя издали русскимъ степныхъ курганамъ, незначительны по величинѣ, за исключеніемъ Уступчатой, относящейся къ V династіи [6]).

---

* Пальмъ 4.800.000 штукъ; доходу съ нихъ въ казну поступаетъ 115.000.000 піастровъ.

Подымается она шестью уступами и лишена острой вершины, что заставляетъ предполагать, что сооруженіе ея никогда не было окончено. Внутри пирамиды и въ скалистомъ грунтѣ подъ нею устроено пять комнатъ (изъ коихъ одна въ 77 фут. вышины), соединенныхъ цѣлымъ лабиринтомъ переходовъ. Здѣсь открыто много людскихъ и бычачьихъ мумій, обстоятельство, доказывающее, что пирамиды не служили исключительно царскими могилами; найдены между прочимъ позолоченные человѣческій черепъ и подошвы ногъ. Мы не были ни внутри, ни наверху; ходы, по большей части завалившіеся, заметены снаружи пескомъ, а взбираться на вершину опасно, ибо камень, изъ котораго сложенъ памятникъ, хрупокъ и разсыпчатъ.

Оставивъ ословъ около домика, гдѣ жилъ во время раскопокъ Марьетъ-бей, путешественники направились по песку и щебню къ подземельямъ или катакомбамъ „Египетскаго Серапеума". Предводившій нами Ахметъ-Сафи изрѣдка потрубливалъ въ рожокъ, вѣроятно для того, чтобы стадо его не разбрелось по пустынѣ. Онъ несъ за плечами на концѣ палки узелокъ, очень меня занимавшій.

Серапеумы и катакомбы открыты по указаніямъ исторіи. Когда послѣ сильной бури, свирѣпствовавшей въ іюнѣ 1857 года, надъ песчанымъ Ливійскимъ Океаномъ показался каменный сфинксъ, Марьетъ-бей призналъ въ немъ одного изъ упоминаемыхъ Страбономъ въ его описаніи „весьма песчаной мѣстности, гдѣ находился храмъ Сераписа". Французскій ученый не медля приступилъ къ дѣлу и откопалъ цѣлую аллею сфинксовъ, а также стоящія въ противоположныхъ концахъ ея зданія—„Греческаго и Египетскаго серапеумовъ". Значеніе перваго, въ коемъ найдены перенесенныя въ настоящее время въ Лувръ одиннадцать статуй греческихъ философовъ и поэтовъ, въ точности не опредѣлено; послѣдній же представляетъ храмъ бога Озириса-Апи, и въ то же время—мавзолей Аписовъ, такъ какъ памятникъ стоитъ надъ обширнымъ подземельемъ, гдѣ въ каменныхъ гробахъ покоились священные черные быки, рожденные отъ мѣсяца и бѣлой коровы [7]).

Ныньче сфинксы и серапеумы снова погребены обязательными попеченіями вѣтра, и ливійскіе пески, глубина которыхъ достигаетъ здѣсь тридцати аршинъ, хранятъ ихъ для будущихъ поколѣній. Можно видѣть лишь катакомбы и то не всѣ, потому что во многихъ мѣстахъ онѣ рушатся.

У широкаго входа въ нѣдра земли Ахмедъ-Сафи развязалъ таинственный узелокъ—и каждому изъ насъ далъ по огарку. „Сперва я одинъ шелъ съ факеломъ", пояснилъ онъ; „но года два назадъ какой-то Англичанинъ упалъ въ яму и сломалъ себѣ руку; съ тѣхъ поръ мы всѣмъ стали раздавать свѣчи".

Главный ходъ подземелья, длиною въ нѣсколько сотъ шаговъ, напоминаетъ желѣзнодорожный тоннель, грубо высѣченный въ живой скалѣ [8]). Къ нему справа и слѣва, на короткихъ промежуткахъ, примыкаютъ альковы, заключающіе каждый по чудовищному каменному саркофагу съ массивною крышкой. Полъ алькововъ аршина на два ниже пола тоннеля, такъ что изъ послѣдняго видны по обѣимъ сторонамъ только верхи гробовъ.

Въ высокихъ пещерахъ съ неотдѣланными стѣнами и сводами, саркофаги—продолговатые, вышиной въ сажень, четвероугольные лари изъ цѣльнаго отполированнаго гранита (чернаго и краснаго)—поражаютъ строгою правильностью линій и формы. Въ одинъ изъ нихъ, при помощи приставленныхъ снаружи и изнутри лѣсенокъ, поочередно лазили туристы; внутри для мечтателей стояли столъ и стулъ. Есть ряды помѣщеній безъ гробовъ. Во всемъ болѣе шестидесяти комнатъ, а саркофаговъ я насчиталъ лишь 24. Найдены они уже пустыми; только въ одномъ альковѣ, наглухо замурованномъ, саркофагъ заключалъ нетронутую мумію Аписа; когда открывали альковъ въ извести на каменной перегородкѣ отдѣлявшей его отъ главнаго хода были еще видны отпечатки пальцевъ, а за перегородкой песчаный полъ хранилъ слѣды человѣческихъ ступней, оттиснутые нѣсколько тысячъ лѣтъ назадъ.

Въ катакомбахъ во всѣ времена года воздухъ сухъ и те-

пелъ. Термометръ неизмѣнно показываетъ + 21°—средняя годовая температура окрестностей Каира.

По выходѣ добросовѣстный Ахмедъ, тщательно отобравъ у насъ огарки и завязавъ ихъ въ платокъ, снова повѣсилъ узелъ на конецъ палки; затѣмъ пересчиталъ насъ какъ барановъ и, хотя всѣ оказались въ наличности, долго еще, на всякій случай, трубилъ въ рогъ, обративъ темное лицо свое къ темному входу въ подземелье.

Шагахъ въ трехстахъ находится гробница нѣкоего сановника Ти. По іероглифическимъ свѣдѣніямъ, сановникъ этотъ былъ свойственникомъ одного изъ фараоновъ пятой династіи, состоялъ при немъ „тайнымъ совѣтникомъ и камергеромъ", имѣлъ жену царской крови Неферхотепсъ, „въ отношеніи къ мужу любвеобильную какъ пальма", и сыновей Ти и Тамуза, пользовавшихся званіемъ принцевъ.

Въ Египтѣ существуетъ два рода древнихъ гробницъ: однѣ высѣчены въ отвѣсахъ скалъ, другія, какъ гробница Ти, построены на ровномъ мѣстѣ. Послѣднія, называемыя *мастабами*, представляютъ обыкновенно небольшое четвероугольное зданіе съ гладкою крышей и наклонными глухими стѣнами, похожее внѣшнимъ видомъ на усѣченную пирамиду; заключаетъ оно порой одну, порой нѣсколько уставленныхъ колоннами комнатъ; въ стѣнномъ углубленіи (сердабъ) была замурована статуя умершаго; въ подвальномъ покоѣ, куда ведетъ вертикальный колодезь, стоялъ каменный саркофагъ. Саркофагъ содержалъ раскрашенный деревянный или алебастровый гробъ на подобіе спеленаннаго человѣка; гробъ въ свою очередь вмѣщалъ мумію. Ставлю глаголы въ прошедшемъ времени, такъ какъ теперь врядъ ли можно найти неопустошенную гробницу: и цѣльныя-то очень рѣдки. Преимущественно на мѣстѣ мастабъ встрѣчаешь холмы щебня, въ которыхъ чернѣютъ отверстія полузасыпанныхъ, разграбленныхъ еще въ минувшіе вѣки колодцевъ.

Усыпальница Ти стоитъ посреди квартала другихъ усыпальницъ, остатки которыхъ наравнѣ съ серапеумами, хранятся для потомства подъ высокими песчаными наметами.

Сама она откопана только изнутри; снаружи песокъ до самаго верха облегаетъ ея стѣны, и за отсутствіемъ потолка, мѣстами сыплется внутрь, образуя какъ бы застывшіе водопады: по одному изъ нихъ мы спустились, или вѣрнѣе скатились, въ могильные покои.

Музей древностей съ его непривлекательными осколками старины, значеніе коихъ для непосвященнаго „темно иль ничтожно",—всегда наводитъ на меня глубокое уныніе съ примѣсью самой чистосердечной скуки. Но тутъ я впервые постигаю, что можно страстно, до безумія предаться археологіи: кругомъ меня развивается пространная египетская эпопея въ картинахъ. Стѣны и четырехгранные столпы (числомъ четырнадцать), разграфленные на прямоугольники различныхъ величинъ и формы,—по большей части горизонтально продолговатые,—сплошь покрыты множествомъ окрашенныхъ барельефовъ; краска осталась не вездѣ, но барельефы, за исключеніемъ немногихъ, главнымъ образомъ верхнихъ, сохранились превосходно. Въ каждомъ прямоугольникѣ помѣщается какая-нибудь отдѣльная сцена; ни въ одной нѣтъ напоминанія о загробной жизни; художникомъ передана только земная жизнь въ многообразныхъ ея проявленіяхъ. То̀ сцены государственнаго управленія, сельскаго хозяйства, ремесленнаго и домашняго быта, религіозныхъ обрядовъ, охоты, рыбной ло̀вли и проч. Чередуясь между собою, онѣ съ эпическимъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ повѣствуютъ стародавнюю, всѣми забытую быль, которая, несмотря на всю свою простоту и несложность, заманчивѣе всякой сказки.

Исполненіе, хотя въ высшей степени тщательное и добросовѣстное, во многомъ обличаетъ младенчество искусства: группировка плоха, перспективы нѣтъ вовсе, человѣческія фигуры отличаются топорною неуклюжестью; лучше всего удались неизвѣстному артисту животныя и птицы: нѣкоторыя замѣчательно хороши, но и онѣ, подобно барельефнымъ людямъ, всегда представлены въ профиль, причемъ глазъ безповоротно изображенъ *en face*, какъ на рисункахъ дѣтей младшаго возраста.

Но если въ частностяхъ есть ошибки, то въ безхитростномъ замыслѣ, живьемъ выхваченномъ изъ жизни, всегда сказывается правда, такая же обаятельная и неотразимая, какъ въ бытовыхъ описаніяхъ *Иліады* или *Одиссеи*, и потому-то эти безусые и безбородые * коричневаго цвѣта мущины, ростомъ съ куколку, имѣющіе всѣ, начиная отъ „тайнаго совѣтника въ званіи камергера“ Ти, одинъ и тотъ же костюмъ—кусокъ ткани, обвязанной кругомъ пояса,—эти черноволосыя женщины съ блѣдножелтыми лицами и руками, въ полномъ нарядѣ, плотно облекающемъ ихъ члены,—эти четвероногія и эти пернатыя—всѣ кажутся живыми или по крайней мѣрѣ жившими когда-то давно, въ былыя времена.

Чтобы подробно и ясно разказать все, что̀ творится въ могильной тишинѣ по стѣнамъ усыпальницы, надо бы умѣть передать жизненный строй цѣлаго народа, т.-е. надо бы родиться Гомеромъ. Обыкновенный же туристъ можетъ лишь озаглавить въ разбивку бросившіяся ему въ глаза картины. Видимой послѣдовательности въ нихъ нѣтъ,—есть только неуловимая послѣдовательность дѣйствительной жизни, гдѣ трудъ смѣняется отдыхомъ и забавой, богослуженіе—пляской и музыкой.

Въ нѣсколькихъ четвероугольникахъ изображены полевыя работы разныхъ временъ года. Земля пашется плугомъ и копается кирками. Плугъ—совершенно такой же какъ нынѣшній египетскій—съ крюковатою корягой вмѣсто желѣзнаго сошника, запряженъ парою воловъ; къ концу дышла, взамѣнъ теперешняго ярма, прикрѣплена поперечная палка, въ которую упираются рога животныхъ. Сѣятели сѣютъ. Жнецы жнутъ большими серпами и перевозятъ на ослахъ снопы. Молотьба производится скотомъ,—такъ она описана и у Геродота: ** скотъ заставляютъ ходить по снопамъ; по мѣрѣ того, какъ зерно оттаптывается, крестьяне

---

* Борода (козлиная) служила украшеніемъ однихъ боговъ и фараоновъ.

** Кн. II, § XIV.

подбираютъ вилами пустую солому. Пастухи гонятъ по дорогамъ или по затопленнымъ полямъ крупный и мелкій скотъ. Особенно много быковъ съ длинными, красиво изогнутыми рогами, непохожихъ на современныхъ египетскихъ буйволовъ; одного изъ нихъ связали и собираются убить; другой, убитый, разрѣзается на части. Телится корова; одну, со связанными задними ногами, доитъ скотникъ, въ то время какъ его помощникъ удерживаетъ порывающагося къ матери теленка; нѣсколько телятъ пасутся на привязи и, закинувъ хвосты, неловко скачутъ въ какомъ-то телячьемъ восторгѣ. Среди домашняго скота лошади и верблюды отсутствуютъ; они были ввезены въ Египетъ позже, во времена царей-пастырей (Гиксовъ). Повара̀ готовятъ кушанье; поварята ощипываютъ птицу, скоблятъ ее для чего-то ножомъ и чистятъ вѣникомъ. На птичьемъ дворѣ производится насильственное кормленіе домашней птицы (гусей и журавлей)—слѣдовательно не мы его выдумали,—но производится безъ машинъ, первобытнымъ способомъ, руками: птичникъ держитъ гуся за шею и суетъ ему въ клювъ кормъ, скатанный въ шарики,—гусь упирается, другіе какъ будто ждутъ очереди. На скотномъ дворѣ стоятъ ручные антилопы, газели и олени. Карликъ ведетъ на привязи обезьяну. Кривобокій держитъ свору собакъ. Тридцать шесть женщинъ въ длинномъ шествіи несутъ для жертвоприношенія хлѣбы, полныя верхомъ корзины, напитки въ кувшинахъ, голубей, утокъ и проч. Это питія, яства и живность изъ расположенныхъ въ Верхнемъ и Нижнемъ Египтѣ имѣній Ти; каждая женщина—представительница извѣстнаго имѣнія. По различнымъ клѣткамъ хлѣбопеки, столяры, каменьщики, ваятели, стекольщики, кожевники, мебельщики, гончары занимаются своимъ ремесломъ. Плотники строятъ суда, пилятъ, стругаютъ, рубятъ и вколачиваютъ гвозди, пуская въ ходъ особаго образца молотки, топоры, пилы и стамески. На деревянныхъ саняхъ перевозится огромная статуя Ти. Полицейскіе съ палками подъ мышкой тащатъ преступниковъ къ расправѣ; судьи, они же и секретари, сидятъ на полу противъ низенькихъ пюпитровъ и пишутъ. Танцовщи-

цы пляшутъ подъ звуки невѣдомыхъ инструментовъ. Рыбаки ловятъ рыбу вершами и сѣтью. По Нилу плывутъ парусныя суда, лишенныя руля и управляемыя кормовыми посредствомъ большихъ веселъ; гребцы гребутъ въ помощь вѣтру; нѣкоторые, стоя на носу, длиннымъ шестомъ измѣряютъ глубину. Главная по размѣрамъ картина изображаетъ могущественнаго Ти, охотящагося на гиппопотамовъ; онъ стоитъ во весь ростъ въ лодкѣ, и лодочники приходятся ему чуть не по колѣно; въ водѣ кишатъ бегемоты, крокодилы и всякой породы рыба. Фонъ барельефа во всю вышину исполосованъ отвѣсными параллельными чертами, которыя мы было приняли за наивное изображеніе дождя, но которыя должны означать исполинскіе всходы *папируса* на берегу *. Наверху, среди сплетенія бутоновъ и распустившихся цвѣтовъ, я насчиталъ до двадцати птичьихъ гнѣздъ, куда рѣзецъ ваятеля съ неподражаемою игривостью насажалъ потѣшныхъ не оперившихся птенцовъ. Къ этимъ лакомымъ кусочкамъ, снизу, по стеблямъ, подбираются красивые ихневмоны; ихъ яростно отражаютъ взрослыя птицы,—вѣроятно ибисы, служащіе воплощеніемъ материнской любви.

На картинахъ изсѣчены въ іероглифахъ монологи и діалоги дѣйствующихъ лицъ. „Вы уже поспѣли“, обращается крестьянинъ къ высокимъ хлѣбамъ. „Это жатва“, повѣдаетъ жнецъ; „производящій подобную работу пребываетъ кроткимъ,—и таковъ я!“ „Ты грубъ“, кричитъ лодочникъ товарищу, „а я такъ вѣжливъ“! Тамъ, гдѣ доится корова, текстъ наставляетъ: „дой, пока держатъ за колѣна теленка“. Погоньщики говорятъ своимъ осламъ: „любятъ тѣхъ, кто быстро подвигается впередъ, а лѣнтяевъ бьютъ“, или: „о, еслибы ты только могъ видѣть свое поведеніе“! и т. п. Пески, сохранившіе барельефы почти неприкосновенными, къ сожалѣнію не сберегли до нашихъ дней юмора нѣкото-

* Папирусъ—болотное растеніе, родъ осоки, изъ коего въ старину изготовлялась бумага.

рыхъ надписей, представляющихъ быть-можетъ стихи тогдашнихъ басенъ или народныя пословицы.

Общество наше не безслѣдно прошло въ чудной гробницѣ: на быкахъ, на журавляхъ, на нивахъ путешественники написали свои имена. Одинъ молодой человѣкъ при помощи карманнаго штопора выцарапалъ на артистически изображенной коровѣ слово: „Helen“,—надо полагать имя любимой женщины. Бойкая Американка, желая унести что-нибудь на память, вынула изъ волосъ золотую булавку и чуть не сколупнула ею очаровательнаго семейства голубей. Впрочемъ вандалку во́время остановилъ сопровождавшій насъ Арабъ, сторожъ Марьетъ-беева домика и окрестныхъ древностей; загородивъ собою стѣну, онъ ломанымъ англійскимъ языкомъ и жестами далъ понять легкомысленной молодой дѣвушкѣ, что за такой проступокъ ему и ей сниметъ головы самъ Измаилъ-паша.

Въ полдень въ гробницѣ Ти никого уже не было, кромѣ ея постоянныхъ обитателей, большихъ круглыхъ жуковъ съ колючками по бокамъ: они забавлялись въ одиночествѣ,—опрокидывались навзничь и толкаясь длинными задними лапками, преуморительно кувыркались черезъ голову.

Миновавъ къ вечеру пирамиды Дашура, пароходы прошли мимо эль-Хара̀мъ-эль-Хада̀ма, иначе „фальшивой“ или „Медумской пирамиды“; за нее въ это время опускалось солнце. Въ отдаленіи она казалась холмомъ, на вершинѣ котораго стоитъ заколдованный за́мокъ безъ дверей и безъ оконъ; холмъ былъ нижнимъ уступомъ, за́мокъ—верхнимъ. Пирамида принадлежитъ къ величайшимъ и воздвигнута, какъ думаютъ, фараонами третьей династіи (3122 до Р. Х.) Но въ виду того, что мы, не останавливаясь, плывемъ мимо, Анжело, соблюдая интересы Ѳомы Кука и Сына, увѣряетъ, что пирамида не относится къ числу древнихъ и названа „фальшивою“ потому, что построена не фараонами, а Наполеономъ I (говорилъ ему это le directeur), въ виду чего осматривать ее положительно не сто́итъ. Однако, что Анжело ни толкуй, для ученыхъ эль-Харамъ-эль-Хадамъ осо-

бенно заманчива: до сихъ поръ еще не отысканъ входъ въ ея покои *.

Вечеръ былъ тихъ и прелестенъ, но заря вышла такая же неудачная какъ и утренняя, безъ игры цвѣтовъ, безъ облаковъ, разорванныхъ пламенемъ надъ краемъ земли, безъ тяжелыхъ тучъ, раскаленныхъ дóкрасна, какъ жерло вулкана: просто въ той сторонѣ, гдѣ скрылось солнце, безоблачное небо было свѣтлѣе, чѣмъ съ прочихъ сторонъ. На одну только минуту востокъ вспыхнулъ слабымъ розовымъ сіяніемъ и снова потухъ, какъ будто за горизонтомъ сожгли бенгальскій огонь, а потомъ отъ зари остались лишь двѣ узкія блѣдныя полосы—одна въ небѣ, другая въ рѣкѣ, раздѣленныя темною полосой берега.

—

30 января.

Пользуясь луннымъ временемъ, пароходы ночью не отдыхали. Шумъ колеса надъ самымъ ухомъ, дрожаніе и стукъ машины не тревожили моего сна; но раза два я былъ пробужденъ какъ бы землетрясеніемъ, и спросонокъ неизъяснимый ужасъ овладѣвалъ мною. Въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ постель плавно ходила, точно на пружинахъ; потолокъ и стѣны рубки, казалось, валились, но безъ грохота, безъ треска, подобно карточнымъ домикамъ; затѣмъ колеса останавливались и на палубѣ подымалась суетня. Однажды я услыхалъ, какъ испуганный Van den Bosch (Бельгіецъ) выскочилъ босой изъ своего помѣщенія—онъ живетъ насупротивъ, возлѣ другаго колеса—и разспрашивалъ по-арабски матросовъ. Его никто не понималъ. Ревностно изучая арабскій языкъ, сосѣдъ мой всякое вновь услышанное слово неукоснительно заноситъ въ книжку; успѣхи его далеко не отвѣчаютъ прилежанію. Лишь

* Если не ошибаюсь, онъ открытъ въ началѣ 1882 или въ концѣ 1881 года.

утромъ узнали причину странныхъ, ночныхъ явленій: вслѣдствіе значительной зимней убыли воды пароходъ садился на мель.

День также проводимъ въ безостановочномъ плаваніи, отложивъ на завтра помыслы о новыхъ *экскурсіяхъ*. Общество размѣстилось наверху по кресламъ-лежанкамъ и скамейкамъ, и только звонки, возвѣщающіе чай, luncheon (завтракъ) и обѣдъ, загоняютъ его въ столовую. Кромѣ нью-йоркскаго семейства, по фамиліи Поммерой (Pommeroy), и Бельгійца, cavaliere servante разбитной Miss Emely, есть тутъ чрезвычайно приличный на взглядъ Французъ, Tristan de Seville, qui fait partie d'une maison de commerce, попросту commis-voyageur; есть молодой очень бѣлокурый пасторъ, Англичанинъ; есть приземистый Ирландецъ съ глазами стальнаго цвѣта, которыхъ онъ ни на минуту не сводитъ со своей пожилой подруги; смотритъ на нее безъ нѣжности, безъ любви, а по привычкѣ, и притомъ смотритъ особеннымъ образомъ, какъ будто только-что услыхалъ что̀-то весьма удивительное и вмѣстѣ предосудительное; онъ вовсе не разговариваетъ; есть глубокій мыслитель, чуть ли не Нѣмецъ, со взглядомъ полнымъ возвышенныхъ мечтаній и устремленнымъ куда-то далеко, за край земли; сидитъ мало, больше ходитъ взадъ и впередъ, держа подъ мышкой никогда нераскрываемую книгу въ черномъ переплетѣ и нося на своей особѣ печать глубокаго благоговѣнія къ самому себѣ. „C'est comme le directeur“, * съ уваженіемъ шепчетъ о немъ Анджело и навѣрно клевещетъ на бѣднаго Брэма; есть мистеръ Джей (Jay), маленькій, кругленькій, живой Американецъ, точно отлитый изъ гуттаперчи; есть мистеръ Монро (Montrow), тоже Американецъ, ревматическій старикъ съ искалѣченными пальцами, едва передвигающій ноги, обутыя въ спальные сапоги; въ прогулкахъ не участвуетъ; за нимъ ухаживаетъ довольно миловидная миссъ Монро, его дочь; наконецъ есть еще нѣсколько молодыхъ людей неизвѣстной народности и неопредѣленнаго образа,

---

* Совсѣмъ какъ директоръ.

тѣхъ молодыхъ людей, что̀ встрѣчаются всюду во множествѣ, но присутствіе которыхъ замѣчаешь лишь тогда, когда остаешься съ ними съ глазу на глазъ; кто-то изъ нихъ начерталъ „Helen“ въ гробницѣ Ти.

Одни туристы лѣниво двигаютъ шахматами, другіе лѣниво перелистываютъ путеводитель или романъ *Tauchnitz edition*, бо́льшая же часть сидитъ, отдавшись созерцанію. На всѣхъ лицахъ сказывается благодатный отдыхъ отъ заботъ и даже отъ мыслей. Только мыслитель усиленно морщитъ лобъ, но очевидно притворяется. Солнце свѣтитъ такъ привѣтливо и горячо, воздухъ такъ чистъ и пахучъ, такъ хорошо и просторно кругомъ, что думать о чемъ-либо право грѣшно. Дышешь, смотришь—и этого уже довольно.

Картина Египта ничѣмъ не поражаетъ воображеніе. Нѣтъ въ ней ни высоковерхихъ горъ, ни гремучихъ потоковъ, ни дѣвственныхъ лѣсовъ, а между тѣмъ не оторвешься отъ нея, не налюбуешься ею. Прелестная въ своемъ однообразіи, она развертывается словно длинный свитокъ по мѣрѣ того, какъ мы идемъ впередъ. Тотъ же Нилъ, струясь, течетъ намъ на встрѣчу, вблизи грязно-бурый, вдали отражающій голубое небо, а по направленію солнца обратившійся въ сплошной бликъ, на который больно смотрѣть. Плывутъ мимо тѣ же невысокіе берега обрывомъ (сажени въ двѣ-три), съ голыми по поясъ Арабами, черпающими изъ рѣки воду посредствомъ колодезныхъ перевѣсовъ, или съ дѣтьми пригнавшими на водопой ословъ и протягивающими издали руку за бакшишемъ; плывутъ мимо тѣ же ярко-зеленыя поля безъ прогалинъ, деревни изъ земли или глины, пальмы рѣдкія какъ оставленные на срубъ маяки, купы акацій и сикоморъ, пасущіеся верблюды, работающіе феллахи, женщины въ темныхъ одеждахъ; а въ отдаленіи, на востокѣ и на западѣ, какъ бы неподвижныя, стоятъ заключающія долъ возвышенности Аравійской * и Ливійской пу-

---

* Пустыня на восточномъ берегу со временъ Геродота зовется Аравійскою, хотя отъ Аравіи она отдѣлена всею шириной Чермнаго моря.

стыни,—эти вѣковыя кладбища Египта,—песчаныя холмистыя гряды съ пирамидами и засыпанными гробницами, или каменныя цѣпи, по стремнинамъ которыхъ, подобно гнѣздамъ береговыхъ ласточекъ, чернѣютъ могильныя пещеры.

Только означенныя возвышенности, за коими съ одной стороны до Краснаго моря, съ другой до Атлантическаго океана разстилается мертвая пустыня, служатъ справа и слѣва предѣлами видимаго пространства, такъ что всю Нильскую долину отъ Каира до Ассуана, т.-е. весь населенный Египетъ, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ оазисовъ, можно во время путешествія осмотрѣть въ бинокль, не сходя съ парохода *.

Горныя цѣпи сравнительно невысокія, въ нѣсколько сотъ футовъ, отстоя одна отъ другой на десять, пятнадцать верстъ, не стѣсняютъ степнаго приволья, не гнетутъ и не давятъ васъ; только изрѣдка сотупаются онѣ и грозно хмурятся другъ на дружку, раздѣленныя лишь омывающею ихъ подошвы рѣкой.

Нилъ съ каждымъ днемъ становится величавѣе, и сегодня ширина его мѣстами достигаетъ версты,—но въ Египтѣ онъ вездѣ уже Бахръ-эль-Абіада, подъ Хартумомъ. Царица рѣкъ Стараго Свѣта не слѣдуетъ законамъ управляющимъ прочими рѣками: чѣмъ дальше отъ устья, тѣмъ больше въ ней воды. Объясняется это тѣмъ, что по своемъ образованіи, т.-е. по сліяніи рѣкъ Бѣлой и Голубой, Бахръ-эль-Абіада и Бахръ-эль-Ацрека (въ буквальномъ переводѣ не „голубая", а „темная", „мутная рѣка"), Нилъ принимаетъ въ себя всего одинъ притокъ, Атбару — слѣва близь Хартума,—и отсюда до Средиземнаго моря, на протяженіи болѣе двухъ съ половиною тысячъ верстъ, течетъ подъ жгучимъ солнцемъ черезъ безплодную пустыню, извѣстная полоса которой обратилась въ цвѣтущій край только благодаря самой рѣкѣ:

* Слѣдовательно бо́льшая часть страны необитаема и потому-то въ общей сложности на квадратную милю жителей приходится меньше, чѣмъ въ Европейской Россіи. На пространствѣ 1.021.354 квадратныхъ киллометровъ живетъ населеніе въ $5^1/_2$ милліоновъ.

родитъ сторицею лишь пространство, захватываемое ея лѣтнимъ половодіемъ, а чего не касается чудодѣйственная влага, что̀ хотя на вершокъ подымается надъ уро́внемъ разлива, все то̀ песокъ или камень.

Особенно занимаетъ меня пернатое племя на Нилѣ. У береговыхъ уступовъ нѣтъ любимыхъ прибѣжищъ болотной птицы — осоки и камышевыхъ зарослей, рисуемыхъ порой на египетскихъ пейзажахъ; ни тростиночки не растетъ на берегу; быть-можетъ теперь не время. За то въ рѣку вдаются большія песчаныя отмели, часто отдѣленныя отъ суши протоками и образующія такимъ образомъ острова. Отмели эти, плоскія едва примѣтныя надъ водой, представляютъ становища всякихъ голенастыхъ и плавающихъ, стадами грѣющихся на припекѣ. Грузные пеликаны,—штукъ по восьми, по десяти, не больше — видны въ значительномъ отдаленіи за обширными плоскостями въ неприступныхъ для парохода мѣстахъ. Ближе, остолбенѣвшими зѣваками, скорчивъ клубкомъ шею, стоятъ на одной ногѣ цапли; крупныя бѣлыя чайки, утомленныя баюканьемъ волнъ, вышли отдохнуть на мокрый песокъ; какъ бы прибитыя къ берегу, дремлютъ утки всевозможныхъ видовъ; а бойкіе кулики, длинноносые и коротконосые, большіе и маленькіе, въ хлопотахъ безъ устали бѣгаютъ и по суху, и по водѣ. Въ небѣ надъ Ниломъ широкими кругами ходятъ рѣчные ястреба и протяжно посвистываютъ; но водяная птица видимо не опасается ихъ. Должно-быть у ней есть свои часовые, зорко слѣдящіе за разбойничьимъ отродьемъ. Если вѣрить легендѣ, всѣхъ птицъ охраняетъ общій сторожъ на Джебель-эль-Деирѣ; въ настоящую минуту мы проходимъ у подножья этой горы. Сюда, по преданію, однажды въ годъ слетается крылатое царство, чтобъ избрать изъ своей среды сторожевую птицу, имѣющую 12 лунныхъ мѣсяцевъ безотлетно сидѣть на вершинѣ и ожидать слѣдующихъ выборовъ.

Джебель-эль-Деиръ скалистою въ нѣсколько верстъ стѣной насунулась съ востока къ самому Нилу. Ее увѣнчиваетъ бѣдная, жалкая, не похожая на монастырь коптская обитель, Деиръ-эль-Адра. Въ этомъ мѣстѣ нѣсколько плов-

цовъ осадило *Саидіе* и, къ великому скандалу нашихъ дамъ, взобралось на палубу. Дрожа всѣмъ бронзовымъ тѣломъ, образуя кругомъ себя лужи отъ стекающей воды, утопленники съ крестными знаменіями и возгласами: „Christian, Christian“ просили у насъ милостыню. То были иноки Деиръ-эль-Адры. Они имѣютъ обыкновеніе брать приступомъ всякое проходящее судно для производства церковнаго сбора. Получивъ нѣсколько піастровъ, монахи съ колеснаго кожуха поскакали обратно въ Нилъ и устремились къ новой добычѣ.

Наступилъ ясный вечеръ; солнце только-что закатилось; горы ушли въ даль, и свѣтлый Нилъ шире разлилъ свои воды. На срединѣ рѣки видна верхушка мачты съ концами притянутыхъ къ ней веревокъ, слегка колеблемыхъ теченіемъ. Вода, разсѣкаясь о топъ и снасти, пускаетъ длинныя струи и завивается воронками. Мѣсяца два назадъ здѣсь случилось грустное происшествіе. Изъ Каира великолѣпная наемная дагабія везла въ Ассуанъ трехъ молодыхъ дѣвушекъ, дочерей нѣкоего мистера Gorley. Ночью налетѣлъ шквалъ, судно легло, черпнуло бортомъ и пошло ко дну: вѣроятно нерадивые матросы-Арабы, вмѣсто того, чтобы на рукахъ управлять парусами, закрѣпили ихъ и легли спать. Какъ бы то ни было, все потонуло, никто не выплылъ. Отецъ, узнавъ о гибели дочерей, пожелалъ, чтобы тѣла ихъ остались схороненными въ Нилѣ; съ этою цѣлью онъ купилъ дагабію, и яхта обратилась въ богатый саркофагъ. Трудно вообразить могильный памятникъ болѣе дикій и поэтичный, чѣмъ этотъ конецъ мачты надъ рѣчнымъ раздольемъ, гдѣ ничто не указываетъ на существованіе человѣка, откуда не видать ни одной деревушки, ни одного жилья... Широкій Нилъ кажется еще безпредѣльнѣе вслѣдствіе пространныхъ береговыхъ отмелей, опустѣвшихъ съ наступленіемъ сумерокъ. Бабы-птицы, цапли, чайки, кулики улетѣли Богъ вѣсть куда, а дикія утки мелькаютъ въ небесахъ вереницами черныхъ крестиковъ. Тамъ, въ вышинѣ, надъ водяною могилой дѣвушекъ, творится—въ этотъ разъ дивно—смѣна свѣтозарнаго дня съ темною ночью (луна взойдетъ

позже). Западная половина неба, наполнившись отъ окраинъ земли до зенита золотою пылью, зардѣлась нѣжно розовымъ сіяніемъ (вчера оно лишь на мгновеніе слабо вспыхнуло и исчезло, какъ метеоръ); востокъ же окрасился ровною фіолетовою тѣнью и затѣмъ началась борьба — не свѣта и мрака, а двухъ цвѣтовъ, розоваго и фіолетоваго. Одинаково прекрасные, они оспариваютъ другъ у друга обладаніе землей,—и чудится, что то̀ ангелъ жизни и ангелъ смерти состязуются въ неравномъ бою. Фіолетовый цвѣтъ быстро и могуче одолѣваетъ; постепенно густѣя и надвигаясь съ востока, онъ поглощаетъ въ себя другую половину небосклона,—однако подъ конецъ останавливается, какъ будто не въ силахъ сладить съ противникомъ: розовое же сіяніе, смѣшавшись съ остатками золотой пыли, ушло въ послѣднее убѣжище, узкую побагровѣвшую ленту надъ горизонтомъ, которая вся отдается въ водѣ подъ низменнымъ берегомъ и на которой черными грибками-поганками вырѣзаются дальнія пальмы. Именно оттуда, отъ этого теплаго чуднаго свѣта, какъ прощальный привѣтъ ангела жизни, несется смѣшанный запахъ гіацинтовъ и лимонныхъ цвѣтовъ...

Мачты уже нельзя разглядѣть, а младшая миссъ Поммерой, 12лѣтняя Gertrude, все еще всхлипываетъ, держась обѣими руками за рѣшетку перилъ. Молодая кокетка забыла на время и о своей красотѣ, и о своихъ уборахъ. Горюетъ ли она о безвременно погибшихъ дѣвушкахъ, сожалѣетъ ли о бѣдномъ отцѣ, или впервые встревожило ея дѣтскую душу ясное представленіе о смерти?

Намъ, взрослымъ, некогда останавливаться надъ чужимъ несчастьемъ, а къ мысли о неизбѣжномъ концѣ мы давно привыкли и умѣемъ отгонять ее, какъ въ сраженіяхъ ветераны отгоняютъ мысль о близкой опасности. Мы немного проголодались на воздухѣ, намъ весело — и, посмѣявшись надъ глупою дѣвочкой, общество спустилось внизъ къ обѣду.

За столъ садятся поздно, по-каирски, въ 8 часовъ. Мѣста распредѣлены разъ навсегда. Я сижу между Фанъ-денъ-Бошемъ и Ирландцемъ, какъ сидѣлъ вчера и какъ буду сидѣть еще девятнадцать дней. Бельгіецъ очень молодъ, и

трудно опредѣлить, отчего сложилось выраженіе придурковатости на его лицѣ,—отъ врожденной ли глупости или отъ влюбленнаго состоянія. Ирландецъ, не сводя глазъ съ супруги, ежедневно выпиваетъ за жаркимъ бутылку шампанскаго и платитъ синьйору Анджело огромныя деньги; вино въ Египтѣ стóитъ непозволительно дорого.

Въ полную темноту, часу въ десятомъ, пароходы остановились на западномъ берегу противъ Миніе, и мы узнали наше „расписаніе". Завтра, отплывъ на разсвѣтѣ верстъ 20 отъ города, ѣдемъ въ 7 часовъ утра къ могиламъ Бени-Гассана; donkeys will be provided (ослы будутъ заготовлены). Что же касается Миніе, имѣющаго днемъ rather жалкій видъ, то единственную его примѣчательность составляетъ сахарный заводъ съ 2.000 рабочихъ; желающіе могутъ осмотрѣть его сегодня вечеромъ. „If any further informations are necessary"...

Но г. Куку никакъ не удается договорить заключительную фразу. Онъ и сегодня былъ прерванъ: на берегу возлѣ первыхъ городскихъ строеній, гдѣ, несмотря на теплую ночь, нѣсколько Арабовъ въ бурнусахъ грѣлись вокругъ пылавшаго костра, раздалось призывное блеяніе Ахметова рога, и туристы устремились къ заводу.

Узкій переулокъ раздѣляетъ два главные его корпуса. Въ одинъ изъ нихъ со двора шестью параллельными самодвижущимися дорожками вползаетъ сахарный тростникъ, накладываемый изъ стоговъ Арабами. Въ этомъ первомъ зданіи шесть маховыхъ колесъ четырехсаженнаго діаметра обращаютъ каждое по два горизонтальные соприкасающіеся круглою поверхностью вала; валы отжимаютъ сочныя трости; влага течетъ по желобамъ черезъ переулокъ во второе зданіе, куда холмистою грядой направляются для топки и раздавленные, рыхлые, точно жеваные стебли. Сокъ кипятится въ закрытыхъ чугунныхъ котлахъ на легкой желѣзной галлереѣ, образующей круговые хоры; о степени его сгущенности можно судить по указательнымъ стекляннымъ трубочкамъ, гдѣ безъ роздыха клокочетъ коричневая жидкость.

Въ зданіяхъ царитъ туманистый полумракъ, какъ ночью

въ стеклянныхъ желѣзнодорожныхъ ротондахъ, и безчисленные газовые рожки мерцаютъ тусклыми звѣздами. Жара несносная; вдоль стѣнъ, гудя и стуча, вертятся колеса, качаются рычаги, ходятъ поршни; въ пространствѣ перекрещиваются безконечные ремни, на видъ неподвижные и только слегка вздрагивающіе; запахъ жженаго сахара, краснаго рома и какого-то противнаго ядовитаго растенія стѣсняетъ дыханіе. Толпою обступаютъ насъ голые, потные люди и, протягивая руку, шипятъ что-то; слова заглушены металлическимъ гуломъ и стукотней машинъ...

Насыпавъ себѣ карманы горячимъ, еще не совсѣмъ просушеннымъ сахарнымъ пескомъ, мы поскорѣе выбрались изъ этого тартара.

На пароходы спѣшить незачѣмъ—они отходятъ утромъ,—и можно вдоволь нагуляться по деревенскимъ улицамъ маленькаго городка. Фонари розданы намъ Ахметомъ только для *салтаната*, т.-е. для почета, ибо всплывшая луна серебритъ уже низенькіе глиняные домики, преображенныя пальмы, дымъ, струящійся изъ невидимыхъ трубъ, и подернутый рябью Нилъ. Заглядываетъ она въ темные пробои дверей, съ безмолвными домохозяевами на порогѣ, въ слабо освѣщенныя лавочки съ посудой или хмѣльными напитками, преимущественно англійскимъ пивомъ „stout“ и „pale ale“, въ закоптѣлыя кофейни увѣшанныя, какъ антикварный магазинъ, пыльными зеркалами и старинными хрустальными люстрами всякихъ калибровъ и образцовъ... Въ кофейняхъ посѣтители при нашемъ входѣ встаютъ, чтобы попросить бакшишъ.

Сопровождаютъ насъ—по охотѣ или по наказу—двое солдатъ, одинъ въ юпкѣ, другой повязанный женскимъ платкомъ; у обоихъ на ружьяхъ штыки. Сіи тѣлохранители конечно столь же безполезны, какъ Ахметовы фонари: кругомъ все тихо и спокойно; насъ никто не обижаетъ; однѣ собаки въ этомъ мирномъ уголкѣ показываютъ воинственныя наклонности и яростно лаютъ съ плоскихъ кровель. Впрочемъ сами мы воемъ, свистимъ, тычемъ имъ въ морды унесенными съ завода тростниковыми стеблями, и затѣмъ съ при-

сущею людямъ логикой пребольно кидаемъ въ нихъ каменьями, „чтобы впередъ не злились“. Собаки мечутся въ безсильной злобѣ: прыгаютъ съ крыши на крышу или—страшныя, щетинистыя, хрипящія, задыхающіяся—повисаютъ надъ нашими головами на земляныхъ оградахъ.

Поздно ночью съ обществомъ туристовъ встрѣтилось нѣсколько загадочныхъ молодыхъ туземокъ; привѣтливо, но вмѣстѣ скромно и пристойно, звали онѣ насъ на какое-то весеміе—на фантазію. Милѣе всѣхъ была стыдливо улыбающаяся мулатка съ опущенными черными рѣсницами. Узнавъ, что это *гавази* * или баядерки, наши дамы выказали такое неумѣстное любопытство, такъ беззастѣнчиво разглядывали и щупали ихъ ситцевыя платья, монисты и браслеты, столько смѣялись надъ кольцомъ съ побрякушками продѣтымъ въ ноздрѣ у одной изъ красавицъ, что совсѣмъ сконфузили бѣдныхъ плясуній.

Въ мрачной смрадной комнатѣ въ родѣ подвала, мулатка исполнила для насъ свой несложный и непривлекательный танецъ. Сидѣвшіе на полу музыканты сначала негромко свистѣли въ пискливыя дудки и постукивали въ бубны, потомъ ударили въ балалайки, зурны, волынки, и восточная музыка разразилась въ полной своей дерущей уши нескладицѣ. Танцовщица стояла посреди комнаты съ длинною палкой въ рукахъ и—то подпиралась ею какъ костылемъ, то клала на нее подбородокъ, то цѣлилась ею въ присутствующихъ. При этомъ колѣнъ ногами не выдѣлывалось; ходили только плеча, голова, станъ, — и все туловище какъ-то дрожало подъ тактъ музыки. Порою, сгорбивъ спину и змѣеобразно изгибаясь, баядерка присѣдала на земь. Въ общемъ танецъ являлъ плохую гимнастику, лишенную граціи и даже ловкости: ни одной живописной постановки, ни одного изящнаго движенія; заключился онъ тѣмъ, что, совсѣмъ опустившись на полъ, плясунья стала медленно переползать съ мѣста на мѣсто, причемъ плеча и грудь ея все еще

---

* Множественное число; единственное—„газіэ“.

дрожали; музыка оборвала сразу, и искусница, взявъ у меня изъ рукъ шляпу, съ прежнею стыдливою улыбкой и потупленнымъ взоромъ обошла туристовъ.

31 января.

На разсвѣтѣ пароходы отвалили отъ Миніе и часа чрезъ полтора пристали къ восточному берегу, противъ деревни Бени-Гассанъ. Шумная баллотировка ословъ, ихъ сѣдланіе и пересѣдлываніе, удары бичей, щедро разсыпаемые животнымъ и людямъ, пестрая скачка въ запуски подъ харканіе, причмокиваніе и прихлебываніе ослятниковъ—все произошло своимъ порядкомъ. Но бени-гассанскіе ослы еще меньше, еще тщедушнѣе и еще непонятливѣе мемфисскихъ. Еслибы не короткія стремена, ноги мои конечно волочились бы по землѣ. Иныхъ животныхъ отъ слабости качаетъ изъ стороны въ сторону; другія, напрягши послѣднія силы, бѣгутъ по прямой линіи, ни предъ чѣмъ не сворачивая, и стукаются головой о стволы деревьевъ или расшибаютъ колѣна всадникамъ. Управлять ослами нѣтъ никакой возможности. Принявъ эту заботу на себя, погонщики ежеминутно забѣгаютъ впередъ, чтобы то справа, то слѣва ткнуть ихъ въ шею, а остальное время не переводя духа хлопаютъ ихъ палками по заду, точно выколачиваютъ пыль изъ подушекъ.

Добравшись через нивы до Аравійскаго кряжа, мы сначала посѣтили ущелье, гдѣ на небольшой высотѣ высѣчено нѣсколько пещеръ [9]. Затѣмъ, повернувъ на сѣверъ вдоль подножья горъ, отправились краемъ пустыни на кладбище безслѣдно исчезнувшаго города Нусъ. Порою тропинка, подойдя къ чертѣ, рѣзко разграничивающей пески отъ плодородной почвы, вилась опушкой пальмовыхъ рощъ или межею роскошныхъ полей. Двѣ необитаемыя деревни съ провалившимися кровлями, на половину затопленныя пескомъ, попались намъ на пути. Говорятъ, онѣ пользовались худою славою и были разгромлены войсками Ибрагимъ-паши. Вообще, на всемъ пространствѣ отъ Бени-Гассана до

города Монфалута, населеніе слыветъ крайне бѣднымъ и ненадежнымъ (въ смыслѣ уплаты податей).

Кладбище расположено по крутому горному скату. Пониже, среди обломковъ мастабъ, зіяютъ могильные колодцы, а выше, вдоль узкой террасы, окаймляющей кряжъ, гробницы высѣчены въ скалѣ. По мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся къ послѣднимъ, видъ за нами ширится во всѣ стороны, долина развертывается въ полномъ весеннемъ уборѣ, и на югѣ и на сѣверѣ открываются новые извивы Нила.

Гробницы—числомъ до 30—заключаютъ каждая по одной комнатѣ со сводами, поддержанными дорическими и другими колоннами; нѣкоторыя изъ колоннъ имѣютъ чисто египетскій пошибъ, сплочены, напримѣръ, изъ четырехъ стеблей лотоса и увѣнчаны нераспустившимися священными цвѣтами. Въ полу отъ одного до шести колодцевъ; потолокъ и бордюръ (т.-е. верхній окоемокъ стѣнъ) покрыты довольно мелкими прямолинейными узорами, напоминающими дешевые обои, а по стѣнамъ изображены кистью всякія событія. Живопись—по желтому полю, на известкѣ—отличается грубыми контурами и отсутствіемъ тѣней; въ художественномъ отношеніи она много уступаетъ барельефамъ Ти. Доказательствомъ того, какъ Нусскіе живописцы сами мало надѣялись на свои творческія силы, можетъ служить любопытный фактъ, что надъ каждымъ одушевленнымъ и неодушевленнымъ предметомъ выставлено его названіе. Бо́льшая часть рисунковъ попорчена: въ иныхъ мѣстахъ обвалилась штукатурка, въ другихъ—краски соскребены туристами, начавшими выцарапывать здѣсь свои имена со временъ византійскаго владычества.

Содержаніе картинъ весьма любопытно. Всеобъемлющая поэма, изваянная по стѣнамъ усыпальницы Ти, въ каждой гробницѣ Бени-Гассана развивается все шире и шире, пополняясь безчисленными подробностями. Всѣ бытовыя сцены, видѣнныя нами тамъ, встрѣчаются и здѣсь, но, кромѣ того, есть много новаго. Представлены битвы и единоборства, акробатическія упражненія и игра

въ мячъ, палочная расправа, производимая какъ надъ мущинами, такъ и надъ женщинами; первыхъ традиціонно „раскладываютъ“, вторыхъ сажаютъ и бьютъ только по плечамъ. Винодѣліе передано во всѣхъ его фазахъ, начиная отъ сбора винограда и кончая кладкой бутылокъ въ погребахъ. Картины охотъ разнообразнѣе, чѣмъ въ Мемфисской мастабѣ: кромѣ крокодиловъ и бегемотовъ, на Нилѣ преслѣдуются всякія птицы—однѣхъ ловятъ спеціальными западнями, другихъ, какъ напримѣръ дикихъ гусей и курочекъ, накрываютъ большими наметами. Въ пустынѣ гонятся за гіенами, львами, леопардами и антилопами. Ловцы вооружены копьями и стрѣлами съ каменными наконечниками; собаки двухъ породъ, борзыя и коротколапыя въ родѣ таксовъ, сопутствуютъ людямъ. Далѣе, есть музыканты, играющіе на арфахъ, на флейтахъ и поющіе хоромъ, карлы и калѣки, дѣти въ корзинахъ, ежи и заяцъ въ клѣткѣ, цирюльникъ, брѣющій свою жертву, не то шахматные, не то шашечные игроки (всѣ фигуры на доскѣ одинаковаго образца; противодѣйствующія разнятся по цвѣту), и еще много всякой всячины, которой и не припомнишь [10]).

Самая прогулка по гробницамъ Бени-Гассана имѣетъ особую прелесть: всякій разъ съ новымъ удовольствіемъ выходишь изъ темныхъ могильныхъ покоевъ на воздушную террасу, въ яркое сіяніе дня, и невольно улыбаешься и щуришься, видя съ высоты ослѣпительную панораму Египта.

На *Саидіе* я вернулся однимъ изъ первыхъ. Пароходы долго поджидали отсталыхъ. Къ берегу со всѣхъ сторонъ стекалась за бакшишемъ толпа преимущественно изъ мальчишекъ въ грязныхъ холщевыхъ рубахахъ и дѣвчонокъ, едва прикрытыхъ черными или темносиними лохмотьями; были и взрослые, главнымъ образомъ старики и старухи отвратительнаго вида. Все лѣзло въ воду, орало и простирало къ намъ руки. Смѣльчаки вороватою походкой сороки подступали по неубраннымъ сходнямъ къ борту, но сыпались въ Нилъ какъ орѣхи, когда кто-нибудь, шутя, грозилъ имъ съ палубы. Туристы бросали въ рѣку мѣдныя деньги,

не имѣющія и здѣсь почти никакой цѣны, а въ Каирѣ вовсе изъятыя изъ обращенія: ими нарочно запасаются для путешествія въ Верхній Египетъ. Арабы—одни по колѣно, другіе по поясъ, третьи по шею въ водѣ—мѣшаясь въ общей свалкѣ, ловили ихъ на лету, доставали со дна, вырывали другъ у друга и въ заключеніе проворно прятали за щеку. Возгласы: „бакшишъ" и „катархерахъ кетыръ", * ревъ дѣтей, обиженныхъ старшими, вопли и стоны какого-то сумасшедшаго или юродиваго, сливались съ плесканіемъ воды и шумомъ ревущагося наружу пара. Для нашего развлеченія Анджело, отрѣшившись отъ обычной солидности пріемовъ, шутилъ всякія забавныя шутки надъ Арабами, обливалъ ихъ помоями, осыпалъ золой или съ добродушнѣйшею улыбкой кидалъ имъ монеты, предварительно раскаленныя на плитѣ.

Случалось, толпу внезапно охватывало смятеніе, крики смолкали, и Арабы, лопоча ногами по водѣ, какъ стадо испуганныхъ гусей, выносились на берегъ, съ тѣмъ, чтобы летѣть безъ оглядки полемъ въ разсыпную. Страхъ былъ не безъ причины: его вселялъ въ трусливыя арабскія души одинъ изъ драгомановъ, не нашъ старый кроткій Сафи, а молодой надменный и дерзкій Мехмедъ съ *Бехеры,* типъ египетскаго драгомана, гроза Арабовъ и нерѣдко бичъ самихъ путешественниковъ. Притаившись на томъ пароходѣ, онъ какъ хищникъ слѣдилъ за движеніями буйной орды и, выбравъ мгновеніе, неслышнымъ прыжкомъ соскакивалъ на землю. Но опасливые Арабы, учуя вовремя бѣду, избавлялись стремительнымъ бѣгствомъ, и ему удавалось зацѣпить арапникомъ развѣ какую-нибудь дряхлую старуху или малаго ребенка. Пока топотъ босыхъ ногъ стихалъ въ отдаленіи, Мехмедъ, постоявъ на мѣстѣ, медленно, въ сдержанномъ бѣшенствѣ, возвращался въ засаду, какъ промахнувшійся тигръ смущенный неловкимъ нападеніемъ. А феллахи, по-

---

* Собственно „катаръ эль-херакъ кетыръ"—благодарю покорно. Употребляется въ большей части случаевъ не для изъявленія признательности, а какъ просьба о милостыни.

бѣдивъ робость, снова сходились поодиночкѣ къ пароходамъ, и черезъ три минуты опять подымались, шлепанье, драка въ водѣ и крики: „катархеракъ кетыръ!“ „бакшишъ“!

Этими криками при каждой остановкѣ нищіе жители плодоноснѣйшей въ свѣтѣ страны краснорѣчиво оповѣщаютъ насъ, что подати и дополнительные сборы взяты съ нихъ *впередъ*, за нѣсколько будущихъ „урожайныхъ“ лѣтъ.

Часъ спустя, мы проходили около прибрежнаго дворца хедива. Путешественники, три дня не видавшіе ничего похожаго на европейскую постройку, внимательно разсматривали его въ бинокли.

Въ то время, какъ *Бехера* и *Саидіе* запасались углемъ на западномъ берегу въ мѣстечкѣ Рода, мы посѣтили еще сахарный заводъ, чуть ли не бóльшій вчерашняго, но на противолежащія развалины Антинои, [11]) за недосугомъ не поѣхали.

Если мы и пропускаемъ много интереснаго, то винить въ этомъ некого: пески и скалы Египта съ ихъ гробницами и храмами представляютъ долгую, въ нѣсколько сотъ верстъ хартію, въ которой такъ мало пробѣловъ, что ея во вѣкъ всю не прочитаешь.

Близь Монфалута къ Нилу надвигается каменною стѣной Джебель-Абу-Фода; здѣсь сильные порывы вѣтра буровятъ Нилъ, рвутъ паруса и ломаютъ мачты, а порою совсѣмъ разбиваютъ суда о скалы. Дагабіи быстрыми чайками проносятся мимо и ни за что̀ не рѣшатся, сложивъ свои бѣлыя крылья, отдохнуть у берега. Чтобы не быть застигнутыми темнотой въ Абу-Фодскихъ воротахъ, пароходы остановились засвѣтло, гдѣ случилось, вдали отъ селеній и городовъ, и программу завтрашняго дня намъ привелось услышать на убраномъ полѣ дурры, куда мы настоящими Ливингстонами вышли на встрѣчу г. Кука по ступенямъ, наскоро выкопаннымъ въ береговомъ обрывѣ.

„Завтра воскресенье, возгласилъ мистеръ Кукъ—и для туристовъ это было настоящею новостью, такъ какъ они перезабыли дни недѣли;—надѣюсь, что путешествующій съ нами Reverend gentleman (т.-е. пасторъ) не откажетъ спут-

никамъ въ поучительной бесѣдѣ; впрочемъ въ Сіутѣ—мы приходимъ туда къ полудню и стоимъ до вечера—есть протестантская церковь. Позавтракавъ, уважаемое собраніе ѣдетъ осматривать городъ и затѣмъ гробницы въ Ливійскихъ горахъ. Въ Сіутѣ мы встрѣчаемся съ обратнымъ пароходомъ (изъ Ассуана), и находящееся на немъ піанино будетъ перенесено на *Саидіе,* а сегодня послѣ обѣда саидское общество приглашается на *Бехеру* испробовать тамошній инструментъ."

Музыкальный вечеръ, на которомъ играли и пѣли только англійскія бехерскія дамы, длился далеко за полночь. Но съ одной стороны запечатлѣнные какимъ-то англійскимъ акцентомъ вальсы и мазурки, съ другой—строгія и угловатыя, какъ самыя фигуры островитянъ, слова британскихъ любовныхъ романсовъ, выстрѣливаемыя устами колечкомъ, устами сердечкомъ, а иногда всею широко разинутою пастью, нагоняли если не на всѣхъ, то по крайней мѣрѣ на меня нервную зѣвоту, и я ушелъ еще въ началѣ этой цивилизованной „фантазіи".

Теплая безвѣтренная ночь сіяла звѣздами ярче яхонтовъ и алмазовъ. Иныя горѣли низко надъ чертой земли, словно огни далекихъ маяковъ—доказательство чрезвычайной прозрачности воздуха.

Небесный сводъ значительно передвинулся съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ Константинополь: теперь Малая Медвѣдица съ Полярною Звѣздой стоитъ гораздо ниже, Большая—временами наполовину закатывается, а южная сторона неба открываетъ цѣлый міръ незнакомыхъ свѣтилъ. Болѣе тусклыя и печальныя, чѣмъ звѣзды сѣвернаго полушарія, они тѣмъ не менѣе очаровываютъ своимъ холоднымъ блескомъ и манятъ воображеніе, какъ неизвѣданные края полуночнаго полюса. У горизонта ярче другихъ блестятъ четыре звѣзды Южнаго Креста.

Надъ пустыней, которая вплотную подходитъ къ противоположному берегу, взошелъ мѣсяцъ, и я уже выставилъ для Ахмета Сафи на лунный свѣтъ свои ботинки, а изъ каютъ-кампаніи *Бехеры* все еще долетали глухіе звуки фор-

тепьяно, нарушавшіе чудную симфонію египетской ночи. Я вслушивался въ эту симфонію и сладко засыпалъ подъ звенящіе клики цапель надъ водою, всплески крупной рыбы, плачъ совы и грустное завываніе шакаловъ и гіенъ.

1 февраля.

Lunch приближается къ концу; пароходы замедлили ходъ; направо (восточный берегъ) куча бурыхъ строеній — это Эль-Амра, пристань Сіута, отстоящая верстахъ въ двухъ отъ города; налѣво, за широкими отмелями, густой и развѣсистый финиковый кустарникъ.

Въ Эль-Амрѣ погонщики чуть не сшибаютъ насъ съ ногъ и, яростно голося, съ разныхъ сторонъ въ перебой придвигаютъ бокомъ осѣдланныхъ и неосѣдланныхъ ословъ съ тою же расторопностью и ловкостью, съ какою услужливые кавалеры подкатываютъ дамамъ кресла на колесикахъ. Между тѣмъ, длинный кнутъ Мехмеда со зловѣщимъ свистомъ и хлопаньемъ работаетъ по всѣмъ направленіямъ. Выбывшіе изъ строя мальчишки, покинувъ ословъ на произволъ судьбы, трутъ ладонью кто спину, кто голое плечо, и щелкаютъ какъ звѣри зубами. Одинъ плачетъ въ три ручья, — но не отъ боли, а съ горя, что никто не хочетъ сѣсть на его осла. У мальчика щучій ротъ и красное одутлое лицо, изрытое щедринками недавней оспы, по которому, за отсутствіемъ платка, размазываются обильныя слезы и другія отдѣленія. У осла ободранный задъ, подобный большому наросту дикаго мяса, вспухшій, сочащійся кровью и перехваченный слишкомъ короткой шлеей. Иногда, завидя новаго туриста, мальчикъ мгновенно пробуждается отъ отчаянія, неистово дергаетъ животное за мундштукъ и какъ лопатой бьетъ по дикому мясу плоскимъ пальмовымъ стержнемъ, принявшимъ пунцовый оттѣнокъ; звукъ ударовъ напоминаетъ отбиваніе говядины: кровь брызжетъ во всѣ стороны...

Ребенокъ очевидно жестокъ не отъ природной злости, а изъ нужды: когда всѣ туристы уѣхали, онъ, обнявъ своего

осла, такъ и замеръ у него на шеѣ. Взволнованная miss Gertrude увѣряла, что они оба плачутъ навзрыдъ.

По случаю праздника путешественники принарядились. Commis voyageur вдѣлъ даже въ петлицу ленточку неизвѣстнаго мнѣ ордена, столь же сомнительнаго, какъ частица „de", приставленная къ его имени. Тѣмъ не менѣе скачка наша была комична, какъ всегда: ослы, рѣзвые и веселые (плакавшій навзрыдъ составлялъ исключеніе), но притомъ крошечные, безпрестанно падали со всѣхъ ногъ, и туристы летѣли въ пыль черезъ ихъ головы. Падать съ осла на мягкую почву скорѣе забавно, чѣмъ страшно, — испытываешь только какъ бы толчекъ въ рессорномъ экипажѣ. Чаще другихъ кувыркался мой мышастый осликъ. Старшая миссъ Поммерой собирается нарисовать его портретъ.

„О, еслибъ ты только могъ видѣть свое поведеніе"! невольно вспоминалось мнѣ.

Опасаясь „справедливаго" моего гнѣва, ослятникъ наскоро высвобождалъ мою ногу изъ тѣснаго стремени, подавалъ укатившуюся шляпу и затѣмъ кидался опрометью черезъ поля и канавы. Эта сцена бѣгства повторялась послѣ всякаго моего паденія. Видя, однако, что я не порываюсь бить ни его, ни даже осла, онъ въ скорости рѣшилъ, что я круглый дуракъ, и сталъ отбѣгать недалеко.

Дорога въ городъ, обсаженная тѣнистыми сикоморами и акаціями, идетъ среди нивъ гребнемъ превосходной плотины, не затопляемой во время половодья. Въ нѣсколько минутъ добрались мы до окраинъ города; кругомъ мазанокъ предмѣстья рядами лежали на солнцѣ кирпичи изъ грязи пополамъ съ рубленою соломой,—они „обжигаются" такимъ способомъ безъ печей и огня; потомъ проѣхали двѣ, три прямыя улицы съ двухъэтажными арабскими домами и разсыпались по базару. Въ крытыхъ его переулкахъ товары не разрокошны и выборъ ихъ не великъ: пестрѣютъ ситцы различныхъ качествъ и узоровъ (шелковыхъ матерій почти нѣтъ), тускло свѣтится оловянная посуда, воздымаются пыльными стопами немуравленые миски, кувшины, горшки и другія издѣлія изъ красной и сѣрой глины. Приманкой

для иностранцевъ служатъ узкогорлыя изящныя вазы и въ особенности грубой работы пресъ-папье, во образѣ крокодиловъ, болѣе впрочемъ похожихъ на свинью, нежели на какое бы то ни было земноводное.

Народъ, толкущійся у лавокъ, конечно занимательнѣе всего, что̀ въ нихъ развѣшено и разставлено: бродятъ здѣсь и мѣднокожіе отъ загара бедуины, и дымчатые мулаты, и черные, точно ваксой смазанные, негры (въ общей сложности—чѣмъ ближе къ порогамъ, тѣмъ лица темнѣе). Знакомимся мы и съ Коптами, составляющими значительную часть 27митысячнаго сіутскаго населенія; объ нихъ не слѣдуетъ судить по обращикамъ видѣннымъ у Деиръ-эль-Адры [12]). Занимаясь обыкновенно тонкимъ ручнымъ ремесломъ и письменными работами (это лучшіе переписчики корана), они отличаются отъ Арабовъ-мусульманъ чистоплотностью, нѣжнымъ строеніемъ тѣла и какою-то почти женскою мягкостью пріемовъ.

Плотина идетъ и по ту сторону города по направленію къ пустынѣ, вплоть до канала „Сохадіе", за которымъ начинается песокъ, прегражденный цѣпью крутыхъ горъ. По каменному мосту черезъ каналъ шли къ намъ навстрѣчу караваны изъ отдаленныхъ областей, опоздавшіе въ Сіутъ на воскресный базаръ. Говорятъ, въ числѣ другаго товара, они привозятъ и невольниковъ.

Въ стѣнѣ скалъ одни надъ другими чернѣютъ входы гробницъ древняго Сіута, или по іероглифическому правописанію *Ссута* (Ликополиса). Они расположены въ четыре яруса, изъ коихъ уже первый выше террасы Бени-Гассана. Гробницы, вовсе лишенныя рисунковъ, сравнительно не интересны, и дальше втораго яруса никто не полѣзъ, кромѣ меня да погонщиковъ [13]).

Утомительно было при палящемъ солнцѣ взбираться на кручу по разсыпаннымъ здѣсь въ большомъ числѣ осколкамъ раковины Callianassa nilotica, имѣющимъ совершенное подобіе черепковъ глиняной посуды, какую мы только-что видѣли на базарѣ.

„Упадете, упадете“, кричала мнѣ вслѣдъ Miss Emely. Однако я не падалъ и побѣдоносно карабкался выше.

Съ верхней площадки, куда выходятъ обширныя могильныя комнаты съ такимъ низкимъ потолкомъ, что до него можно достать рукой, открывается чуть ли не лучшій въ Египтѣ видъ. Хотѣлось бы лѣзть еще дальше, но путь прегражденъ отвѣсною скалой. Сначала видишь только океанъ зелени всевозможныхъ оттѣнковъ, безгранично спокойный и ясный, какъ раскинутое надъ нимъ небо. Остальное—подробности, и глазъ различаетъ ихъ лишь въ послѣдствіи. Впереди, на востокѣ, желто-сѣрою полоской тянется берегъ зеленаго океана,—горы Аравійской пустыни; слѣва и справа, на сѣверѣ и на югѣ, горизонтъ открытъ. Бурыми островами стоятъ поселки, каналы свѣтлыми нитями пересѣкаютъ поля, змѣятся плотины съ аллеями деревьевъ, и по всей равнинѣ обрѣзками широкихъ голубыхъ лентъ шаловливо разбросался Нилъ. Влѣво, круглый какъ блюдо, лежитъ Сіутъ — игрушечный городъ безъ крышъ, слѣпленный изъ земли и разубранный кудрявыми садами; ближе сверкаютъ снѣжной бѣлизны ограды и куполообразные памятники теперешняго кладбища, а какъ разъ подъ ногами, на огромной глубинѣ, песокъ усѣянъ неподвижными крапинами, — длинноухими насѣкомыми, въ которыхъ трудно признать нашихъословъ.

Пока я любуюсь декораціями природы, ослятники производятъ собственными средствами раскопки и развѣдки: исчезаютъ въ различныхъ ямахъ и колодцахъ и притаскиваютъ оттуда кто человѣческій черепъ, кто собачій остовъ, кто высохшую шакалову лапку съ уцѣлѣвшими когтями и шерстью.

На первой террасѣ валялась женская мумія, завернутая въ ржавый отъ времени холстъ. Вѣроятно она была потревожена въ своемъ тысячелѣтнемъ снѣ и вытащена изъ могилы не людьми, а гіенами: Арабы не бросили бы такого драгоцѣннаго топлива. Погонщики, завидѣвъ трупъ, накинулись на него какъ коршуны и мигомъ отодрали руки, ноги и голову; члены ломались съ какимъ-то продолжитель-

нымъ трескомъ; съ ними вмѣстѣ ломался и толстый слой слежавшихся и сплотившихся холщевыхъ бинтовъ. Цвѣтъ тѣла былъ темнокоричневый, почти черный. Юные антикваріи немедленно установили цѣну на товаръ: нога отъ колѣна внизъ и рука отъ локтя стоили каждая по три малые піастра. одна же ступня или кисть руки, если ихъ отломить—2 піастра, бедро — всего одинъ піастръ, голова — полфранка и проч. Одну изъ ногъ пріобрѣлъ Ирландецъ. Продавецъ, вздѣвъ ее на палку какъ сапогъ, чинно слѣдовалъ за покупщикомъ. Голова, хотя и съ оторванною челюстью (челюсть продавалась отдѣльно), стоила по правдѣ сказать недорого: ея черные волосы, строгія черты, ввалившіеся закрытые глаза, самая кожа, темная и гладкая какъ переплетъ древней книги, имѣли что-то притягивающее, словно непрочтенное. Однако она не нашла себѣ покупателя, и мальчишка, полчаса обнимавшій ее съ противною фамильярностью (противно было не за него, а за нее), кончилъ тѣмъ, что, отойдя въ сторонку и присѣвъ на корточки, пробилъ ей острымъ камнемъ темя, вѣроятно съ цѣлью научныхъ изслѣдованій, т.-е. чтобъ открыть тайну человѣческаго мышленія. Долго, сгарая отъ любопытства, онъ то щепочкой, то пальцами осторожно вынималъ изъ черепа мозгъ, разсыпчатый и желтый, какъ комокъ песку.

Когда спустились внизъ къ осламъ, Ахметъ-Сафи, отвѣчающій головой за нашу сохранность, попросилъ насъ сѣсть въ сѣдла и затѣмъ пересчиталъ лишнихъ животныхъ.

„I count only the animals“, * замѣтилъ онъ въ поясненіе. Ихъ оказалось пять и слѣдовательно не доставало пяти нумеровъ. Крайне огорченный, Ахметъ снова полѣзъ на гору, но какъ только онъ исчезъ, пропавшіе вернулись другою дорогой, и все общество пустилось вскачь къ пароходамъ, смѣясь надъ старикомъ, трубившимъ въ вышинѣ, въ сосѣдствѣ ласточкиныхъ гнѣздъ.

На берегу, противъ Бехеры, удилъ феллахъ. Подъѣзжая, я видѣлъ, какъ дергало его пальмовый удильникъ, какъ

* Я считаю только скотовъ.

что-то плескалось въ водѣ,—и послѣ нѣсколькихъ мгновеній борьбы рыбакъ на моихъ глазахъ вытащилъ изъ Нила крупную рыбу. Такая удача, раззадоривъ меня, побудила купить за бакшишъ право пользованія нехитрымъ снарядомъ. Это была донная удочка съ самодѣльнымъ крючкомъ. Только-что я ее закинулъ, тяжелая гиря не успѣла еще достать дна, какъ трость вздрогнула, согнулась кольцомъ и упруго заходила въ моихъ рукахъ. Сердце во мнѣ тоже заходило ходуномъ.... Что-то огромное, не выхватываясь наружу, металось и билось подъ водой и тащило меня въ рѣку... Въ тщетномъ сопротивленіи мѣсилъ я ногами прибрежную грязь, слѣдя за натянутою какъ струна лесой; она плавно носилась круговыми оборотами и съ легкимъ свистомъ разсѣкала, точно рѣзала, водную поверхность. Напрасно всею силой желанія звалъ я на помощь счастье; напрасно опьяненный восторгомъ Арабъ прыгалъ, хохоталъ и махалъ руками, заблаговременно требуя съ меня дополнительный бакшишъ: сильнымъ порывомъ отъ берега къ срединѣ рѣки незримый левіафанъ вытянулъ удочку въ одну прямую черту, и что-то оборвалось.... тамъ ли, въ водѣ, или у меня въ груди—я сразу не могъ разобрать, разобралъ только тогда, когда ощутилъ въ рукѣ невѣсомую пальмовую трость и увидалъ разогнутый крючекъ, которымъ свободно играло теченіе.

Тутъ меня позвали купаться; общество мущинъ ѣхало на противоположный берегъ къ зарослямъ финиковаго кустарника, быть можетъ для того, чтобы избѣжать „поучительной бесѣды“ пастора, уже открывшаго засѣданіе подъ тентомъ. Скрѣпя сердце, разстался я съ удочкой; предъ уходомъ полюбопытствовалъ взглянуть на пойманную Арабомъ рыбу, едва помѣщавшуюся у него за пазухой и хлёстко бившую хвостомъ по его голой груди. Дѣло и здѣсь не обошлось безъ бакшиша. Рыба съ обольстительными для *охотника* плоскою лягушечьею головой, широкимъ ртомъ, глазами на выкатѣ, длинными, вершка въ три, усами и скользкою кожей—напоминала налима или небольшаго сома, но при этомъ не была безобразна: напротивъ, всѣ ста̀ти ея,

могучіе плавники, смѣлые загибы плеса олицетворяли грацію и силу—конечно, въ рыбьемъ смыслѣ.

Выкупаться намъ не пришлось по той причинѣ, что не могли найти сухаго мѣстечка, гдѣ бы раздѣться. Вслѣдствіе мелководья, до кустарника, манившаго въ свою чащу, добраться было нельзя; добрались мы только до песчанаго острова, и то гребцы перенесли насъ поодиночкѣ на рукахъ; за островомъ на сотни десятинъ распластывались другіе, такіе же острова, пустынные, мокрые, вязкіе и испещренные узоромъ всевозможныхъ птичьихъ слѣдовъ.

2 февраля.

Еще день проведенный на палубѣ, еще праздникъ, безъ дѣла и заботъ. Лѣнь и нѣга охватила насъ, и мы даже какъ будто довольны, что никакихъ „осмотровъ" не предстоитъ, что можно, не шевелясь, дышать и глядѣть.

На *Саидіе* и кругомъ Саидіе все попрежнему. Урвавшись на минутку „отъ занятій", на ютъ является г. Анджело: сначала онъ только расправляетъ своими бѣлыми руками лабиринтъ цѣпочекъ на жилетѣ, потомъ приближается къ кому-нибудь изъ путешественниковъ и вкрадчиво, хотя и не безъ достоинства, разсказываетъ про свои „chasses aux chacailles", про Брэма или про Mme Angelo. Онъ видимо завоевываетъ себѣ почетное положеніе между туристами, въ особенности между тѣми, которыхъ никто, кромѣ него, не замѣчаетъ. На нижней палубѣ, возлѣ трубы, единовластно господствуетъ добродушный Ахметъ-Сафи, съ ухватками старой бабы перетираетъ блюда суровымъ полотенцемъ или чиститъ ножи кирпичнымъ порошкомъ. Далѣе, мостикъ и бакъ (носовая часть) находятся въ вѣдѣніи капитана и довольно многочисленной команды. Капитанъ и матросы похожи на тѣхъ Арабовъ, что̀ при остановкахъ лѣзутъ въ рѣку къ пароходамъ: отличаются отъ нихъ лишь старыми, часто одѣтыми на голое тѣло военными мундирами, настолько полинявшими, что о первоначальной ихъ окраскѣ судить трудно. Слѣдуетъ полагать, что сукно было когда-то темно-

синимъ, бирюзовый же оттѣнокъ приняло вслѣдствіе продолжительнаго ношенія подъ безоблачнымъ египетскимъ небомъ. Команда и капитанъ рѣшительно ничего не дѣлаютъ и только молятся на Мекку,—молятся и утромъ, и въ полдень, и вечеромъ. Удивительна вѣрность, съ какою, при всевозможныхъ положеніяхъ парохода, матросы опредѣляютъ направленіе святаго города. Даже во время самой молитвы эти живые компасы при поворотахъ судна обращаются какъ флюгера, и съ юта намъ видны то ихъ спины небеснаго цвѣта, то загорѣлая грудь между лишенными пуговицъ мундирными бортами.

Кругомъ насъ царство свѣта: онъ ослѣпляетъ. его слишкомъ много, онъ пышетъ и сверху, съ неба, куда нельзя поднять глазъ, и снизу, изъ лона рѣки, отражающей солнечное сіяніе въ своей вѣчной ряби. Свѣтъ этотъ причиняетъ извѣстную египетскую офталмію (глазную болѣзнь), въ предохраненіе отъ которой дорожники совѣтуютъ носить синіе очки. Обычная панорама—ровныя поля, группы пальмъ, сикоморъ и блѣднолистыхъ акацій, цѣпи пустынныхъ возвышенностей по краямъ долины—плыветъ намъ навстрѣчу и уплываетъ назадъ. Видъ разнообразятъ лишь первые экземпляры некрасивой, неграціозной и бѣдной зеленью пальмы *думъ* (Crucifère Thébaïque); сѣвернѣе Сіута она не растетъ, полнаго же развитія достигаетъ только въ Нубіи. Издали угловатыми очертаніями *думъ* напоминаетъ трехъ-и четырехручныя канделябры. Изъ твердыхъ плодовъ ея поддѣлывается слоновая кость.

На берегу чаще всего видишь водокачательныя сцены: или буйволы вертятъ надъ Ниломъ колодезное колесо съ ожерельемъ кувшиновъ, или Арабы безостановочно, какъ заведенныя машины, подымаютъ и опускаютъ длинные журавли; если берегъ сравнительно высокъ, нѣсколько журавлей поставлены другъ надъ другомъ — второй черпаетъ воду изъ ямы, куда ее выплескиваетъ первый и т. д. Такъ производится орошеніе полей. Въ какой-то географіи, составленной чуть ли не по Геродоту, я училъ, будто населенію Нильской долины легко достается жизнь, но уже одно это не-

прерывное качаніе,—качаніе безъ передышки съ утра до вечера, стоитъ любой каторжной работы.

Дичи съ каждымъ часомъ прибываетъ. Первые дни мы неутомимо палили изъ винтовокъ и револьверовъ; рикошетами скакалъ по водѣ свинецъ и будилъ спящія стаи; встряхнувшись, онѣ улетали вверхъ по теченію за тридевять отмелей; смѣлость выказывали одни кулики; шлепнувшаяся возлѣ пуля не производила на нихъ впечатлѣнія: только вздрогнутъ крылышками, а затѣмъ снова кокетливо мелькаютъ надъ водой бѣлоснѣжными брюшками. Но вскорѣ туристы убѣдились въ безплодности стрѣльбы по птицѣ и теперь пускаютъ въ ходъ оружіе лишь при встрѣчахъ съ дагабіями. Пока суда салютуются флагами, пока съ пароходовъ раздаются оглушительные свистки, пассажиры взаимно привѣтствуются залпами и перекатною стрѣльбой, криками: „hip, hip, hurrah!“ и махaніемъ платковъ. Почти всѣ дагабіи имѣютъ англійскій или американскій флагъ.

Фанъ-денъ-Бошъ и миссъ Эмили Поммерой, лучшіе стрѣлки нашего общества (они безъ промаха разбиваютъ пулей бутылки подбрасываемыя на воздухъ услужливымъ Анджело), по цѣлымъ часамъ сидятъ рядомъ съ ружьями на колѣнахъ и смотрятъ... другъ другу въ глаза. Однажды, замѣтивъ въ недалекомъ разстояніи двухъ дремавшихъ на островѣ косматыхъ грифовъ, я, поддаваясь первому движенію охотничей страсти, кинулся было предупредить молодыхъ людей. Но, увидавъ по ихъ взглядамъ, что они столько же думаютъ о ловитвѣ, сколько о прошлогоднемъ снѣгѣ, не счелъ себя въ правѣ прерывать ихъ нѣмой разговоръ, и сонъ царственныхъ птицъ не былъ потревоженъ.

Иду разспрашивать Ахметъ-Сафи объ окрестностяхъ; мы съ нимъ пріятели. О степени его благосклонности туристы могутъ судить по сравнительному блеску своей обуви. Въ мои ботинки можно глядѣться, какъ въ зеркало.

Онъ очень польщенъ моимъ вниманіемъ, а то Анджело отбилъ у него всю практику. Не оставляя мытья посуды, сѣдой Нубіецъ, съ важностью нянюшки, разсказывающей сказки, передаетъ мнѣ всякія свѣдѣнія: справа къ берегу

подошла гора Джебель-эль-Хоридъ (до 800 футовъ надъ уровнемъ рѣки); деревни у ея подножія лѣтъ 10 назадъ возмутились противъ хедива (вѣрнѣе противъ его сборщиковъ). Городъ на западномъ берегу возлѣ лѣса сикоморъ называется Сухаджъ; неподалеку на рубежѣ Ливійской пустыни стоятъ древніе давно покинутые Бѣлый и Красный монастыри, Деиръ-эль-Абіадъ и Деиръ-эль-Ахмаръ (постройку ихъ относятъ ко временамъ Ѳеодосія). А эту деревню, гдѣ мы сейчасъ остановимся за углемъ, никакъ не называютъ, т.-е. можетъ-быть какъ-нибудь и называютъ, только онъ, Ахметъ-Сафи, никогда не спрашивалъ, какъ именно.

При остановкахъ Фанъ-денъ-Бошъ и миссъ Поммерой, разойдясь въ разныя стороны, вновь одушевляются охотничьимъ пыломъ и бьютъ горленокъ и домашнихъ голубей. Горленки, въ нашихъ краяхъ сторожкія птицы, здѣсь до того довѣрчивы и такъ близко къ себѣ подпускаютъ, что рука на нихъ не подымается. Срываются онѣ лишь когда бросить въ нихъ чѣмъ-нибудь, и тутъ же, перелетѣвъ черезъ нѣсколько пальмовыхъ мохровъ, садятся снова. Но наши стрѣлки, какъ истые спортсмены, не даютъ имъ опуститься и разряжаютъ по нимъ свои двуствольные дробовики въ то время, какъ онѣ рѣзкими взмахами крыльевъ уносятся въ вышину. Домашніе голуби—бѣлые, пестрые и сѣрые—водятся во множествѣ по всему Египту. Для нихъ строятся особаго рода массивныя глиняныя голубятни въ формѣ четырехугольныхъ зубчатыхъ бастіоновъ, придающія мирнымъ египетскимъ поселеніямъ видъ какихъ-то хивинскихъ крѣпостей съ бойницами и амбразурами. Голубятни служатъ для сбора гуано. Впрочемъ къ истребленію голубей иностранцами Арабы относятся совершенно равнодушно. Мальчишки съ пучкомъ волосъ на бритой головѣ, худенькими членами и объемистымъ животомъ, прикрытымъ овчинкой или вьющимися растеніями, кровожадно таскали за охотниками убитыхъ птицъ.

Однако миссъ Поммерой и Бельгіецъ интересуютъ меня гораздо больше всякихъ голубей. Не удивительно, даже весьма естественно что въ одиночку молодые люди опять

становятся ярыми охотниками; но что̀ же разлучаетъ ихъ на берегу? почему съ нѣкоторыхъ поръ они расходятся, какъ только ступятъ на твердую почву? Не потому ли, что въ то же самое время съ *Бехеры* сходитъ Англичанинъ, мистеръ Джонсонъ, ѣдущій изъ Миніе, что миссъ Поммерой съ нимъ немножко кокетничаетъ и что Фанъ-денъ-Бошъ не въ состояніи выносить его близости? Если такъ, то для меня отчасти понятна сосредоточенная злоба, съ какою Бельгіецъ, топча посѣвы, стрѣляетъ по невиннымъ горленкамъ, какъ по непріятелю.

Появленіе на нашемъ горизонтѣ плотнаго, рыжаго мистера Джонсона было всѣми замѣчено. Пріѣхавъ по желѣзной дорогѣ въ Миніе, чтобы нагнать пароходы (онъ не поспѣлъ къ нимъ въ Каиръ), Джонсонъ сѣлъ сначала на *Саидіе*, и мы въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ наслаждались его обществомъ. Я было принялъ его за чистокровнаго Янки: онъ лихо сплевывалъ въ сторону, когда сидѣлъ безпокойно двигалъ ногами, точно на полу имъ было слишкомъ низко и хотѣлось повыше, не снималъ въ каютъ-компаніи шляпы и часто сдвигалъ ее на глаза, даже на носъ, противнымъ подрыгиваніемъ одного указательнаго пальца, которымъ дробно почесывалъ затылокъ, медленно пробирая въ волосахъ дорожку отъ шеи къ макушкѣ. Относительно другихъ пассажировъ онъ былъ невѣжливъ и грубъ, не отвѣчалъ на вопросы, ходилъ по ногамъ, садился въ чужія кресла, короче, дѣлалъ что̀ хотѣлъ, не обращая ни на кого вниманія, точно ни души, кромѣ него, на пароходѣ не было; изрѣдка лишь заговаривалъ съ miss Emely.

— Такъ вы подумали, что это мой соотечественникъ? допрашивалъ меня позже толстый мистеръ Поммерой,—благодарю! Сто́итъ кому-нибудь ноги положить на столъ, чтобы всѣ сейчасъ закричали: „смотрите, смотрите—Американецъ!“ За что̀ такая немилость? Манеры этого джентльмена показываютъ только, что онъ принадлежитъ къ дурному обществу, а дурное общество во всѣхъ странахъ немалочисленно, и въ Великобританскомъ королевствѣ его пожалуй больше, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Быть-можетъ

васъ удивляетъ, что дочь моя такъ оживленно съ нимъ бесѣдуетъ? Я бы самъ удивился, еслибы давно уже не пересталъ удивляться... Пусть себѣ—ея воля. Положимъ, мы съ нимъ не въ первый разъ встрѣчаемся, но тѣмъ страннѣе. Это она называетъ „изучать нравы"! Конечно, не будь она мнѣ дочь, я сдѣлалъ бы ей замѣчаніе....

— Итакъ, продолжалъ послѣ краткаго раздумья огорченный отецъ,—смѣю васъ увѣрить пріемы мистера Джонсона отнюдь не американскаго происхожденія. Что̀ же касается его *сознательной грубости*, то она служитъ доказательствомъ, что мистеръ Джонсонъ именно Англичанинъ, а не Американецъ. Грубость эта типична, безусловна, то-есть не зависитъ ни отъ воспитанія, ни отъ общественнаго положенія. Если нынче она проявляется въ неблаговоспитанномъ человѣкѣ, то это лишь простая случайность, совпаденіе въ одномъ лицѣ двухъ самостоятельныхъ особенностей, unio personalis: вы встрѣтите образованнаго, вполнѣ приличнаго на видъ Англичанина, который въ пути будетъ такъ же грубъ, какъ Джонсонъ: *въ пути*, прошу замѣтить, только въ пути и за границей. У себя дома John - Bull'ы, какъ мы ихъ называемъ, совсѣмъ другой народъ: они и гостепріимны, и радушны; говорю я исключительно объ Англичанахъ-туристахъ. Будучи въ одинаковой степени любителями всякихъ „туровъ", Американцы и Англичане выработали самыя противоположныя системы „путеваго обращенія". Чтобы не скучать въ дорогѣ, Американецъ старается сблизиться со спутниками, и своею вѣжливостью и благодушіемъ побѣждаетъ самую упорную мономанію; завязывается знакомство, по большей части очень пріятное и во всякомъ случаѣ не стѣснительное, такъ какъ оно не влечетъ за собою никакихъ обязательствъ—визитовъ даже не приходится дѣлать. Американецъ съ охотой отвѣчаетъ на разспросы о нравахъ и обычаяхъ Новаго Свѣта, о своихъ путешествіяхъ и наблюденіяхъ въ чужихъ странахъ и проч. А между нами, презрѣнными Янки, право попадаются толковые люди, съ которыми не только пріятно, но и полезно побесѣдовать. Наскучитъ серіозный разговоръ, переходите

къ болтовнѣ, къ тому, что̀ Французы зовутъ causerie, и тутъ Американецъ не ударитъ лицомъ въ грязь; мы народъ и дѣльный, и веселый, два качества рѣдко уживающіяся вмѣстѣ; мы любимъ шутку и понимаемъ ее. Знаете ли, напримѣръ, что многія путевыя тетрадки на *Caudie* (взгляните, какая огромная торчитъ изъ кармана степенной miss Gertrude) наполнены каламбурами, загадками, шарадами, которые цѣлыми годами собирались въ сіи изящно переплетенныя сокровищницы. При такой системѣ для Американца время въ пути летитъ такъ же быстро, какъ мелькающія за окнами вагона подробности ландшафта.

Англичанинъ, наоборотъ, скучаетъ отъ души и самымъ откровеннымъ образомъ: скука сказывается въ его движеніяхъ, голосѣ, взглядѣ; онъ мирится съ нею, не ищетъ развлеченія и только ставитъ себѣ задачей пользоваться возможными физическими удобствами, комфортомъ, то-есть занимать первое мѣсто, имѣть самую покойную постель, съѣдать лучшій кусокъ, и это, во что̀ бы то ни стало; словомъ, онъ считаетъ за благо быть вполнѣ эгоистомъ. жертвовать спокойствіемъ другихъ для удовлетворенія малѣйшихъ своихъ прихотей, считать чужое удобство прямымъ ущербомъ для себя и т. п. Преслѣдуя свои себялюбивыя цѣли, Англичанинъ изъ принципа не стѣсняется ни правилами свѣтскихъ приличій, ни даже самыми начальными законами общежитія. Онъ ни предъ чѣмъ не остановится, чтобы на пароходѣ отвоевать просторнѣйшую каюту или въ поѣздѣ занять сидѣніе возлѣ окна; спуститъ безъ спроса стекло или будетъ при закрытыхъ окнахъ курить сигару, хотя бы въ отдѣленіи находилась женщина, даже больной. Съ женщиной, если она одна, онъ особенно мало стѣсняется, впрочемъ не посмотритъ и на мущину. Косые взгляды, ропотъ, колкія слова, вызываемыя въ публикѣ его поступками, нисколько не трогаютъ его и не удостоиваются отвѣта—брань на вороту не виснетъ, а дѣйствіемъ врядъ ли кто рѣшится оскорбить этого откормленнаго бифстексами и выдрессированнаго для бокса борова. И вчужѣ грустно видѣть, что дерзости его проходятъ безнаказанными.“

Не знаю, можетъ-быть мистеръ Поммерой нѣсколько пристрастенъ въ своихъ сужденіяхъ о путешествующихъ Англичанахъ: мнѣ не случалось наблюдать ихъ вблизи, единичный же примѣръ мистера Джонсона для общаго вывода конечно не достаточенъ. За то, съ другой стороны, мнѣ не далѣе какъ сегодня пришлось убѣдиться въ справедливости словъ мистера Поммероя относительно общительности и веселости Американцевъ.

Уже за обѣдомъ по случаю „Валентинова дня“ * пассажиры получили шуточныя письма въ стихахъ, авторомъ которыхъ оказалась miss Emely, успѣвшая неизвѣстно когда смастерить множество забавныхъ мадригаловъ, акростиховъ и проч. На моемъ листкѣ нарисованъ господинъ въ очкахъ и съ большимъ портфелемъ подъ мышкой, стремительно падающій съ крошечнаго осла. Подъ этою каррикатурой написано слѣдующее поэтическое пророчество:

Be fortunate and gay!
St. Valentine
In verses fine
Salutes you on his day.
And though you press
To mountains crest,
Or delve in earth's dark mine—
Yet still your footsteps will not slip,
While lives St. Valentine. **

Внизу, въ выноскѣ, стоитъ: „Предсказаніе это имѣетъ силу, пока вы ходите пѣшкомъ; какъ только вы взлѣзли на осла, Св. Валентинъ больше ни за что не ручается“.

Вечеромъ, когда мы пришли въ городокъ Джирдже (славный грязью и вездѣсущими прыгающими насѣкомыми), туристы, собравшись кругомъ стола, стали задавать другъ

---

* У Американцевъ и Англичанъ въ обычаѣ посылать въ этотъ день ($^{2}/_{14}$ февраля) знакомымъ письма, украшенныя особыми картинками.

** Будь счастливъ и веселъ! Св. Валентинъ въ торжественный свой день привѣтствуетъ тебя звучными стихами. Полѣзешь ли ты на хребетъ горъ, спустишься ли въ темныя нѣдра земли—стопа твоя не поскользнется, пока живъ Св. Валентинъ.

другу всякія задачи, и тетрадки, о которыхъ упоминалъ мистеръ Поммерой, были пущены въ ходъ.

Впрочемъ самые остроумные puzzles (загадки) предлагалъ мистеръ Джэй, не имѣвшій вовсе тетрадки. Съ нимъ могъ соперничать только M. Tristan de Seville и то исключительно на почвѣ каламбуровъ. Мистеръ Джей открылъ турниръ.

— Нѣкій Алжирскій бей, началъ онъ,—завѣщалъ свое состояніе тремъ сыновьямъ, съ тѣмъ чтобы старшій получилъ изъ него половину, второй—одну треть, а младшій одну девятую; но такъ какъ все имущество заключалось въ семнадцати лошадяхъ, то по смерти бея при дѣлежѣ наслѣдства встрѣтилось довольно важное затрудненіе: согласно завѣщанію первенецъ долженъ былъ получить $8^1/_2$ лошадей, средній сынъ—$5^2/_3$ лошади, младшій $1^8/_9$. Съ такими дробями пришлось бы испортить не одну, а цѣлыхъ три лошади. Братья думали, думали, и порѣшили обратиться къ старому бедуину, другу ихъ отца. „Въ память бея, сказалъ имъ бедуинъ, я такъ и быть васъ раздѣлю, пойдемте. Прежде всего къ вашему наслѣдству я прибавлю одну свою лошадь, ведите ее къ себѣ. Такимъ образомъ у васъ будетъ не 17, а 18 лошадей, и при дѣлежѣ недоразумѣній не окажется, ибо число 18 дѣлится безъ остатка и на 2, и на 3, и на 9.“ Вернувшись домой въ сопровожденіи бедуина и восемнадцатой лошади, братья приступили къ раздѣлу. „Тебѣ, какъ старшему, распоряжался бедуинъ, слѣдуетъ половина состоянія, то-есть 9 лошадей; ты, средній, получаешь одну треть—6 лошадей; ты, младшій, одну девятую—2 лошади; всѣ же вмѣстѣ всего-навсего ($9+6+2=17$) вы получаете 17 лошадей, а восемнадцатую—ту, которую я вамъ подарилъ, будьте такъ добры, не полѣнитесь отвести ко мнѣ обратно въ конюшню.“

Нѣсколько минутъ общество находилось въ недоумѣніи. Попросили мистера Джэя повторить: онъ повторилъ, и все-таки благотворительный бедуинъ могъ свободно взять назадъ подаренную лошадь. Но уже M. Tristan быстро сдѣлалъ на клочкѣ бумаги какія-то вычисленія.

— Mesdames et messieurs, прошу слова! сказалъ онъ окончивъ выкладки:—половина, треть и девятая въ сложности не образуютъ полной единицы, а равняются $^{17}/_{18}$, и еслибы мистеръ Джэй сохранилъ наслѣдство въ прежнемъ его составѣ семнадцати лошадей, братья получили бы изъ нихъ всего $16^{1}/_{18}$ лошади.

Каучуковый мистеръ Джэй, притворясь крайне смущеннымъ, закрылъ себѣ лицо руками.

— Очередь за угадчикомъ, кричали туристы.

— Извольте я предложу вамъ шараду, согласился г. Тристанъ,—но предупреждаю, что никто, ни даже мистеръ Джэй, ее не разгадаетъ, хотя разгадка основывается на чистой математикѣ. Attention: mon premier est *rosse*, mon second est *da* et mon tout veut dire *chair à canon.*“

Всеобщее молчаніе, вызванное этими кабалистическими словами показывало, что дѣйствительно никто не могъ догадаться.

— Mais voyons, c'est *soldat!* сказалъ наконецъ г. Тристанъ.

— Это намъ ничего не объясняетъ, возразилъ мистеръ Джэй;—слово это несомнѣнно у всѣхъ насъ вертѣлось на языкѣ; какъ нельзя лучше подходятъ къ нему ваше второе—*da* и ваше все—*chair à canon*, но никому непонятно, какъ ваше первое, то-есть *sol*, преобразовалось въ *rosse.*

— Тутъ-то и необходимо прибѣгнуть къ математикѣ, отвѣчалъ M-r de Seville:—вы конечно знаете аксіому, въ силу коей двѣ величины, равныя порознь третьей, равны между собой. На основаніи этой аксіомы, *sol* и *rosse* одно и то же.

— Почему же?

— C'est clair comme bonjour: parce que—*Solferino* et *Rhinocéros* *.

Продолжительный хохотъ наградилъ commis за его изобрѣтательность.

---

* То-есть *sol* fait *rino* et *rino* c'est *rosse.*

— Если ужь дѣло пошло на математику, сказалъ мистеръ Джэй,—то я предложу вамъ еще загадку и опять таки въ восточномъ вкусѣ; но, прибавилъ онъ съ улыбкой, предупреждаю, что ее, напротивъ, всякій разгадаетъ, не говоря уже о такомъ Пиѳагорѣ, каковъ M. Tristan.

— Kss, kss, M-r Tristan, kss, kss, мистеръ Джэй! возбуждалъ мистеръ Поммерой.

— Въ пустынѣ Сахары шли двое Арабовъ, Али и Гуссейнъ. Али несъ на плечахъ пять окъ * риса, Гуссейнъ— три ока. На встрѣчу имъ попался третій Арабъ, Селимъ, имѣвшій въ карманѣ или вѣрнѣе во рту восемь золотыхъ. Накормите меня, сказалъ Селимъ, и я отдамъ вамъ все свое золото. Али и Гуссейнъ согласились, и такъ какъ сами были голодны, то сварили пилавъ изо всѣхъ восьми окъ риса; затѣмъ, когда Арабы съѣли все до чиста, Селимъ, поблагодаривъ Гуссейна и Али, отдалъ имъ восемь червонцевъ. Но Гуссейнъ и Али не знали, какъ по справедливости раздѣлить деньги, и пошли къ кади (судьѣ). Требуется опредѣлить его рѣшеніе.

— Если въ самыхъ словахъ загадки нѣтъ ловушки, сказалъ M. Tristan,—если кади не взялъ ничего себѣ, и если онъ зналъ ариѳметику, то присудилъ имѣвшему пять окъ риса пять червонцевъ, а имѣвшему три ока три червонца.

— Совершенно вѣрно! Именно такъ и рѣшилъ кади; я зналъ, что вы угадаете.

— Оно, кажется, и не мудрено.

— Однако Али и Гуссейнъ, недовольные рѣшеніемъ, отправились къ другому кади, и этотъ-то другой кади доказалъ имъ, что первый кади не знаетъ ариѳметики...

— Но позвольте...

— Не обижайтесь. Рѣчь идетъ о первомъ кади, мы съ вами тутъ не при чемъ. Второй кади присудилъ Али, имѣвшему пять окъ риса, семь червонцевъ, а Гуссейну, имѣвшему три ока, одинъ червонецъ. „Предполагая“, обратился онъ къ нимъ, „что вы двое и Арабъ Селимъ съѣли пилава

---

* Окъ—восточная мѣра вѣса (около трехъ фунтовъ).

поровну, изъ восьми окъ риса на долю каждаго пришлось по $2^2/_3$ ока, слѣдовательно, если исключить изъ вашего риса собственныя ваши порціи, окажется, что изъ твоихъ пяти окъ, Али, пошло на Селима $2^1/_3$ ока, а изъ твоихъ трехъ окъ, Гуссейнъ, пошло всего $^1/_3$ ока, то-есть въ семь разъ меньше".

Торжество мистера Джэя было полное. M. Tristan съ великодушіемъ истиннаго Француза призналъ себя побѣжденнымъ.

Мыслителю, котораго Анджело называетъ „le savant", тоже захотѣлось отличиться.

— Я знаю одну очень тонкую энигму, объявилъ онъ;— слушайте: je suis une bête... Однако какъ же это дальше... je suis... вотъ вѣдь досада... je suis une bête... Остальное, господа, я позабылъ!

Тутъ сильный насморкъ охватилъ всѣхъ; быть можетъ его нагналъ внезапно пахнувшій сквознякъ. Не сморкался одинъ „ученый" и только повторялъ: „je suis une bête".

Вывела насъ изъ затрудненія миссъ Монро.

— Учили вы англійскіе склады? спросила она меня.

— Когда-то училъ.

— А теперь помните ихъ такъ же хорошо, какъ первый кади мистера Джэя ариѳметику? Мы это сейчасъ увидимъ. Я буду говорить поочередно слоги какого-либо слова, а вы называйте буквы; только вы навѣрно не сумѣете—или ошибетесь, или собьетесь. Какое бы слово взять? Откуда вы пріѣхали въ Египетъ?

— Я, кажется, вамъ уже говорилъ—изъ Константинополя.

— Вотъ и отлично: возьмемъ *Constantinople.*

— Какъ вамъ угодно.

— Well, then, I begin *: *Con?...*

— C, o, n.

— *Stan?....*

— S, t, a, n.

* Хорошо же, я начинаю.

— *Ti?*...

— T, i.

— No. Нѣтъ! воскликнула миссъ Монро, отрицательно мотнувъ головой.

— Why no? въ чемъ ошибка? спросилъ я, нѣсколько изумленный.

— Хотите, начнемте снова, предложила она: *Con?*

— C, ó, n.

— *Stan?*

— S, t, a, n.

— *Ti?*

— T, i.

— No!! снова остановила она меня.

— Однако, чѣмъ же не такъ?

— Позвольте! Я и не думаю находить, что не такъ: я только произношу *no*, слѣдующій послѣ *ti* слогъ, а вы вмѣсто того, чтобы сказать: n, o, вотъ уже второй разъ сбиваетесь и вступаете со мной въ пререкательства.

Миссъ Гертруда также предложила намъ загадку, справившись предварительно въ книжкѣ, исписанной крупными какъ вишни каракулями.

— Въ которое изъ трехъ своихъ путешествій, спросила она, погибъ знаменитый мореплаватель, г. Кукъ?

— Сейчасъ припомню, сказалъ ученый.

— На островѣ Оваи въ 1779 году, отвѣчала невпопадъ одна изъ молчаливыхъ личностей.

— Въ первое, darling, *, воскликнулъ мистеръ Поммерой.

— Нѣтъ-съ въ третье... папа, а что нашъ г. Кукъ родственникъ тому, знаменитому Куку?

— Родной дядя, darling.

— Вы вѣчно шутите.

— Люблю шутить, darling, мой грѣхъ! А вотъ ты, серіозная, леди, разрѣши-ка мнѣ слѣдующій „puzzle“: эти развѣшенныя кругомъ насъ географическія карты убѣждаютъ тебя, что можно всюду ѣздить съ компаніей Кука—къ

---

* Darling—милочка, голубчикъ.

Нильскимъ порогамъ, на Суэзскій каналъ, на Синай, въ Палестину, по всему свѣту. Взгляни, что̀ ни красная полоска, то туръ То́маса Кука. Ну-съ, теперь самая суть: увѣряли меня будто по путямъ, обозначеннымъ красною полоской, на каждомъ пароходѣ, въ каждомъ поѣздѣ, во главѣ всякаго каравана, находится лицо, которое путешественники называютъ мистеромъ Кукомъ. Такимъ образомъ, съ перваго взгляда казалось бы, что Куковъ множество. Не сомнѣваюсь, что всѣ эти лица суть знаменитые мореплаватели; тѣмъ не менѣе мнѣ изъ достовѣрныхъ источниковъ вѣдомо, что существуетъ одинъ единственный мистеръ Кукъ, остальные же Куки—подставные. Спрашивается, который изо всѣхъ этихъ Куковъ настоящій, несомнѣнный мистеръ Кукъ?

— Разумѣется, тотъ который ѣдетъ съ нами!

— Нѣтъ, darling, не онъ, а тотъ который, помнишь, сидитъ въ павильйонѣ и со всѣхъ беретъ деньги за билеты... Не такъ ли мистеръ Фанъ-денъ-Бошъ? Что̀ вы пріуныли?

Но Фанъ-денъ-Бошъ не слышалъ. Не принимая участія въ нашей невинной бесѣдѣ, онъ одинъ втихомолку разгадывалъ загадку, которую загадала ему Miss Emely, ушедши вмѣстѣ съ матерью на *Бехеру* „къ знакомымъ дамамъ".

3 февраля.

Съ разсвѣтомъ вышли изъ Джирдже, прошли мимо деревни Белліани, откуда совершается поѣздка къ Абидосскому храму, предстоящая намъ на возвратномъ пути, миновали Фаршутъ и другія мѣстечки съ большими сахарными заводами, отъ которыхъ на самую середину Нила вѣетъ запахомъ горѣлой патоки и ядовитыхъ растеній, приткнулись на минуту къ берегу, чтобы поглядѣть дервиша-подвижника, болѣе сорока лѣтъ сидящаго на одномъ мѣстѣ, оставили за собою вправо Дендерскій храмъ (мы осматриваемъ его завтра) и наконецъ еще среди дня остановились на восточномъ берегу у пристани города Кэнэ.

Но прежде чѣмъ говорить о Кэнэ, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о дервишѣ.

Близь чечевичнаго поля, въ отлогой *просиженой* ямѣ, точно гадъ, свернувшійся въ клубокъ, сидитъ безобразное дряхлое существо, давно утратившее Божескіе образъ и подобіе. (Мѣсто вѣроятно не затопляется Ниломъ). Кругомъ постоянно смѣняются поклонники изъ городовъ и деревень, пѣшіе и на ослахъ; пришли сюда и капитаны нашихъ пароходовъ, въ чистомъ бѣльѣ и свѣжихъ турбанахъ. Въ ямѣ тлѣетъ костеръ; саженяхъ въ 10 вырыта едва замѣтная землянка.

Существо совершенно наго, даже безъ покрова на головѣ, не чесано, не стрижено и не мыто. Кожа — землянаго цвѣта, толстая какъ у слона, вся морщится складками, ссадинами и шероховатостями. Туловище, съ ослабленными мускулами, похожее на неполный винный мѣхъ, согнулось въ три погибели; голова въ естественной шапкѣ самаго настоящаго грубаго войлока низко склонилась къ воздымающемуся горбомъ животу, и борода, тоже войлочная, сплелась съ войлокомъ волосатой груди. Лица не разберешь: щеки, носъ, губы припухли и сливаются въ какую-то ноздреватую массу, кисти рукъ съ нерастопыривающимися, будто сросшимися пальцами, походятъ на комки грязи. Колѣнопреклоненные Арабы обѣими руками бережно подымаютъ ихъ съ пола, цѣлуютъ и дотрогиваются ими до лба. Отовсюду сыплются мѣдныя деньги; чудовище, не разгибая шеи подноситъ монеты къ неморгающимъ полузакрытымъ глазамъ, отороченнымъ кровяно-красными вѣками, и тутъ же отдаетъ кому-либо изъ присутствующихъ. При всякомъ его движеніи ревнители въ сильномъ волненіи кланяются по восточному и кладутъ руку на грудь. Когда же дервишъ слабо и безсвязно гнуситъ, воцаряется такая благоговѣйная тишина, что, кажется, можно слышать, какъ растетъ чечевица, и какъ вьется, глуша ее, гусиный горошекъ. Пароходный докторъ, желая узнать бьется ли сердце у этого живаго трупа, взялъ было его за руку, чтобы пощупать пульсъ, но тотъ съ силой отдернулъ ее и, уронивъ возлѣ себя, издалъ протяжный негодующій звукъ, которому позавидовалъ бы любой чревовѣщатель; звукъ напоминалъ далекій лай цѣлой

стаи шакаловъ; длился онъ минуту, постепенно затихая; дервишъ въ это время не шевелился, ни одинъ мускулъ его лица не трогался, только животъ вздувался подобно огромной жабѣ, и бородавчатая кожа его ходила и перетягивалась какъ на пресмыкающемся.

Расположенный верстахъ въ трехъ отъ берега, Кэнэ (или Ганэ, какъ на мой слухъ произносятъ Арабы) гораздо меньше Сіута и наравнѣ съ Джирдже относится къ числу третьестепенныхъ городовъ, съ населеніемъ не превышающимъ 5.000 человѣкъ. [14]) Однако онъ имѣетъ извѣстное торговое значеніе, созданное географическимъ его положеніемъ: находясь чуть не на самой восточной точкѣ теченія Нила, городъ соединенъ съ Краснымъ Моремъ посредствомъ караваннаго пути, пролегающаго чрезъ Аравійскую пустыню; до порта Новаго-Коссеира считается четыре дня верблюжей ѣзды.

Кэнэ извѣстенъ прежде всего своею глиняною посудой, въ особенности водоохладительными кувшинами, употребляемыми по всему Египту вмѣсто графиновъ. Они лѣпятся изъ глины съ примѣсью золы; налитая въ нихъ вода, слегка просачиваясь, испаряется на наружной поверхности и охлаждаетъ такимъ образомъ стѣнки. Кувшины идутъ и въ Ассуанъ, и въ Александрію, и даже, какъ увѣряютъ, въ Счастливую Аравію. Любопытенъ способъ ихъ доставки въ Нижній Египетъ: хрупкіе сосуды съ наглухо закупоренными горлышками связываются большими партіями и образуютъ сами по себѣ, безъ боченковъ и досокъ, плоты, которые въ полной сохранности сплавляются по теченію. Судя по количеству изготовляемыхъ кувшиновъ, можно подумать, что издѣліемъ ихъ заняты обширные заводы; но кувшинное ремесло производится въ жалкихъ мазанкахъ; послѣднихъ, правда, не оберешься: что̀ ни лачуга, то горшеня. Въ маленькой закуткѣ, куда свѣтъ проникаетъ лишь сквозь отворенную дверь, предъ станкомъ, вращающимъ горизонтальный деревянный дискъ, сидитъ одинокій Арабъ и при помощи пальцевъ и какой-то металлической линеечки создаетъ изъ земной персти недолговѣчныя свои произведенія. Обво-

рожительные едва ползающіе ребятишки, въ рубашонкахъ и безъ рубашонокъ, съ мордашками выпачканными глиной, осторожно относятъ на полки готовые chefs d'oeuvr'ы.

Городъ славится еще еженедѣльнымъ базаромъ *, плясуньями, занимающими цѣлый кварталъ, и привозными финиками изъ-за Чермнаго Моря (видно Египетъ не довольствуется „домашними" 29ю родами этихъ плодовъ).

Базара,—онъ бываетъ только по средамъ,—и плясуній, запросившихъ невозможную цѣну, мы не видали; за то финиковъ наѣлись досыта, хотя и они, къ слову сказать, продаются сравнительно не дешево: коробка фунта въ полтора (тщательно обложенная снаружи и внутри бѣлою бумагой) стóитъ франкъ и дороже. Вкусъ ихъ, чуть-чуть отдающій черносливомъ, чрезвычайно пріятенъ.

Но главною примѣчательностью Кэнэ служитъ одинъ господинъ, посѣщеніе котораго входитъ въ программу туровъ Кука наравнѣ съ осмотромъ историческихъ памятниковъ. Господинъ этотъ—зажиточный туземецъ, не говорящій ни на одномъ европейскомъ языкѣ—съ давнихъ поръ состоитъ одновременно и французскимъ, и германскимъ консуломъ. Во все продолженіе Франко-Прусской войны онъ не былъ отрѣшенъ ни отъ той, ни отъ другой должности, и съ прежнимъ достоинствомъ представлялъ враждующія великія державы. Тщеславный какъ всѣ Арабы, онъ любитъ принимать иностранцевъ въ своемъ „европейскомъ" двухъэтажномъ домѣ съ крашеными полами, западною мебелью и люстрами въ чехлахъ.

Мы ввалились гурьбой, предводимые по обыкновенію Ахметомъ-Сафи. Напрасно стараясь скрыть подъ личиной сановитости крайнюю застѣнчивость и неловкость, государственный человѣкъ неумѣло пожалъ всѣмъ намъ руку, а переводчикъ его каждому пробормоталъ по-англійски: „Его превосходительство французскій консулъ и его превосходительство германскій консулъ", и затѣмъ, пошептавшись съ

* Товары стекаются сюда тремя путями: по рѣкѣ съ сѣвера, по рѣкѣ съ юга и караванною дорогой съ востока.

его превосходительствомъ, произнесъ длинную препинающуюся рѣчь, сводившуюся собственно къ просьбѣ разказать при случаѣ за границей, что вотъ въ Кэнэ живетъ его превосходительство французскій, онъ же и германскій консулъ (еслибы можно въ газетахъ, то было бы еще лучше)... и что у него есть личный драгоманъ, человѣкъ разсудительный и образованный.

— Непремѣнно, непремѣнно, завѣрили туристы.

— Я тоже отвѣчалъ, что со своей стороны конечно постараюсь, и тутъ же отмѣтилъ въ памятной книжкѣ: „NB восточные г. Добчинскій и г. Бобчинскій", за что̀ былъ награжденъ новымъ рукопожатіемъ его превосходительства и краснорѣчивымъ взглядомъ толмача, исполненнымъ глубокой признательности.

Когда мы распрощались, оба они стали у отвореннаго окна, чтобы провожать насъ взоромъ на обратномъ пути къ пароходамъ и прогрессу... А мы, убѣгая отъ преслѣдованія Арабовъ съ геджасскими финиками, неслись среди изумрудныхъ полей навстрѣчу заходящему въ величіи и славѣ солнцу, вдыхали воздухъ напоённый вечерними ароматами, слушали трели жаворонковъ и конечно позабыли о существованіи консула и его переводчика. Даже именъ ихъ не удержала моя память. Со свойственною людямъ неблагодарностью забыли мы любезныя shake-hands, отличныя папиросы, вкусный кофе, которыми насъ только-что угощали, и врядъ ли кто-нибудь изъ насъ, вернувшись въ родную сторону, вспомнитъ о своемъ легкомысленномъ обѣтѣ, и врядъ ли потомство узнаетъ что когда-то въ Кэнэ жилъ франко-прусскій консулъ со своимъ разсудительнымъ и образованнымъ драгоманомъ...

На берегу ожидаетъ насъ картинка во фламандскомъ духѣ: сумерки быстро наступаютъ; въ водѣ стоятъ ослы и рогатый скотъ; среди нихъ суетятся озябшіе мальчишки и дѣвчонки. Картину эту оживляютъ крики людей, карканье воронъ на пальмовыхъ вѣнцахъ, дремотное мычаніе буйволовъ и своеобразное ржаніе ословъ. Ослиное ржаніе слышится въ Египтѣ такъ же часто, какъ у насъ пѣніе пѣту-

ховъ, и господствуетъ надъ хоромъ прочихъ звуковъ; состоитъ оно изъ жалобнаго и вмѣстѣ оглушительнаго всхлипыванія, съ непомѣрно глупыми нотами, точно у идіота сломали любимую игрушку и, обиженный Богомъ, обиженный людьми, онъ вопитъ безъ мѣры и удержу во все свое здоровое какъ у скотины горло.

4 февраля.

Рано утромъ произошла гонка большихъ парусныхъ лодокъ, въ которыхъ туристы переѣзжали на западный берегъ для осмотра Дендерскаго храма. Страстные охотники до всякихъ состязаній, Американцы въ послѣднюю минуту поскакали въ воду и въ бродъ достигли суши.

Сегодня намъ приводится видѣть вблизи первый древнеегипетскій храмъ. Всѣ они построены приблизительно по одному образцу. Противъ фасада, иногда на большомъ отъ него разстояніи, стоятъ *покоемъ* массивные каменные ворота, *пилонъ;* справа и слѣва къ нимъ примыкаютъ *пропилоны*—двѣ башни, на видъ два полотнища стѣны; онѣ вдвое и втрое выше прочихъ частей зданія; отъ воротъ аллея сфинксовъ, *дромосъ*, ведетъ къ единственному входу въ храмъ; порою на дромосѣ встрѣчаются еще одинъ или два пилона. Самый храмъ есть продолговатое глухое каменное зданіе съ плоскою кровлей и немного наклонными отъ низу къ верху стѣнами. Внутренность его состоитъ изъ многоколонныхъ сѣней, *портика* или *пронáоса*, часто самаго обширнаго отдѣла храма; и изъ главнаго помѣщенія, *нáоса*, нерѣдко разгороженнаго на множество комнатъ и заключающаго въ себѣ святилище, *адитумъ* или *секосъ*. Въ портикъ еще заглядываетъ ясный египетскій день, такъ какъ передняя стѣна обыкновенно не подходитъ подъ самую крышу и оставляетъ вверху просвѣтъ во всю ширину зданія, но въ нáосѣ царитъ непробудная, непроглядная ночь.

Стѣны снаружи и внутри, а равно и колонны покрыты врѣзными и живописными изображеніями боговъ, которымъ цари, собственники храма, покланяются или приносятъ жерт-

вы. (Храмы не были общественными зданіями, а составляли личную собственность фараоновъ.) Кругомъ зданія широкое пространство оцѣплено кирпичною оградой.

Храмъ древней Тентиры, посвященный богинѣ Аторъ, „зеницѣ солнца“, „госпожѣ небесъ“, „великой царицѣ золотаго вѣнца“, стоитъ за часъ ѣзды отъ берега и какъ бо́льшая часть египетскихъ памятниковъ—въ пустынѣ засыпаемыхъ пескомъ, а въ долинѣ заволакиваемыхъ ежегодными отложеніями рѣки—на двѣ трети ушелъ въ землю, хотя принадлежитъ сравнительно къ недавней эпохѣ [15]).

Сначала мы прошли сквозь плотные каменные, локтей въ тридцать, ворота Домиціана, теперь обобранные, но въ старину имѣвшіе, какъ свидѣтельствуютъ іероглифы, полотенца изъ кедроваго дерева съ обивкою и гвоздями изъ азіятскаго желѣза, засовъ изъ лаписъ лазури и замокъ изъ золота и серебра; затѣмъ, прослѣдовавъ надъ погребеннымъ дромосомъ до фасада, спустились по вновь устроенной лѣстницѣ въ полутемныя исполинскія сѣни, именуемыя „Большимъ Небеснымъ Покоемъ“. Потолокъ ихъ поддержанный 24 могучими столпами (23 футовъ въ окружности) покрытъ разнородными рисунками, между которыми можно различить кругъ египетскихъ зодіакальныхъ знаковъ со священнымъ жукомъ вмѣсто Рака и со змѣей вмѣсто Дѣвы. Для посѣщенія на́оса пришлось зажигать огарки. Какъ въ портикѣ такъ и въ на́осѣ, на врѣзныхъ изображеніяхъ головы боговъ, фараоновъ, звѣрей и птицъ, отличающихся одинаково надменною осанкой, посѣчены первыми христіанами. Снаружи остался нетронутымъ портретъ Клеопатры, не передающій впрочемъ очарованій царственной красавицы. Слѣдуетъ замѣтить, что вообще рисунки въ храмахъ запечатлѣны особымъ типическимъ безобразіемъ.

Двѣ внутреннія лѣстницы ведутъ на крышу: одна круговая, изломами, какія бываютъ въ колокольняхъ, другая—прямая, пробитая въ толщѣ лѣвой стѣны и растянувшая во всю ея длину едва примѣтныя, отлогія ступени. Мѣстами съ крыши можно шагнуть прямо на землю или вѣрнѣе на кучи мусора отъ старинныхъ и новѣйшихъ построекъ.

Еще не такъ давно на самой кровлѣ стояла цѣлая деревня.

Общее впечатлѣніе производимое памятникомъ будитъ сознаніе личнаго ничтожества предъ чѣмъ-то стариннымъ, могущественнымъ и таинственнымъ,—и посѣтитель чувствуетъ невольное благоговѣніе къ обступившимъ его уродливымъ божествамъ, во славу которыхъ сооружались такія величественныя капища. Но при этомъ, несмотря на нерадушныя снаружи, сѣрыя, глухія стѣны, несмотря на темноту внутри, Дендерскій храмъ не вызываетъ въ человѣкѣ предсмертной тоски, обыкновенно испытываемой среди мертвыхъ развалинъ древности: надъ храмомъ поетъ весна своими тысячью внятными для души голосами и какъ окрестъ его, такъ и въ его нѣдрахъ, течетъ хотя и непримѣтная съ перваго взгляда, тѣмъ не менѣе многообразная и обильная жизнь. Съ неба льются любовныя пѣсни птицъ-невидимокъ. На каменномъ пилонѣ Домиціана, по изваяніямъ и надписямъ, страннымъ узоромъ легли глиняные валики—улья особаго рода красивыхъ осъ или шмелей, скроенныхъ изъ чернаго и желтаго бархата; воздухъ полонъ ихъ жужжанія. Подъ плафономъ Большаго Небеснаго Покоя, между капителями, бѣлая сова носилась на широкихъ крылахъ, закрывая поочередно знаки зодіака. Мнѣ очень хотѣлось разсмотрѣть ее, но ослятники—сколько ни хлопали въ ладоши, сколько ни кидали камешковъ—не могли выгнать ее наружу, въ яркій дневной свѣтъ, а бывшаго со мной ружья я въ ходъ не пустилъ, какъ ни просили меня о томъ туристы... Не рѣшился я осквернить храмъ убійствомъ одного изъ его обитателей и попортить выстрѣломъ тысячелѣтніе рисунки. Съ потолка темнаго круговаго хода, ведущаго на крышу, словно куколки крупныхъ бабочекъ, внизъ головой висятъ въ зимней спячкѣ ушастыя летучія мыши; стóитъ поднять свѣчу и, пробужденныя пламенемъ, онѣ мгновенно слетаютъ, распахнувшись въ воздухѣ, точно разметнувъ черные плащи. Не сталкиваясь между собою, не цѣпляя стѣнъ, эти духи тьмы мелькаютъ въ искусномъ полетѣ по всѣмъ направленіямъ. Ихъ почти не видно, только слышит-

11*

ся слабый пискъ, похожій на стрекотаніе кузнечика, и пламя огарковъ колеблется отъ близкаго вѣянія перепончатыхъ крыльевъ. Порою, остановивъ волшебный летъ, мыши повисаютъ на шляпахъ туристовъ. Мистеръ Джей убилъ на себѣ четырехъ, и одну вмѣсто цвѣтка прикололъ къ сюртуку. Когда мы бродили по на́осу, впереди во мракѣ прокрадывались тѣни, нѣмыя какъ призраки; были ли то шакалы, убѣгавшіе отъ свѣта, или оборотни, готовившіеся напугать незваныхъ гостей?

Обратную нашу поѣздку къ берегу можно бы развѣ сравнить съ двигавшеюся во всю прыть ярмаркой: купцы и покупатели, кто пѣшкомъ, кто верхомъ, мчались полнымъ галопомъ, совершая торговыя сдѣлки на бѣгу. Купцы—босоногіе феллахи—соблазняли насъ товаромъ изъ-за Краснаго Моря: ясминовыми чубуками и сгибавшимися въ кольцо бамбуковыми или камышевыми тросточками. Доскакавъ до рѣки, ярмарка размѣстилась въ лодки, и лодочники за отсутствіемъ вѣтра потянули ее бичевой противъ теченія, съ тѣмъ, чтобы спуститься къ пароходамъ на веслахъ. Беззаботно шли они по береговой отмели, пропуская мимо ушей предостереженія Анджело касательно склонности крокодиловъ къ мелямъ и отлогимъ берегамъ (Анджело, сбиваясь на италіянское произношеніе, зоветъ крокодиловъ: „cocodrilles“). Дѣйствительно въ этомъ самомъ мѣстѣ года два назадъ цари гадовъ утащили въ рѣку Араба, но теперь, благодаря пароходному движенію, ниже Ассуана они совсѣмъ перевелись. Замѣчательно, что единственный пароходъ, перешедшій послѣднимъ лѣтомъ за пороги и совершающій рейсы между Ассуаномъ и Вади-Халфой, успѣлъ въ нѣсколько мѣсяцевъ распугать ихъ и тамъ. Мистеръ Поммерой увѣряетъ, что тѣ, которыхъ намъ обѣщаютъ показать по сю сторону пороговъ, фальшивые и содержатся для развлеченія туристовъ на счетъ компаніи Кукъ.

Въ старину рѣка противъ Кэнэ изобиловала крокодилами. Жители Тентиры славились искусствомъ безвредно таскать ихъ за хвостъ и даже въ самомъ Римѣ давали представленія. Вообще они питали къ крокодиламъ большое презрѣ-

ніе, убивали ихъ и ѣли, вслѣдствіе чего находились въ непримиримой враждѣ съ жителями Омбоса, ревностными поклонниками отвратительнаго земноводнаго.

Отъ Кэнэ до Луксора часовъ семь ѣзды. Половину этого времени мы посвятили музыкѣ. Но піанино, согласно обѣщанію появившееся у насъ въ Сіутѣ, было до такой степени разстроено, что музыканты должны были предварительно явить себя настройщиками; они съ большимъ усердіемъ развинтили и разобрали деревянныя части и, когда инструментъ, потерявъ всякое фортепьянное подобіе, сталъ уже смахивать на остовъ дракона, принялись пытать его, однообразно стукая клавишами, заводя винты посредствомъ добытыхъ у машиниста плоскогубцевъ и пробуя зубочистками отдѣльныя струны каждой ноты. По окончаніи пытки, продолжавшейся добрыхъ два часа, возрожденный фортепьянъ пропѣлъ подъ пальцами миссъ Поммерой народные гимны въ честь разноплеменныхъ настройщиковъ, а затѣмъ Нилъ огласился вальсами, операми, сонатами—на этотъ разъ съ легкимъ американскимъ акцентомъ.

Однако мы подходимъ къ такимъ интереснымъ мѣстамъ, что слѣдуетъ безотлучно находиться на палубѣ.

По пути отъ Кэнэ до Луксора встрѣчаются нѣсколько деревень; главныя—Кофтъ или Кобтъ, на мѣстѣ прежняго Коптоса, разрушеннаго Діоклетіаномъ, и Нигади, на видъ цѣлый городокъ, съ двумя монастырями (католическимъ и коптскимъ) и со множествомъ зубчатыхъ голубятенъ. Коптосъ особенно чтилъ дѣтей Нута и Себа—Пространства и Земли—близнецовъ-супруговъ Озириса и Изиду. Здѣсь по миѳологическимъ преданіямъ * Изида впервые услыхала вѣсть о злодѣяніи своего брата Тифона, ** измѣннически убившаго Озириса и сплавившаго тѣло его по Нилу. Обитатели города для выраженія ненависти къ Тифону ежегодно низвергали въ пропасть священное его животное, осла. Слѣдовъ этой пропасти въ настоящее время нѣтъ. Въ по-

* Плутархъ.

** Тифонъ—греческое имя. По-египетски его звали Сетъ и Сутехъ.

слѣдствіи, не задолго до своего паденія, Коптосъ служитъ колыбелью христіанства въ Египтѣ.

Тамъ гдѣ горы, уходя отъ рѣки, широко раздвигаютъ долину, стоялъ древній Апъ или Апе,—

Градъ, гдѣ богатства безъ смѣты въ обителяхъ гражданъ хранятся,
Градъ, въ которомъ сто вратъ, а изъ оныхъ изъ каждыхъ по двѣсти
Ратныхъ мужей въ колесницахъ на быстрыхъ коняхъ выѣзжаютъ.
(*Иліада*, пѣснь IX, стих. 382—384).

Съ приставкой члена женскаго рода, имя города, заимствованное кажется у покровительствовавшей ему богини, преображалось въ Т'Апе; отсюда римское Thebe или Thebae, и греческое Θῆβαι. Въ іероглифахъ Апе назывался также „городомъ Аммона", а у Греко-Римлянъ по вольному переводу „Diospolis magna".

Основаніе Ѳивъ относится къ воцаренію XI династіи, (2.400 л. до Р. Х.), фараоны которой зовутся у древнихъ историковъ Діосполитами. Процвѣтаніе „Аммонова города" длилось приблизительно двадцать вѣковъ. Съ VI вѣка до Р. Х., съ нашествія Камбиза (525 г.), онъ начинаетъ приходить въ упадокъ и постепенно разоряется Персами. Послѣдній ударъ наноситъ ему въ 84 году до Р. Х. Птоломей X Сотеръ. Разгнѣванный почти трехлѣтнимъ сопротивленіемъ возмутившагося города, онъ предаетъ его огню и мечу. Послѣ того Ѳивы больше не поднялись; вѣками ложился на нихъ слой надъ слоемъ плодоносный илъ, и стѣны домовъ мало-по-малу сравнялись съ землею. Теперь на мѣстѣ властной Diospolis magnae—хоть шаромъ покати—гладкая какъ озеро въ безвѣтріе стелется равнина, убранная зелеными коврами нивъ, и лишь развалины храмовъ—частью въ пустынѣ, частью среди полей—намѣчаютъ по обѣ стороны рѣки предѣлы „стовратной столицы" *.

* До сихъ поръ не открыто остатковъ стѣны кругомъ Ѳивъ, и потому Гомеровскій эпитетъ объясняютъ тѣмъ что за городскія врата были будто бы приняты безчисленные уходившіе въ небо пилоны и пропилоны храмовъ.

Въ наступившихъ сумеркахъ мы различаемъ только громады Карнака на восточномъ берегу; днемъ же съ Нила видны всѣ главные памятники: у подошвы горъ по окраинѣ западной пустыни храмы Гурнэ, Рамезеумъ, Мединетъ-Абу, темные входы гробницъ въ Ливійскихъ скалахъ и сидящіе рядомъ въ открытомъ полѣ два чудовищные колосса.

Къ Луксору (восточный берегъ), важнѣйшей изъ деревень на мѣстѣ Ѳивъ, пароходы подошли въ темноту, когда общество сидѣло за обѣдомъ. Явившійся съ *Бехеры* г. Кукъ въ ознаменованіе прибытія ко главной цѣли путешествія привѣтствовалъ насъ вѣжливымъ *ура*, — напомнившимъ мнѣ несмотря на всю свою пристойность и нешумность изступленные возгласы Арабовъ, на большой пирамидѣ. Онъ объяснилъ, что не считая нынѣшняго вечера, мы трое полныхъ сутокъ стоимъ въ Ѳивахъ.

Вслѣдъ за знаменитымъ мореплавателемъ вошелъ одѣтый по-европейски мулатъ, лѣтъ двадцати, съ чрезвычайно пріятнымъ располагающимъ лицомъ. Это былъ Ахметъ-Мустафа, сынъ луксорскаго старожила Мустафа-аги, почетнаго консула многихъ державъ (Россіи, Англіи, Соединенныхъ Штатовъ, Бельгіи); юноша окончилъ воспитаніе въ Лондонѣ, куда на два года посылалъ его родитель, и говоритъ довольно гладко по-англійски. Отрекомендовавшись, онъ поздравилъ насъ отъ имени „его превосходительства“ своего отца съ пріѣздомъ и пригласилъ сегодня вечеромъ на „фантазію“. Затѣмъ, къ крайнему моему изумленію назвалъ меня по фамиліи, точно давнему пріятелю пожалъ руку и предложилъ „какъ соотечественнику“ переселиться на время трехдневной стоянки въ *русское* консульство. Оказывается, Мустафа-ага по пѣшеходной почтѣ * получилъ изъ Каира отъ дипломатическаго агента нашего письмо съ просьбой не обойти меня зависящимъ покровительствомъ и содѣйствіемъ. Конечно, я очень благодаренъ дипломатическому

* Кромѣ пароходовъ отбывающихъ изъ Каира разъ каждыя три недѣли, по Нильской долинѣ, начиная отъ Миніе, бѣгаютъ *почтовые скороходы.*

агенту... Но, по моему, для туриста нѣтъ ничего обременительнѣе рекомендательнаго письма къ какой-нибудь власти по дорогѣ: всѣ льготы его положенія утрачиваются, его инкогнито вольной перелетной птицы разоблачается и снова чувствуются тяжелыя путы свѣтскихъ обязанностей, визитовъ, контръ-визитовъ и всякихъ китайскихъ церемоній. Въ сознаніи зависимости и кабалы, я счелъ необходимымъ раньше другихъ сойти съ *Саидіе*, чтобы первымъ явиться къ Мустафа-агѣ,—явиться не обыкновеннымъ, беззаботнымъ, веселымъ путешественникомъ, а въ качествѣ „знакомаго" приторно-любезнаго и смертельно-скучнаго. Что дѣлать,— я чувствовалъ, что былъ кѣмъ-то особеннымъ, не такимъ какъ другіе.

— Домъ нашъ въ двухъ шагахъ, у самой пристани, сказалъ Ахметъ-Мустафа; — надо только перейти небольшую площадку... Я проведу васъ.

Но впереди, куда мы шли, ничего не было, кромѣ какой-то старинной развалины (низенькія зданія въ родѣ сараевъ стояли лишь по сторонамъ). Все яснѣе опредѣлялся двойной рядъ непомѣрно толстыхъ колоннъ, преграждавшихъ песчаную площадь; мы направлялись прямо къ нимъ. Рѣшительно ничего не понимая, я все-таки пріятно улыбался въ потемкахъ, а молодой человѣкъ велъ меня подъ локоть съ почтительнымъ и вмѣстѣ задушевнымъ панибратствомъ. Я готовился уже спросить, къ чему мы идемъ ночью въ храмъ, какъ вдругъ у самаго моего лица съ двухъ сторонъ красными языками сверкнуло пламя нѣсколькихъ ружейныхъ выстрѣловъ, раздался неожиданный, оскорбительно громкій залпъ, и по щекамъ стегнуло воздухомъ, точно невидимыя руки надѣлили меня двумя увѣсистыми пощечинами; при мгновенномъ блескѣ выстрѣловъ за второю цѣпью столповъ обрисовался прислоненный къ ней фасадомъ небольшой домикъ съ крылечкомъ въ нѣсколько ступеней. Я было опять разинулъ ротъ, чтобъ освѣдомиться о значеніи такой оглушительной шутки, но по бокамъ внезапно вспыхнули яркіе бенгальскіе огни, и тутъ—хотя и одуренный, оглохшій, ослѣпшій—я понялъ, что то̀ консулъ *принимаетъ* ме-

ня... Огни освѣтили трехъ-четырехъ Арабовъ съ дымящимися ружьями въ рукахъ, громады ближнихъ колоннъ, развѣвавшіяся между ихъ капителями полотнища европейскихъ флаговъ и подъ ними на порогѣ дома, на верхней ступенькѣ, его превосходительство Мустафа-агу, стараго, какъ бы поблекшаго негра, съ рѣдкою сѣдою бородой, съ мутными какъ у вареной рыбы глазами, съ расплющеннымъ носомъ, лишеннымъ вовсе носовой перегородки и нѣсколько объѣденнымъ по краямъ. На Мустафѣ, при чалмѣ и фескѣ, было мундирное полукафтанье англійскаго вѣдомства иностранныхъ дѣлъ, украшенное звѣздой Меджидіе 4-й степени. Серіозный и сосредоточенный, въ сіяніи то краснаго, то зеленаго свѣта, консулъ ждалъ моего приближенія... И всѣмъ этимъ я былъ обязанъ рекомендательному письму!

Однако я долженъ оговориться. Хотя я и называю Мустафа-агу консуломъ, онъ на самомъ дѣлѣ не консулъ и даже не вице-консулъ, а нештатный консульскій агентъ — послѣдняя ступень дипломатической іерархіи на Востокѣ. Нештатные вице-консулá и консульскіе агенты назначаются изъ мѣстныхъ жителей, оказываютъ кому надлежитъ покровительство и сообщаютъ, если грамотны, экономическія, а иногда и „политическія" свѣдѣнія ближайшему штатному консулу. Особенно глубокомысленны эти политическія свѣдѣнія!

Введенный въ „кабинетъ", одну изъ двухъ нероскошныхъ пріемныхъ комнатъ, увѣшанныхъ для *фантазіи* разноцвѣтными бумажными фонарями, я сѣлъ на почетномъ мѣстѣ, возлѣ книги въ полстола замѣняющей у здѣшняго представителя Европы всякія „дѣла", папки входящихъ и исходящихъ депешъ, шнуровые журналы и прочее. Къ книгѣ этой Мустафа-ага относится съ бóльшею любовью и благоговѣніемъ, чѣмъ молодой, только-что назначенный посланникъ къ своимъ вѣрительнымъ грамотамъ. А въ ней просто-напросто, какъ въ гостинничныхъ книгахъ у швейцарскихъ водопадовъ, расписываются проѣзжіе, заноси, если желаютъ, краткія замѣтки о своихъ путевыхъ наблюденіяхъ или охотничьихъ удачахъ.

И теперь еще, когда я пишу настоящія строки, мнѣ тяжело вспомнить о тѣхъ утонченныхъ учтивостяхъ, предисловіи восточнаго гостепріимства, которыя пришлось выслушать отъ хозяина, а еще тяжеле перебирать въ умѣ собственные высокопарные, пустопорожніе отвѣты, и ужь право не знаю отъ этихъ ли отвѣтовъ или отъ выстрѣловъ на площади у меня по сію пору горятъ уши. Мустафа-ага говорилъ медленно, взвѣшивая каждое слово, и такимъ голосомъ, какимъ правительственныя лица сообщаютъ другъ другу по секрету государственныя тайны. Приблизивъ свой стулъ къ моему креслу, онъ тихо шевелилъ предъ собою въ пространствѣ всѣми десятью пальцами, раздувалъ для вящей убѣдительности рваныя ноздри и точно для братскаго лобызанія придвигалъ къ моему лицу свою темную харю съ тусклымъ взоромъ. Я выпилъ четыре чашки кофе и выкурилъ три чубука, а рѣчь его все лилась рѣкою. Англійскія слова слагались въ довольно круглые обороты, изъ предложеній синтаксически истекали другія предложенія, но тщетно напрягалъ я вниманіе, стараясь уловить ихъ смыслъ: смысла не было... Въ сущности рѣчь сводилась къ такъ-называемому „комплименту", то-есть къ заключительной фразѣ казеннаго донесенія: „Примите, милостивый государь, увѣреніе въ отличномъ моемъ почтеніи и совершенной преданности, съ каковыми имѣю честь быть", — только варіаціямъ, безмѣрно растянутымъ, не было числа, и подъ конецъ я уже рѣшительно не находилъ, что̀ отвѣчать. Къ счастію Мустафа-ага прервалъ свои увѣренія, чтобы представить мнѣ вошедшаго въ кабинетъ старшаго сына: „His Excellency the Governor of Luxor" (онъ занимаетъ особый домъ въ концѣ деревушки). Съ перваго взгляда губернаторъ, или вѣрнѣе *старшина въ сертукѣ*—невысокаго роста, сухощавый человѣкъ лѣтъ 35—показался мнѣ мрачнымъ, суровымъ, почти свирѣпымъ, но вскорѣ я уразумѣлъ, что подъ этою маской новое превосходительство, подобно франко-германскому консульскому агенту въ Кэнэ (ибо вчерашняя *достопримѣчательность* тоже не консулъ), старается скрыть безграничную, болѣзненную, самолюбивую застѣнчивость. На

статистическіе мои разспросы онъ отвѣчалъ односложно, боясь уронить свое губернаторское достоинство. Мустафа-ага представилъ мнѣ также двухъ младшихъ сыновей, смуглыхъ ребятъ десяти и двѣнадцати лѣтъ. Съ топотомъ вбѣжали они въ комнату, однако при видѣ иностранца замерли на мѣстѣ, потемнѣли отъ конфуза и незамѣтно, какъ тѣни, скрылись за дверью.

Но уже мало-по-малу сходились другіе туристы, возвѣщаемые снаружи пальбою и отблескомъ въ окнахъ бенгальскихъ огней. Хозяинъ, замѣнившій форменный нарядъ шараварами и халатомъ кофейнаго цвѣта, разсаживалъ гостей— однихъ по стульямъ, другихъ по диванамъ-тюфякамъ * — сообразно годамъ и важности осанки.

Не помню, говорилъ ли я, что слово „фантазія" означаетъ всякое вечернее увеселеніе. Сжигается ли фейерверкъ, говорятъ ли сказочники прибаутки, пересказываютъ ли они цѣлыя главы изъ „Эльфъ-лэлэ у лэлэ" (*Тысячи и одной ночи*), или просто общество, собравшись у кого-нибудь, пьетъ кофе и куритъ чубуки подъ звуки музыки,—все это одинаково зовется „фантазіей". Сегодня фантазія выразилась пляскою. Въ широкихъ размѣрахъ и сравнительно блестящей обстановкѣ повторилась сцена, видѣнная нами ночью въ Миніе, — только луксорскія баядерки не выпрашивали денегъ, обходились безъ палокъ, и танцы порою смѣнялись вытягивающимъ душу пѣніемъ. Плясуній было восемь, а именно: надменная, стройная какъ пальма Нубіянка, прозванная туристами „Савскою царицей"; сказочная красавица, съ глазами „яснѣе дня, темнѣе ночи"; дѣтски прелестная Арабка, съ серебрянымъ голоскомъ и шаловливою улыбкой; нечеловѣчески ловкая, тѣмъ не менѣе лишенная всякой граціи Негритянка, и наконецъ четыре колдуньи съ крючковатымъ носомъ и угольнымъ взглядомъ подъ нависшими бровями и угольными глазами, вѣроятно нѣкогда

---

* Восточный диванъ состоитъ изъ продолговатыхъ подушекъ въ видѣ тюфяка, накладываемыхъ другъ на друга и покрываемыхъ сверху ковромъ.

пригожія и плѣнительныя, но уже переступившія за ту черту, гдѣ всякая восточная красавица неизбѣжно становится черномазою вѣдьмой. А старшей колдуньѣ, какъ я узналъ отъ Ахметъ-Мустафы, было всего 24 года!

Онѣ надѣли лучшіе свои уборы. Платья ихъ, красныя съ чернымъ, почти сплошь покрыты заработаннымъ золотомъ: фунтами стерлингами, наполеонами, дукатами, полуимперіалами, новенькими трехрублевиками, * вокругъ стана монеты образуютъ какъ бы панцырь изъ золотой чешуи; шею украшаетъ золотое монисто, а съ головы на спину и плеча золотымъ водопадомъ спускается особаго рода унизанная червонцами сѣтка.

Танецъ былъ довольно однообразенъ: пощелкивая кастаньетами, баядерки плавно носились взадъ и впередъ или съ поднятою рукой поскакивали на мѣстѣ, но преимущественно трепетали всѣмъ тѣломъ, причемъ обращались съ ногъ до головы въ воплощенный блескъ и звонъ. Изрѣдка въ пляскѣ прорывалось что-то цыганское, беззаботное, удалое, что-то въ высшей степени широкое и разнузданное,— отдай все да и мало,—и деньги звенѣли тогда еще звонче.

Однако фантазія происходила весьма прилично, и настоящаго танца—*танца пчелы,* за который гавази получаютъ столько денегъ, мы не видали. Благопристойность не составляетъ его отличительной черты: танцуя, плясуньи понемногу раздѣваются, и послѣдніе *па,* обыкновенно самыя смѣлыя, дѣлаются въ то время, когда уже ничто, кромѣ развѣ браслетовъ и серегъ, не стѣсняетъ движеній танцовщицы.

Въ темномъ углу, подобные кучѣ негодныхъ лохмотьевъ сложенныхъ въ сторону, сидѣли музыканты и не то играли, не то настраивали свои инструменты: слышались странные переливы, блеяніе, взвизгиваніе, мяуканье, вой, и все будто покрывалось дребежаніемъ разбитаго старческаго голоса; но какъ и въ танцахъ, въ звукахъ порою сказывалась цыган-

* Золотые трехрублевики я видалъ только за границей; кажется, они чеканятся исключительно для надобностей министерства иностранныхъ дѣлъ.

ская удаль и чуялось что-то знакомое, точно издали долетали отголоски трепака, казачка и камаринской. Чрезъ каждыя пять минутъ баядерки постукиваніемъ кастаньетъ указывали музыкантамъ новый мотивъ и во время краткихъ передышекъ кивали и улыбались имъ. Быть-можетъ, тамъ, въ этомъ сѣромъ ворохѣ, были ихъ братья и отцы, съ гордостью глядѣвшіе, какъ онѣ отличаются предъ разноплеменнымъ нашимъ собраніемъ.

Ѳивы, 5 февраля.

Въ яркомъ блескѣ утра предстала намъ картина смутно рисовавшаяся вчера ночью: покатая къ Нилу, омываемая рѣкой песчаная площадь, справа и слѣва пыльныя жилища безъ оконъ и дверей—какія-то полуразрушенныя стѣны изъ землянаго кирпича въ перекладку съ пробитыми кувшинами, увѣнчанныя кувшинами же голубятни, надъ самымъ берегомъ стеклянная галлерея и вывѣска убогой фотографіи, а въ глубинѣ площади, шагахъ во ста отъ пароходовъ, четырнадцать приземистыхъ колоннъ расположенныхъ въ два ряда и поддерживающихъ брусья въ нѣсколько саженъ длины. Днемъ онѣ какъ будто еще толще: играющіе подъ ними мальчишки кажутся мухами. Тогда какъ капители, расширяясь чашечкой лотоса, чуть не соприкасаются краями, внизу, у основанія, совсѣмъ просторно и въ промежуткахъ виднѣются дальнія строенія, пальмы на рубежѣ земли и до бѣла раскаленное у горизонта небо; между двухъ колоннъ, подъ флагами висящими какъ простыни, чернѣетъ въ сумеркахъ задняго плана дверь Англо-Русско-Бельгійскаго консульства.

Кромѣ четырнадцати большихъ столповъ, съ палубы видны и другіе остатки старины. Правѣе, въ нѣкоторомъ отдаленіи, стоитъ группа меньшихъ колоннъ; налѣво, за минаретомъ мечети, подымаются въ высь массивные пропилоны. Вся деревня расположена на руинахъ одного изъ величайшихъ храмовъ; подобно осамъ Діоклитіановыхъ воротъ въ

Дендерѣ, люди налѣпили мѣстами среди него, мѣстами поверхъ его свои глиняные улья.

Сегодняшняя программа зоветъ насъ на западный берегъ; тамъ путешественниковъ уже ждутъ заранѣе перевезенные ослы.

Идемъ на веслахъ, переносимся на рукахъ, черезъ мель, ѣдемъ версты полторы по нивамъ ȁдеса (особаго рода гороху) и добираемся до судоходнаго канала; здѣсь ослы, несмотря на удары, пинки и щипки, отказываются лѣзть въ лодку, и погоньщики помѣстившись въ ней переправляютъ ихъ вплавь, схвативъ за что̀ попало: подъ устцы, за переднія ноги, за уши... Садимся на мокрыя сѣдла и снова несемся мимо финиковыхъ и думовыхъ пальмъ, мимо роскошныхъ полей, всходы которыхъ подымаются замѣтно для глаза, мимо пашенъ, гдѣ ослы въ намордникахъ изъ веревокъ и съ голубинымъ пометомъ въ перекидныхъ корзинахъ, едва двигаясь взадъ и впередъ по бороздамъ, возбуждаютъ зависть въ нашихъ лѣнивыхъ упрямцахъ. Нашимъ лѣнтяямъ кажется до смерти наскучило видѣть надъ собою колыханіе зонтиковъ и повязокъ, слышать сзади причмокиваніе и прихлебываніе неутомимыхъ ослятниковъ съ палками и щепками въ рукахъ, и состязаться въ бѣгѣ съ крикливыми Арабами, примкнувшими къ каравану и уже открывшими походную ярмарку.

Несмотря на зимній мѣсяцъ, весна въ полномъ разгарѣ; жарко какъ лѣтомъ. Американцы, разсыпавшись въ извиненіяхъ предъ дамами, скидываютъ сертуки, а мистеръ Джонсонъ, ни предъ кѣмъ не извиняясь, снимаетъ за одно съ сертукомъ и жилетъ. Хотя господствующій въ эту пору года сѣверный вѣтеръ днями довольно порывистъ и свѣжъ,—въ защищенныхъ мѣстахъ немилосердое, безучастное ко всему солнце всегда печетъ и мужскія, и дамскія лица какъ яблоки; если держать руку неподвижно, на тыльной части ощущаешь горячее покалываніе, какъ въ близкомъ сосѣдствѣ пылающаго камина.

Весна въ полномъ разгарѣ — и хорошо теперь, отставъ отъ шумнаго общества, вдыхать всею грудью оранжерейный

воздухъ, слѣдить за снованіемъ крупныхъ муравьевъ на высокихъ лапкахъ, быстро перебѣгающихъ дорогу, слушать пѣніе жаворонковъ, верещаніе ястребовъ, крикъ удода, полный чудной прелести, вѣющій напоминаніемъ иной, лучшей весны... Смутно ожидаешь, что сейчасъ за поворотомъ размѣтнется русская картина, пахнётъ въ лицо духомъ пригрѣтой солнцемъ сирени, еще мокрой отъ утренней росы, дальнимъ звономъ колокольчиковъ зазвенятъ рои пчелъ надъ весеннею травой и вмѣстѣ со струею душистой прохлады долетитъ изъ ближней березовой рощи таинственное, свѣжее, обаятельное какъ сама весна кукованіе кукушки...

Но за поворотомъ—полоса пустыни, прегражденная стѣной скалъ, подъ ногами мелкій сыпучій песокъ, а надъ головой другая пустыня, безоблачное ослѣпляющее небо...

Нынче прогулка обнимаетъ слѣдующіе памятники: храмъ Гурнэ (опять таки по произношенію Арабовъ; въ путеводителяхъ стоитъ Курнэ), гробницы фараоновъ въ скалахъ Бабъ-эль-Мелюкской долины, храмъ Деиръ-эль-Бахре и Колоссы.

Гурнэ, самый сѣверный изъ ѳиванскихъ храмовъ, построенъ, какъ гласитъ надпись, „на милліоны лѣтъ" Рамзесомъ II. Храмъ уже частью рушился, не дождавшись истеченія этого долгаго срока: отъ отдаленныхъ пилоновъ съ пропилонами остались лишь два холма щебня; стѣны самаго зданія уцѣлѣли не всѣ; потолки обвалились, ихъ громадные брусья во всевозможныхъ положеніяхъ—ребромъ, наклонно и торчмя усѣяли полъ, такъ что внутренность храма представляетъ какое-то каменное море въ непогоду. На стѣнахъ и столпахъ разные цари бесѣдуютъ съ богами: у послѣднихъ въ рукахъ аттрибуты божескаго самодержавія, что-то въ родѣ ключа—знакъ жизни, какая-то катушка—знакъ постоянства, и скипетръ знакъ власти,—иногда сверхъ того бичъ. Головы по большей части выдолблены [16]).

Имя Бабъ, или Бибанъ-эль-Мелюкъ (*бибанъ* множественное отъ *бабъ*—ворота) принадлежитъ извивающейся между каменныхъ кряжей узкой долинѣ, которая верстахъ въ трехъ отъ своего устья развѣтвляется на два отрога; каждый за-

канчивается глубокою котловиной, и тутъ-то въ почти неприступныхъ скатахъ высѣчено 25 могильныхъ пещеръ. Онѣ пронумерованы извѣстнымъ египтологомъ, Гарднеромъ Уилькинсономъ [17]).

Долину было бы правильнѣе назвать ущеліемъ: основанія утесистыхъ горъ сходятся такъ близко, что въ иныхъ мѣстахъ двоимъ нельзя проѣхать въ рядъ, и кромѣ неба да камня ничего не видно—даже песку нѣтъ; тропинка, пролегающая змѣйкой на днѣ, угадывается по сглаженнымъ осколкамъ. Караванъ нашъ растянулся далеко, и вслѣдствіе безчисленныхъ изгибовъ тѣснины, ни спереди, ни сзади не видать товарищей; ѣдешь одинъ, палимый зноемъ и мучимый жаждой; безпощадный полуденный свѣтъ только усугубляетъ уныніе, навѣваемое суровою природой; среди накаленныхъ уступовъ и осыпей скалъ воздухъ не шелохнется, и гробовую тишину будитъ только негромкій топотъ ослиныхъ копытецъ да своеобразныя понуканія погонщиковъ.

Впрочемъ я не совсѣмъ одинокъ: по узкому кремнистому пути бокъ-о-бокъ со мною мчится дѣвочка-водоноска поразительной красоты. Нарядъ ея тотъ же, что̀ и на другихъ увязавшихся за путешественниками дѣтяхъ: рубаха, достающая до средины икръ, темная юпка, накинутая сзади на голову и такъ хитро прихваченная, что не скрываетъ ни ушей, ни шеи; вмѣсто серегъ мѣдныя кольца унизанныя большими бусами и ожерелье изъ маисовыхъ зеренъ. За то лицомъ и станомъ дѣвочка отличается отъ подругъ, какъ десятилѣтняя богиня отъ обыкновенныхъ чумичекъ. Курчавые волосы—черные, съ синимъ отливомъ—выбиваясь изъ-подъ головнаго убора, обрамляютъ женственное, покрытое нѣжнымъ загаромъ лицо; маленькій точеный носъ, съ тонкими, вздрагивающими ноздрями, правильный ротъ, грустная улыбка котораго показываетъ бѣлые плотоядные зубки, и въ особенности большіе задумчивые глаза, такіе же какъ у вчерашней сказочной красавицы, могутъ свести съ ума любаго поэта или художника. Востокъ изобилуетъ огромными черными глазами, но, хотя мы и пріучены съ малолѣтства находить ихъ безъ разбора прекрасными, въ нихъ обык-

новенно нѣтъ ни блеска, ни выраженія; эти же, напротивъ, какъ будто живутъ своею жизнью, какъ будто дышутъ, глядя то печально, то беззаботно, то страстно, то равнодушно изъ-подъ ровныхъ, немного сдвинутыхъ бровей. Рѣсницы—охрана отъ пыли и солнечнаго сіянія—до того густы, что края нижней и верхней вѣкъ точно обведены рѣзкою чертой съ тѣмъ же синимъ отливомъ какъ волоса. Подобную черту иногда можно замѣтить и у европейскихъ дамъ, прибѣгающихъ впрочемъ къ помощи кисточки и особыхъ, неизвѣстныхъ мущинамъ, косметиковъ.

Дѣвочка съ легкостью и устойчивостью дикой козы ступаетъ босыми, статными ножками по острымъ камнямъ и ни на шагъ не отстаетъ отъ моего осла; кисть руки красиво легла на сѣдло (при видѣ этихъ худенькихъ пальцевъ съ крашенными ногтями мнѣ вспоминается Черкешенка на *Константинѣ*), другая рука поддерживаетъ на плечѣ холодильный кувшинъ. Я часто останавливаюсь и жадными глотками пью студеную воду, а ребенокъ, прошептавъ арабское пожеланіе, слѣдитъ за мною загадочнымъ взглядомъ. Послѣ всякой остановки я разсчитываюсь. Водоноска беретъ деньги безъ улыбки, не какъ подарокъ, а какъ заработанную плату и, поцѣловавъ ихъ, прячетъ за щеку. Я нарочно плачу не мѣдью, а маленькими серебряными монетками, чтобы Геба не уродовала себѣ лица.

Она понимаетъ все, что̀ ей говорятъ по-англійски, но сама говоритъ мало; однако я узнаю, что ее зовутъ Фатьмой, что у ней нѣтъ ни отца, ни матери, что она меня любитъ,—и быть-можетъ обращаюсь къ кувшину чаще, чѣмъ того требуетъ моя жажда.

Ущелье пустило отъ себя отрогъ вправо, затѣмъ прозмѣилось еще версты полторы и кончилось, разбившись на нѣсколько исполинскихъ каменныхъ овраговъ. Въ этой-то неправильной котловинѣ находится двадцать одна гробница, (остальныя четыре высѣчены въ правомъ отрогѣ). Входы размѣщены невысоко надъ уровнемъ дола, впрочемъ снизу ихъ не видать—они скрываются въ каменныхъ складкахъ стремнинъ.

Гробницы, устроенныя приблизительно по одному образцу, состоятъ изъ широкаго корридора круто спускающагося въ нѣдра земли и нѣсколькихъ расположенныхъ вдоль него покоевъ; нижній лежитъ иногда на глубинѣ 180 футовъ (считая по отвѣсу). Въ корридорахъ—лѣстницы; полъ комнатъ горизонтальный. Стѣны комнатъ и спусковъ покрыты живописными (рѣдко врѣзными) рисунками; изъ нихъ многіе не окончены, а иные едва намѣчены: объясняется это тѣмъ, что усыпальницы,—какъ мастабы, такъ и пещеры—готовились только при жизни своихъ будущихъ постояльцевъ, съ ихъ же смертью работы сразу прекращались.

Саркофагъ съ муміей и при ней различныя драгоцѣнности стояли въ отдаленнѣйшемъ или какомъ-нибудь боковомъ, секретномъ помѣщеніи; доступъ къ нимъ тщательно задѣлывался и маскировался. Снаружи гробницу заставляли большими обломками скалъ, заваливая промежутки грудами меньшихъ камней. Вообще предосторожностямъ не было числа и можетъ быть бабъ-эль-мелюкскіе покойники до сихъ поръ мирно почивали бы въ пустынныхъ горахъ, еслибы ливни налетающіе сюда однажды лѣтъ въ двадцать, съ вѣками не размыли преддверій. Благодаря имъ, муміи, саркофаги и драгоцѣнности похищены еще въ незапамятныя времена. Теперь казалось бы и нечего унести, но путешественники ухищряются грабить самыя стѣны, откалывая отъ нихъ большіе куски съ рисунками. Живопись попорчена также автографами лицъ, краснорѣчиво хотя и кратко заявляющихъ міру о своей невѣжественной грубости. Въ числѣ такихъ *частныхъ* надписей попадаются древне-греческія и римскія, какъ бы въ доказательство того, что людей, не умѣющихъ стяжать извѣстность путемъ ума или способностей, издревле преслѣдуетъ стремленіе увѣковѣчить себя хотя бы и позорнымъ образомъ. По неволѣ отдаешь справедливость тѣмъ любителямъ просвѣщенія, которые ничего не портя, выставили свои фамиліи по сырымъ отвѣсамъ на днѣ Іосифова колодца въ Каирской цитадели. Къ сожалѣнію тамъ уже не осталось мѣста, и необходимо выкопать для туристовъ новый провалъ или яму, гдѣ бы имъ расписываться.

Да лма надобна большая!

Сохранившіеся рисунки и понынѣ до такой степени свѣжи, что люди разсѣянные сторонятся отъ нихъ, боясь замарать платье: краски кажутся невысохшими.

Мы посѣтили только гробницы Сети I и Рамзеса III (нумера семнадцатый и одиннадцатый) [18]). Осмотръ крайне утомителенъ: безъ конца спускаешься въ земную глубь по завалившимся лѣстницамъ, переводя дыханіе лишь въ рѣдкихъ промежуточныхъ комнатахъ; воздухъ душенъ и тяжелъ; поднятая многочисленнымъ обществомъ пыль выѣдаетъ глаза; плоскіе отщербленные отъ стѣнъ и сводовъ осколки, точно битыя блюда, непріятно гремятъ подъ ногами; что̀ ни шагъ мелкіе камешки обрываются и сыплятся внизъ, въ темную глубину, того гляди полетишь туда и самъ, а тутъ еще слѣдующій туристъ каплетъ на васъ сверху стеариномъ... И едва успѣваешь мелькомъ взглянуть на стѣны, гдѣ среди пестрой іероглифической чепухи, оживленные колеблющимся пламенемъ огарковъ, движутся вереницами или копошатся въ одиночку маленькіе шоколатнаго цвѣта люди.

На площадкѣ у одного изъ могильныхъ входовъ былъ поданъ холодный завтракъ. Неугомонные продавцы и между кушаньевъ прельщали насъ разными товарами. Однѣ и тѣ же вещицы совсѣмъ по-фокуснически ходили у нихъ по рукамъ и для отвода глазъ предъявлялись все новыми лицами.

До нынѣшняго дня просители бакшиша и торговцы, принимавшіе участіе въ нашихъ прогулкахъ, были преимущественно несовершеннолѣтніе: взрослыхъ феллаховъ отвлекали полевыя работы. Теперь же въ окружающей толпѣ взрослые составляютъ большинство. Это отъ того, что ѳиванскіе Арабы, подобно „вольнымъ бедуинамъ“ Гизэ, живутъ главнымъ образомъ не хлѣбопашествомъ, а обирательствомъ туристовъ. Иные навязываются въ путеводители и выручаютъ до пяти франковъ въ день; другіе поддѣлываютъ старинные предметы, отыскиваемые въ саркофагахъ: каменные жучки, ожерелья и фигурки изъ какой-то голубой глазури, свитки

папируса и проч. * Подделка, за которую сначала запрашивается тройной вѣсъ золота, скоропостижно уступается за грошъ. Иногда она бываетъ безобразна, даже неостроумна, предлагаются, напримѣръ, *каменные* жучки изъ чернаго воска, *глиняные* сфинксы изъ мятаго хлѣба, и т. п.; порою же бываетъ такъ искусна, что лишь опытный глазъ можетъ открыть плутовство. Впрочемъ Арабы по врожденной живости почти всегда сами пробалтываются.

— Give it for five dollars! very old, real! ** хрипло кричитъ прибѣжавшій откуда-то и до удушья запыхавшійся фелахъ, вытаскивая изъ-за пазухи бережно увернутаго въ лоскутъ священнаго мандриля, котораго я уже имѣю удовольствіе знать въ мельчайшихъ подробностяхъ, и который на моихъ глазахъ перемѣнилъ по крайней мѣрѣ двадцать хозяевъ.

— Antic! Give it for three shillings! *** оретъ продавецъ, не дождавшись отвѣта на первое свое предложеніе. У современныхъ Ѳивянъ, *give* означаетъ глаголы *брать* и *давать* во всѣхъ временахъ, залогахъ и наклоненіяхъ; *отдаю*, *возьмите*, *давайте*, *беру*, *далъ*—все это на мѣстномъ англійскомъ нарѣчіи выражается словомъ *give*.

— It is real Ramses, give it for two francs! **** продолжаетъ онъ уступать, но я занятъ цыплятами и бараниной.

— Give it for five piasters! four piasters! three piasters!... give! †****

Три піастра—послѣдняя цѣна, и обезьянка ловко всучивается въ мои руки, послѣ чего Арабъ предается настоящему бѣснованію, выкрикивая на всѣ лады: „give it! give it! no give it? give it", то-есть „возьмите! давайте деньги! какъ? не берете? вѣдь я же вамъ отдаю!" Тутъ и убѣди-

* Свитки находятъ только въ рукахъ царскихъ мумій.

** Возьмите за пять долларовъ! очень старинный, настоящій.

*** Старинный, возьмите за три шиллинга.

**** Настоящій Рамзесъ, возьмите за два франка.

†**** Возьмите за пять піастровъ, за четыре піастра, за три піастра.... берите!

тельная просьба, и крайнее недоумѣніе, и настойчивое требованіе.

— Да ты врешь, она фальшивая, не старая, возражаю я.

— Not old?—very antic, quite Ramses, natural, hundred and hundred years *, трещитъ Арабъ.

— Ну, хочешь піастръ?

— Піастръ? какъ можно піастръ? піастръ нельзя: я надъ ней два дня проработалъ.

И такимъ образомъ усердный труженикъ попадается въ просакъ какъ тотъ Нѣмецъ, который увѣрялъ, что рублевка не фальшивая, а настоящая,—что онъ навѣрно знаетъ, потому что самъ ее дѣлалъ.

Изъ неподдѣльныхъ вещей въ обращеніи находятся только лишенныя всякой стоимости: мѣдныя монеты временъ римскихъ императоровъ, желтое тряпье изъ могилъ и разобранныя по частямъ муміи. Послѣднихъ особенно много: между блюдами предъ носомъ путешественниковъ проходитъ полное собраніе древне-египетскихъ рукъ, ногъ, пальцевъ, забинтованныхъ и размотанныхъ; когти тысячелѣтнихъ мертвецовъ чуть не царапаютъ насъ по лицу.

— A foot of the mummy! ** заявляетъ не особенно твердый въ англійскомъ языкѣ юноша, перебрасывая съ руки на руку человѣческую голову, не имѣющую никакого сходства съ головой сіутской покойницы—ужасающую, облѣзлую, на половину источенную червями.

— Very nice, кричитъ онъ,—good for ladies! ***

Однако всѣ, и дамы въ особенности, съ отвращеніемъ относятся къ его товару.

— Give it for twenty five sovereigns! **** величественно провозглашаетъ онъ, желая удивить насъ, но тотчасъ, какъ бы спохватясь, замѣняетъ фунты шиллингами, шиллинги

---

* Не старая?—очень старинная, совершенный Рамзесъ, натуральная, сотни и сотни лѣтъ.

** *Нога* муміи.

*** Очень хороша, пригодна для дамъ.

**** Возьмите за 25 совереновъ.

франками, франки піастрами, и наконецъ, остановившись на крайней цѣнѣ—пяти піастрахъ—кладетъ „foot of the mummy“ на мои колѣни, куда я только-что собирался поставить полученную отъ синьйора Анджело тарелку со всякою всячиной.

Тутъ юноша залился самымъ добродушнымъ хохотомъ:

— Look, look! воскликнулъ онъ, тыча пальцемъ на мертвую голову,—she will eat. *

Дѣйствительно, ощеривъ зубы какъ бы въ ожиданіи подачки, она глядѣла своими проваленными глазками на свѣсившійся съ тарелки ломтикъ ветчины.

Съ такимъ же голоднымъ выраженіемъ смотрѣли на насъ и купцы, и ослятники, и водоносы. Порою мы кидали въ толпу корку хлѣба или обглоданную кость, что̀ неминуемо пораждало свалку, и тогда хищный Мехмедъ отрывался на мгновеніе отъ ѣды, чтобъ однимъ ловкимъ, излучистымъ какъ молнія ударомъ охлестнуть цѣлую кучу человѣческихъ тѣлъ. Арабы безшумно, какъ испуганные звѣри, шарахались въ разныя стороны, мелькая голыми икрами и пятками, и затѣмъ такъ же безшумно сходились снова. Кружочки колбасы и ветчинное сало они, поднявъ съ полу, долго нюхали, но ѣсть не рѣшались и въ заключеніе далеко забрасывали. Нѣсколько во̀роновъ, ожидая нашего ухода, чтобы воспользоваться объѣдками, нетерпѣливо каркало въ вышинѣ по скаламъ. Позже, при лунномъ свѣтѣ, съ окрестныхъ горъ и изъ ближнихъ могилъ соберутся сюда на полуночный пиръ гіены и шакалы.

Возвратились мы изъ ущелья не прежнею дорогой, а перебравшись цѣликомъ черезъ кряжъ, отдѣляющій „Долину смерти“ отъ равнины Ѳивъ (у подножія кряжа съ противоположной стороны стоитъ храмъ Дейръ-эль-Бахрэ). На каменную кручу пришлось подыматься пѣшкомъ; ослы и безъ сѣдоковъ съ трудомъ встаскивались и подсаживались погон-

* Смотрите, смотрите—она хочетъ ѣсть.

щиками. Сверху, съ зубцовъ естественной въ 1.000 футовъ стѣны, огибающей сѣверо-западный уголъ равнины, открылась обычная чудная картина зеленыхъ нивъ, плёсовъ рѣки, каналовъ, пальмъ и песчаныхъ полей, усѣянныхъ развалинами древняго Египта. Предъ нами какъ будто развернулся планъ мѣстности въ естественную величину, то-есть съ масштабомъ верста въ верстѣ и съ памятниками въ натурѣ,—планъ, гдѣ размѣры скрадываются лишь разстояніемъ. А позади зіяетъ только-что покинутая Бабъ-эль-Мелюкская тѣснина, во глубинѣ которой можно различить диковинную букашку,—верблюда, нагружаемаго посудой и остатками нашего завтрака.

Дейръ-эль-Бахрэ стоитъ еще въ пустынѣ, и кругомъ него только рѣютъ ласточки сѣро-желтаго оттѣнка, какъ нельзя болѣе подходящія подъ цвѣтъ каменныхъ горъ; среди воздѣланныхъ полей, (въ разстояніи полуверсты около пальмовой рощицы) находятся одни разрушенныя пропилоны.

Храмъ воздвигнутъ фараоншей Ра-Маа-Ка-Аменъ-Кнумтъ-Хатасу, сестрой и соправительницей Тутмесовъ II и III, (XVIII династія, 1597—1447), но въ надписяхъ имя ея, тщательно стертое, замѣнено всюду именемъ Тутмеса III. Открываютъ обманъ нѣкоторые обороты рѣчи: „Тутмесъ (III)“, говорится въ іероглифахъ, „*построила* сіе зданіе“, „*она посвятила* его своему отцу Аммону“ и т. п. Судьба этой египетской царевны Софіи задернута непроницаемымъ покровомъ,—извѣстно лишь, что въ послѣдніе годы своего царствованія Тутмесъ III правилъ единовластно,—однако въ храмѣ невольно думается о той, чье имя изъ него изгнано; славолюбивый братъ фараонши не предугадывалъ, какую окажетъ ей услугу, преслѣдуя самую память о ней.

Сооруженіе отличается своеобразностью; части его—дворы и крытыя храмины—лежатъ на террасахъ разной высоты, чѣмъ ближе ко хребту, тѣмъ выше, и наконецъ уходятъ въ скалу; помѣщенія высѣчены тамъ горизонтально; нѣкоторыя были найдены наполненными до верху человѣческими трупами.

Наружи высятся куски стѣнъ и обломки колоннъ. Въ одномъ мѣстѣ уцѣлѣлъ потолокъ со всегдашними желтыми звѣздами по голубому небу. Боги пощерблены и изуродованы, впрочемъ пребываютъ такими же гордыми и неприступными, какъ въ предвѣчный день своего рожденія. Лучше другихъ устояла противъ времени и людей общая кормилица фараоновъ, богиня Аторъ, держащая на рукахъ царенка, вѣроятно одного изъ двухъ Тутмесовъ.

Если состояніе внѣшнихъ развалинъ плачевно, то, наоборотъ, покои въ горѣ сохранились удивительно. И тутъ, какъ въ Бабъ-эль-Мелюкѣ, краска на барельсфахъ точно еще не высохла, а гдѣ работа не окончена, можно подумать что она лишь пріостановлена: художники отправились пообѣдать или прогуляться, сейчасъ вернутся и снова примутся за дѣло.

Изъ картинъ Деиръ-эль-Бахрэ самая любопытная—*Походъ въ Аравію*, въ страну *Пуніеръ*, предпринятый таинственною фараоншей: египетскіе полки идутъ подъ звуки трубъ и барабановъ, суда плывутъ по морю, съ чужеземнаго берега уводятся плѣнные или заложники, на лодки сносятся военная добыча—металлы, слоновая кость, шкуры, обезьяны,—а сквозь прозрачную морскую воду видны разныя рыбы и раки, настолько живо представленные, что не трудно признать въ нихъ породы, до сихъ поръ существующія въ Чермномъ Морѣ. Морская вода изображена зеленою, нильская—голубою.

Отъ Деиръ-эль-Бахрэ поѣхали къ Колóссамъ, конечной цѣли сегодняшней прогулки. Ведущая къ нимъ тропинка проходитъ чрезъ Рамезеумъ, сквозь лѣсъ его столповъ (ближайшій осмотръ этого памятника откладывается на завтра.)

Колоссы подымаются саженъ на восемь надъ уровнемъ нивъ [19]). Схожіе другъ съ другомъ какъ близнецы, они сидятъ рядомъ на вольномъ просторѣ и оба съ одинакимъ недоумѣніемъ смотрятъ слѣпыми глазами на востокъ.

Утесъ, стоящій въ равнинѣ, башню, господствующую надъ сосѣдними зданіями, поэты привыкли называть „сторожемъ" или „часовымъ",—сравненіе ни къ чему такъ не идетъ какъ

къ этимъ сѣрымъ великанамъ. Но что же сторожатъ они или чего ожидаютъ? Съ особымъ гнетущимъ чувствомъ силишься разгадать каменныхъ чудовищъ, отъ которыхъ вѣетъ чѣмъ-то безличнымъ, стихійнымъ, вѣчнымъ какъ время и неизбѣжнымъ какъ смерть. Мрутъ отдѣльные люди, проходятъ поколѣнія, исчезаютъ съ лица земли цѣлыя племена и народы, милліоны разъ опускается и подымается солнце,— они же все сидятъ и ждутъ, ждутъ, ждутъ.... Между ними, какъ въ широко-раскрытыхъ воротахъ, пролегаетъ дорога: ѣдетъ со скрипучею пѣсней арба, запряженная черными буйволами; ступаютъ гуськомъ верблюды; надсаживаясь отъ крика, болтая руками и ногами, скачетъ на неосѣдланномъ ослѣ какая-то удалая голова; дѣти безъ рубашекъ кувыркаются въ мягкой пыли и таскаютъ за хвостъ лохматую собаку въ родѣ овчарки, а кругомъ яркозеленымъ моремъ стелятся и волнуются нивы. Но они ни на что не смотрятъ, имъ ни до чего нѣтъ дѣла, какъ отжившимъ старикамъ, которые, потонувъ въ древнихъ воспоминаніяхъ, безучастные къ окружающей жизни, уставились тупо въ пространство и медленно жуютъ губами.

Что такое колоссы? Шагахъ въ пятистахъ груды обломковъ образуютъ большой холмъ, называемый Комъ-эль-Хеттаномъ; кое-гдѣ среди мусора тянутся карнизы или торчатъ верхи колоннъ. Это бывшій Аменотепіумъ — храмъ Аменотепа или Амунофа III, фараона-ловца, убившаго 110 львовъ въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ своего царствованія. * Храмъ обращенъ фасадомъ на востокъ, и въ сохранившейся на фронтонѣ надписи строитель проситъ, чтобы солнце, „подымаясь изъ-за горизонта, осіявало чертоги золотомъ своего лица“. Оба колосса не что иное, какъ статуи Амунофа, сидящаго на египетскомъ тронѣ безъ подлокотенъ и спинки. На полпути между ними и Комъ-эль-Хеттаномъ лежитъ третій истуканъ, во всемъ подобный двумъ первымъ, но уже почти совершенно погребенный ежегодными отло-

* XVIII династіи (1597—1447 до Р. Х.) Амуновъ въ переводѣ значитъ *Аммоновъ миръ*.

женіями Нила. Основываясь на приведенныхъ данныхъ, египтологи заключаютъ, что колоссы стояли возлѣ исчезнувшихъ теперь пилоновъ Аменотепіума или же, въ числѣ нѣсколькихъ такихъ же парныхъ статуй, были размѣщены по „Королевской улицѣ“, соединявшей храмъ съ другимъ великимъ сооруженіемъ Амунофа, храмомъ Луксора. Конечно это однѣ догадки: ни отъ пилоновъ, ни отъ улицы не осталось слѣдовъ, и во всѣ стороны простирается зеленая гладь безъ признаковъ какихъ бы то ни было развалинъ.

Южный колоссъ изваянъ изъ цѣльной каменной глыбы. Сѣверный же, знаменитый Мемнонъ Аммонскій (такъ я училъ по Шульгину), въ верхней части сложенъ изъ большихъ брусьевъ. Сперва онъ тоже представлялъ цѣльнаго болвана, но въ 27 году до Р. Х. былъ разрушенъ землетрясеніемъ. Исправилъ его и привелъ въ тотъ видъ, въ какомъ онъ остается до сихъ поръ, императоръ Септимій Северъ. (193—211 по Р. Х.).

Всѣмъ извѣстно, что когда-то Мемнонъ издавалъ музыкальный звукъ при солнечномъ восходѣ. Многія лица удостовѣрили это диво надписями изсѣченными на подножіи; одна изъ нихъ сдѣлана по приказанію императора Адріана и его супруги, въ присутствіи которыхъ колоссъ привѣтствовалъ утреннее солнце „два раза въ теченіе одного часа“.

Новѣйшіе ученые расходятся въ объясненіи причины сокровеннаго звука. Одни утверждаютъ, что издавала его не сама статуя, а сидѣвшій въ ней жрецъ, и указываютъ при этомъ на выбоину въ ея затылкѣ — выбоину, гдѣ дѣйствительно человѣкъ можетъ спрятаться отъ взоровъ людей стоящихъ вблизи памятника, и гдѣ въ одномъ мѣстѣ ударъ молотка извлекаетъ протяжно звенящую ноту. Но спрашивается, вопервыхъ, съ какой стати и на чьи средства содержался бы въ теченіе многихъ лѣтъ жрецъ при статуѣ, находившейся среди разгромленнаго города и не почитавшейся за святыню ни мѣстными жителями, ни чужеземцами? Далѣе, почему жреца не открыли современники-очевидцы, гораздо болѣе чѣмъ мы заинтересованные въ разоблаченіи

чуда? Вѣдь мысль о спрятанномъ человѣкѣ не особенно мудрена и провѣрить ее не трудно: для того, чтобы не видѣть ослятника, усердно гремящаго въ выбоинѣ, мы должны почти въ плотную приблизиться къ основанію памятника: стóитъ отойти на нѣсколько десятковъ шаговъ, и сей прообразъ жреца съ молоткомъ въ рукѣ предстаетъ во весь ростъ нашимъ глазамъ. Если же предположить, что затылокъ колосса былъ какъ-нибудь задѣланъ снаружи, то все-таки останется непонятнымъ, какимъ образомъ человѣкъ незамѣтно взбирался туда: насколько извѣстно, и въ ту пору никому не были заказаны пути кругомъ каменныхъ Амунофовъ.

Другое объясненіе гораздо правдоподобнѣе. Судя по надписямъ, Мемнонъ голосилъ лишь въ краткій промежутокъ времени, протекшій между поврежденіемъ памятника и его починкой; до 27 года предъ Р. Х. и послѣ Септимія Севера—211 по Р. Х.—надписей изсѣкаемо не было; слѣдовательно можно заключить, что однимъ изъ условій звуковъ служило извѣстное состояніе, въ какое статуя была приведена землетрясеніемъ, и что съ ея починкой условіе это было уничтожено. До починки, въ щели расколотаго истукана проникалъ воздухъ, теплѣющій здѣсь почти мгновенно вслѣдъ за солнечнымъ восходомъ, а быть-можетъ проникали непосредственно и горячіе солнечные лучи, и камень, сильно охладѣвшій за ночь, отъ быстраго нагрѣванія трескался, причемъ та самая жила, которая теперь звенитъ подъ ударами Араба, издавала хотя сравнительно слабые, но все же явственные тоны. Фактъ, что въ Нильской долинѣ камни отъ внезапной перемѣны температуры при восходѣ солнца иногда разсѣдаются, не подлежитъ сомнѣнію и засвидѣтельствованъ многими путешественниками. Кто-то, если не ошибаюсь Бругшъ, разсказываетъ что, однажды на его глазахъ съ шумомъ разорвало камень, обогрѣтый только-что поднявшимся солнцемъ.

Долго и въ pince-nez, и въ бинокли глазѣли мы на „Мемнона Аммонскаго", но, издавна привыкшій ко всевозможнымъ туристамъ, онъ относился къ намъ съ египетскимъ безчув-

ствіемъ и послѣ того, какъ Арабъ слѣзъ на землю, не подарилъ насъ ни единымъ лепетомъ.

Когда, отъѣхавъ версты полторы, я оглянулся назадъ, колоссы уже утратили человѣческій образъ и вытянулись въ столбы: на этомъ разстояніи они какъ нельзя болѣе напоминаютъ огромныя воротныя вереи, полотенца которыхъ еще не навѣшаны.

Экскурсія закончилась маленькимъ приключеніемъ, имѣющимъ послужить, къ характеристикѣ нѣкоего животнаго. У канала, ослы, показавшіе въ началѣ такое предосудительное отвращеніе къ лодкѣ, теперь, чуя близкій отдыхъ, поскакали въ нее безо всякаго понужденія. Одинъ оселъ мистера Джонсона заартачился, но Англичанинъ переупрямилъ его и посадилъ на лучшее мѣсто, не позволивъ даже miss Emily пройти первою, а на замѣчаніе остроумнаго Тристана, что, согласно законамъ вѣжливости, люди и тѣмъ болѣе *скоты* должны бы уступать дорогу дамамъ, невозмутимо отвѣчалъ: „I don't care about ladies". *

Въ ожиданіи нашего возвращенія, на Луксорской площади, противъ колоннъ, гарцовалъ Ахметъ-Мустафа, сгаравшій желаніемъ блеснуть предъ нами своею лошадью и искусною ѣздой. Съ нимъ состязался другой всадникъ. Они играли въ *джеридъ* (буквально „пальмовый стебель"),—плавно кружили по песку, или опрометью скакали рядомъ, стараясь тронуть другъ-друга палками, вѣроятно представлявшими дротики. Ахметъ-Мустафа одержалъ верхъ, и побѣжденный Арабъ съѣхалъ съ арены. Оставшись одинъ, сынъ консула продолжалъ эволюціи: ѣздилъ кругомъ площади шагомъ, рысью, галопомъ или, пустивъ свободно повода, похлопывалъ длиннымъ бичемъ: конь — не особенно породистый—вздрагивалъ, волновался, прялъ ушами, взвивался, храпя и потряхивая гривой, на дыбы, и, круто повернувъ на мѣстѣ, тяжело упадалъ на переднія ноги. Зрѣлище это тѣмъ сильнѣе приковывало наше вниманіе, что со дня выѣзда изъ Каира мы не видѣли ни одной лошади, даже въ

---

* До дамъ мнѣ нѣтъ дѣла.

храмахъ и гробницахъ не встрѣчали ея изображенія. Когда, по окончаніи представленія, молодой человѣкъ пришелъ на *Саидіе,* онъ былъ осыпанъ похвалами. Притворяясь крайне смущеннымъ, самолюбивый наѣздникъ благодарилъ туристовъ; онъ собственно не зналъ, что на него смотрятъ.... онъ не заслужилъ... онъ вовсе не затѣмъ... онъ только пришелъ освѣдомиться о моемъ здоровьи... И, весь сіяя отъ восторга, Ахметъ-Мустафа горячо пожималъ намъ руки.

Вечеромъ у Мустафа-аги мнѣ случилось подмѣтить другое проявленіе арабскаго тщеславія или славолюбія — не знаю какъ назвать. Въ консульствѣ была снова назначена фантазія. Вслѣдствіе исключительнаго своего положенія, созданнаго рекомендательнымъ письмомъ, я опять счелъ долгомъ отправиться туда раньше другихъ. Къ счастію, въ этотъ разъ меня не ждали, и я избѣжалъ залповъ надъ ухомъ и бенгальскаго освѣщенія. Въ первой комнатѣ на большомъ деревянномъ сундукѣ сидѣли младшіе сыновья Мустафы и съ ними пожилой Арабъ въ опрятномъ хитонѣ, должно-быть дядька. При моемъ появленіи дѣти спрыгнули было съ сундука, потомъ опять на него взлѣзли, обратили умоляющій взоръ къ Арабу и потупились... Замѣшательство ихъ не походило на давешній конфузъ; одержимые какою-то мыслью, какимъ-то невысказаннымъ, завѣтнымъ желаніемъ, они, какъ щенята, чуть не взвизгивали отъ волненія.

— Мои господа видѣли, какъ вы записали что-то въ свою книжку, объяснилъ мнѣ дядька, — а теперь имъ хочется что бы вы и ихъ записали.

Дѣти, потемнѣвъ до корней волосъ, глядѣли на полъ не шевелясь и не дыша...

Я вынулъ записную тетрадку.

— Мустафа-ба́ша ибнъ Мустафа-ба́ша, * трепетно, едва слышно продиктовалъ старшій.

— Ами́нъ-ба́ша ибнъ Мустафа-ба́ша, еще беззвучнѣе продиктовалъ младшій, и когда я показалъ этимъ малолѣтнимъ Петрамъ Ивановичамъ двѣ строчки крупнаго письма на бѣ-

---

* *Ибнъ*—сынъ; *ба́ша*—паша́ по арабскому произношенію.

лой страничкѣ, оба замерли отъ восхищенія, точно ихъ наградили золотыми медалями. Конечно, этого волшебнаго праздничнаго дня они не забудутъ во всю жизнь! Мало-помалу сходилось общество съ пароходовъ, между колоннъ открылась пальба и сіяніе цвѣтныхъ огней, въ домъ поминутно вбѣгали слуги, чтобы заряжать ружья и пистолеты, потомъ, надрываясь, загудѣла музыка, задребежжало пѣніе, зазвенѣли танцы,—а Мустафята все не шевелились, оцѣпенѣвъ въ невыразимо-сладостномъ чувствѣ величія и какого-то благоговѣнія къ самимъ себѣ.

Ѳивы, 6 февраля.

Сегодня осмотрѣли на западномъ берегу Рамезеумъ (Мемноніумъ Рамезеса II), гробницы Шейкъ Абдъ-эль-Гурне, храмъ Деиръ-эль-Мединэ и группу развалинъ Мединетъ-Абу.

Изъ Луксора общество поѣхало тѣмъ же путемъ, черезъ Нилъ, черезъ каналъ, потомъ мимо колоссовъ; другой дороги, кажется, нѣтъ. Далеко за колоссами, въ пустынѣ, у подножія скалъ, черною нитью извивалось похоронное шествіе; оно вышло къ намъ на встрѣчу изъ колоннадъ Рамезеума. Процессія состояла почти исключительно изъ женщинъ, въ обычныхъ черныхъ одѣяніяхъ. Мущины присутствовали только въ качествѣ переносщиковъ и подъ звуки сподручной пѣсни медленно тащили на носилкахъ тѣло зашитое въ грубый мѣшокъ.

По внѣшнему виду, кромѣ величественности присущей всѣмъ египетскимъ храмамъ, Мемноніумъ отличается еще изяществомъ, которымъ отчасти обязанъ разрушенію. Наружныя его стѣны сохранились въ немногихъ мѣстахъ, такъ что съ перваго взгляда храмъ являетъ собраніе однѣхъ колоннъ, нерѣдко очень красивыхъ. Бо́льшая часть ихъ изображаетъ стебли лотоса и папируса, увѣнчанные распустившимися цвѣтами и усѣченными бутонами; есть и такъ-называемые „озириды“ — четырехгранные столпы, подпертые съ одной стороны каріатидой, представляющею спеленатаго

владыку подземнаго царства. Четыре такія колонны съ обезглавленными статуями какъ бы служатъ фасадомъ.

Внутри три четверти помѣщеній тоже разорены. Изъ уцѣлѣвшихъ достойны вниманія, вопервыхъ, большая зала, потолокъ которой съ парящими по звѣздному небу орлами поддержанъ 48 колоннами, вовторыхъ, комната рядомъ, „гдѣ хранились книги Тота", т.-е. библіотека, съ надписью надъ входомъ: „услада души" * и съ символическимъ изображеніемъ на плафонѣ двѣнадцати египетскихъ мѣсяцевъ. По стѣнамъ примѣтилъ я лишь нѣсколькихъ наполовину стертыхъ боговъ съ выколупанными головами, да непонятное дерево, симметрично распростершее свои вѣтви и листья. Мастера живописать людей и особей животнаго царства, коимъ въ картинахъ придается только извѣстная степень безобразія, именуемая египетскою печатью, художники фараоновъ совсѣмъ не умѣли рисовать растеній—впрочемъ и рисовали-то ихъ рѣдко. Тогда какъ всякій ребенокъ можетъ на рисункахъ египетскихъ памятниковъ опредѣлить породы млекопитающихъ, птицъ и рыбъ, изображенія деревьевъ и злаковъ ставятъ въ тупикъ самыхъ смѣлыхъ египтологовъ, даже тѣхъ, которые въ кругу своихъ обычныхъ изысканій, трудно поддающихся посторонней провѣркѣ, ни на минуту не задумаются надъ истолкованіемъ мудренѣйшихъ іероглифовъ, иносказательныхъ знаковъ или эмблемъ [20]).

На пескѣ возлѣ храма лежатъ каменныя глыбы. Сначала онѣ показались мнѣ безформенными, потомъ я призналъ въ нихъ части огромной статуи. Это невѣдомою силой поваленный и разбитый колоссъ Рамзеса Великаго, размѣрами превосходящій даже болвановъ Амунофа III (по приблизительному разсчету обломки въ совокупности вѣсятъ 900 тоннъ). Ноги отъ колѣнъ внизъ и престолъ раздроблены на мелкіе куски; остальная часть перебита у пояса. Несмотря на всѣ старанія, я ни откуда не могъ на нее вскарабкаться. По Діодору, на подставѣ было написано: „я царь царей, Озимандіасъ; кто хочетъ знать, какъ я великъ и гдѣ лежу,

* Діодоръ. Теперь надписи болѣе не существуетъ.

тотъ превзойди меня въ одномъ изъ моихъ твореній!" Но люди, забывшіе думать о величіи „царя царей", давно нашли мѣсто, гдѣ онъ лежалъ (нумеръ седьмой въ Бабъ-эль-Мелюкѣ) и, ограбивъ, уничтожили его трупъ; въ лучшемъ его „твореніи", полуразрушенномъ Мемноніумѣ, какою-то несмолкаемою насмѣшкой звучатъ дерзкій пискъ и щебетаніе воробьевъ, въ несмѣтномъ числѣ гнѣздящихся по архитравамъ и карнизамъ, а изъ поверженнаго каменнаго туловища Арабы выпиливаютъ себѣ жернова...

Въ скалистыхъ горахъ, саженяхъ въ двухстахъ отъ храма, чернѣютъ на разной вышинѣ прямоугольные, почти квадратные входы могилъ Шеихъ Абдъ-эль-Гурнэ, — названіе, заимствованное у жалкой деревушки, отчасти залѣпившей кладбище. Гробницы, преимущественно бени-гассанскаго типа (горизонтальныя комнаты на одномъ уровнѣ со входомъ), хотя и пронумерованы добродѣтельнымъ г. Гарднеромъ Уилькинсономъ, тѣмъ не менѣе сплошь и рядомъ обращены въ жилье; снаружи къ нимъ пристроены небольшія сѣнцы въ видѣ закутъ. Мы посѣтили только свободный отъ постоя тридцать пятый нумеръ, усыпальницу знатнаго жреца временъ Тутмеса III съ тонкою живописью на цементѣ, еще сохранившею, несмотря на грабительства путешественниковъ, прелесть законченнаго эпическаго разсказа. Здѣсь опять переносишься въ мирное теченіе древне-египетской будничной и праздничной жизни. Весьма тщательно написанные коричневые люди ростомъ въ небольшую куклу, разсыпавшись повсюду, иссѣкаютъ колоссовъ и сфинксовъ, готовятъ кирпичи или канаты, занимаются кузнечнымъ мастерствомъ, обѣдаютъ при звукахъ музыки и т. п. Между прочимъ на разграфленой стѣнѣ, въ пяти вереницахъ, одни надъ другими слѣдуютъ старѣйшины нѣкоторыхъ африканскихъ и азіятскихъ племенъ, предлагающіе подарки или платящіе дань Тутмесу III [21]).

Деиръ-эль-Мединэ—небольшой храмъ богини Аторъ, обнесенный высокою кирпичною городьбой. На одной изъ его стѣнъ представлено судилище того свѣта. Сорокъ два неизвѣстныхъ судіи подъ предсѣдательствомъ Озириса вер-

шаютъ судьбы умершихъ; предъ Озирисомъ на бутонѣ лотоса стоятъ четыре генія смерти; возлѣ изображенъ египетскій Церберъ женскаго пола. Орусъ вѣситъ сердце покойнаго, то-есть его добрыя дѣла; сердце лежитъ на одной чашкѣ вѣсовъ, а на другой лежатъ страусовыя перья, символъ чистоты и безпорочности. Богиня справедливости, Ма, съ такимъ же перомъ въ прическѣ, приводитъ душу, шествуя въ двойномъ образѣ—и спереди, и сзади нея. Тотъ, ибисоголовый богъ письменъ и всякой премудрости, отмѣчаетъ что-то на дощечкѣ, вѣроятно записываетъ вѣсъ добрыхъ дѣлъ и подводитъ итоги качествамъ души.

— Въ ней нѣтъ грѣха! говоритъ богиня [22]).

Группою Мединетъ-Абу мы заключаемъ всякіе осмотры на лѣвомъ берегу рѣки. Названіе Мединетъ-Абу принадлежитъ коптскому городку, скоропреходящія развалины котораго еще лежатъ кругомъ вѣчныхъ развалинъ фараоновскихъ памятниковъ.

Главный храмъ группы являетъ образецъ живописнѣйшей египетской руины; онъ не похожъ на тѣ хорошо сохранившіяся капища, наглухо замурованныя, подобныя снаружи каменнымъ гробамъ исполинскихъ размѣровъ и осматриваемыя внутри, какъ могильные склепы, при свѣтѣ факеловъ: тутъ всѣ крыши давно рухнули, и внутренность храма обратилась въ вереницу залитыхъ блескомъ дворовъ, соединенныхъ между собою красивыми пилонами, перспектива которыхъ уходитъ въ свѣтлую даль. И какъ хороши теперь эти ясныя залы съ рядами колоннъ вдоль высокихъ стѣнъ, съ воздушною окраской карнизовъ, еще не вполнѣ выцвѣтшею на ослѣпительномъ солнцѣ, и съ небомъ вмѣсто потолковъ!

На барельефахъ жрецы жгутъ куренія предъ Рамзесомъ III, а онъ приноситъ жертвы божествамъ, участвуетъ въ праздничныхъ церемоніяхъ или коронуется, надѣвая „вѣнецъ верхнихъ и нижнихъ областей“ *, о чемъ голуби-вѣстов-

---

* Вѣнецъ фараоновъ состоитъ обыкновенно изъ соединенія двухъ отдѣльныхъ коронъ—верхне-египетской и нижне-египетской.

щики летятъ объявить „богамъ полудня, полуночи, восхода и заката“ [23]).

Завтракаемъ въ одной изъ небесныхъ залъ, свободно вмѣщающей и передвижную ярмарку, и утомленныхъ ословъ, неподвижныхъ какъ стадо овецъ во время привала, и верблюда привезшаго, вмѣстѣ съ провизіей, складные стулья для дамъ. Верблюдъ стоитъ на солнопекѣ, среди обломковъ завалившагося потолка и привязанный къ разбитой колоннѣ, остатку когда-то ютившейся здѣсь христіанской церкви, неуклюже почесываетъ себѣ голову заднею ногой.

Передвижную ярмарку мы собрали по дорогѣ; всякій встрѣчный присоединялся къ намъ, примкнули даже два, три носильщика, отдѣлившіеся отъ похороннаго шествія. Я узнаю вчерашнихъ продавцовъ антиковъ, водоносовъ, мальчишекъ съ овчаркой, облеченныхъ по случаю вѣтренаго дня въ длинныя какъ саванъ рубахи, юношу съ мертвою головой, старика, сбывшаго мнѣ въ Бабъ-эль-Мелюкѣ почернѣлую, какъ бы обугленную, мумію ибиса; словомъ, узнаю всѣхъ и каждаго. А сколько проходитъ предъ глазами до тонкости извѣстныхъ монетъ, священныхъ обезьянокъ Тота изъ голубой глазури, фальшиваго древняго стекляруса и въ особенности жучковъ, вышедшихъ изъ мастерской къ пріѣзду пароходовъ Кука.

Въ числѣ случайныхъ посѣтителей Мединетъ-Абу находится и Фатьма. Утромъ, когда мы подъѣзжали къ Рамезеуму, а она по-вчерашнему бѣжала рядомъ со мною, красиво опираясь на осла, Ирландецъ, который и на скаку не отрываетъ взоровъ отъ своей супруги, сшибъ мою вѣрную спутницу съ ногъ. Безъ крика, безъ шума, точно скомканная одежда, упала она на песокъ, но вскочивъ на ноги, горько заплакала—оттого ли что кувшинъ разбился въ дребезги, или оттого что, падая, прикусила себѣ кончикъ языка. Пока дѣвочка выплевывала на руку окровавленные серебряные полупіастры, смущенный Ирландецъ подошелъ къ ней и подарилъ пятифранковикъ. Отъ радости она мгновенно похорошѣла, если только могла похорошѣть; румянецъ дѣтскаго блаженства разлился по ея смуглому лицу, глаза,

расширившись, засіяли ярче, свѣтлая улыбка показала два ряда сахарныхъ зубовъ, и если до сихъ поръ я не былъ влюбленъ въ Фатьму, то конечно теперь долженъ былъ влюбиться по уши. Піастры она положила въ прежній кошелекъ, а пятифранковикъ отдала на храненіе мнѣ; видно ей отъ роду не приводилось держать во рту такихъ большихъ денегъ. Между тѣмъ маленькіе водоносы и водоноски, глядя съ нѣкоторымъ смиреніемъ на красавицу Фатьму и завидуя въ душѣ ея благополучію, вѣроятно представляли себѣ Фортуну не въ образѣ повязанной женщины на колесѣ, а въ видѣ приземистаго туриста съ круглыми какъ у совы глазами, который на всемъ скаку сшибаетъ съ ногъ своихъ избранниковъ.

Воротившись на правый берегъ, мы приступили къ осмотру Луксорскаго храма или точнѣе пошли гулять по деревнѣ, расположенной преимущественно поверхъ его залъ и переходовъ. Снаружи надъ землей отъ него сохранились рѣдкіе признаки: двойной рядъ знакомыхъ столповъ, на двѣ трети погрузшихъ въ пескахъ консульской площади, группа колоннъ въ одномъ концѣ деревни, да пропилоны въ другомъ. Но какъ естествоиспытатели по одной челюсти допотопнаго животнаго рисуютъ все его обличіе, такъ археологи по немногимъ остаткамъ храма возстановили его общій планъ. Конечно, путешественникъ, предоставленный самому себѣ, ни до чего бы не додумался.

Зданіе послѣдовательно строилось Амунофомъ III, Орусомъ и Рамзесомъ II; (позднѣйшіе цари прибавили только нѣсколько украшеній и іероглифовъ). Сооружалось оно у самаго Нила, вдоль берега, и Рамзесъ, продолжая постройку въ длину, долженъ былъ, въ виду загиба, образуемаго рѣкой, слегка отклониться отъ первоначальнаго направленія, вслѣдствіе чего ось храма представляетъ не прямую, а ломаную линію. Обстоятельство это служитъ къ вящей путаницѣ при оріентировкѣ.

Еще труднѣе по жалкимъ и рѣдкимъ развалинамъ судить о великолѣпіи громадной божницы, которую Арабы въ прежнія времена приняли за собраніе дворцовъ: (Луксоръ, т.-е.

„эль-Косуръ“, мавританское „Аль-Казаръ“, значитъ—дворцы) [24]).

Поверхъ храма, на главной улицѣ, ведущей, какъ къ тріумфальнымъ воротамъ, къ пропилонамъ, находится единственная въ деревнѣ мечеть и грязная лавочка съ продажей гвоздей, веревокъ и мѣшаной дроби.

Ѳивы, 7 февраля.

Въ пустыню, на волю, на охоту! Хоть на нѣсколько часовъ отдохнуть отъ заведеннаго порядка, отъ г. Кука, отъ Анджело, отъ обѣда среди тѣхъ же лицъ за общимъ столомъ, отъ арабской предупредительности „русскаго консула“, а также отъ осмотра въ большой компаніи примѣчательностей,—осмотра, который напоминаетъ воскресное посѣщеніе школой кабинета рѣдкостей...

Еще третьяго дня я и Фанъ-денъ-Бошъ выразили Мустафа-Агѣ желаніе поохотиться „на звѣря“ и просили указать намъ вѣрнаго проводника. Вчера въ 5 часовъ пополудни, когда, нагулявшись по Луксору мы явились въ консульство во всеоружіи охотничьихъ доспѣховъ, проводникъ, благообразный, отъѣвшійся Арабъ, уже сидѣлъ въ кабинетѣ подлѣ завѣтной книги.

— Положитесь на него, какъ на вашего покорнѣйшаго слугу, важно, съ разстановкой говорилъ Мустафа-Ага и надвигалъ мурло свое то на меня, то на Бельгійца:—онъ честный человѣкъ и хорошій человѣкъ; ступайте къ нему въ домъ; его зовутъ Абдуррахманъ, у него добрая душа и отличное ружье, если онъ поведетъ васъ куда слѣдуетъ, вы вернетесь съ богатою добычей... Онъ другъ моего дома, вы же совсѣмъ молодые люди, и то истинное почтеніе и уваженіе, та сосредоточенность, отличающая возвышенныя сердца....

Далѣе я пересталъ понимать, и видѣлъ только, что подслѣповатые глаза Мустафы обмѣниваются пріязненными взглядами съ умными, не безъ нѣкоторой хитринки, глазами „друга дома“.

Поѣздка на Карнакскія развалины была назначена на слѣдующій день (то-есть на сегодня) въ поздній сравнительно часъ—въ 8 послѣ breakfest'a,—и утренняя заря была въ нашемъ распоряженіи, но чтобы захватить и вечернюю зорю, до которой оставалось часа полтора, не слѣдовало тратить время на обсужденіе нашихъ заслугъ и душевныхъ качествъ Абдуррахмана. Въ виду этого мы поспѣшно завѣрили консула въ отвѣтномъ съ нашей стороны уваженіи и, раскланявшись съ нимъ, вышли на площадь. Тутъ встрѣтились намъ мистеръ Кукъ и синьйоръ Анджело, направлявшіеся въ деревню. Буфетчикъ пожелалъ намъ счастья и подмигнувъ прибавилъ: „nous aussi, nous allons avec l'amiraille tirer des chacailles et des cocodrilles!"

Мы не вполнѣ уяснили себѣ смыслъ сей туманной шутки, и я право не знаю, какое значеніе получила бы эта встрѣча въ кодексѣ охотничьихъ суевѣрій, но своеобразное произношеніе Италіянца разсмѣшило насъ до слезъ, и мы долго повторяли на всѣ лады его „cocodrilles", „chacailles" и „amiraille". Переправившись черезъ Нилъ, Абдуррахманъ, Бельгіецъ и я поскакали во всю ослиную прыть мимо колоссовъ Амунофа, чрезъ Рамезеумъ, къ пустынному кряжу, у подножія котораго ósыпи скалъ образуютъ высокій крутой откосъ. На верху откоса, на небольшой площадкѣ, къ стѣнѣ каменнаго хребта примостилась хижина, обнесенная съ трехъ сторонъ оградой: крайній ли это на югѣ дворъ далеко растянувшагося Шеикъ-Абдъ-эль-Гурнэ, или уединенный арабскій хуторъ, я разобрать не могъ; въ быстро спускающихся сумеркахъ не было видно другаго жилья, и высокое убѣжище напоминало скитъ первыхъ временъ христіанства. То былъ домъ нашего проводника. На дворъ выбѣжалъ его батракъ или сожитель, худой, живой, несмолкаемо-болтливый Арабъ, по имени Хаиреддинъ, и мы, раздѣлившись на два отряда, немедленно же отправились въ разныя стороны: Абдуррахманъ съ Фанъ-денъ-Бошемъ, пройдя песчаною равниной, исчезли въ развалинахъ Мемноніума, а я съ безоружнымъ болтуномъ, держась подошвы кряжа, отошелъ на четверть версты къ югу и остановился въ устьѣ

небольшаго скалистаго ущелья. Здѣсь въ двухъ пыльныхъ ямахъ—нарочно устроенныхъ засидяхъ или, быть-можетъ, могилахъ, до половины разрытыхъ гіенами,—залегли мы головой къ вершинѣ ущелья, ногами къ нивамъ. Предъ утромъ пришлось бы лежать наоборотъ: звѣрь, днюющій между обломками храмовъ, въ пещерахъ и колодцахъ гробницъ, ночью выходитъ на добычу въ поля, а къ разсвѣту снова возвращается отдыхать въ пустыню. Камни, обогнувшіе кольцомъ каждую изъ ямъ, служили мнѣ и Хаиреддину прикрытіемъ, изъ-за котораго можно было, приподнявшись немного на локтяхъ, наблюдать за всѣмъ, что̀ дѣлается вокругъ, не опасаясь быть замѣчену. Араба даже вблизи, изъ моей ямы,—она находилась немного впереди,—рѣшительно нельзя было различить: голова его съ каленымъ лицомъ, облеченная въ сѣрый колпакъ, казалась лишнимъ камнемъ, прибавленнымъ къ общей кучѣ. Цвѣта лица я конечно не могъ позаимствовать у Хаиреддина, но головной уборъ отъ него отобралъ и надѣлъ самъ. Затѣмъ, уставивъ дуло ружья между камнями, затаилъ дыханіе и обратился въ зрѣніе и слухъ.

На небесахъ только готовится торжественная ночь, и слабо теплятся двѣ три звѣздочки, пока еще мелкія какъ уколъ булавки, а въ тѣснинѣ уже совсѣмъ темно; еле-еле могу я разглядѣть впереди себя тропинку, уходящую въ глубину горъ и теряющуюся среди каменныхъ стремнинъ и овраговъ. Въ лицо дуетъ слабый, едва уловимый вѣтерокъ, который и вѣтеркомъ нельзя назвать: это теплый воздухъ, лѣниво уплывающій отъ нагрѣтыхъ утесовъ, чтобы прохладиться на Нилѣ. Все же съ точки зрѣнія охоты мы *за вѣтромъ*,—насъ не почуетъ дичь.

И вотъ я въ Африкѣ, лицомъ къ лицу съ суровою природой, въ дикомъ становищѣ звѣрей... Сейчасъ услышу вблизи голоса египетской ночи, быть-можетъ встрѣчу огненный взглядъ гіены и совершу одинъ изъ тѣхъ охотничьихъ подвиговъ, о которыхъ мечтаютъ юные читатели и почитатели Майнъ-Рида. Однако дѣйствительность всегда менѣе заманчива, чѣмъ живыя картины воображенія. *На мѣстѣ*,

Африка мною не чувствуется, не сознается, не имѣетъ для меня обаянія: мнѣ въ высшей степени неловко,—спину ломитъ, локтямъ невыносимо больно, ноги затекли и по нимъ какъ будто поскакиваетъ, глубоко впиваясь въ тѣло, безчисленное множество тонкихъ какъ волосъ иголокъ, а кругомъ вмѣсто голосовъ ночи и фосфорическаго блеска глазъ, темнота, тишина и ничего нѣтъ.

Но я люблю самую охоту, гдѣ бы она ни происходила—въ Египтѣ ли, въ Россіи,—и надежда на удачу укрѣпляетъ и бодритъ меня. Несмотря на физическія неудобства, я не шевелюсь, чтобы какъ-нибудь не зашумѣть, а главное, чтобы не сдвинуть прислоненнаго къ плечу и направленнаго на тропинку ружья, на которомъ давно исчезла цѣль. Хаиреддинъ тоже ведетъ себя отлично, и я долженъ сознаться, что неосновательно опасался его докучливой живости.

Впрочемъ не заснулъ ли онъ?

Какъ бы въ опроверженіе этой догадки, камешекъ величиною съ лѣсной орѣхъ ударилъ меня въ затылокъ; другой, когда я повернулъ голову, рѣзко щелкнулъ меня по виску. Послѣ секунднаго недоумѣнія я понялъ, что Арабъ предупреждаетъ меня о приближеніи чего-то, и глаза мои стали упорно всматриваться въ окрестный мракъ, густѣвшій по мѣрѣ того, какъ на небѣ разгоралось мерцаніе звѣздъ. Каменные выступы и неровности ущелья, къ которымъ я давно пригладѣлся, ближнія и дальнія чернильно-черныя пятна по темному полю скалъ, едва брежжащая полоса тропинки,—все пребываетъ въ мертвой неподвижности. Кругомъ тихо, какъ и сперва, и нѣтъ ничего, рѣшительно ничего,—только камешки летятъ мнѣ въ голову, и я задыхаюсь отъ сдержаннаго волненія. Наконецъ я не вытерпѣлъ....

Такъ позднею осенью охотникъ, притаившись въ опушкѣ, съ замираніемъ прислушивается къ быстро приближающемуся гону собакъ и глядитъ въ лѣсную чащу сквозь прутья осыпавшейся лещины. Съ каждымъ мгновеніемъ громче и громче разноголосый плачъ многочисленной стаи. Вотъ-вотъ появится, мелькая между голыхъ деревъ, сторожкая какъ лань, легкая на бѣгу, пышная лиса... Сердце несносно

стучитъ, мутится въ глазахъ; чрезъ полминуты покажутся и собаки, а ея все нѣтъ... Охотникъ не выждалъ и въ страстномъ забытьи сдѣлалъ шагъ впередъ. Сухая вѣтка хрустнула подъ ногой, черный дроздъ, почокивая, взлетѣлъ съ земли на обнаженную липу; впереди же громкій какъ органъ звучитъ, надвигаясь, собачій концертъ.... Но вдругъ онъ оборвался,—и спустя мгновеніе вынеслась сбившаяся стая. Глупо виляя хвостами, разсѣялись кругомъ черные съ подпалинами псы. Вотъ маленькая сучка, вѣчный запѣвало, подала въ сторонѣ голосъ, тонкій какъ флейта; къ ней привалилъ старый басъ, потомъ залились другіе голоса, исполненные необузданнаго отчаянія, и снова безъ удержу несутся собаки чрезъ пни и валежникъ, будя отзвукъ въ гулкомъ осеннемъ лѣсу. Но теперь гонъ быстро удаляется: лиса задала колѣно! Охотникъ если и увидитъ ее, то развѣ убитую товарищемъ. Чу... выстрѣлъ раздался въ отдаленіи... И, схватившись за волосы, онъ проклинаетъ свою оплошность, и хрустнувшую вѣтку, и дрозда, а въ смолкнувшемъ чернолѣсьи попрежнему пахнетъ сыростью, опавшими листьями и грибами...

Или на облавѣ торопливо осматриваешься въ лѣсной прогалинѣ, замѣтивъ отчаянные знаки присѣвшаго за толстымъ дубомъ сосѣдняго *нумера:* „береги!“ говорятъ его страшные глаза съ приподнятыми бровями; „береги!“ говорятъ его руки, ноги, все положеніе тѣла; „вонъ онъ, вонъ,—береги!“ беззвучно произносятъ его губы. И это длится цѣлую минуту,—она кажется часомъ! Напрасно смотришь направо, налѣво....

— Да гдѣ же? спрашиваешь наконецъ и сходишь съ мѣста, внѣ себя отъ безумнаго нетерпѣнія.

— Предъ самымъ вашимъ носомъ! отвѣчаетъ во весь голосъ раздосадованный сосѣдъ.

И въ самомъ дѣлѣ впереди, въ трехъ саженяхъ, мелькнула испуганная харя оглянувшагося на мигъ волка, который стоялъ задомъ, скрытый деревомъ, и долго, не подозрѣвая близости человѣка, прислушивался къ нестройному гулу голосовъ и постукиванію дубинокъ. Увидавъ охотни-

ковъ, онъ метнулся въ сторону и мгновенно исчезъ; вы лишь успѣли дать ему въ догонку, въ пустое мѣсто, два промаха....

Каждый камешекъ, посылаемый мнѣ Арабомъ, означалъ это томительное и вмѣстѣ съ тѣмъ чудное слово „береги", а я ничего не видѣлъ. Уже въ совершенной агоніи, самъ не свой, повернулся я въ ямѣ, сдѣлалъ это безо всякой цѣли, мнѣ просто не улежалось, не хватило выдержки. Вслѣдствіе моего движенія часть прикрытія обрушилась,—и ближнее изъ чернильныхъ пятенъ унеслось въ гору огромными скачками, безшумными и плавными, какъ взмахи большой ночной птицы,—хотя бы осколокъ какой загремѣлъ подъ лапой, хотя бы коготь черкнулъ по скалѣ.

Теперь все было кончено, все отлетѣло, все умерло; осталась только невыразимая, подступающая къ горлу досада: хотѣлось бы вскочить, разбить ружье о скалы, или, сдвинувъ горы, наметать ихъ одна на другую, чтобы въ слѣпой ярости лѣзть воевать съ небесами. А тутъ еще какъ нарочно, со стороны Рамезеума донесся выстрѣлъ и, словно издѣваясь, нѣсколько секундъ грохоталъ надъ каменными громадами. Потомъ опять настала тишина, и бархатная ночь безъ звука и безъ просвѣта оковала убитую душу. Я перестал терзаться—точно уснулъ отъ избытка скорби. Такъ прошло полчаса.

Вызвалъ меня къ жизни новый камешекъ, пребольно угодившій мнѣ въ ухо, какъ знатный щелчокъ учителя зазѣвавшемуся ученику. Въ этотъ разъ я какъ бы чутьемъ понялъ, куда смотрѣть—взглянулъ—и, воскресши, тотчасъ же обмеръ: по тропинкѣ, которую я давно пересталъ видѣть, но знаю на память, движется неопредѣленная тѣнь; она то стелется по землѣ, вытягиваясь въ полоску, то расплывается большимъ пятномъ, то сузившись, ростетъ вверхъ, или же вдругъ ни съ того ни съ сего исчезаетъ вовсе. Если, зажмуривъ на секунду глаза, я надавлю ихъ пальцами и смотрю опять, ночь становится не такою черною, и впереди невѣдомое снова колеблется въ таинственныхъ упражненіяхъ. Я изнемогаю отъ сердцебіенія и сердцезамиранія,—

сердце душитъ меня. Ружье давно сдвинулось; самъ я уже не лежу, а стою на колѣняхъ, согнутый въ три погибели. И вотъ внезапно тѣнь утратила свою неопредѣленность и загадочность, ужь я не могу упустить ее изъ виду; для меня она точно воплотилась, стала живымъ существомъ, и существо это увеличивается съ каждымъ мгновеніемъ, идя прямо на меня; очертанія его конечно неясны, я не знаю что̀ оно такое, но вѣщее сердце угадываетъ, что то̀ не человѣкъ, что то̀ дичь. Не обманетъ охотника инстинктъ, и когда онъ, подобно великому художнику, чувствуетъ священный трепетъ, когда мурашки расползаются по кожѣ и волосы шевелятся на головѣ, когда въ груди его рай и адъ, жизнь и смерть, пусть онъ стряхнетъ съ себя страстную оторопь, пускай, не задумываясь, убиваетъ, чтобы самому не умереть отъ избытка нахлынувшихъ ощущеній...

Я приложился навскидъ и нажалъ спускъ; выстрѣлъ огненнымъ жаломъ пронзилъ ночь; что-то забилось, кувыркаясь и скребя лапами по каменистой почвѣ, и сиплый вой въ перемежку съ визгомъ и лаемъ разбудилъ ущелье. При этихъ знакомыхъ, надрывающихъ душу звукахъ, вдохновеніе мое погасло, точно ушатъ холодной воды вылили мнѣ на голову. Охотничій пылъ смѣнили жалость, стыдъ и злость: инстинктъ обманулъ меня—я подстрѣлилъ собаку...

— It is a dog, * воскликнулъ я въ бѣшенствѣ, накидываясь на Араба.

— Wolf, wolf, el-havagia, ** оралъ онъ, увлекая меня къ несчастному животному.

— Но волки не визжатъ...

— Визжатъ, эль-хавагія, визжатъ, если въ нихъ попадешь!

Не пустить ли второй зарядъ въ спину этому мошеннику, который въ неистовой пляскѣ скачетъ вокругъ бѣднаго пса и съ криками „hip, hip, hurrah“ побиваетъ его каменьями. Не будучи долѣе въ силахъ выносить подобное зрѣ-

* Это собака.

** Волкъ, волкъ, эль-хавагія (господинъ).

лище и желая изъ состраданія пристрѣлить жертву моего увлеченія, я оттащилъ Хаиреддина за шиворотъ... Вдругъ стоны прекратились, животное справилось, вскочило на ноги и неожиданно исчезло въ темнотѣ. Арабъ бросился было за нимъ, но вскорѣ вернулся запыхавшійся и ни съ чѣмъ.

— Me find him! говорилъ онъ, отдуваясь:—if he no sleepy to day, he sleepy tomorrow. Онъ хотѣлъ сказать, что „волкъ" если не сегодня, такъ завтра издохнетъ.

— Абдуррахманъ, Абдуррахманъ! загалдѣлъ Арабъ, едва окончивъ свои обращенія ко мнѣ.

Отвѣта не послѣдовало.

— Абдуррахма-а-а-анъ! завопилъ онъ еще громче, чуть не лопаясь отъ натуги.

Секундъ чрезъ десять со стороны Рамезеума изъ-за гряды песчаныхъ холмовъ донесся слабый звукъ человѣческаго голоса. То отозвался Абдуррахманъ,—послѣ чего Хаиреддинъ, хрипя и задыхаясь, сталъ выкрикивать ему за версту всю повѣсть моей удачи. Для большей ясности онъ сопровождалъ ораніе пояснительными жестами, которыми, разумѣется, никто, кромѣ меня, не могъ любоваться,—крался по тропинкѣ, то подымаясь во весь ростъ, то приникая къ землѣ, потомъ, хлопнувъ въ ладоши для изображенія ружейнаго выстрѣла, бросился на полъ, завылъ и задрыгалъ ногами, наконецъ повторилъ фантастическій танецъ вокругъ того мѣста, гдѣ билась раненая собака.

— Абдуррахма-а-анъ, перебивалъ онъ самого себя на полусловѣ, надсаживаясь изъ послѣднихъ силъ:—Абдуррахманъ, слышишь ли ты?

Утвердительные отвѣты раздавались все ближе и ближе. Охотники шли къ намъ.

Однако, неужели Хаиреддинъ притворяется и надуваетъ меня, чтобы получить бакшишъ покрупнѣе? Вѣдь тотъ фактъ, что животное ушло представляетъ совершенную случайность; оно могло остаться на мѣстѣ. Впрочемъ утромъ я его безъ сомнѣнія найду: если это окажется какая-либо дворняга съ хвостомъ закорючкой, каково будетъ положеніе

Араба? Мало того, что ему не видать награды, какъ своихъ ушей, онъ еще подвергнется за плутни всякимъ непріятностямъ. По крайней мѣрѣ я силюсь убѣдить его въ этомъ, стращаю его и his excellency губернаторомъ, и his excellency консуломъ, и всѣми превосходительными властями Египта. Въ отвѣтъ на мои угрозы Хаиреддинъ только пуще божится, кладетъ непонятные зароки на арабскомъ языкѣ и даже въ подкрѣпленіе клятвы не хочетъ брать назадъ своего колпака. Въ меня уже закрадывается сомнѣніе касательно вѣрности моихъ догадокъ; хуже всего смущается мысль воспоминаніемъ объ испытанномъ священномъ трепетѣ: могъ ли онъ такъ измѣннически меня подвести? Къ несчастію я знаю по опыту, что волки не визжатъ, если въ нихъ даже попадешь. Съ другой стороны, Бельгіецъ, которому я передаю свои соображенія, увѣряетъ, будто слышанные имъ послѣ выстрѣла стоны вовсе не походили на собачьи, и что египетская порода волковъ (canis variegatus) быть-можетъ визжитъ, а Абдуррахманъ на мое заявленіе—it was a dog * самымъ добродушнымъ образомъ, не безъ оттѣнка легкой проніи, отвѣчаетъ: „o no, my dear sir". ** Такъ пусть же хоть до утра это будетъ волкъ, а тамъ увидимъ! Легко вѣрится тому, чему хочется вѣрить....

Отъ охотниковъ узнаю, что выстрѣлъ, прокатившійся надъ утесами въ то время, какъ я, прозѣвавъ перваго звѣря, умиралъ съ досады,—былъ сдѣланъ Абдуррахманомъ. Проводникъ убилъ небольшаго шакала. *** Этотъ единственный плодъ нашей ловитвы мы разсмотрѣли дома. Онъ былъ меньше обыкновенной лисы, не имѣлъ ея длиннаго пушистаго хвоста, большихъ ушей съ чернобархатною каемкой и пламеннаго цвѣта шерсти.

Тутъ, какъ-то совсѣмъ не кстати, между Бельгійцемъ и мною произошло объясненіе, какія впрочемъ случаются въ

---

* Это была собака.

** О нѣтъ, дорогой господинъ.

*** Шакаловъ въ Египтѣ нѣсколько породъ: Canis niloticus, c. aureus, c. familicus, c. mesomelas и другія.

романахъ именно между охотниками, вернувшимися на ночлегъ.

— Я не особенно жалѣю, сказалъ онъ задумчиво,—что не мнѣ выпало на долю застрѣлить этого звѣрька.

— Отчего? спросилъ я:—вы развѣ брезгаете шакалами?

— Ахъ нѣтъ! отвѣчалъ онъ съ нѣкоторою горечью:—Въ другое время я былъ бы очень счастливъ, но теперь мнѣ надо убить что-нибудь большое, по крайней мѣрѣ гіену. Я собственно за этимъ и поѣхалъ съ вами.

— Почему же именно теперь?

Фанъ-денъ-Бошъ съ жаромъ схватилъ мою руку:

— Вамъ непонятны мои слова, простите меня, я очень виноватъ предъ вами, потому что давно долженъ былъ открыться вамъ. Знайте же, что я ее обожаю всѣми силами души.... (я конечно понялъ, что *она* значило не гіена, а миссъ Поммерой, но Бельгіецъ ея не назвалъ). И настоящимъ водопадомъ потекла

Его любви младая повѣсть,
Обильный чувствами разказъ.

Съ послѣдовательностью влюбленнаго рисовалъ онъ радужныя картины будущаго своего благоденствія, клялъ женское кокетство и непостоянство, говорилъ объ ея измѣнѣ, повѣрялъ восторженнымъ шепотомъ, какъ она его любитъ, какой онъ счастливый человѣкъ, и тутъ же доказывалъ гробовымъ голосомъ, что онъ злополучнѣйшее твореніе въ мірѣ, ибо она къ нему равнодушна.

— О, я заставлю ее полюбить себя, такъ заключилъ онъ свою исповѣдь:—она тщеславна, я это знаю, и если въ присутствіи всѣхъ пассажировъ я поднесу ей гіену моей охоты, она полюбитъ меня искренно и навсегда. Я конечно предпочелъ бы убить льва или тигра, къ сожалѣнію ихъ здѣсь не водится,—но чего бы я желалъ страстно, и чего она навѣрно не захочетъ—это просто-напросто застрѣлить мистера Джонсона.

Фонарь съ грязными треснутыми стеклами тускло освѣщалъ нашъ пріютъ, пропитанный запахомъ пыли и кизяка.

Жилище состоитъ изъ двухъ комнатъ: въ первой, съ однимъ входнымъ отверстіемъ, находится очагъ, кругомъ него нѣсколько глиняныхъ кувшиновъ и по угламъ кучи домашняго скарба; во второй, представляющей высѣченную въ скалѣ гробницу, неровныя стѣны и своды которой не хранятъ уже слѣдовъ живописи, помѣщается всего двѣ полупродавленныя куриныя клѣтки въ видѣ кониковъ, плетеныя изъ сахарнаго тростника. Мы легли на нихъ одѣтые.

Воспользовавшись минутой, когда Фонъ-денъ-Бошъ измышлялъ про себя казнь своему сопернику, я загасилъ огонь и прикинулся спящимъ. Но мнѣ не спалось вплоть до утра. Хотя наружный входъ и арка въ скалѣ, соединяющая комнаты, ничѣмъ не были закрыты,—съ надворья, гдѣ не хватало мерцанія звѣздъ, чтобы сколько-нибудь разсѣять египетскую тьму безлунной ночи, не привходило ни единаго луча свѣта; могильный мракъ давилъ меня и населялся грезами, одна другой нелѣпѣе и страшнѣе. То чудилось, что гіена съ высунутымъ кровавымъ языкомъ крадется къ Бельгійцу, и это оказывалась не гіена, а Абдуррахманъ. То являлась Фатьма въ парчѣ и золотѣ, съ бѣлыми крыльями за плечами, и кругомъ нея изъ полу выросталъ хороводъ ужасныхъ мумій; приподнявшись съ одра, я боязливо смотрѣлъ имъ въ лицо широко открытыми глазами.... То Мустафа-Ага, близко насовываясь и произнося возвышенныя рѣчи, душилъ меня желѣзными пальцами; борода его щекотала мнѣ подбородокъ и, окованный смертнымъ испугомъ, я не могъ ни вскрикнуть, ни пошевельнуться. Но чаще всего гробницу наполняли летучіе и ползучіе гады самаго безсмысленнаго вида, въ родѣ тѣхъ, что на картинахъ Теньера, въ такой же точно пещерѣ Ѳиваидской пустыни, понапрасну являютъ свое безобразіе, искушая Святаго Антонія.

Часа за два до солнечнаго восхода, надъ горизонтомъ, какъ разъ на створѣ дверей, появился мѣсяцъ; сіяніе его блѣднымъ призракомъ встало въ глубинѣ гробницы, и прочія видѣнія исчезли. Пора было собираться.

Я вышелъ во дворъ. Отсюда, какъ изъ орлинаго гнѣзда въ утесѣ, видна одна половина міра, другая прячется за цѣпью волшебныхъ горъ. Внизу на песчаной глади словно изъ средины серебрянаго озера подымается величественный дворецъ боговъ, Рамезеумъ, и надъ нимъ и надо всѣмъ міромъ проснулась полная невидимой жизни ночь:

И молчитъ она, и поетъ она,
И душѣ одной ночи пѣснь слышна....

Спустившись въ равнину, мы всѣ четверо прошли мимо ущелья, гдѣ я лежалъ вечеромъ, и направились дальше къ югу. Меня и Хаиреддина главный распорядитель, Абдуррахманъ, помѣстилъ въ пилонѣ Деиръ-эль-Мединскаго храма, убравъ предварительно съ порога старинный египетскій трупъ, несомнѣнно притащенный сюда нынѣшнею ночью, такъ какъ вчера днемъ, когда мы посѣщали развалины, его здѣсь не было. Бельгійца же, которому вслѣдствіе его изящнаго costume de chasse и прекрасной двустволки центральнаго боя, отдается явное предо мною предпочтеніе, Абдуррахманъ повелъ еще южнѣе, вѣроятно въ самое добычливое мѣсто.

Что̀ касается моей засады, то она положительно никуда не годилась. Я стоялъ совсѣмъ на виду, точно подъ висѣлицей, и вдобавокъ долженъ былъ вертѣться какъ флюгеръ, наблюдая съ одной стороны пространство между пилономъ и храмомъ, съ другой—мѣстность предъ фасадомъ: песчаные холмы, склоны каменныхъ горъ и вблизи русло довольно глубокой стремнины. Иногда мнѣ приходило на мысль, что Абдуррахманъ, въ наказаніе за мои вчерашнія сомнѣнія относительно подлинности „волка“, поставилъ меня сюда на посмѣшище звѣрямъ. Черезъ часъ въ той сторонѣ, куда онъ скрылся съ Бельгійцемъ, послышался выстрѣлъ, а кругомъ Деиръ-эль-Мединэ до самаго утра все было безнадежно спокойно. Если порой и лаяли въ отдаленіи шакалы, то конечно лаяли они на меня, на то чучело, которое обращалось во всѣ стороны, охваченное дрожью ожиданія.

Стало свѣтать,—охота кончилась. Я досадовалъ на судьбу, впрочемъ заря сулила мнѣ безцѣнную награду: съ каждою

минутой крѣпло во мнѣ убѣжденіе, что вчерашняя моя дичь будетъ розыскана, и что она окажется не волкомъ, а... я и въ умѣ не договаривалъ, чѣмъ она окажется... уже слишкомъ было бы хорошо!... Между тѣмъ Хаиреддинъ прислушивался къ сопѣнію и щелканію нѣсколькихъ совъ, собравшихся въ горномъ оврагѣ, и та же самая мысль одновременно родилась у насъ обоихъ.

— He *sleepy* there! * воскликнулъ Арабъ.

Но мы сначала пошли ко вчерашнимъ ямамъ, чтобы посмотрѣть, не ведетъ ли отъ нихъ кровянаго слѣда. При утреннемъ свѣтѣ пополамъ съ луннымъ можно было различить на тропинкѣ, въ пыли и щебнѣ, взрытыя когтями полукруглыя борозды и брызги крови на нѣкоторыхъ камняхъ; слѣда однако не было. Затѣмъ, гремя отломками, цѣпляясь за выступы и нависи скалъ, добрались до края оврага, но и тамъ ждало насъ разочарованіе: совы вились и сопѣли надъ давнимъ остовомъ осла. Замѣтивъ людей, онѣ вынеслись вверхъ на неслышныхъ крыльяхъ и размѣстились по выбоинамъ утесовъ. Послѣ головоломнаго лазанья, когда уже совсѣмъ разсвѣло, мнѣ удалось убить одну: не велика, сѣро-желтаго цвѣта, съ ушами какъ у филина, напоминаетъ европейскую strix silvestris.

Такъ какъ мы взобрались довольно высоко, мнѣ вздумалось встрѣтить солнечный восходъ на вершинахъ хребта. Не успѣлъ я, однако, сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ совершеннымъ сюрпризомъ показался надъ чертой земли обрѣзокъ горячаго солнца. Отъ ночнаго таинственно-причудливаго образа горъ не осталось и помину; пустынныя, мертвыя, одѣтыя въ желто-сѣрыя складки своихъ каменныхъ плащей, онѣ теперь наводятъ лишь тоску. Ни засохшаго кусточка, ни травинки, ни шелеста... Только подъ ногами, какъ черепки, однозвучно брякаютъ осколки и катятся въ пропасть. За то поля по обоимъ берегамъ Нила ожили въ утреннемъ сіяніи, и среди ихъ неоглядднаго простора цари Ѳивянской равнины, колоссы Амунофа кажутся

* Онъ *спитъ* тамъ.

отлитыми изъ красной мѣди. Равнодушные къ ликующей природѣ, они смотрятъ слѣпыми глазами за аравійскіе холмы, на золотой свѣтъ, и кажется терпѣливо ждутъ того времени, когда изъ-за горизонта больше не появится солнце.

— Абдуррахманъ! внезапно заревѣлъ Хаиреддинъ, открывая при послѣднемъ слогѣ двѣ челюсти ослѣпительныхъ зубовъ: *—Абдуррахма-а-анъ, Абдуррахмаа-а-аанъ!

Держась подошвы кряжа, сыпучими песками шли по направленію къ намъ Фанъ-денъ-Бошъ и охотникъ Арабъ; я съ трудомъ разглядѣлъ ихъ, такъ они были далеко, и Абдуррахманъ не скоро откликнулся на отчаянный зовъ Хаиреддина. Когда разстояніе сократилось—впрочемъ не настолько, чтобъ Европейцу можно было обойтись безъ помощи рупора—горластые Арабы завязали такого рода разговоръ: любознательный Хаиреддинъ, которому сегодня со своей стороны сообщать не о чемъ, въ виду молчаливости Абдуррахмана, разказываетъ за нашихъ товарищей предполагаемую исторію ихъ нынѣшней охоты и черезъ каждыя двадцать словъ спрашиваетъ: такъ ли? а лѣнивый собесѣдникъ ограничивается утвердительными или отрицательными отвѣтами. Послѣ слова „дэба", съ восторгомъ повторяемаго Хаиреддиномъ, всегда слышится утвердительный отвѣтъ. Еще не догадываясь, въ чемъ дѣло, но уже мучась не похвальною, хотя и весьма естественною завистью, я все яснѣе и яснѣе различаю что-то огромное на плечахъ Абдуррахмана. Фанъ-денъ - Бошъ широко и побѣдоносно машетъ шляпой.

— J'ai tu-é une hy-è-ne! ** кричитъ онъ наконецъ, разверзая мнѣ за полверсты объятія.

— Hiène—дэба, пояснилъ Хаиреддинъ на случай, еслибы по-французски я не понялъ.

— Je vous felicite de tout mon coeur, *** отвѣчаю я, приставивъ ко рту руки раструбомъ, и затѣмъ вполголоса, но отъ чистаго сердца, шлю его... въ оврагъ къ ослу.

---

* Обыкновенно у Арабовъ они нехороши, и Хаиреддинъ въ этомъ разѣ составляетъ исключеніе.

** Я убилъ гіену.

*** Поздравляю васъ отъ всей души.

— Merci... Вы знаете для меня это не одно пустое удовлетвореніе охотничьяго самолюбія, для меня это жизнь, блаженство, все...

Тутъ ужъ мнѣ немного стыдно за мои чувства: въ его улыбкѣ сказывается безграничное счастье, его походка и всѣ движенія радостны какъ египетское утро, а въ молодомъ пріятномъ голосѣ звучатъ и слезы, и смѣхъ.

— Я убилъ ее у большаго храма Мединетъ-Абу, продолжаетъ онъ выкрикивать,—почти въ упоръ... Изъ лѣваго ствола... пуля, попавъ въ заднюю лопатку, вышла въ грудь, а она, несмотря на это, еще шаговъ двадцать проковыляла и прокувыркалась...

Въ нетерпѣніи большими шагами спускаюсь я по крутому скату, не сводя глазъ съ ноши Абдуррахмана, ходенемъ ходящей на его спинѣ; у пояса скрещиваются четыре мощныя лапы, крѣпко скрученныя веревкой; съ одного плеча свѣсилась большая покрытая шерстью голова съ кровавымъ языкомъ, совсѣмъ подобная той, что̀ мерещилась мнѣ ночью; съ другаго бока болтается короткій „хищный“ хвостъ... Еще минута, и Арабъ ловкимъ движеніемъ туловища въ высшей степени эффектно сбросилъ животное къ моимъ ногамъ: упавъ на-земь съ высоты человѣческаго роста, оно рявкнуло точно живое, хрустнуло всѣми суставами, качнулось студенемъ и замерло въ покоѣ смерти.

— Hip, hip, hurrah! заголосилъ Хаирреддинъ, пускаясь въ круговой плясъ...

Предо мною во всемъ великолѣпіи своей дымчатой мохнатой шкуры лежала безъ дыханія та самая овчарка, которую мнѣ не разъ случалось видѣть по эту сторону рѣки... Въ недоумѣніи взглянулъ я на Абдуррахмана; онъ покровительственно смотрѣлъ на Фанъ-денъ-Боша и, какъ бы гордясь его удачей, смѣялся добрымъ, беззвучнымъ смѣхомъ.

— Eh bien? спрашивалъ Бельгіецъ, встревоженный моимъ молчаніемъ.

— Mais je crois que c'est, пробормоталъ я,—c'est à dire je crois que ce n'est pas... *

— Au nom du ciel, pas un mot de plus,—ces braves gens vous comprennent peut-être, прервалъ онъ меня, и лицо его сразу приняло выраженіе какого-то тоскливаго безпокойства:—comment? serait-ce possible? Vous croyez? Non... non, mille fois non!.. Et pourtant un instant j'ai moi-même eu cette hideuse idée **.

Я неумолимо продолжалъ разрушать воздушный за́мокъ его счастья.

— Существуютъ кажется два вида гіенъ, сказалъ я,— hyaena striata и hyaena punctata, полосатая и пятнистая; послѣдней, насколько мнѣ извѣстно, въ Египтѣ не водится...

Фанъ-денъ-Бошъ все это зналъ.

— Въ такомъ случаѣ укажите мнѣ на мѣхѣ этой... этого животнаго хотя слѣды какихъ бы то ни было полосъ, и вдобавокъ смотрите: длинная вьющаяся шерсть...

— Абдуррахманъ говоритъ, что это ничего не значитъ, возразилъ онъ,—что еслибы дать ей перелинять, появились бы и полосы...

— Обратите также вниманіе на уши: они почти висячія.

— Абдуррахманъ говоритъ, что это ничего, что она молодая, поэтому они и висятъ, а въ послѣдствіи перестали бы висѣть...

— А хвостъ? замѣтили ли вы, что онъ не отъ природы куцъ, что онъ обрубленъ? взгляните-ка!

— Видѣлъ, все видѣлъ... Абдуррахманъ говоритъ... Ахъ, я умоляю васъ, не трогайте! Je vous jure que ces braves gens comprennent de quoi il retourne ***.

Braves gens сразу почуяли во мнѣ врага. Безъ сомнѣнія они знали застрѣленную собаку не только въ лицо, но и

* Я думаю, что это... т.-е. я не думаю, чтобъ это была...

** Бога ради, ни слова болѣе, эти милые люди быть можетъ понимаютъ... Какъ? Возможно ли? Вы полагаете? Нѣтъ... Нѣтъ, тысяча разъ нѣтъ. И, однако, представьте, была минута, когда меня самаго тревожила эта отвратительная мысль.

*** Клянусь вамъ, эти милые люди понимаютъ, о чемъ идетъ рѣчь.

по кличкѣ, и потому хотя и не понимали по-французски, все же конечно догадывались, о чемъ идетъ рѣчь; тѣмъ не менѣе Хаиреддинъ беззаботно доплясывалъ послѣднія колѣна, Абдуррахманъ улыбался еще сердечнѣе, и оба со спокойною совѣстью смотрѣли мнѣ въ глаза, очевидно нисколько меня не опасаясь.

— He never did see a hyaena? * шутливо спросилъ Абдуррахманъ, указывая на меня.

— Oh certainly you never did, ** обратился ко мнѣ Бельгіецъ, ободренный нежданною поддержкой.

Но комедія разыгрываемая Арабами начинала мнѣ надоѣдать, и я постановилъ въ умѣ, не откладывая, разрушить ихъ замыслы откровеннымъ объясненіемъ съ Бельгійцемъ.

— Другъ мой, началъ я, стараясь подкупить его сладкими рѣчами,—это было генеральное сраженіе, слѣдовало выиграть его во что̀ бы то ни стало, другъ мой,—послѣ того, какъ вы подарили меня своимъ довѣріемъ, я позволяю себѣ называть васъ этимъ именемъ,—разрѣшите мнѣ дать вамъ совѣтъ: бросьте вашу добычу, не возите ее на пароходы и никому не разказывайте про сегодняшнее ваше... приключеніе. Иначе надъ вами будутъ насмѣхаться, вы наживете рядъ непріятностей и покроете себя позоромъ въ охотничьемъ смыслѣ. Не обольщайтесь,—вы убили собаку, увѣряю васъ, я ее зналъ, я ее даже ласкалъ, я не могу ошибаться. Ваши braves gens въ ожиданіи богатой милости собираются провести васъ самымъ наглымъ образомъ. Одумайтесь, пока время не ушло...

Фанъ-денъ-Бошъ колебался; Абдуррахманъ съ помощію Хаиреддина торопливо взваливалъ овчарку на плеча.

— Мнѣ вѣдь не получать съ васъ бакшиша, продолжалъ я, когда мы двинулись къ дому:—я забочусь исключительно о вашемъ благѣ; мое безкорыстіе, моя дружба...

— Because not he did kill, *** перебилъ меня Абдуррах-

---

* Онъ никогда не видалъ гіены.

** О, конечно, вы никогда гіены не видали.

*** Оттого что не онъ убилъ.

манъ, подмигнувъ самымъ добродушнымъ образомъ Бельгійцу, что мгновенно придало послѣднему бодрости.

— Я не стану съ вами спорить, сухо сказалъ онъ,—но какъ хотите, *дружескій* совѣтъ вашъ пропадетъ даромъ.

Нѣсколько минутъ шли мы молча; Бельгіецъ былъ грустенъ, я сердитъ, Абдуррахманъ по обыкновенію невозмутимъ, Хаиреддинъ суетливъ какъ всегда.

— Вонъ навстрѣчу идетъ человѣкъ: что-то онъ скажетъ? какъ бы про себя загадалъ Фанъ-денъ-Бошъ.

Рысьи глазки Хаиреддина давно замѣтили приближающагося Араба.

— Бекиръ, Бек-и-и-и-ръ!!... заоралъ онъ, маша колпакомъ надъ бритою головой, и затѣмъ, надсѣдаясь, передалъ въ малѣйшихъ подробностяхъ исторію счастливой охоты—такъ, что когда Бекиръ подошелъ къ намъ, ему уже не о чемъ было разспрашивать, оставалось только поздравить охотника „съ полемъ" и полюбоваться на звѣря, котораго Абдуррахманъ попрежнему удальски сбросилъ на песокъ. Бельгіецъ въ долгомъ рукопожатіи чуть не раздавилъ прибывшему пальцевъ. Бекиръ не продолжалъ своего пути и, чуя поживу, послѣдовалъ за гіеной.

Еще три Араба поодиночкѣ встрѣтились намъ дорогой: каждаго на ружейный выстрѣлъ оповѣщалъ Хаиреддинъ о подвигѣ Бельгійца, предъ каждымъ Абдуррахманъ картинно сбрасывалъ ношу, каждый поздравлялъ отважнаго охотника и сдѣлавъ съ нимъ shake-hands, увязывался за нами. Когда собака общими усиліями была втащена на крутой откосъ, къ жилищу, Хаиреддинъ снова пустился танцовать вокругъ нея, а приставшіе четыре Араба, слегка похлопывая въ ладоши, обступили Фанъ-денъ-Боша.

— They did congratulate you, * сказалъ вполголоса Абдуррахманъ, и Бельгіецъ роздалъ имъ бакшиши.

Былъ восьмой часъ въ началѣ, надо было торопиться назадъ, чтобы не опоздать къ отъѣзду остальнаго общества въ Карнакъ, но любезные хозяева никакъ не хотѣли отпу-

---

* Они поздравили васъ.

стить насъ голодными. Сѣвъ въ гробницѣ на полъ предъ миской съ буйволовымъ молокомъ, мы похлебали его, черпая поочередно рюмкой съ отбитою ножкой, выпили затѣмъ лимонаду изъ душистыхъ зеленыхъ лимончиковъ и закурили папиросы, въ которыя Хаиреддинъ накрошилъ гашишу *. Пока онъ училъ меня, какъ слѣдуетъ, затягиваясь, жмурить глаза, Абдуррахманъ тихомолкомъ увелъ Фанъ-денъ-Боша въ первую комнату и тамъ въ темномъ углу съ минуту шептался съ нимъ—Better than tipsy, never sorry, quite satisfied **, тараторилъ мнѣ въ ухо Хаиреддинъ; тѣмъ не менѣе я таки разслыхалъ за стѣной звонъ отсчитываемыхъ денегъ.

На возвратномъ пути настроеніе духа Бельгійца мѣнялось безпрестанно: онъ глядѣлъ то маемъ, то сентябремъ, смотря по тому, предавался ли воздушному зодчеству или тонулъ въ морѣ сомнѣній. Въ послѣднемъ случаѣ утопающій хватался за соломенки, въ сотый разъ разспрашивая Абдуррахмана относительно мохнатой шерсти, висячихъ ушей, обрубленнаго хвоста.... Арабу рѣдко приходилось отвѣчать, ибо въ подобныя минуты насъ обыкновенно обгонялъ оселъ, на которомъ поперекъ сѣдла болталось всѣми членами окровавленное животное, что̀ неминуемо повергало Фанъ-денъ-Боша въ свирѣпый восторгъ. Порою при какомъ-либо его вопросѣ, всегда весьма кстати, овчарка съ хрустомъ сваливалась на-земь, и молчаливый Абдуррахманъ вмѣсто отвѣта съ улыбкой указывалъ Бельгійцу на ея полуоткрытые черные какъ смоль близко посаженные глаза, дѣйствительно имѣвшіе дикое выраженіе. Соломенки мало-по-малу сплачивались въ крѣпкій мостъ, влюбленный счастливецъ благополучно выбирался по нему на желанный берегъ, и на душѣ его, какъ въ небѣ, пѣли жаворонки.

---

* Гашишъ приготовляется изъ особой конопли (cannabis indica); курить его много считается порокомъ, какъ пьянство. Людей буйныхъ называютъ бранно „курителями гашиша“, *ашашинъ*, откуда, какъ извѣстно, произошло французское слово *assassin* (убійца).

** Лучше чѣмъ когда пьянъ, никакой грусти, совсѣмъ доволенъ.

— Дэба, азимъ-дэба, большая гіена, кричали встрѣчные Арабы.

— Вотъ вамъ ясное доказательство! говорилъ Бельгіецъ.

Однако это не могло служить доказательствомъ, потому что Хаиреддинъ ѣхалъ за четверть часа впереди конечно съ тѣмъ, чтобы въ этотъ разъ негласно оповѣщать о чемъ нужно прохожихъ и проѣзжихъ.

Нѣсколько дѣтей, сидя въ пыли на корточкахъ, съ недоумѣніемъ оглядывали „гіену", про которую нашъ предвѣстникъ наговорилъ имъ столько чудесъ.

— Мушъ дэба, кэлбъ! * воскликнулъ одинъ маленькій мальчикъ.

Фанъ-денъ-Бошъ хотя и плохо зналъ по-арабски, однако понялъ страшное значеніе этихъ словъ, произнесенныхъ устами младенца. Съ нимъ чуть не сдѣлалось дурно: онъ прозрѣлъ на мгновеніе, и еслибъ я воспользовался этимъ „свѣтлымъ промежуткомъ" для новой атаки, то быть-можетъ одержалъ бы полную побѣду надъ Абдуррахманомъ и его сторонниками, но среди дѣтей я узналъ Фатьму, Фатьма узнала меня, и мы уже неслись рядомъ, позабывъ объ остальномъ мірѣ.

При первомъ свиданіи она сказала, что любитъ меня, чего же мнѣ больше? Я счастливъ и не думаю о будущемъ. Какое мнѣ дѣло, что она перестанетъ быть очаровательнымъ ребенкомъ, выйдетъ замужъ за какого-нибудь Хаиреддина и начнетъ производить на свѣтъ замарашекъ подобныхъ тѣмъ, что̀ ее сейчасъ окружали, или же въ крайнемъ случаѣ попадетъ въ гаремъ къ какому-либо богатому пашѣ: лучшаго ей и пожелать нельзя. Я отгоняю эти мысли, я живу настоящимъ—слушаю ея нѣжный голосокъ, любуясь ея лучистымъ взглядомъ, и пью студеную воду. Ветхая черная юпка, босыя ножки, убогое маисовое ожерелье, въ ушахъ мѣдныя кольца съ нанизанными бусами—все это мнѣ такъ знакомо, такъ мило и дорого.... Только новый кувшинъ, несказанно радующій Фатьму, не особенно мнѣ нравится; я уже привыкъ, такъ-сказать припился къ старому.

* Не гіена,—собака!

Пока степенныя, полныя добродушія и наивной простоты, слова Абдуррахмана цѣлительнымъ бальзамомъ льются въ измученное сердце Фанъ-денъ-Боша, мы уговариваемся съ хитрою красавицей о томъ, какъ бы не разлучаться въ теченіе цѣлаго дня.

— Say you want Fatma, * учитъ она меня,—а то Фатьму не перевезутъ въ Луксоръ.

Въ самомъ дѣлѣ ожидавшіе насъ на Нилѣ лодочники не захотѣли было впустить ее, и только тогда позволили ей сѣсть—съ самаго края на бортъ,—когда я за нее вступился.

— Она мнѣ нужна, сказалъ я.

Тѣмъ временемъ Фанъ-денъ-Бошъ платилъ Арабамъ бакшиши—однимъ за то, что сняли собаку съ осла, другимъ—что перенесли ее въ лодку, третьимъ—за поздравленія.

— Совсѣмъ другой звѣрь, съ тѣхъ поръ какъ пересталъ трястись на сѣдлѣ, угрюмо говорилъ онъ, глядя на добычу.

„Звѣрь", надо признаться, лежалъ совсѣмъ не живописно—на спинѣ, согнутый въ дугу, съ окоченѣлыми лапами, торчавшими вверхъ въ разныя стороны,—и столько же походилъ на гіену сколько въ эту минуту самъ Фанъ-денъ-Бошъ—на счастливаго охотника.

— Хотя бы поскорѣе кончилось, шепталъ онъ уныло.

Но какъ на зло, мы никакъ не могли выбраться на средину рѣки и чрезъ каждыя три сажени натыкались на мель. Вмѣсто того, чтобы спихивать лодку, гребцы преспокойно складывали руки въ чаяніи посторонней помощи. Тогда, Арабы, приподнявъ длинныя рубахи, медленно брели къ намъ съ берега; Фанъ-денъ-Бошъ торопилъ и ихъ, и лодочниковъ, грозя, умоляя и платя неизсякаемые бакшиши. Ничто однако не помогало, и мы не переставали садиться на мель до тѣхъ поръ, пока у него не вышли всѣ деньги.

Еще издали увидали мы, что не поспѣли къ прогулкѣ: на *Саидіе* прохаживался одинъ буфетчикъ въ блескѣ чистаго бѣлья и сіяніи золотыхъ цѣпочекъ, а на площади противъ колоннъ стояли только два осла, очевидно предназначенные для насъ.

---

* Скажите—вамъ нужна Фатьма.

— Angelo, j'ai tué une hyène! въ какомъ-то отчаяніи закричалъ Бельгіецъ, призвавъ на помощь послѣднія силы: et d'un seul coup!., j'ai tiré contre le temple de Medi.... *

Но Хаиреддинъ перебилъ его и, не жалѣя горла, сообщилъ дальнѣйшія подробности. То была послѣдняя его услуга Фанъ-денъ-Бошу: хозяйственныя обязанности звали его назадъ въ Шейкъ-Абдъ-эль-Гурнэ, и, какъ только мы по спущенному трапу взошли на пароходъ, волоча за собой на веревкѣ убитое животное, онъ отбылъ обратно въ той же лодкѣ, увозя самое пріятное воспоминаніе о бельгійскомъ легковѣріи и щедрости. Абдуррахманъ остался: надо было сдать насъ съ рукъ на руки консулу и представить отчетъ о результатахъ охоты.

Когда буфетчику предъявили овчарку, онъ ни на минуту не задумался.

— Non, ça n'est pas un chien, сказалъ онъ, хотя при немъ никто и не говорилъ что это собака; et ça n'est pas non plus la véritable hyène, mais je connais cet animaille: c'est ce que le directeur appelait l'hyène terre-neuve... **

У Фанъ-денъ-Боша точно вырвали больной зубъ: сомнѣнія его разсѣялись навсегда, какъ пороховой дымъ послѣ выстрѣла, на душѣ запѣли уже не жаворонки, а какія-то райскія птицы, и ровнымъ неомраченнымъ счастьемъ засвѣтилось его лицо. Еслибы пронырливый Италіянецъ не солгалъ, Бельгіецъ съ негодованіемъ отвернулся бы отъ него, назвалъ бы его невѣждой и убѣжалъ бы на край свѣта съ Абдуррахманомъ; теперь же онъ какъ въ Бога вѣрилъ въ бывшаго спутника Брэма и благодарилъ его въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ „за правду". Онъ сожалѣлъ лишь о томъ, что хотя это и гіена, однако все же не настоящая... Но буфетчикъ возразилъ что, напротивъ, слѣдуетъ этому радоваться, такъ какъ гіена-водолазъ и рѣже обыкновен-

---

* Анджело, я убилъ гіену! И съ одного выстрѣла! Я стрѣлялъ противъ храма Меди....

** Нѣтъ, это не собака, и съ другой стороны не настоящая гіена, но я признаю звѣря: это то, что директоръ звалъ *гіеной-водолазомъ*

ной гіены и гораздо ея опаснѣе, потому что зла, какъ дьяволъ.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Бельгіецъ,—я очень доволенъ собой, ибо когда стрѣлялъ, не испыталъ ни малѣйшаго страха...

Впрочемъ Анджело больше не слушалъ: онъ замѣтилъ Фатьму и подбирался къ ней, какъ кошка къ мыши: въ глазахъ его зажглись огоньки.

— Ты какъ сюда попала? воскликнулъ онъ.

Хаиреддинъ, на пути въ Шейкъ-Абдъ-эль-Гурнэ, наблюдавшій изъ лодки за всѣмъ, что̀ происходило на пароходѣ, чрезъ Нилъ увѣдомилъ буфетчика, что Фатьма перевезена вслѣдствіе моихъ настояній.

— Значитъ и васъ можно поздравить? обратился ко мнѣ Анджело;—подстрѣлили пташечку! Что̀ же, вкусъ у васъ недуренъ: она очень хороша!—И безстыдная улыбка скривила его румяныя губы.

Я сухо поставилъ ему на видъ, что намеки его не только не остроумны, но и лишены всякаго смысла, что дѣвочка лѣтъ Фатьмы....

— Дѣвочка? остановилъ меня Итальянецъ и захохоталъ жирнымъ, противнымъ хохотомъ.—О притворщикъ! ужь будто и въ самомъ дѣлѣ вы не знаете, что здѣсь въ ея лѣта выходятъ замужъ? Шутки въ сторону, je vous la recommande beaucoup, она премилая, j'en sais quelque chose, moi; еще вчера вечеромъ, avec l'amiraille, я искалъ ее повсюду и никакъ не могъ найти. Мы съ нею старинные пріятели: вѣдь это я надоумилъ ее назваться Фатьмою; сперва она звалась Аишэ. Voulez-vous que je vous explique?...

Нѣтъ! съ меня было довольно, я не нуждался въ поясненіяхъ.

Вспомнились мнѣ двусмысленные взгляды, которыми стали обмѣниваться лодочники съ той минуты, какъ я взялъ этого падшаго ангела подъ свое покровительство; вспомнилось, что Абдуррахманъ и Хаиреддинъ, лишь только я отъ нихъ отворачивался, смотрѣли мнѣ вслѣдъ съ какимъ-то злорад-

ствомъ, точно къ спинѣ моей былъ прицѣпленъ лоскутокъ бумаги. Я не могъ, подобно Фанъ-денъ-Бошу, не вѣрить тому, что̀ было ясно какъ день... А Фатьма, успѣвшая со вчерашняго дня еще похорошѣть, спокойно смотрѣла на насъ большими невинными глазами. Снова пришла мнѣ на память дѣвочка, погибшая противъ Яффы... Для меня было бы легче, еслибъ и эта утонула.

— Ты мнѣ больше не нужна, можешь идти куда знаешь, сказалъ я съ нѣкоторою жесткостью.

Не то удивленная, не то озадаченная, она въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ не двигалась, потомъ быстро вынула изъ ушей сережки, сняла съ пальца оловянное колечко, перекусила ожерелье, и все отдала мнѣ—не съ тѣмъ ли, чтобы получить послѣдній бакшишъ?

Когда вскочивъ въ сѣдло, я оглянулся на пароходъ, Анджело, стоя въ укромномъ уголкѣ за рубкой, одною рукой обхватывалъ станъ Фатьмы, другою держалъ ее за подбородокъ и цѣловалъ прямо въ губы.

Промелькнула мимо меня главная Луксорская улица съ ея убогими домиками, лавочкой и мечетью; тріумфальные ворота умчались въ даль; уже по сторонамъ стелются, уносясь назадъ, молодые посѣвы риса, а я все еще угощаю буфетчика разными побранками, сожалѣя о томъ, что онъ не можетъ ихъ слышать.

„Самъ ты hyène terre-neuve!“ бормочу я, шпоря каблуками осла: „chacaille ты эдакій, animaille, cocodrille противный!“

— Не правда ли, говоритъ между тѣмъ, едва поспѣвая за мною, Фанъ-денъ-Бошъ,—не правда ли, какой Анджело умный и пріятный человѣкъ.

Жалкое существо! онъ думаетъ лишь о своей собакѣ...

То, что̀ теперь извѣстно подъ именемъ Карнака, представляло когда-то цѣлый кварталъ, почти цѣлый городъ храмовъ, которые примыкали другъ къ другу, другъ друга пересѣкали, а иногда стояли одинъ въ другомъ. Часть пространства—по разсчету Діодора 13 стадій—была обнесена оградой изъ необожженаго кирпича, сохранившеюся въ видѣ

невысокаго землянаго вала. Когда-то знамена развѣвались на уходившихъ въ небо безчисленныхъ башняхъ, снаружи у входовъ и во внутреннихъ храмовыхъ дворахъ сидѣли на стражѣ парные колоссы фараоновъ, высоко надъ ними пылали какъ жаръ позлащённые верхи обелисковъ, а съ колоннъ и со стѣнъ, пестрѣвшихъ всѣми цвѣтами радуги, глядѣли въ грозномъ величіи въ то время еще живые, могущественные боги.

Теперь мѣстность представляетъ площадь въ нѣсколько десятковъ десятинъ, усѣянную щебнемъ и обломками, среди коихъ сѣрыми громадами возвышаются полотнища стѣнъ съ изуродованными изваяніями, группы столповъ безъ капителей, амфилады полуразрушенныхъ башенныхъ воротъ,—и Карнакъ служитъ для человѣка подавляюще-грустною разгадкой той судьбы, какая ожидаетъ всѣ его тщеславныя земныя затѣи. Деревушка, разсѣянная среди развалинъ, совершенно незамѣтна [25]).

Большой Карнакскій храмъ считается великолѣпнѣйшимъ изъ египетскихъ памятниковъ. Строился онъ слишкомъ 2.000 лѣтъ и затѣмъ въ теченіе 2.000 лѣтъ постепенно разорялся. Персидскіе цари, а позднѣе европейскія научныя экспедиціи и туристы понемногу ограбили его. Дѣлу опустошенія помогъ отчасти и Нилъ, понынѣ ежегодно притекающій въ капище на поклоненіе своимъ милымъ, всѣми забытымъ божествамъ.

Лучше другихъ сохранившійся отдѣлъ—Мемноніумъ Сети I; это—зала, наполненная столпами-великанами, предъ которыми даже колонны Луксорской площади показались бы карлицами: ни одного изъ нихъ не обоймутъ, взявшись за руки, пять человѣкъ. Часть потолка обрушилась, и плиты его безпорядочно громоздятся на полу въ тѣсныхъ промежуткахъ между подпирающими небо столпами. Кто видѣлъ эту залу, тому не зачѣмъ смотрѣть другихъ развалинъ: на всемъ свѣтѣ не найдетъ онъ ничего столь поразительнаго и чудеснаго.

Странствуя по далекимъ краямъ, мысленно созываешь избранныхъ полюбоваться какимъ-либо необычайнымъ зрѣли-

щемъ: выборъ падаетъ прежде всего на *нее*, потомъ на кого-нибудь изъ родственниковъ или друзей. Но здѣсь сначала станешь въ тупикъ и—раздавленный, уничтоженный—рѣшительно ни о комъ не думаешь; когда же нѣсколько попривыкнешь къ каменнымъ чертогамъ, хочется на весь міръ кликнуть кличь, чтобы шли сюда всѣ безъ изъятія—незнакомцы, знакомые, близкіе сердцу и заклятые враги.

По осмотрѣ Большаго храма общество застигнутое нами среди великихъ развалинъ, скачетъ обратно въ Луксоръ: вѣсть объ удачной охотѣ Фанъ-денъ-Боша мигомъ облетѣла туристовъ, и они спѣшатъ подивиться на убитаго звѣря.

На *Саидіе*, вокругъ животнаго, полнымъ синклитомъ собралось консульское семейство: сосредоточенный Мустафа, губернаторъ оливковый и мрачный какъ градовая туча, Ахметъ, малолѣтніе Добчинскій и Бобчинскій и „другъ дома" Абдуррахманъ. Безъ сомнѣнія дѣло уже выяснилось, Абдуррахману досталось отъ предержащихъ властей за мошенничество, и консулъ ждетъ нашего возвращенія лишь затѣмъ, чтобы всенародно извиниться предъ Бельгійцемъ. Въ воздухѣ чуется какой-то скандалъ. Онъ имѣетъ произойти неизбѣжно: мнѣ остается только быть его непричастнымъ свидѣтелемъ—и я вынимаю памятную книжку.

Путешественники, шумя и толкаясь, взошли на пароходъ, но, увидавъ распростертую овчарку, въ замѣшательствѣ смолкли; вскорѣ послышалось хихиканье и глухіе протесты, обращенные къ Анджело, который сталъ надъ мохнатымъ трупомъ въ позѣ импрессаріо. Безпокойнѣе всѣхъ былъ мистеръ Поммерой.

— Помнится, я слушалъ лекціи изъ естественной исторіи, говорилъ онъ вполголоса,—и много посѣтилъ на своемъ вѣку всякихъ звѣринцевъ и зоологическихъ садовъ, но подобныхъ гіенъ видѣлъ только на скотномъ дворѣ....

Но задѣтый за живое Анджело доказывалъ, что недостаточно гулять по зоологическимъ садамъ, чтобы знать естественную исторію, и что путешествіе въ обществѣ такого свѣтила науки, какъ Брэмъ, можетъ замѣнить слушаніе курсовъ въ университетѣ.

Впрочемъ никто не обращался прямо къ Фанъ-денъ-Бошу; даже стоявшая съ нимъ рядомъ miss Emely не раскрывала устъ. Конечно, непріятная и вмѣстѣ съ тѣмъ трудная задача вывести Бельгійца изъ заблужденія лежала на консулѣ.

— До слезъ скорблю, началъ онъ, взявъ за руку Фанъ-денъ-Боша, и я потупилъ взоръ, вчужѣ страшась послѣдствій предстоящаго приговора:—до слезъ скорблю о томъ, что вашъ товарищъ ничего не убилъ, а за васъ я радуюсь, какъ за роднаго сына...

— Лучшее мѣсто всегда имѣлъ the other one (другой), указавъ на меня пальцемъ, какъ бы въ свое оправданіе вставилъ Абдуррахманъ, но такъ коварно при этомъ улыбнулся, что мнѣ невольно вспомнилась моя позорная казнь подъ воротами Деиръ-эль-Медине.

Остановивъ его знакомъ, консулъ продолжалъ... Къ сожалѣнію до смысла рѣчи я опять-таки никакъ не могъ добраться: расточались похвалы и увѣренія въ преданности не то Фанъ-денъ-Бошу, не то нашимъ ружьямъ, не то проводнику, выводилось какое-то общее заключеніе о западномъ прогрессѣ и даже упоминалось про согласіе великихъ державъ.

„Въ такомъ случаѣ обманъ еще не разоблачился“, подумалъ я; „все равно, губернаторъ, только изъ вѣжливости не перебивающій отца, сейчасъ пристыдитъ Абдуррахмана и откроетъ глаза Бельгійцу.“

Однако, когда Мустафа-Ага кончилъ, растопыривъ въ воздухѣ всѣ десять пальцевъ, губернаторъ, грозное лицо котораго еще болѣе насупилось, торжественно промолвилъ: „it is a hyaena,“ *—какъ будто вопросъ только и зависѣлъ, что отъ рѣшенія мѣстнаго начальства.

А что̀ же Ахметъ, этотъ милый, ловкій, почти образованный юноша? развѣ онъ не слышитъ сдержаннаго смѣха туристовъ? развѣ онъ не замѣчаетъ ихъ вопросительныхъ взглядовъ? Ему бы такъ легко замять дѣло или обратить

* Это гіена.

его въ шутку... Нѣтъ! Взявъ Бельгійца сзади за плечи, онъ съ беззаботною игривостью шепчетъ ему въ ухо какія-то льстивыя слова, отъ которыхъ тотъ еще пуще сіяетъ и улыбается.

Благовоспитанные Мустафа-Баша ибнъ Мустафа-Баша и Аминъ-Баша ибнъ Мустафа-Баша не смѣли вовсе говорить въ присутствіи родителя, да еслибъ и смѣли, то врядъ ли могли бы выжать изъ себя малѣйшее словечко: видъ моей книжки, гдѣ были увѣковѣчены ихъ имена, привелъ юныхъ пашей въ состояніе блаженнаго столбняка.

Такъ заключилась церемонія обращенія собаки въ гіену, и консулъ пригласилъ меня и Бельгійца занести въ большую книгу итогъ нашей охоты.

Первообразъ той ямы или провала, который слѣдовало бы выдумать для туристовъ,—фоліантъ заключалъ множество всякихъ крупныхъ и бисерчатыхъ записей. Пока Фанъ-денъ-Бошъ подбиралъ приличный обстоятельству оборотъ рѣчи, я читалъ ихъ черезъ его плечо. Послѣдняя была отъ 17 февраля новаго стиля:

„Mr. and Lady Elisabeth Z. Melchior Carter", значилось въ ней, „and Miss Carter, on their return from Wadi-Halfa shot three crocodiles, but two of them got away into the river, and the third one was also lost. *

Подъ этими словами Бельгіецъ написалъ: „Nous soussignés déclarons avoir rapporté de la chasse une hyène terreneuve, abattue d'un seul coup de fusil par mr Edmond Van den Bosch", ** и мы оба приложили руку. Въ ту минуту мнѣ не приходило въ голову, что я завѣдомо подкрѣпляю совершеннѣйшую, хотя и невинную чепуху. Мнѣ казалось, что иначе я не могу поступить, что связанный рекомендательнымъ письмомъ, побѣжденный Абдуррахма-

---

* Такіе-то при обратномъ слѣдованіи изъ Вади-Хальфы застрѣлили трехъ крокодиловъ, но два изъ нихъ ускочили въ рѣку, а третій тоже пропалъ.

** Мы, нижеподписавшіеся, заявляемъ что привезли съ охоты гіену-водолаза убитую съ одного выстрѣла Эдмондомъ Фанъ-денъ-Бошемъ.

номъ и многочисленными его союзниками, я подписываю капитуляцію.

Фанъ-денъ-Бошъ отсыпалъ проводнику крупный бакшишъ—не знаю сколько именно, но видѣлъ, что золотомъ.

— Зачѣмъ это? спросилъ я,—вѣдь вы ему уже дали.

— Увѣряю васъ, нѣтъ.

— А какъ же? въ его домѣ; еще помните, ушли отъ меня въ уголъ, когда насъ гашишемъ угощали?

— То я у него двухъ жуковъ купилъ,—неловко было отказаться... Впрочемъ я доволенъ; заплатилъ пустяки, 50 франковъ, а посмотрите, что̀ за прелесть!..

Жуки были поддѣльные, цѣною въ два піастра.

—

Обѣдали у губернатора. Двери его дома были убраны пальмовыми вѣтвями, а на веревкѣ, протянутой надъ пескомъ между ближними деревьями, горѣло десятка два цвѣтныхъ фонарей. Такими же фонарями были увѣшаны потолки пріемныхъ. Въ одной находились три круглые обѣденные стола безъ скатертей, стакановъ и приборовъ. Скатерть замѣняла жестяная покрышка съ загнутымъ кверху, какъ у подноса, ободомъ; на ней, намѣчая мѣста, лежали однѣ ложки да большіе ломти сѣраго хлѣба. Меня, мистера Поммероя и Бельгійца посадили между дамами, за почетный столъ, гдѣ въ коричневыхъ халатѣ и шароварахъ африканскимъ праотцемъ предсѣдалъ Мустафа-Ага. Самъ хозяинъ и три его брата—Ахметъ, Аминъ и Мустафа—вмѣстѣ съ босоногими Арабами служили за столами.

Обѣдъ—изъ 13 перемѣнъ—прошелъ очень быстро; кушанья, помѣщавшіяся для общаго пользованія на средину стола, ѣлись руками (кромѣ супа, который по необходимости доставался ложками). Мясо и птицы были къ тому приспособлены, то-есть настолько распарены, что волокна ихъ расползались сами собою, и можно было, безъ вилки и ножа, съ легкостью добыть любой кусокъ,—стоило лишь, воткнувъ

въ блюдо пальцы и скрючить ихъ тамъ на подобіе ястребиной лапы, тащить къ себѣ. Если же какая-нибудь индѣйка или барашекъ оказывали сопротивленіе, подоспѣвшіе губернаторъ и Ахметъ раздирали ихъ въ четыре руки, а потомъ уже Мустафа-Ага собственноручно одѣлялъ дамъ самыми сочными кусками, причемъ съ пальцевъ жиръ стекалъ по его рукамъ за рукава.

Трапеза зажиточныхъ Арабовъ, сохранившая первоначальную простоту, несравненно характернѣе стола богатыхъ Турокъ, весьма падкихъ на европейскую обстановку. Однажды въ Рамазанъ я былъ приглашенъ на офиціальный *ифтаръ* къ верховному визирю *. Тамъ столы-подносы, какъ нѣчто постыдное, были прикрыты скатертью, приборы красовались полностью, блестѣли даже хрустальные графины и судки, и лакеи подъ полами сюртуковъ приносили иностранцамъ краснаго вина. Словомъ, все было совсѣмъ какъ слѣдуетъ, совсѣмъ „à la franca“.... ** Но, когда одинъ изъ дипломатовъ, хорошо знавшій турецкіе обычаи, взялъ что-то пальцами съ блюда, оттоманскіе министры перемигнулись, засмѣялись, закивали головами, повторяя: „à la tourca, à la tourca!“, *** и съ той поры стѣснительные ножи и вилки были оставлены: куски, минуя тарелки, эту лишнюю въ домашнемъ обиходѣ инстанцію, отправлялись въ ротъ непосредственно руками.

Что касается выбора блюдъ, ихъ числа и порядка сервировки, *ифтаръ* мало отличался отъ обѣда луксорскаго губернатора. У верховнаго визиря подавали *кебабъ*, **** горячее варенье изъ айвы, начиненные кабачки, рубленую говядину въ виноградныхъ листьяхъ, сладкое блюдо изъ про-

---

* *Рамазанъ*, мусульманскій постъ, заключается въ полномъ воздержаніи отъ пищи въ теченіе дня. Съ закатомъ солнца садятся за обильный обѣдъ. Это-то ежедневное розговѣнье и называется *ифтаромъ*.

** Константинопольское выраженіе. Значитъ „по-европейски“.

*** Т.-е. по-турецки.

**** Жареные кусочки баранины, напоминающіе татарскій шашлыкъ.

тертыхъ филеевъ цыплятъ, пилавъ на костовомъ мозгу и прозрачно-желтую жидкость съ медовымъ запахомъ подснѣжниковъ, напоминавшую взваръ, который въ Малороссіи „кушается" на сочельникъ съ кутьей. Почти всѣ эти яства, такъ же странно стасованныя—жаркія послѣ пирожныхъ, соусы послѣ жаркихъ—повторились и въ Луксорѣ.

За обѣдомъ не обо что было утираться—и по окончаніи его губернаторъ, Ахметъ и старикъ Мустафа подали гостямъ умыться: одинъ держалъ тазъ, другой лилъ на руки воду, третій завѣдывалъ полотенцемъ. Арабское радушіе проявлялось во всей своей патріархальной простотѣ.

Въ гостиной, убранной персидскими коврами, г. Кукъ передалъ намъ желаніе губернатора, чтобы кто-либо изъ насъ, отъ имени всѣхъ путешественниковъ, произнесъ какую-нибудь рѣчь,—и мистеръ Поммерой въ витіеватыхъ выраженіяхъ поблагодарилъ любезнаго хозяина, „который, познакомивъ въ нашемъ лицѣ западную цивилизацію съ восточнымъ хлѣбосольствомъ, доказалъ, что на Востокѣ ѣдятъ вкуснѣе, чѣмъ на Западѣ, и что слѣдовательно хлѣбосольство выше цивилизаціи". Шутникъ сумѣлъ настолько поддѣлаться подъ красоты арабской реторики, что его было такъ же трудно понять, какъ самого Мустафа-Агу. Губернаторъ, добивавшійся спича только затѣмъ, чтобы въ отвѣтномъ словѣ явить собственное краснорѣчіе, вышелъ на средину комнаты.

„My ladies and my lords", сказалъ онъ, окинувъ насъ начальствующимъ взоромъ,—и смолкъ подъ наплывомъ удовлетвореннаго тщеславія. Кругомъ него, въ пестрыхъ путевыхъ нарядахъ сидѣли и стояли передовые люди разныхъ странъ, представители той цивилизаціи, о которой сейчасъ такъ хорошо было сказано, своего рода посланники, аккредитованные къ нему на сегодняшній вечеръ со всѣхъ концовъ земли; тутъ было самое аристократическое общество, высокопоставленныя лица, блестящая молодежь Стараго и Новаго Свѣта... Какія булавки въ галстукахъ, что за ленточки въ петлицахъ, сколько лорнетокъ и бантовъ! У губернатора высохло во рту и сдавило горло; прошло минуты двѣ, а

онъ все молчалъ... Онъ сознавалъ, что опростоволосился, и все-таки ему было невыразимо пріятно: правда, всѣ видятъ его смущеніе, быть-можетъ смѣются надъ нимъ, но вѣдь *онъ* всему причиной, на *него* устремлены всѣ взгляды, отъ *него* ожидаютъ чего-то,—и делегаты народовъ, затаивъ дыханіе, не шелохнутся... Полжизни отдалъ бы онъ за эти мгновенія.

— Господа, желаю вамъ здоровья, выговорилъ наконецъ ораторъ осипшимъ отъ молчанія голосомъ, когда путешественники, послѣ долгаго напряженнаго вниманія, стали уже перешептываться между собой.

Все семейство провожало насъ до пароходовъ; спереди и сзади прислуга жгла бенгальскіе огни, озаряя ими то песчаную поляну, то группу пальмъ. Отъ времени до времени вдали, куда едва доносился отблескъ цвѣтныхъ огней, неопредѣленный призракъ, перебравшись съ ворчаніемъ чрезъ улицу, взлеталъ на земляную изгородь; приблизясь, мы различали песью морду, уставившуюся на ночное шествіе.

— There is a good shot for you, mister Van den Bosch, * воскликнулъ однажды мистеръ Джонсонъ, и день чуть не закончился катастрофой.

Пылкій Бельгіецъ схватилъ меня подъ руку.

— Такъ какъ вы расписались въ книгѣ, сказалъ онъ довѣрительно,—то прошу васъ быть моимъ секундантомъ.

И вотъ было къ чему повело мое непростительное легкомысліе!.. Къ счастію дѣло обошлось безъ кровопролитія: мнѣ удалось убѣдить Фанъ-денъ-Боша, что Джонсона вызывать не слѣдуетъ, ибо, вопервыхъ, по всѣмъ вѣроятіямъ онъ, какъ Англичанинъ, откажется драться, вовторыхъ, если не откажется, то дуэль будетъ непріятна для Miss Emely.

---

* Отличный для васъ выстрѣлъ мистеръ Фанъ-денъ-Бошъ.

8 февраля.

Колеса работаютъ съ самаго разсвѣта, Луксоръ скрылся, и трехдневная стоянка наша въ Ѳивахъ отошла въ область воспоминаній,—даже „на память" не сохранилось у меня ни одной вещицы: купленныхъ жучковъ я растерялъ, мумію ибиса стащилъ кто-то, а кольцо, серьги и ожерелье Фатьмы пришлось выбросить за бортъ, такъ отъ нихъ воняло касторовымъ масломъ (его, надо полагать, употребляютъ вмѣсто духовъ). Впрочемъ *Саидіе* увозитъ изъ Ѳивъ живой залогъ—Ахметъ Мустафу: онъ ѣдетъ съ нами до Ассуана и обратно. Сначала каюта моя съ пустующею койкой очень привлекала его вниманіе, но ключъ отъ нея я пряталъ какъ драгоцѣнность, и Анджело былъ принужденъ отвести гостю—маленькую буфетную конурку, откуда было предварительно вынесено много цвѣтныхъ галстуковъ и бархатныхъ жилетовъ.

Послѣ полудня пришли въ Эснэ или Исна *, небольшой городокъ, съ неизмѣнными глиняными домиками, жалкими кофейнями и запахомъ дыма. Мѣсто славится лучшимъ въ Египтѣ климатомъ. Построенная на развалинахъ древняго Латополиса, города богини Аторъ и рыбы Латуса, Исна сохранила среди своихъ хижинъ храмъ временъ Птоломеевъ. Мы отправились къ нему пѣшкомъ чрезъ кварталъ *Гавази*—ночныхъ бабочекъ, невидимыхъ дневною порой, и потомъ чрезъ базаръ, гдѣ между прочимъ, продаются грубыя полотенца съ коптскимъ узоромъ, вышитымъ канителью и шелками. Кругомъ насъ изобрѣтательные мальчишки вертѣлись колесомъ или притворялись калѣками,—у кого вскакивалъ за плечами горбъ, у кого витушкой сводило руку; иные разбивали о собственную голову арбузы и угощали ими путешественниковъ. Безобразныя старухи въ черныхъ лохмотьяхъ неподвижно сидѣли у стѣнъ, подобныя угольнымъ мѣшкамъ, выставленнымъ для продажи... Нѣкогда это

* Западный берегъ.

были веселыя, безпечныя баядерки, сіявшія въ ореолѣ молодости, красоты и счастья, но давно отплясали онѣ свою красную вёсну, и теперь, всѣми покинутыя, доживаютъ вѣкъ въ уличной пыли.

Храмъ находится подъ почвой и набитъ иломъ и щебнемъ; только внутренность портика опростана. Противъ закопченыхъ лачугъ торчатъ изъ земли верхи переднихъ колоннъ, поддерживающихъ нетронутую крышу, и съ надворья можно какъ съ хоръ смотрѣть въ глубокое темное помѣщеніе. Надъ остальными частями (не откопанными) вдоль и поперекъ пересѣкаются городскія улицы. Въ портикѣ, куда сходишь по крутой лѣстницѣ, колонны и стѣны—однообразно-сѣраго цвѣта, безъ признаковъ краски—до верху покрыты врѣзными рисунками и мелкими іероглифами. Дверь, ведущая въ покои наоса, завалена до архитрава камнями и мусоромъ; предъ нею стоишь какъ на порогѣ новаго, еще неизвѣданнаго міра, и подъ обаяніемъ тайны воображаешь не вѣсть какія чудеса, а тамъ навѣрно тотъ же сѣрый камень, такія же вереницы царей въ колпаковидныхъ шлемахъ и боговъ съ птичьими и другими головами, состязующихся въ неуклюжести и высокомѣріи, тѣ же знаки непонятныхъ письменъ, безсвязные и утомительные какъ горячечный бредъ.... [26])

Но мы уже снова въ пути. Общество, ища какъ всегда прохлады и воздуха, расположилось наверху подъ тентомъ, и здѣсь моимъ поверхостнымъ наблюденіямъ открыто широкое поле. Другъ противъ друга, зарывшись въ нумерахъ *New York Herald'a*, какъ-то лакомо спятъ мистеръ и мистрисъ Поммерой: лица ихъ и во снѣ продолжаютъ выражать двѣ крайности—насмѣшливый умъ и сентиментальную глупость; miss Emily, болтая вперерывъ со всѣми туристами, сторонится одного Фанъ-денъ-Боша: она, кажется, возненавидѣла его за собачью шкуру, подаренную ей вчера при всемъ собраніи; убитый горемъ, пламенѣя любовью и ревностью, онъ притворяется, однако, равнодушнымъ и усердно твердитъ арабскія вокабулы... Анджело, сумѣвшій остаться съ нимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, дружески

развлекаетъ его какими-то небылицами; непосѣда-ученый, глядя за горизонтъ, мыслитъ о судьбахъ человѣчества. Ахметъ-Мустафа обновляетъ подарокъ Бельгійца, подзорную трубу, тщетно стараясь увидать въ нее Эль-Кулу, самую южную и чуть ли не самую незначительную изъ египетскихъ пирамидъ; прочая компанія подъ предсѣдательствомъ мистера Джея и миссъ Монро, играетъ въ загадки, а серіозные люди—я и Miss Gertrude—записываемъ наши путевыя впечатлѣнія.

— Dear me! * какъ у васъ много выходитъ, удивляется юная писательница,—изъ этого пожалуй цѣлая книга наберется. Но для чего вы пишете по-русски? Какой вы право забавный! Кто же васъ будетъ читать?

Дневникъ Miss Gertrude болѣе сжатъ, чѣмъ мой. Событія намѣчены въ немъ общими чертами. Напримѣръ:

„*Cairo, 11 march* (n. s.). All day we were shopping with Ma“ **.

„*Сіутъ, 14 марта.* Мой donkey „boy“ раздавилъ мою шляпу. „Ра“ очень смѣялся ***.

„*Кэнэ, 15 марта.* Emily отдала мнѣ свой розовый атласный поясъ“.

„*Луксоръ, 18 марта.* Я умѣю сказать: gawareety-lee we pa roosky. **** Меня научилъ одинъ господинъ“ (это былъ я).

„*Исна, 20 марта.* „Ра“ увѣряетъ что здѣсь есть большой модный магазинъ; но мы съ „Ма“ его не нашли“...

Шумъ колесъ, жара, блескъ солнца и рѣки, чѣмъ дальше ѣдешь—все болѣе и болѣе располагаютъ къ нѣгѣ и сну. Туристы потягиваясь, ежеминутно зѣваютъ, и сами пароходы какъ будто лѣнивѣе пѣнятъ Нилъ. Кругомъ насъ все заснуло. Подобный неизмѣримому лугу, осѣненный рѣдкими пальмами, почиваетъ въ истомѣ Египетъ. Надъ нимъ въ небесахъ дремлютъ коршуны, ширяя на распростертыхъ

---

* Непереводимое восклицаніе, соотвѣтствующее нашему „Боже мой“.
** Весь день ходили по лавкамъ съ Мама.
*** „Ра“ и „Ма“ сокращенное отъ „papa“ и „mamma“.
**** Т.-е. говорите ли вы по-русски.

крыльяхъ. По отмелямъ спятъ орлы и пеликаны, и пробужденные выстрѣлами, въ какомъ-то изнеможеніи, какъ бы нехотя, снимаются съ обсиженныхъ мѣстъ; зачѣмъ? картечь, не долетѣвъ до берега, сонная падаетъ въ рѣку.

Суматоха на палубѣ вывела насъ изъ сладостнаго оцѣпенѣнія: буфетчикъ, прислуга, команда, все бѣжитъ къ кухнѣ; машина свиститъ, капитанъ машетъ переднему пароходу; наконецъ Бехера останавливается и къ намъ съѣзжаетъ тамошній докторъ Италіянецъ. Оказывается, одинъ изъ лакеевъ, доставая вино, упалъ въ трюмовый погребъ и расшибся: лежитъ блѣдный, съ помутившимся взглядомъ, и молчитъ. Докторъ прописалъ ему... слабительное. Какъ бо́льшая часть италіянскихъ медиковъ, онъ употребляетъ это средство ото всякихъ болѣзней, и еще недавно, къ тайной радости Бельгійца, въ лошадиныхъ пріемахъ давалъ оное Джонсону противъ зубной боли. Къ вечеру слугѣ стало лучше.

Въ сумерки прошли мимо Эль-Каба (восточный берегъ) съ остатками набережной, крѣпостною стѣной и гробницами Элейѳіасполиса, а когда совсѣмъ стемнѣло, заночевали противъ деревеньки Эдфу, древней Appolinopolis Magnae.

Знаменитый мореплаватель пришелъ объявить, что завтра утромъ мы посѣщаемъ ея храмъ и что въ виду этого breakfast назначенъ въ половинѣ седьмаго. „If any further information are required...“ Но возгласы, хохотъ и шиканіе заглушили его слова. Туристы возмутились поголовно: никто не хотѣлъ вставать въ шесть часовъ, и г. Кукъ долженъ былъ дать намъ полуторачасовую отсрочку, послѣ чего удалился осыпанный, какъ цвѣтами, рукоплесканіями.

9 февраля.

Ослы... (быть можетъ я слишкомъ часто говорю объ ослахъ и о погонщикахъ. Что̀ дѣлать? начиная день среди ихъ шумнаго табора, мы проводимъ съ ними полжизни, и какъ *преобладающее* „путевое впечатлѣніе“ они невольно на каждой страницѣ просятся подъ перо.) Ослы, которыхъ

на утренней зарѣ пригнали изъ Эдфу, отстоящаго за версту отъ рѣки, были тщедушнѣе и ободраннѣе чѣмъ гдѣ-либо; за то такихъ горластыхъ и бѣсноватыхъ мальчишекъ мнѣ равнымъ образомъ нигдѣ еще не случалось видѣть: живи они въ менѣе благодатномъ краѣ, навѣрно всѣ кончили бы чахоткой. Своихъ жалкихъ скотинокъ они тащили и за узду, и за стремя, и за хвостъ, били ихъ палками, покалывали щепками, вскакивали на нихъ, ныряли подъ ними,—и все это безъ малѣйшей видимой надобности. Возгласы и крики тоже не имѣли никакого значенія: англійскихъ словъ здѣсь знаютъ гораздо меньше, чѣмъ въ Ѳивахъ, и въ обхожденіи съ иностранцами почти исключительно употребляется привѣтствіе „good morning", повторяемое десятки и сотни разъ; оно оглушительно какъ все, что̀ произносятъ ослятники, и къ тому же выкрикивается такъ торопливо и озабоченно, что всякій разъ непремѣнно вздрогнешь,—въ невинныхъ словахъ положительно слышится какое-то запоздалое остереженіе отъ неминуемой уже гибели.

Каирскій и александрійскій обычай рекомендовать ословъ по имени дошелъ и досюда. Предъ туристами точно на перекличкѣ провозглашались разные „Кямили", „Дервиши", „Джериды" и проч. Одинъ погонщикъ оралъ: „My donkey Michael, my donkey christian" * и для большей убѣдительности крестился, хотя обмотъ вокругъ его головы показывалъ, что онъ мусульманинъ и даже *хаджи*, т.-е. побывалъ на богомольи въ Меккѣ.

Мальчуганъ, подбѣгавшій ко мнѣ разъ девять, чтобы наспѣхъ прокричать въ лицо „good morning", въ десятый разъ остановился противъ меня какъ вкопаный и принялся твердить во все горло и на всѣ лады: „I donkey, you donkey, you donkey, I donkey..." Предлагалъ ли онъ свое животное, думалъ ли блеснуть знаніемъ англійскаго нарѣчія, или просто хотѣлъ огорошить меня любезностями—не знаю, но подобное спряженіе такъ подѣйствовало на мои нервы,

---

* Моего осла зовутъ Михаилъ, мой оселъ христіанинъ.

что замахнувшись на спрягателя бамбуковою тростью, я прогналъ его грознымъ „пошелъ вонъ, болванъ!“

— Comment dites-vous? *pacho... pachol vonn?* переспросилъ Бельгіецъ:—Ah, mais vous me devancez en arabe. N'est-ce pas, ça veut dire: *va-t-en, laisse moi tranquille!* Il vous a compris, il a pris la fuite *. И русскія слова мои, не исключая и *болвана*, были занесены въ арабскія вокабулы.

Храмъ въ Эдфу похожъ на Дендерскій, но тотъ откопанъ лишь изнутри, тогда какъ этотъ весь наружи, на свѣту: далеко во всѣ стороны разгребены камни и сухая грязь, наполнявшіе до верху его дворы и покои. Лѣтъ двѣнадцать назадъ все зданіе было подъ землей; надъ кровлей стояла деревня, и только высокія башни-пропилоны выростали изъ почвы, словно вскинутыя къ небу руки утопленника-великана. Земля сберегла кладъ во всей его неприкосновенной прелести: красивый дворъ, залы, некрытые переходы, карнизы и плиты пола—все цѣло и невредимо. Если въ другихъ храмахъ надписи приходится читать урывками на разрозненныхъ обломкахъ то здѣсь, напротивъ, онѣ не имѣютъ пробѣловъ. Барельефы непрерывными рядами тянутся по стѣнамъ внутри и снаружи. Правда, головы боговъ, фараоновъ, священныхъ птицъ и животныхъ посѣчены какъ вездѣ, кромѣ того у человѣческихъ фигуръ выколупаны кисти рукъ и ступни, но изъянъ замѣтенъ только на близкомъ разстояніи: для науки онъ не представляетъ особой важности, потому что рисунки всюду пояснены текстомъ. Такимъ образомъ храмъ Appolinopolis Magnae являетъ самую полную главу каменной библіи Египта.

Сохранность памятника тѣмъ болѣе удивительна, что выстроенъ онъ изъ непрочнаго песчаника, на которомъ и ноготь оставляетъ глубокій слѣдъ. Я своими глазами видѣлъ, какъ возлѣ святой святыхъ, гдѣ въ гранитномъ ларѣ хра-

---

* Какъ вы сказали? *pacho... pachol vonn?* Да вы меня обгоняете въ изученіи арабскаго языка. Не правда ли, это значитъ: *уйди, оставь меня въ покоѣ?* Онъ понялъ васъ—убѣжалъ.

нилась статуя Оруса, молчаливѣйшій изъ нашихъ спутниковъ, безъ помощи какихъ бы то ни было орудій, посредствомъ одного лишь большаго пальца, выцарапалъ на какомъ-то фараонѣ свой адресъ: „John Oister, U. S. Chicago. 99“. [27]).

Съ террасы пропилоновъ открывается строгій и вмѣстѣ прекрасный видъ на храмъ. Правильное, соразмѣрное, изящное зданіе лежитъ внизу какъ на ладони, и все въ немъ свѣжо, чисто, прибрано... Если отсюда долго всматриваться въ памятникъ, со зрителемъ происходитъ нѣчто чудное: всѣмъ существомъ отлетаетъ онъ въ далекія минувшія времена, какъ будто и впрямь уносится куда-то назадъ, въ безконечное пространство, стремясь такъ быстро, что въ головѣ не удерживается мыслей о настоящемъ,—онѣ отстаютъ по дорогѣ; несется онъ, несется—и прилетаетъ въ обильный край съ пышными городами-столицами, фараономъ-самодержцемъ, великими жрецами, шлемоблещущимъ войскомъ, въ древній край, понятный, близкій, почти осязаемый. Безъ усилія постигаешь воображеніемъ могущественное государство, покорившее „страны полудня и полуночи“, духовнымъ чутьемъ чуешь стародавнее прошлое, исполненное жизни и молодости, съ его кипучею дѣятельностью, богатствомъ, и празднествами, съ его ремеслами и искусствами, со всѣмъ его блестящимъ и многостороннимъ развитіемъ, безвозвратно отошедшимъ въ вѣчность, и до котораго въ потѣ лица докапываются нынѣшніе ученые.

Чтобъ изъ прежняго Египта примчаться назадъ въ нынѣшній, не зачѣмъ даже спускаться съ террасы—стóитъ только обернуться: предъ фасадомъ высыпала деревня, когда-то сметенная Марьетъ-беемъ съ крыши капища; низенькія ограды, пересѣкаясь подъ разными углами, образуютъ сѣть клѣтокъ, среди коихъ глиняными кубами стоятъ глухія избенки; на однѣхъ лежитъ солома, на другихъ сушится навозъ, третьи ничѣмъ не прикрылись—и не разберешь, гдѣ закуты для скота, гдѣ человѣческое жилье? а внизу у подножья башенъ оборванная толпа, смѣшавшаяся съ ослами,

вотъ уже полчаса безъ умолку кричитъ: „бакшишъ", „катархеракъ" и „good morning".

Верстахъ въ 35 отъ Эдфу рѣку опять спираютъ утесистыя горы, по имени Джебель Сильсилэ (200 фут.). Ширина Нила не достигаетъ здѣсь и двухсотъ саженъ (1.095 футовъ). Въ отвѣсахъ горъ съ обѣихъ сторонъ виднѣются старинныя каменоломни, поставлявшія матеріалъ для большей части сооруженій Нильской долины, и гдѣ на живой скалѣ, какъ на скрижали записано, какимъ царемъ и для какой надобности выпилены брусья. Нѣкоторыя углубленія обращены въ мемноніумы съ фараонами и богами по стѣнамъ. Изъ боговъ чаще другихъ встрѣчается богъ Нила Апи или Апиму, ему же ввѣрялась судьба сплавляемыхъ камней.

Миновавъ Сильсилэ, мы „по расписанію" очутились въ Нубіи. Фирма Томаса Кука изъ долгаго опыта убѣдилась, что и тѣмъ туристамъ, которые не продолжаютъ пути къ Вади-Хальфѣ, хотѣлось бы по возвращеніи разсказывать знакомымъ, что они провели въ Нубіи нѣсколько дней, и потому „путешественная компанія" старается поддержать въ этихъ туристахъ нѣкоторыя иллюзіи.

Черта, отдѣлявшая древній Египетъ отъ Ѳіопіи, проходила чрезъ Джебель Сильсилэ. По преданію, основанному на томъ, что „Джебель Сильсилэ" въ переводѣ значитъ „Гора Цѣпи",—къ выдавшейся столпообразной скалѣ была прикрѣплена желѣзная цѣпь, которою въ минуты опасности замыкался Египетъ. Преданіе разсказали мнѣ агенты Кука; въ путеводителѣ же я прочелъ то, чего они не договаривали, а именно, что легенда эта—басня, ибо гора заимствовала свое названіе у близь лежавшаго города Silsilis.

Какъ только пароходы прошли Сильсильскіе ворота, мы почувствовали „нубійскую" жару, и Анджело, вмѣсто сюртука, сверхъ бархатнаго жилета надѣлъ въ накидку парусинную курточку. Мѣстность тоже пошла совсѣмъ нубійская. Дѣйствительно, купы пальмъ попадаются рѣже, полосы воздѣланной земли становятся все уже и уже, и волнистая желто-сѣрая пустыня все чаще—то здѣсь, то тамъ—надвигается къ самой рѣкѣ. Неподалеку отъ Джебель Силь-

силэ барабарское или берберское нарѣчіе—языкъ Нубіи и Судана—одерживаетъ побѣду надъ арабскимъ. За Джебель Сильсилэ „начинаются“ крокодилы,—такъ выразился мистеръ Кукъ, опредѣлившій даже въ точности мѣсто, гдѣ мы ихъ застанемъ (что̀ снова дало поводъ мистеру Поммерою увѣрять, что они фальшивые). И подлинно, Ахмедъ Мустафа увидалъ въ подзорную трубу, какъ съ одного низменнаго острова два гада юркнули въ воду; потомъ мы всѣ видѣли этотъ островъ. А какіе Негры за Джебель Сильсилэ черпаютъ журавлями воду изъ рѣки! Они не лоснятся какъ ихъ поблекшіе собратья сѣвернаго Египта, принужденные вытираться какимъ-то составомъ, чтобъ исправить цвѣтъ кожи; они черны какъ смазанный ваксой, но еще не отчищенный сапогъ. За то бѣлки и зубы ослѣпительно бѣлы; право у иныхъ ротозѣевъ на берегу чрезъ губы и вѣки точно свѣтитъ дневной свѣтъ, то-есть отверстія рта и глазъ кажутся сквозными, какъ у силуэтокъ изъ черной бумаги. Въ прошломъ году за Джебель Сильсилэ буфетчикъ очень дешево купилъ для жены Негра, однако вскорѣ былъ вынужденъ его сбыть, потому что онъ кусался. Словомъ, если новѣйшіе географы и перенесли границу Египта за Ассуанъ, то случилось это по недосмотру: на картѣ, разумѣется, можно нарисовать что̀ угодно, но на дѣлѣ нельзя измѣнить климата, природы, языка, людей. Рѣшительно за Джебель Сильсилэ „наступаетъ“ Нубія, и по такому разсчету мы пробудемъ въ ней три дня.

Къ солнечному закату *Саидіе* и *Бехера* стали противъ Кумъ-Омбо (вѣроятно деревушка—впрочемъ подобно Карнаку нигдѣ не замѣтная).

— Какое звучное, чисто африканское имя, сказалъ помощникъ г. Кука, младшій агентъ mister Alexandre доложившій намъ объ остановкѣ.

— Кумъ-Омбо построенъ на мѣстѣ древняго Омбоса, присовокупилъ явившійся вслѣдъ за нимъ г. Кукъ,—а древній Омбосъ назывался въ іероглифахъ *Нуби*.

Но зачѣмъ они утруждаютъ себя и доказываютъ то, во что̀ туристы, начиная съ M. de Seville и кончая Miss Ger-

trude, уже вполнѣ увѣровали. Miss Gertrude, только-что написавшая въ журналъ: „Эдфу 21 февраля. Emily и я надѣли барежевыя платья“, и, казалось, покончившая на этомъ со впечатлѣніями дня, снова раскрыла книжку, провела подъ вышеозначенными словами черту и прибавила: „того же числа, *Нубія.* Здѣсь такъ душно, что я думаю снять пелеринку“.

Даже завзятый скептикъ мистеръ Поммерой притворяется, что вѣритъ. Я слышалъ, какъ онъ сказалъ младшей дочери, подсмотрѣвъ запись ея о пелеринкѣ: „Сними, darling, сними, только пожалуста по возвращеніи въ Египетъ надѣнь снова, не то простудишься“.

Какъ бы то ни было, въ Египтѣ ли мы или въ Нубіи, мы находимся въ какомъ-то далекомъ захолустьи. Когда мы шли къ храмамъ Омбоса, пробираясь по сухимъ водосточнымъ канавкамъ между разсадами четырехъаршиннаго табаку и двухсаженной касторки * на небольшой прогалинѣ предстала нашимъ взорамъ картина домашняго негритянскаго быта: мущина и ребенокъ, вѣроятно отецъ и сынъ, первый съ холстомъ кругомъ бедръ, второй безъ холста, сидя на корточкахъ, разводили костеръ для ужина, а возлѣ стоялъ верблюдъ привязанный къ стеблю сахарнаго тростника, и больше ничего; тутъ совмѣщались сарай, кухня, ночлегъ—и все это, какъ въ сказкахъ, было „небомъ покрыто, свѣтомъ огорожено“. Затѣмъ на пути попались еще три такіе же семейные очага, обнесенные впрочемъ соломенными заборами.

Храмовъ въ Кумъ-Омбо два: [28]) они стоятъ рядомъ, надъ самымъ Ниломъ, на крутомъ берегу, подмываемомъ рѣкой, и ожидаютъ скораго паденія; да и теперь часть ихъ уже обрушилась въ рѣку, усѣявъ обломками скатъ. Зданія, занесенныя тонкимъ бѣлымъ пескомъ, едва примѣтны надъ землей; одно вовсе завязло, и ходу въ него нѣтъ; отъ другаго остался наружи лишь верхъ портика: сначала, между первыхъ колоннъ, можно еще подвигаться, не рискуя за-

* Клещевина, Rizinus.

дѣть плафона, потомъ идешь среди капителей, и надо горбиться, потомъ надо ползти, а потомъ уже и ползти нельзя,—тогда какъ сверху большіе брусья, хребетъ крыши—сломанные и цѣльные, ничкомъ и стоймя—долго еще тянутся безпорядочною грядой, захлебываясь въ волнахъ песка; послѣдніе два камня, вынырнувъ въ предсмертномъ усиліи, встали почти во весь ростъ и вершинами оперлись другъ на друга; дальше песокъ подымается во всѣ стороны пологимъ пологомъ, образуя котловину, и на верху беретъ приступомъ развалины брошенной деревушки, зубчатою стѣною оцѣпившія храмы.

Но частности, въ особенности же археологическія, насъ не занимаютъ. То ли дѣло захолустье во всей его совокупности, опоясавшееся теперь огненною полосой въ полгоризонта и все сіяющее и сверкающее въ прощальномъ блескѣ дня. Червоннымъ золотомъ позлащены холмы пустыни, рѣдкія плантаціи и поля, противоположныя отмели унизанныя бабами-птицами, одинокая колонна съ проснувшеюся совой на верхушкѣ и выпугнутыя изъ храмовыхъ сѣней летучія мыши величиной съ небольшаго ястребка... Только на Нилъ не хватило позолоты, онъ разлился серебромъ на нѣсколько верстъ въ ширину,—да пальмы у самаго края земли ушли въ сумерки, подобныя ядовитымъ грибкамъ—крохотныя, фіолетовыя, на хилыхъ ножкахъ.

10 февраля.

Ночь я провелъ въ пустынѣ за храмами, далеко отъ спутниковъ. Сначала Кукъ и его клевреты, опасаясь, какъ бы я не задержалъ пароходовъ, прибѣгали къ чисто арабскимъ хитростямъ и пытались напугать меня небывалыми страхами. Анджело придумывалъ, между прочимъ, разныхъ хищныхъ звѣрей, видѣнныхъ имъ въ бытность здѣсь Брэма (на самомъ дѣлѣ не существующихъ ни въ Старомъ, ни въ Новомъ Свѣтѣ). Но когда я торжественно обѣщалъ вернуться живой или мертвый къ пяти часамъ утра, опасности разсѣялись какъ туманъ, звѣри убѣжали куда-то

южнѣе, и я былъ сданъ съ рукъ на руки деревенскому шейху, которому навѣрно вмѣнили въ обязанность, хотя бы силой, привести меня обратно съ разсвѣтомъ.

Нельзя сказать, чтобъ я охотился: со мной было ружье, я даже волокъ за собою на длинной веревочкѣ полуощипаннаго цыпленка, однако вслѣдствіе темноты въ пяти шагахъ ничего нельзя было различить, и слѣдовательно охота становилась немыслимою.

Если кромѣшная тьма не дозволяла видѣть, что̀ дѣлается кругомъ, то съ другой стороны воображенію открылся полный просторъ; оно могло населять эту безмолвную, душистую ночь какими угодно образами. Вокругъ песчаныхъ полянъ, вмѣсто зарослей низкаго кустарника или бурьяна, я видѣлъ семейства кактусовъ съ причудливыми цвѣтами; отдаленныя возвышенности преобразились въ лѣсъ баобабовъ, а шагавшій сбоку нѣмой шейхъ огромнаго роста, облеченный съ головы до пятъ въ бурнусъ, казался духомъ земли, ревниво оберегающимъ свои владѣнія отъ человѣка. Порою онъ таялъ какъ призракъ и безслѣдно исчезалъ во мракѣ, — затѣмъ, образовавшись изъ мрака, снова шагалъ подлѣ меня; иногда останавливался и, сдѣлавъ земной поклонъ, долго лежалъ простертый на пескѣ... Разсматривалъ ли онъ слѣды гіенъ или творилъ заклинанія? Отдыхая надъ рѣкой, у самой черты берега, подъ лапчатыми листьями невѣдомаго растенія (мнѣ не хотѣлось узнавать въ немъ касторку), я видѣлъ предъ собою Нилъ, не тотъ, по которому плыву вторую недѣлю, а другой, прежній Нилъ, Нилъ моего дѣтства, хрустальный и тихій какъ степные лиманы заросшій по берегамъ густымъ очеретомъ, обвѣянный крыльями незримыхъ марабу и пробужденный осторожнымъ плесканіемъ бегемотовъ, пускающихъ круги по водяной глади; отъ этого-то плесканья, отраженія звѣздъ въ водѣ колеблются, извиваясь змѣйкой.

Въ раннюю пору жизни, съ именемъ какой-либо незнакомой мѣстности обыкновенно связываешь представленіе о ней,—представленіе не соотвѣтствующее дѣйствительности; дѣйствительность по большей части бываетъ куда хуже:

Но въ возрастъ поздній и безплодный,
На поворотѣ нашихъ лѣтъ,

когда „хладныя заботы“ и „строгія мечты“ заглушатъ безполезную въ нашъ вѣкъ фантазію, мы ограничиваемся тѣмъ, что мысленно ставимъ на географической картѣ черную точку въ томъ мѣстѣ, гдѣ должны находиться городокъ или деревушка, выдвинутые политическими событіями изъ области полной неизвѣстности; новыхъ картинъ воображеніе не рисуетъ. Однако прежнія, давнія представленія о странахъ, столицахъ, горныхъ хребтахъ, моряхъ, рѣкахъ, долго живутъ въ памяти и даже не совсѣмъ изглаживаются, если приведется увидѣть самый оригиналъ; конечно, по мѣрѣ того, какъ свыкаешься съ послѣднимъ, онѣ заволакиваются туманомъ и только въ глухую ночь, когда ни зги не видать, воскресаютъ въ темнотѣ отчетливыя и ясныя, со всѣми своими чарами.

Мѣсяцъ, доживающій послѣднюю четверть, еле поднявшись надъ горизонтомъ, слабо освѣтилъ пустыню и прогналъ марево.

Пока мы безъ опредѣленной цѣли скитались въ окрестностяхъ Кумъ-Омбо, шакалы съ голоднымъ лаемъ, отчасти напоминающимъ кошачье мяуканіе, брели по нашему слѣду. Чтобы подстеречь ихъ при лунномъ мерцаніи, я спрятался между стоящими торчкомъ конечными камнями храма; но лукавые хищники не появились на пескѣ; они засѣли въ развалинахъ деревни и сверкали оттуда глазами: казалось среди зазубринъ черныхъ стѣнъ вспыхиваютъ и тотчасъ же гаснутъ парныя свѣтящіяся точки. Тѣмъ не менѣе цыпленка, оставленнаго въ трехъ шагахъ отъ каменной палатки, я по выходѣ изъ нея не нашелъ: мелочные воры Египетской долины ухитрились стащить его изъ-подъ самыхъ моихъ стволовъ.

Въ палаткѣ было совсѣмъ тепло: камни не успѣли еще остыть отъ дневнаго зноя.

Простившись до зари съ таинственнымъ вожакомъ, лица котораго мнѣ такъ-таки и не пришлось увидать, я разлегся

на верхней палубѣ въ самой покойной качалкѣ и проснулся только къ полудню. Ландшафтъ измѣнился: Нилъ гораздо у́же, теченіе его быстрѣе, вода не такъ мутна; мѣстами изъ нея торчатъ вершины подводныхъ скалъ. Замкнутая непривѣтными каменными берегами, рѣка какъ будто не имѣетъ дальнѣйшаго теченія, какъ будто тутъ же, многоводная, раждается изъ земли. *

На восточномъ берегу, у подножья утесистой горы, скучились арабскія строенія; предъ ними двѣ большія акаціи шелестятъ стручьями. Мы въ Ассуанѣ, въ самомъ устьѣ первыхъ пороговъ.

Когда-то людная и славная Сіена, гдѣ неисправимый Ювеналъ, сосланный сюда на дальное воеводство, продолжалъ писать свои сатиры, обратилась въ обыкновенный арабскій городишко, прозябаніе коего поддерживается лишь транзитнымъ движеніемъ: произведенія Дарфура, Кордофана и странъ Центральной Африки, пришедшія на парусныхъ судахъ къ верховьямъ пороговъ, перевозятся сухимъ путемъ въ Ассуанъ и здѣсь снова грузятся на суда.

Городъ встрѣтилъ насъ по праздничному, выставивъ на пристань живописнѣйшіе образчики своего разноплеменнаго, хотя и не многочисленнаго населенія **—красивыхъ темнокожихъ Нубійцевъ, Нубіянокъ съ косичками въ видѣ тонкихъ замасленныхъ ремешковъ, отвратительныхъ, ни на что̀ не похожихъ дервишей арабскаго происхожденія и главнымъ образомъ Негровъ всѣхъ возрастовъ и оттѣнковъ—черныхъ, шоколатныхъ и оливковыхъ, бритыхъ, курчавыхъ и съ волосами по плечи, одѣтыхъ, полуодѣтыхъ и совсѣмъ голыхъ съ одною кожаною бахрамой кругомъ пояса, вооруженныхъ копьями, стрѣлами, луками, съ кольцами въ ушахъ, въ носу и на большихъ пальцахъ ногъ...

Это не простые любопытные, собравшіеся поглазѣть на иностранцевъ, а торговые люди: всякій принесъ свой то-

* По одному изъ разсказовъ, записанныхъ Геродотомъ, Нилъ вытекаетъ изъ бездонной пропасти между Элефантиной и Ассуаномъ и отсюда течетъ въ обѣ стороны, на сѣверъ и на югъ.

** Всего 4.000 жителей.

варъ, имѣющій, правда, мало сходства съ предметами продажи въ другихъ городахъ Египта. Въ Ассуанѣ рѣдко услышишь всеегипетское: „real, antic!“ Другія, обаятельныя для истиннаго путешественника слова носятся въ воздухѣ: „Cataracta, Soudan, Nubia...“ Поддѣльные сфинксики, статуэтки и жучки представляютъ исключеніе, а старинныхъ монетъ вовсе не видать; вмѣсто того, продаются страусовыя перья, страусовыя яица — выпущенныя и цѣльныя, — рога антилопъ и газелей, шкуры, щиты и дротики.

Маленькая дѣвочка съ ушами нетопыря, въ лохмотьяхъ, плохо скрывающихъ ея тоненькіе какъ палки члены, вся увѣшенная украшеніями и амулетами, предлагаетъ соломенную шляпу китайскаго фасона. Копьеносецъ свирѣпой наружности, съ виду воинъ Зангебара или Мономотапы, продаетъ нубійскій вѣеръ въ родѣ тѣхъ бумажныхъ флаговъ, что̀ въ Москвѣ красуются подъ Рождество на елкѣ: къ четырехугольной цвѣтной цѣновочкѣ пришита съ краю ручка, тщательно увернутая въ лоскутокъ грязнаго ситца. Облѣзлый старикъ носитъ кисть думовыхъ плодовъ, свѣтло-коричневыхъ и сморщенныхъ какъ онъ самъ. Плодъ, въ дѣтскій кулакъ, внѣшностью напоминаетъ кокосовый орѣхъ, но ни зерна, ни молока въ немъ нѣтъ. Волокнистая оболочка, до такой степени твердая, что ее не разобьешь никакимъ молоткомъ, содержитъ еще болѣе твердое ядро, служащее, какъ увѣряютъ, матеріаломъ для издѣлій изъ „слоновой кости“.

Кромѣ товара, въ тѣсномъ значеніи слова, можно также покупать и другія вещи, напримѣръ наряды и уборы „съ плеча“. Все, что̀ видишь, продается: смѣло вынимайте серьги изъ ушей, кольца изъ носа, стрѣлы изъ вязанокъ; снимайте съ женщинъ головныя покрывала, кожаныя ладонки-талисманы, бусы и раковины, снизанныя въ ожерелья; снимайте съ мущинъ самодѣльныя сумки-кошельки и пояса, оснащенные ремешками (тоже въ раковинахъ и бусахъ). Быть-можетъ, съ извѣстною ловкостью и кого-нибудь изъ торговцевъ можно сторговать у его однокашниковъ; но крайней мѣрѣ буфетчикъ зорко оглядываетъ сбродъ ассуан-

скихъ представителей, точно выбирая новаго Негра для madame Angelo.

Впрочемъ, привести какую-либо сдѣлку къ успѣшному окончанію не такъ легко, какъ кажется: одинъ видъ покупателя, вооруженнаго кнутомъ, хлыстомъ или тростью, наводитъ такой ужасъ на купца, что всякое *сближеніе* становится невозможнымъ. Особенно трусливы дѣти. Фанъ-денъ-Бошъ, купившій недавно чудный курбачъ, вырѣзанный цѣликомъ изъ кожи носорога, никакъ не могъ подманить ближе чѣмъ на десять шаговъ ушастую дѣвочку съ китайскою шляпой; и на это разстояніе подходила она медленно, дрожа всѣмъ тѣломъ, какъ плохо прирученная мартышка, на предѣльной же чертѣ замирала, впиваясь въ Бельгійца взглядомъ, будто дѣлала надъ нимъ стойку. При малѣйшемъ движеніи Фанъ-денъ-Боша, ее отбрасывало назадъ; только когда онъ догадался положить кнутъ на землю, состоялась торговая операція, и то не прямо, а косвенно — чрезъ обязательное посредство зангебарскаго воина. Безоружнаго туриста постигаетъ другое горе: его, наоборотъ, никто не боится, и предложеніе настолько превышаетъ запросъ, что коммерческія дѣла опять-таки пріостанавливаются. Какъ только я ступилъ на берегъ, меня со всѣхъ сторонъ окружили и притиснули. Я слабо защищался, съ предосторожностью потрясая въ воздухѣ кулакомъ. Сцена напоминала пререканія на *Константинѣ* съ александрійскими лодочниками; но здѣсь вмѣсто человѣческихъ лицъ надвигались какія-то рыла, и я задыхался отъ запаха кастороваго масла и верблюжьяго сала (туземцы положительно для чего-то имъ смазываются). Избавилъ меня Мехмедъ. Онъ долго стерегъ толпу, притаившись между креселъ и качалокъ, и вдругъ однимъ львинымъ скачкомъ перелетѣлъ съ верхней палубы подъ сѣнь акацій. Внезапное появленіе его произвело неизобразимую сумятицу: въ клубахъ поднятой пыли замелькали икры и пятки, дробью зачастилъ топотъ босыхъ ногъ,—и чрезъ мгновеніе кошмары исчезли; на пристани остался одинъ Мехмедъ, позеленѣлый, со сверкающими глазами и зубами, и съ бичомъ въ каждой рукѣ.

Въ крытомъ базарѣ, тотчасъ за входными городскими воротами, кромѣ того, что̀ мы уже видѣли, продаются дешевыя матеріи, нужнѣйшіе предметы домашняго обихода, ненадѣванныя принадлежности нубійскаго наряда, мужскаго и дамскаго, хорошенькія, крѣпкія корзинки съ крышками, плетеныя изъ жгутовъ разноцвѣтной соломы, желѣзные наконечники для стрѣлъ и копій и т. п. Здѣсь какъ-то безопаснѣе, кикиморы мерещатся рѣже, преимущественно попадаются обыкновенные Арабы. Оживленіе впрочемъ большое. Впереди туристовъ, кривляясь и кувыркаясь, двигаются ассуанскіе замухрышки; нѣкоторые услаждаютъ нашъ слухъ игрой на самодѣльныхъ тростниковыхъ дудкахъ, за что̀ получаютъ бакшишъ изюминами и винными ягодами; самую дудку можно добыть за одну винную ягоду или за пять изюминъ. Взрослые туземцы гремятъ серебряными деньгами, предлагая размѣнять соверенъ или долларъ: „кассура, эль хава̀гія, кассура!“ * слышится со всѣхъ концовъ. Согласиться на такое предложеніе значитъ оказать Арабу услугу, за которую онъ вѣжливо поблагодаритъ и даже не попроситъ бакшиша. Во всемъ Среднемъ и верхнемъ Египтѣ, отъ пирамидъ Гизэ до пороговъ, феллахи усердно собираютъ золото, вѣроятно для того, чтобъ удобнѣе припрятать свои капиталы отъ сборщиковъ податей. Долларъ (на мѣстномъ нарѣчіи всякая серебряная монета пятифранковаго достоинства) самъ по себѣ не представляетъ преимуществъ, но здѣшніе аферисты, размѣнивая его, сбываютъ другія, менѣе крупныя иностранныя монеты — полтинники, шиллинги, франки и четвертаки, кои выше Луксора въ лавкахъ не принимаются: какъ ходячая монета, за долларомъ непосредственно слѣдуютъ піастръ и полупіастръ.

При размѣнѣ не замѣчается поползновеній къ обману. Если, не доплативъ вамъ нѣсколькихъ франковъ, импровизованный мѣняла, увлекаемый товарищами, скроется, споря во все горло и размахивая руками, это ничего не значитъ: онъ въ послѣдствіи разыщетъ васъ и отдастъ долгъ спол-

---

* *Кассура* вѣроятно значитъ мелочь; *эль хавагія*—господинъ.

на. При сдачѣ покупщикъ тоже не обсчитывается. Вообще, несмотря на всю назойливую алчность мѣстныхъ обывателей, въ нихъ сказывается нѣкоторое уваженіе къ чужому карману. Среди базарной суеты мнѣ случилось разсыпать цѣлую горсть мелочи; я уже мысленно разспростился съ нею, но кувыркающаяся молодежь почтительно разступилась, и пожилой мущина принялся подбирать монетки, кладя ихъ одна за другою на мою ладонь: всѣ оказались на-лицо.

Однако честные (сравнительно) граждане Ассуана, въ особенности ихъ дѣти, не мѣрятъ другихъ на свой аршинъ и на каждомъ шагу подозрѣваютъ иностранцевъ въ надувательствѣ. Получая піастръ за проданную вещь, они долго разсматриваютъ его, обнюхиваютъ, пробуютъ на зубъ и вдругъ рѣшительно возвращаютъ.

— „Кайро!" кричатъ они:—кайро! кайро!

Этого кабалистическаго слова я сначала никакъ не могъ понять.

— Bad, no good! * толковалъ Ахметъ Сафи, болѣе же точнаго объясненія дать не сумѣлъ.

Я было думалъ, что піастръ—*кайро*, когда въ немъ просверлено ушко или есть какой-либо изъянъ, но и совсѣмъ новыя нетронутыя монеты встрѣчали неблагосклонный пріемъ и по тщательномъ разсмотрѣніи и обнюханіи оказывались „кайро". Слѣдующій случай навелъ меня на иную мысль. Мальчишка, крикливый, живой, точно налитой ртутью, продавъ мнѣ сулею изъ цѣльной тыквы, взглянулъ на полученныя деньги и, не задумываясь, отдалъ ихъ обратно, затѣмъ, дрыгая руками и ногами, подскакивая и перекидываясь, сталъ кричать на весь базаръ: „кайро, кайро, кайро!..." Порывшись въ портмоне, я вынулъ ту же самую монету, и къ моему изумленію только-что отвергнутый піастръ былъ признанъ годнымъ, получилъ поцѣлуй и спрятался во рту несносной егозы. Изъ этого я заключилъ, что *кайро* значитъ „фальшивыя деньги", и что насъ принимаютъ за

* Не хорошій, дурной.

монетчиковъ, не настолько впрочемъ безстыдныхъ, чтобы по всенародномъ уличеніи не внять голосу совѣсти.

А мы, видитъ Богъ, не дали повода къ недовѣрію. Сами мы съ такимъ упованіемъ шли на дудки и свирѣли, такъ охотно поддавались на заманчивыя „Cataracta, Soudan, Nubia", что лучшаго не оставалось желать. И какъ дикари временъ Колумба уступали золото за побрякушки, такъ въ настоящее время мы платили дикарямъ большія деньги за ненужныя или ни къ чему непригодныя вещи. Туристы накупили страусовыхъ яицъ, опахалъ изъ цѣновки, всякихъ поясовъ, амулетовъ... Я возвратился съ пучкомъ страусовыхъ перьевъ (въ Парижѣ они дешевле). Tristan de Seville пріобрѣлъ лукъ съ „ядовитыми" стрѣлами: лукъ былъ сдѣланъ изъ негнущейся, расщепившейся на концахъ палки, которая, отбывъ срокъ у ослятника, нарядилась въ обрѣзки зеленаго сафьяна; тетивой служила сахарная веревочка, а стрѣлы явились изъ колчана безъ наконечниковъ. Мистеръ Поммерой, принявъ серіозный видъ, водилъ къ себѣ всѣхъ поочереди, чтобы показывать „costumes complets" Нубійца и Нубіянки: то были—копье и пара сережекъ. Кто-то изъ безличныхъ путешественниковъ купилъ цѣлую связку колецъ для носа. Одинъ Ахметъ, сынъ консула, не потратилъ даромъ ни денегъ, ни времени; онъ ничѣмъ не хвалился, но я видѣлъ, какъ практичный молодой человѣкъ пронесъ въ свою конурку великолѣпный слоновый клыкъ.

Въ Ассуанѣ есть и произведенія искусства—серебряныя вещи изящной и своеобразной работы. Съ ними явился на пароходъ степенный Коптъ, чистый, весь въ черномъ, принесшій въ складкахъ одежды запахъ ладона и розоваго масла. Неторопливо развертывалъ онъ своими смуглыми руками съ красивыми длинными пальцами клѣтчатые платки, заключавшіе всякія драгоцѣнности, и предъ восхищенною Miss Emily чередою проходили массивные браслеты, перстни и другія женскія украшенія. Все это сдѣлано изъ нашихъ и иностранныхъ денегъ.

Берегъ насупротивъ города не материкъ, а довольно обширный островъ, охваченный рукавами рѣки. Арабы зовутъ

его Джезиретъ-эль-Захеръ, * „Островъ Цвѣтовъ“, поэтическое имя, ничѣмъ не оправдываемое. Въ сѣверной части, на каменистой и пыльной почвѣ, растутъ однѣ пальмы; южная, гдѣ находилась Элефантина, завалена грудами мусора и обломковъ, и нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго цвѣтка. Отъ Элефантины не осталось интересныхъ слѣдовъ. Послѣдніе ея памятники, Ниломѣръ и описанные французскою экспедиціей храмы Амунофа III и Тутмеса III, разрушены въ 1822 году ассуанскимъ губернаторомъ для постройки конака. ** Исторія или по крайней мѣрѣ путеводители не сохранили имени этого египетскаго Вандала.

На островѣ, гдѣ находятся двѣ деревушки, заселенныя исключительно Нубійцами, женщины и дѣвочки ждали насъ съ соломенными подносами, полными всякихъ рѣдкостей, а гурьба мальчишекъ, покачиваясь и выбивая тактъ въ ладони, пѣла односложную пѣснь, въ которой только и слышалось что завѣтное словцо, девизъ всего Востока. Выходило что-то въ родѣ:

Элла, элла, эль бакшишъ,
Эллэ, элла, эль бакшишъ.

При каждомъ брошенномъ піастрѣ напѣвъ обрывался, десятки рукъ взметывались вверхъ, слышались сдавленная брань, крики, топотъ, и затѣмъ снова безконечная нищенская эпопея терзала ухо и тянула за душу.

Вечеромъ Кукъ по обыкновенію оповѣстилъ насъ о томъ, что происходитъ завтра: „Get up at six, breakfast at half past six, start to Philae at seven; donkeys and camels will be provided.“ *** Изъ Филэ желающіе, въ случаѣ благопріятной погоды, могутъ „shoot the cataracts“, т.-е. спуститься чрезъ пороги въ дагабіи.

Итакъ, намъ предстоятъ новыя впечатлѣнія — ѣзда на верблюдахъ и, быть-можетъ, „the shooting of the cataracts.“

---

* Также Джезиретъ-Ассуанъ.

** Губернаторскій домъ.

*** Вставать въ шесть, завтракъ въ половинѣ седьмаго, отъѣздъ въ Филэ въ семь; ослы и верблюды будутъ заготовлены.

Это shooting входитъ въ кругъ самыхъ необходимыхъ для туриста продѣлокъ и считается весьма опаснымъ, хотя несчастій ни съ кѣмъ не случалось. Разумѣется, подобнаго рода опасность служитъ только лишнею приманкой, и всѣ пассажиры безъ исключенія приняли участіе въ складчинѣ для найма дагабіи. (Фирма не беретъ на себя этого расхода.)

Но въ данную минуту обсуждается другой вопросъ: мы опять не хотимъ подыматься такъ рано и, волнуясь, требуемъ часовой отсрочки. Кукъ упорствуетъ; онъ понимаетъ, что власть его сильно пошатнулась, что для поддержанія ея непремѣнно слѣдуетъ привести въ повиновеніе взбунтовавшійся экипажъ, и еслибы не мистеръ Поммерой, мы пожалуй дѣйствительно встали бы въ 6 часовъ.

„Ladies and gentlemen“, началъ толстякъ, подражая голосу нашего оппонента; всѣ стихли, предугадывая шутку: „Ladies and gentlemen, to morrow the get up at 2 after midnight, breakfast at 2 and half, start for the ruins of Thomascooksonia Maxima at 3 hours; torches for the road will be provided; dromedaries and jiraffs have already been telegraphed from Tombooktoo. At quarter past 3 morning, the ropes of the Thomas-Cook's-and-son's—Nile—crocodile will be removed. If any further informations“... *

Опасаясь дальнѣйшихъ насмѣшекъ, знаменитый мореплаватель поспѣшилъ согласиться.

11 февраля.

День мой начался маленькою непріятностью: ненавистный Анджело не распорядился, чтобы меня разбудили вовремя, и, несмотря на выторгованный у Кука часъ, я по-

---

* Милостивыя государыни и государи, завтра вставанье въ два часа пополуночи; завтракъ въ два съ половиною, отъѣздъ къ развалинамъ Thomascooksoniae Maximae въ 3 часа; факелы для поѣздки будутъ приготовлены, дромадеры и жирафы уже затребованы по телеграфу изъ Томбукту. Въ четверть четвертаго утра нильскій крокодилъ принадлежащій Томасу Куку и Сыну будетъ приведенъ въ движеніе посредствомъ веревокъ. Если какія-нибудь дополнительныя свѣдѣнія...

стыдно проспалъ верблюдовъ: ихъ разобрали нарасхватъ. Пароходы и пристань были пусты; только Ахметъ Сафи, не управившійся съ посудой, наскоро перетиралъ послѣднія тарелки, и въ тѣни акацій понуро дремали два осла безъ уздечекъ и стременъ. Кончивъ работу, Ахметъ предложилъ мнѣ тронуться въ путь.

Съ туземнымъ способомъ верховой ѣзды осваиваешься быстро; теперь уже мнѣ не трудно скакать на разсѣдланномъ и невзнузданномъ ослѣ; я даже умѣю управлять имъ, тыкая въ шею щепкой, отнятою у погонщика, который, то хрипя, то давясь устрицами, бѣжитъ сзади съ пустыми руками и пускаетъ въ ходъ свои пальцы.

Двѣ-три улицы, нѣсколько сводовъ, нѣсколько воротъ (они мѣстами преграждаютъ улицу), и мы за городомъ въ утрѣ знойнаго нубійскаго дня. Хотя все сурово и мертво кругомъ,—весеннее небо свѣтится такою лазурью, въ воздухѣ чуются такія животворныя струи, что кажется къ полудню песокъ долженъ стаять подобно случайному лѣтнему снѣгу, а гранитная почва покрыться цвѣтами и зеленью. Дорога идетъ долиной; изъ тонкаго сѣраго песку кое-гдѣ выростаетъ каменная глыба или могильная часовенка съ куфическою надписью. Долина служила когда-то русломъ Нилу, и на куполообразныхъ сглаженныхъ водой скалистыхъ берегахъ ея встрѣчаются іероглифныя обращенія къ богу Нумъ - Ра, покровителю пороговъ. Нынѣшніе пороги остаются справа, незримые за возвышенностями. Слѣва видны каменоломни, откуда особымъ способомъ добывался *сіенитъ*: * въ дыры, просверленныя въ скалѣ, плотно загонялись палки, которыя потомъ смачивались, вслѣдствіе чего разбухали и ломали камень. Тутъ есть статный обелискъ, частью уже отдѣланный и разубраный письменами, но не выпутый изъ утеса.

Общество впереди насъ, версты за три: его едва можно различить. Дорога усѣяна пѣшеходами, преимущественно

---

* Родъ гранита; главныя составныя его части — полевой шпатъ и кварцъ.

женщинами съ корзинами на головахъ. Жители ближнихъ деревень ежедневно ходятъ на базаръ въ Ассуанъ продавать сырыя произведенія.

Разобщенные съ нашими спутниками, одинокіе въ пестрой вереницѣ туземцевъ, мы вступаемъ съ Ахметомъ Сафи въ дружескій разговоръ. Онъ заводитъ рѣчь о поѣздкѣ въ Хартумъ: пусть я скажу одно слово, only one word, и ему ничего не будетъ стоить, заплативъ 5 фунтовъ стерлингъ неустойки, завтра же распрощаться съ *Саидіе*, гдѣ имъ помыкаетъ signor Angelo; въ Филэ мы найдемъ дагабію до Вади Хальфы, затѣмъ въ другой дагабіи доберемся до третьихъ пороговъ, затѣмъ изъ Ханека отправимся въ Дòнголу, изъ Дòнголы—въ Меравэ, въ Меравэ, немного ниже четвертыхъ пороговъ, покинемъ на время Нилъ и въ перерѣзъ на верблюдахъ двинемся чрезъ Баюдскую пустыню... Собственно дальше Дòнголы ѣхать не зачѣмъ; въ Дòнголѣ можно все увидѣть: тамъ есть много фруктовъ, много пальмъ, много крокодиловъ и гиппопотамовъ... Какъ тамъ хорошо, какъ тепло зимою! И какіе тамъ славные люди живутъ!

— Это моя родина, прибавилъ онъ, обративъ на меня свой добрый, сіявшій гордостью взоръ;—потому я и честный человѣкъ, что оттуда родомъ; но вы меня не знаете... Дайте срокъ, я прочитаю вамъ полученные мною аттестаты; они у меня спрятаны въ Каирѣ: съ собою не вожу, еще, чего хорошаго, потеряешь. Вотъ когда соберусь къ своимъ, непремѣнно возьму показать.

Тутъ старый Нубіецъ казалось позабылъ о моемъ существованіи. Преобразившееся лицо его улыбалось какому-то прекрасному видѣнію. Видѣнію этому онъ молился всею душой, всѣми помыслами, и дѣлалъ ему признанія въ ровной спокойной, беззавѣтной любви. „O Dòngola, Dòngola!“ тихо шептали его губы.

— А ваша родина гдѣ? спросилъ онъ, очнувшись, и подогналъ вислоухихъ лѣнтяевъ, которые, заслушались своихъ сѣдоковъ и давно сбились на самую мелкую рысь.

— Въ Россіи, отвѣчалъ я.

Ахметъ пристально поглядѣлъ на меня.

— Вы навѣрно не Англичанинъ?

— Навѣрно.

— Ну, такъ я сердечно радъ, что вы Русскій! Russia—great country, great people, great king... * Подарите мнѣ вашу визитную карточку.—Благодарю васъ, my good master.—Послѣ своей родины я больше всѣхъ странъ люблю вашу родину и многое хотѣлъ бы о ней узнать; къ несчастію, до нынѣшняго дня я никогда не видалъ настоящаго Русскаго кромѣ г. Л., ** да и его встрѣчалъ только на улицѣ и конечно не смѣлъ подойти къ нему съ разспросами. Не откажите же поучить меня. Правда ли, что Россія больше Англіи, больше Америки и больше Бельгіи? Правда ли, что она ровна̀ какъ поле, и что тамъ нѣтъ съ обѣихъ сторонъ горъ и пустынь какъ въ Египтѣ? Гдѣ же въ такомъ случаѣ ваши могилы и храмы? Справедливо ли, что въ эту пору года ваша рѣка, the Russian Nile, отъ холода дѣлается твердою какъ стекло, а вмѣсто дождя съ неба падаетъ иней и покрываетъ Русскую землю бѣлымъ бурнусомъ?

Мы настигаемъ между тѣмъ хвостъ каравана; наткнулись на какого-то щеголя въ цвѣтномъ галстукѣ, въ полосатой жакеткѣ, въ штанахъ раструбомъ; остановившись поперекъ дороги и сдвинувъ на затылокъ цилиндръ, онъ важно закуривалъ полуаршинную сигару. Свѣже выбритыя губы и подбородокъ съ отливами спѣлаго чернослива, пышныя баки какъ два воронова крыла, брови въ родѣ усовъ—все было очень знакомо. Я припоминалъ, припоминалъ... и вдругъ, умственно нарядивъ франта въ бѣлый колпакъ, фартукъ и куртку, узналъ въ немъ нашего повара-Француза, „qui a voulu faire un petit tour avec la société“.

— La fumée de mon havanà ne vous dérange pas? освѣдомился онъ, когда мы поравнялись.

Нечего и говорить, что „havanà“ пахла капустой, однако нисколько меня не безпокоила.

Далѣе встрѣтили покинутую всѣми миссъ Монро; сѣдло ея свернулось на сторону, и она не могла продолжать путь.

* Россія—великая страна, великій народъ, великій царь.

** Нашъ дипломатическій агентъ въ Египтѣ.

— Чего вы стали? говорила она, смѣясь;—учитесь вѣжливости у Британцевъ, берите примѣръ, съ того любезнаго gentleman'а, который ведетъ въ поводу верблюда. Я умоляла его помочь мнѣ. Въ отвѣтъ онъ предложилъ помѣняться животными: „Тогда, говоритъ, я поправлю сѣдло... ничего, что дамское—усижу". Я конечно отказалась, и мистеръ Джонсонъ ушелъ, не оглядываясь. А мальчишка его никакъ не сладитъ съ подпругами, не отстегнетъ пряжекъ.

Опередили и мистера Джонсона, успѣвшаго отойти довольно далеко, пока мы выручали изъ бѣды молодую дѣвушку.

— И вы не хотите мѣняться? спросилъ онъ;—напрасно! Можетъ вы боитесь, что такъ высоко лѣзть? Но вѣдь онъ станетъ на колѣни; и къ тому же, если угодно, я вамъ пособлю. Прекроткое, преспокойное животное!

Какъ мнѣ ни хотѣлось согласиться, негодованіе взяло верхъ, я проскакалъ мимо, и такимъ образомъ, чтобъ отомстить за миссъ Монро, наказалъ самого себя.

Тотчасъ за порогами, на восточномъ берегу, находится пристань для перегрузки товаровъ, минующихъ катаракты *. Здѣсь, въ тѣни сикоморы, отдыхая отъ работъ по транзиту, суетились и горланили Берберы ** со всевозможными диковинками. По рукамъ ходили оловянныя кольца съ кремнями вмѣсто самоцвѣтныхъ камней, чучело двухнедѣльной газели, похожее на дѣтскую лошадку, живая газель, ровесница, а можетъ-быть и сестра чучелы, голова селедки съ широко открытымъ ртомъ, бережно высушенная и выдаваемая за голову „young crocodile", три набитые соломой настоящіе крокодила тоже съ разинутою пастью и пр. (въ нихъ болѣе сажени; просятъ по 25 франковъ за штуку). Мальчишки продаютъ довольно хорошенькіе агаты, отшлифованные рѣкой, и незатѣйливыя игрушки—дагабіи—особымъ образомъ

---

* На картахъ она именуется Эль-Бербе, но у мѣстныхъ жителей я не могъ добиться какъ ее зовутъ.

** Нубійцы; единственное *берберu*, множественное *барабра*, отсюда слово „варваръ".

расщепленныя и оперенныя тростинки, бѣгущія съ вѣтромъ по землѣ. Иные снимаютъ съ себя для продажи ожерелья и ладонки; но многимъ и снять нечего; эти-то и кричатъ больше всѣхъ.

Теперь я неоспоримо въ Нубіи, какъ по древнимъ, такъ и по новѣйшимъ географіямъ. Мѣстность представляетъ что-то совсѣмъ особенное,—египетскаго нѣтъ ничего. Нилъ— не рѣка, а озеро безъ предшествующаго и послѣдующаго теченія, стиснутое кольцомъ темныхъ скалъ и валуновъ, неширокое, глухое озеро, изъ средины котораго горбомъ подымается каменный островъ, увѣнчанный развалинами храмовъ; вода, съ зеленоватымъ оттѣнкомъ, гладка какъ зеркало и сравнительно прозрачна.

Не знаю, извѣстна ли ученымъ исторія Филъ, но при взглядѣ на островъ она—несложная и ясная—сама собою бросается въ глаза: отстраняясь отъ докучливыхъ людей, боги ушли въ пустыню, на край Египта, разгребли тамъ скалы, образовали прудъ, нагромоздили посреди его гору и на ней создали себѣ палаты для вѣчнаго сна и покоя. Вѣчный сонъ осѣнилъ боговъ именно въ Филахъ. Греческая надпись на одномъ изъ храмовъ указываетъ, что спустя семьдесятъ четыре года послѣ знаменитаго эдикта Ѳеодосія (453 г.) здѣсь собиралось *послѣднее* вѣче жрецовъ Изиды.

Люди, поселившіеся какъ на островѣ, такъ и по берегамъ Нила, давнымъ давно нарушили миръ священнаго затишья, и только завороженный вѣтеръ донынѣ не смѣетъ рябить поверхности воды.

Дага́бія—не дѣтская игрушка и не роскошная египетская яхта, а какая-то грязная, грубая, неповоротливая расшива—перевозитъ насъ черезъ рукавъ отдѣляющій Филы отъ восточнаго материка. Она набита биткомъ: кромѣ туристовъ, сюда забралась и вся прибрежная деревушка; приходится стоять какъ на паромѣ. По бортамъ, вмѣсто веселъ, медленно тонутъ и выныряютъ пластины и расколотыя бревна, причемъ гребцы поютъ особую, *нубійскую* „дубинушку“, отличную отъ арабской. Радушные поселяне продолжаютъ орать, торгуясь и предлагая товаръ, орутъ маль-

чишки, прося бакшишъ, оремъ и мы, и все-таки въ общемъ гамѣ не можемъ разслышать другъ друга; кажется орутъ и крокодилы подъ мышками своихъ продавцовъ, надуваясь, пру̀жась и все шире разѣвая пасть, безъ того уже хватающую имъ за уши.

А баржа не подвигается, только глубже садится въ Нилъ, словно попавшее не въ свою стихію жалкое, грузное чудище, которое мѣшкотно барахтается неуклюжими лапами и утопаетъ, оглашая утесы ржаніемъ и гоготомъ. Въ водѣ, на цѣльныхъ и расщепленныхъ чурбанахъ, большими лягушками плаваютъ люди: одни грѣются на солнцѣ, сверкая мокрою кожей, другіе кружа̀тъ около безпомощнаго дива. Длинныя бревна умѣщаютъ по два человѣка; подбородокъ задняго лежитъ на спинѣ передняго; выходитъ безобразное сплетеніе рукъ и ногъ, но лягушечье подобіе не утрачивается. Такимъ первобытнымъ способомъ часть туземной публики перебирается въ Филы.

Ни душегубокъ, ни лодокъ здѣсь нѣтъ; Нубіецъ, котораго призракъ наживы или всесильная любовь манятъ на другой берегъ, раздѣвается (s'il y a lieu), обматываетъ платьемъ голову и переѣзжаетъ на бревнѣ. Подобнаго рода плавательными снарядами наши гребцы замѣнили весла— съ тою вѣроятно цѣлью, чтобы въ случаѣ крушенія благополучно уплыть отъ неловкихъ иностранцевъ.

Однако мы не потонули и въ концѣ концовъ невредимые пристали къ каменной лѣстницѣ съ римскою аркой въ вышинѣ, чуть не единственному доступу на островъ. Оцѣпляющая его со всѣхъ сторонъ набережная съ убылью воды превратилась въ неприступную стѣну. Островъ, посвященный супругѣ Озириса, въ древности назывался Илакъ или съ членомъ П'илакъ „мѣсто границы“ (Philae). Онъ не великъ (всего 1.200 футовъ длины при 400 ширины), и для карнакскаго храма на немъ врядъ ли хватило бы мѣста. Камень, пыль, запустѣніе, костяки древнихъ зданій,—все наводитъ на унылыя мысли, и только яркіе цвѣта рисунковъ на памятникахъ, да прихотливость зодчества, вовсе исключившаго изъ плановъ прямые углы, немного развле-

каютъ воображеніе. Храмы, если не принимать въ разчетъ ихъ угловъ, мало отличаются отъ прочихъ египетскихъ капищъ: на фронтонахъ паритъ тотъ же окрыленный дискъ солнца, тѣ же маски богини Аторъ смотрятъ внизъ съ капителей колоннъ, по стѣнамъ такіе же Птоломеи и римскіе императоры потрясаютъ боевымъ топоромъ надъ *вязанками* враговъ, вскармливаются грудью Изиды или съ чванною осанкой привѣтствуютъ чванныхъ боговъ.

Въ проходѣ главныхъ пропилоновъ, на стѣнкѣ праваго изъ нихъ, вырѣзаны слѣдующія слова: „L'an six de la République, le 13 Messidor, une armée française commandée par Bonaparte est descendue à Alexandrie. L'armée ayant mis vingt jours, après les mamelouks en fuite, aux Pyramides, Dessaix commandant la première division les a poursuivis au delà des cataractes, où il est arrivé le 13 Ventose de l'an 7. Les Généraux de brigade Daoust (Davoust), Briant et Belliard, Donbelot (Dombellot), chef de l'état major, la Tournerie, commandant l'artillerie, Eppler chef de la 2-ème légère. Le 13 Ventose l'an 7 de la République, le 3 Mars an de J. C. 1799. Gravé par Castex sculpteur". *

Запятыя и точки я разставилъ самъ, по догадкѣ. Въ подлинникѣ онѣ отсутствуютъ. Къ тому же, если руководствоваться строгимъ смысломъ текста, окажется, что Дессэ прогналъ за пороги не мамелюковъ, а пирамиды. Какъ видно, доблестная армія не отличалась грамотностью; по бокамъ этой надписи, замѣтны на камнѣ короткіе горизонтальные желобки—слѣды другихъ соскобленныхъ словъ, безъ сомнѣ-

* Въ шестой годъ Республики, 13 мессидора, французская армія подъ предводительствомъ Бонапарта высадилась въ Александріи. Послѣ того какъ армія въ двадцать дней дошла до пирамидъ, двигаясь за бѣгущими мамелюками, Дессэ, командующій первою дивизіей, преслѣдовалъ ихъ (до сего мѣста) за порогами, куда онъ прибылъ 13 Вентоза седьмаго года. Бригадные генералы Дау, Бріанъ и Бэлліаръ, Донбэлло, начальникъ главнаго штаба, Латурнери командующій артиллеріей, Эпплеръ, начальникъ второй легко-кавалерійской дивизіи. 13го Вентоза 7го года Республики, 3 марта 1799 года отъ Р. Х. Гравировано скульпторомъ (?!) Кастексомъ.

нія подписей туристовъ, пожелавшихъ увѣковѣчить свои имена—а надъ нею крупными буквами отпечатано: „une page d'histoire ne doit pas être salie“ *.

— Parbleu, certainement non! говорилъ поваръ, еще не докурившій своей гаванской сигары:—il y a par ici Bonaparte et République, ça doit être respecté. **

Между тѣмъ имена путешественниковъ, изгнанныя съ одной стороны прохода, появились среди древнихъ изображеній противоположной стороны. Да и самая похвальба Французской республики святотатно легла на 20тивѣковомъ рисункѣ: подъ фамиліи Наполеоновскихъ генераловъ сбита и сглажена цѣлая пелена барельефовъ и іероглифовъ, и такимъ образомъ страница другой исторіи, если не болѣе обаятельной, то во всякомъ случаѣ менѣе извѣстной, чѣмъ походъ Наполеона въ Египетъ, исчезла на вѣки никѣмъ не прочтенная [29]).

Съ верхнихъ террасъ бо́льшаго изъ храмовъ озираешь à vol d'oiseau съ одной стороны внутренніе его дворы и примкнувшіе къ нему меньшіе храмы, съ другой—пересѣкающіяся черты улицъ разрушеннаго селенія; неподалеку стоитъ „кіоскъ Траяна“, бесѣдка изъ однѣхъ колоннъ, легкая, какъ сооруженія аѳинскаго Акрополя (колонны соединены стѣнками лишь въ нижней части). За рукавами Нила, обнявшими островъ, высятся темные гранитные утесы; между ними то тамъ, то здѣсь зеленѣетъ финиковый кустарникъ или грезятъ четы стройныхъ пальмъ. Западный берегъ не сплошной: онъ прорѣзанъ невидимымъ отсюда рукавомъ, отмежевывающимъ островъ Бигэ *** (оконечность послѣдняго въ половодіе образуетъ еще другой самостоятельный островъ, Коноссо). На сѣверѣ, сузившись, рѣка со слабымъ ропотомъ пропадаетъ у подножія скалъ, среди крупныхъ ва-

* Страницу исторіи не должно марать.

** Чортъ возьми! конечно не должно; здѣсь стоитъ „Бонапартъ“ и „Республика“, это слѣдуетъ уважать.

*** Одинъ изъ двухъ острововъ, Филы или Бигэ, при Геродотѣ назывался Тахомпсо.

луновъ. Сейчасъ въ томъ направленіи скрылась, точно въ скалы ушла, изящная дагабія подъ американскимъ флагомъ. Выше Филъ, Нилъ заворачиваетъ на юго-западъ, и тамъ, гдѣ онъ исчезаетъ, отгадываешь прежніе широкіе плёсы и прежнее приволье. На восточномъ берегу, подъ живымъ наметомъ пальмовыхъ вершинъ, дымится пароходъ; возлѣ него, на зеленой полоскѣ берега, для туристовъ, только-что возвратившихся со вторыхъ пороговъ, раскинуто нѣсколько бѣлыхъ палатокъ. Завтра пароходъ идетъ въ Вади-Хальфу— послѣдній рейсъ нынѣшней зимы.

Пропилонныя террасы обнесены парапетомъ толщиной въ сажень, и чтобы что-нибудь видѣть, надо взобраться на него, лечь изъ предосторожности плашмя и выставить за край кончикъ носа. Оно и въ такомъ положеніи страшновато. Вѣтеръ (ему на этой вышинѣ дуть не заказано, онъ запрещенъ только внизу) навѣваетъ всякіе нелѣпые ужасы: то вообразишь, что порывы его обратятся въ ураганъ и, сорвавъ тебя съ высоты, раздробятъ о сосѣдніи кручи; то вспомнятся Клавдій Фролло и Квазимодо надъ кровлями Notre-Dame de Paris, и съ суевѣрнымъ содраганіемъ замѣчаешь, что у мирнаго проводника съ сережками въ верхнемъ и нижнемъ краяхъ уха и съ ожерельемъ изъ снизанныхъ тростниковыхъ кружечковъ—на одномъ глазу бородавка!.. То вздумается, что слетишь ни съ того, ни съ сего, самъ собою,—голова перевѣситъ и кувырнёшься пятками къ верху. Вдобавокъ, когда смотришь внизъ, вдоль каменнаго отвѣса, гдѣ нѣтъ ни выступа, ни выбоины, за которые можно бы, падая, уцѣпиться, становится такъ тоскливо, такъ грустно, что кажется самъ готовъ броситься въ глубину. Я поскорѣе спустился на̀-земь отъ соблазна.

Завтракали въ Трояновомъ кіоскѣ. Трусливые Берберы осторожно подбирались къ намъ, держа въ зубахъ холстъ рубахи, спереди у ворота—такъ, чтобы между рубахой и тѣломъ оставалось пустое пространство, имѣющее притуплять удары курбача. Но удары Мехмеда притупить не легко, и послѣ завтрака Нубійцы, жалобясь какъ комнатныя

собаченки, показывали другъ другу ссадины и красные рубцы на различныхъ частяхъ тѣла.

Здѣсь же распростились съ немногими путешественниками, продолжающими „trip" до вторыхъ пороговъ. Общество лишается, между прочимъ, знаменитаго мореплавателя и грубіяна Джонсона. Послѣдній къ общему изумленію обошелъ всѣхъ съ самыми задушевными рукопожатіями, а г. Кукъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи произнести прочувствованную рѣчь о томъ, какъ въ жизни люди сходятся и затѣмъ снова расходятся.

Спустившись изъ бесѣдки на высокую береговую стѣну, остающіеся, или точнѣе возвращающіеся, провожаютъ болѣе счастливыхъ товарищей возгласами, выстрѣлами, маханіемъ платковъ и салфетокъ. Пока лодка, высланная съ парохода, уплываетъ по ровной водѣ, увозя странниковъ къ бѣлоснѣжнымъ палаткамъ, я ѣду воображеніемъ въ Вади-Хальфу и до слезъ завидую Джонсону. Зачѣмъ не взялъ я билета до вторыхъ пороговъ? Неутоленная, неутолимая жажда впечатлѣній влечетъ меня далѣе и далѣе. И мнѣ кажется, не я одинъ испытываю мучительную тоску по незнакомой странѣ; на многихъ лицахъ написаны зависть и досада, прикрытыя улыбками и заглушенныя дикими криками.

Драка между Негромъ и Арабомъ отвлекла наше вниманіе отъ тягостной перспективы чужаго счастья. Поссорились они изъ-за бараньей кости и въ одно мгновеніе раскровянили другъ другу лица; каждый силился сбросить противника со стѣны; слышалось рычаніе и щелканье зубовъ; одежда летѣла клочьями. Негръ видимо одолѣвалъ; со своими длинными, хваткими руками и исковерканною отъ злобы рожей, онъ походилъ на гориллу, которая, остервенившись въ борьбѣ съ человѣкомъ, грызетъ ему плечи, щеки, горло. Происшествіе это дало сыну консула, случай обнаружить рыцарскія чувства. Завязавъ въ салфетку купленную имъ живую газель, Ахметъ Мустафа устремился на помощь къ побѣжденному, бросился сзади на Негра, скрутилъ его, закинулъ далеко въ рѣку кость раздора и, спо-

койный, какъ ни въ чемъ не бывало, вернулся бесѣдовать съ дамами.

Насъ ожидаетъ другое досадное обстоятельство: мы не будемъ „стрѣлять катарактовъ". Надъ Филами дуетъ сѣверный вѣтеръ, и хозяинъ дагабіи наотрѣзъ отказывается везти насъ въ Ассуанъ. „Кабы немного раньше—было бы можно", утѣшаетъ онъ.

Говорятъ, спускаться порогами очень весело. Переѣздъ длится менѣе часа: дагабія летитъ стрѣлою, извертываясь среди скалъ и надводныхъ камней, вы же смотрите себѣ на быстрину съ высокомѣрною улыбкой, вызванною сознаніемъ „опасности", на дѣлѣ не существующей. Но подыматься противъ теченія, если и не веселѣе, то во всякомъ случаѣ любопытнѣе: такой картины не увидишь нигдѣ. Безусловно нагіе люди съ бичевой въ рукахъ карабкаются по береговымъ скаламъ; безусловно нагая команда пихается шестами. Ежеминутно по манію рейса (лоцмана) десятки людей то съ берега, то съ дагабіи скачутъ въ воду и переплываютъ потокъ. Стономъ стоятъ изступленная брань и завываніе „дубинушки". А судно упорствуетъ, едва подвигаясь; иногда вовсе станетъ и стоитъ часы съ косностью убитаго кита, котораго сотни дикарей не въ силахъ стащить съ мѣста. Случается ѣхать трое сутокъ. Конечно, по прошествіи получаса сценой насладишься вдоволь.

Владѣлецъ судна рѣшается подвезти насъ только къ рожденію пороговъ, откуда мы направимся сухимъ путемъ въ деревню эль-Махату, чтобы тамъ взглянуть на ихъ полный разгулъ.

Съ острова вслѣдъ намъ несется унылая пѣсня: „элла, элла, эль бакшишъ", сопровождаемая скаканіемъ и хлопаніемъ въ ладоши. Кругомъ попрежнему плаваютъ люди-лягушки, имѣвшіе спуститься вмѣстѣ съ дагабіей въ Ассуанъ; путешественники погружаютъ ихъ въ воду, упирая въ осклизлыя спины конецъ трости или зонтики; вынырнувъ, амфибія ловко садится верхомъ на бревно и протягиваетъ руку за наградой. Лодочники и продавцы, получивъ отъ буфетной прислуги остатокъ нашего студня, притихли и ѣдятъ;

но вдругъ раздается слово „*ханзыръ* (свинина)!"—они приходятъ въ смущеніе; нѣкоторые суютъ свои куски въ носъ туристамъ, вѣжливо прося ихъ понюхать, не ханзыръ ли? Студень дѣйствительно оказывается ханзыромъ и выкидывается за бортъ; мы продолжаемъ плаваніе въ голодномъ молчаніи. Наконецъ, дагабія, увлекаемая теченіемъ, спѣшитъ причалить къ берегу и неудало натыкается на скалу. Мы частью прыгаемъ на сушу, частью спускаемся по упертымъ въ утесъ шестамъ, и безъ оглядки, въ перегонки, бѣжимъ къ верблюдамъ; оглядываться не на что: Нилъ, стѣсненный грудами камней, около которыхъ вода слегка журчитъ и пѣнится, чрезъ какія-нибудь двадцать саженъ пропадаетъ за крутымъ поворотомъ. То же видно и съ пропилоновъ. Выборъ верховой скотины составляетъ теперь главнѣйшій жизненный интересъ. Я намѣтилъ себѣ самаго большаго верблюда и опрометью лечу къ нему; въ то же время съ удивленіемъ замѣчаю, что многіе мущины стремительно накидываются на ословъ. Верблюдъ мой, я добѣжалъ первый!

Вотъ онъ, этотъ „корабль пустыни", столько прославляемый поэтами и путешественниками, въ натурѣ жалкій и загнанный, плохо кормленный, вовсе не чищенный, съ вытертою шерстью, съ желѣзнымъ кольцомъ, звѣрски продѣтымъ въ носовой перегородкѣ... Онъ лежитъ въ ожиданіи сѣдока и реветъ не то злобно, не то страдальчески, слюнявя бритый затылокъ вожака-мальчишки, который обѣими ногами стоитъ на его согнутой ногѣ, чтобы помѣшать ему приподняться раньше времени. Мальчуганъ не замѣчаетъ противныхъ движеній змѣевидной шеи, не чувствуетъ что горбоносая морда какъ въ щипцы взяла сзади его голову: онъ весь ушелъ въ созерцаніе новаго эль-хавагіи, посылаемаго ему судьбой.

А эль-хавагія и не взглянетъ на него, эль-хавагіи не по себѣ, эль-хавагія озабоченъ... Вотще праздные ребятишки стараются развлечь его особаго рода вальсомъ и акробатическими упражненіями на пескѣ. Напрасно блещетъ небо, и свѣтитъ солнце... Онъ только-что влѣзъ на какой-то жесткій остовъ сѣдла, прикрытый дырявымъ ковромъ, чуть

не слетѣлъ впередъ, когда животное, подымаясь, встало сначала задними ногами,—чуть не свернулся назадъ, когда затѣмъ оно водрузилось на переднихъ,—и потомъ очутился на такой высотѣ, такимъ спрымъ и одинокимъ, что ему больше ничего не остается дѣлать, какъ крѣпко-прекрѣпко держаться за деревянную луку и упорно смотрѣть между ушей исполина-животнаго.

Верблюдъ оказался тѣмъ самымъ, что̀ везъ мистера Джонсона. Послѣ первыхъ шаговъ я понялъ, почему этотъ предупредительный кавалеръ столь любезно предлагалъ его миссъ Монро: меня швыряло изъ стороны въ сторону; я едва удерживался на высокомъ горбѣ и являлъ противъ желанія образчикъ опрокинутаго маятника. По неровному пути верблюдъ шелъ такою развалистою ходо̀ю, что съ него пожалуй скатился бы и болѣе отважный наѣздникъ, чѣмъ я; поэтому, въ небезопасныхъ мѣстахъ вожакъ ссаживалъ меня на̀-земь. Чтобы заставить верблюда лечь, онъ дергалъ за привязанную къ кольцу веревку, какъ за снурокъ звонка, послѣ чего всегда слѣдовалъ гнѣвливый, мученическій ревъ, крайне непріятный для уха.

У деревни эль-Махаты, соотвѣтствующей въ торговомъ отношеніи Ассуану (мѣстечко противъ Филъ есть лишь пристань этой деревни), подъ сикоморами и ду̀мовыми пальмами, истомленные жарой туристы, погонщики и животныя напились воды изъ общаго колодезнаго бревна и затѣмъ двинулись къ Нилу мимо огромныхъ кучъ фиников, одѣтыхъ, какъ въ сѣрые чехлы, въ дорожную пыль; странно видѣть въ такомъ небреженіи сласть, продающуюся въ другихъ мѣстахъ по фунтамъ и въ коробкахъ. Здѣсь это хлѣбъ насущный, а хлѣбъ, какъ извѣстно, нигдѣ не пользуется особеннымъ почетомъ. На воздухѣ, подъ лучами солнца, плоды обратились въ тощія, сухія деревяшки.

Около эль-Махаты тѣ же каменныя груды по берегамъ, то же теченіе сильное и могучее, но безъ гула, безъ грохота, безъ плеска горныхъ рѣкъ; журчаніе струй у камней да вѣчный шепотъ пѣны не въ силахъ разбудить мертвоскалистой окрестности, и еслибы померкъ всеоживляющій

свѣтъ египетскаго неба, Нилъ выглядѣлъ бы настоящимъ Коцитомъ.

Вообще пороги не живописны и не величественны. На всемъ ихъ протяженіи нѣтъ ни одного водопада. Въ самой бурливой части, узкомъ проходѣ Бабъ-эль-Шелала, гдѣ фараоны, по пути въ Эѳіопію, въ громкихъ надписяхъ хвалились идучи на рать,—150 футовъ теченія имѣютъ лишь десятифутовой уклонъ.

Въ томъ мѣстѣ, куда мы подошли, человѣкъ двадцать деревенскихъ жителей прыгали съ высокаго камня въ рѣку, выносились на берегъ ниже, шагахъ въ пятидесяти, бѣжали нагишомъ назадъ, прыгали снова, и казалось этому круговому движенію не будетъ конца. Нѣкоторые мошенничали, окунаясь въ водоворотъ лишь тамъ, откуда прочіе выползали послѣ крушительнаго плаванія; иные мѣдные лбы не давали себѣ даже труда намочиться и какъ бы за то просили бакшишъ, что сняли съ себя рубаху или ремешковый поясъ. Голый старикъ держалъ за плечи голаго юношу и съ отеческимъ самодовольствомъ повторялъ: „Real, cataracta, Soudan, Nubia“... Оба были совершенно сухи.

На верблюдѣ я опять почувствовалъ себя одинокимъ сиротой отобщеннымъ отъ прочаго міра. Когда, свернувъ вправо, долинкой, выѣхали на утрешній путь, я пробовалъ, но такъ же безуспѣшно какъ мистеръ Джонсонъ, промѣнять верблюда на осла. Пришлось до самаго Ассуана маяться на „кораблѣ пустыни“ и выносить его боковую и килевую качку. Подъ конецъ я немного попривыкъ: пересталъ держаться за луку и даже клалъ ноги кренделемъ, по-арабски, однако въ итогѣ жестоко поплатился за страсть къ новымъ впечатлѣніямъ: мои икры, бедра, тѣло кругомъ стана и плечо, чрезъ которое висѣла на ремнѣ нубійская тыква для воды, были растерты въ кровь.

Въ наше отсутствіе на пароходахъ случилось несчастіе: дагабія подъ американскимъ флагомъ, примѣченная мною изъ Филъ, благополучно миновавъ пороги, съ разбѣга налетѣла на *Саидіе*, и двое матросовъ упали съ ея мачтъ на нашу палубу: одинъ проломилъ крышу кухонной рубки и

попалъ въ корзину съ посудой—онъ сильно расшибся и изрѣзался (Un Arabe, vous savez, ça ne compte pas, запальчиво говорилъ Анджело, mais l'Americain doit me payer, une indemnité pour la vaisselle); * другой убился на мѣстѣ размозживъ голову о дверь моей каюты.

Взоръ напрасно искалъ слѣдовъ этой близкой смерти, столь же неожиданной, сколько и безразличной для всѣхъ. Все уже было прибрано, крыша кухни задѣлана, полъ вымытъ, покойнаго успѣли похоронить. ** Лишь на нижней половинѣ моей двери выступало широкое, едва замѣтное свѣтлорозовое пятно.

„C'était ici la cervelle", пояснилъ буфетчикъ; „On a lavé, mais ça ne s'en va pas" ***.

И чрезъ полчаса всѣ забыли объ убитомъ и о раненомъ, и по старому, безпечально потекла наша пароходная жизнь.

12 февраля.

Вчерашній день, полный разнородныхъ ощущеній, заключился для меня великолѣпною ночью, проведенною безъ сна подъ звѣзднымъ небомъ. Луксорская катастрофа съ собакой несовсѣмъ охладила меня къ африканскимъ охотамъ, и послѣ обѣда, несмотря на усталость, я отправился за городъ караулить звѣрей. Еще утромъ условился я съ Негромъ, принесшимъ на пристань трехъ небольшихъ поджарыхъ длинноухихъ зайцевъ (ихъ уши длиннѣе, чѣмъ у нашихъ, а мѣхъ, подобно опероненію здѣшнихъ ласточекъ, подходитъ подъ цвѣтъ пустыни). **** Вечеромъ онъ явился за мною въ

* „Арабъ конечно не считается! Американецъ долженъ уплатить мнѣ вознагражденіе за посуду".

** По понятіямъ мусульманъ душа умершаго не можетъ отдѣлиться отъ тѣла прежде его погребенія, и потому правовѣрные со спѣхомъ хоронятъ своихъ мертвыхъ; въ Стамбулѣ покойниковъ несутъ почти бѣгомъ.

*** „Тутъ былъ мозгъ; дверь мыли, но пятно не сходитъ".

**** Особый видъ *lepus aegyptius*.

каютъ-кампанію, неся на одномъ плечѣ кремневую пищаль, казенная часть которой въ предохраненіе отъ сырости была обвязана тряпкой,—а на другомъ—большую желѣзную кирку, на случай еслибы пришлось добивать подстрѣленную добычу. Это былъ сухой, маленькій каштановый Арапъ въ длинномъ одѣяніи халатнаго покроя и увѣсистой бѣлой чалмѣ: самоувѣренно-медленные и спокойные пріемы обличали въ немъ царя одного изъ племенъ внутренней Африки. Мы отправились самъ-другъ. Сторожа̀, спавшіе поперекъ мостовой, подъ уличными воротами, узнавъ его, свободно насъ пропускали. Минутъ черезъ пять мы уже пробирались за городскою околицей среди холмовъ Сіенскихъ развалинъ. Тутъ находился колодезь, доселѣ не разысканный, дно котораго, по свидѣтельству древнихъ, въ полдень солнцестоянія было все освѣщаемо солнцемъ,—обстоятельство, приведшее Страбона, Сенеку и Плинія къ ошибочному заключенію, будто Ассуанъ стоитъ на тропикѣ. Въ дѣйствительности онъ находится подъ 24° с. ш., то-есть сѣвернѣе тропика Рака на $^{2}/_{3}$ градуса, и надо, слѣдовательно, полагать, что колодезь не былъ отвѣсенъ. Неправильно стало-быть и землеизмѣреніе Эратосѳена, основанное на вычисленіи при лѣтнемъ солнцестояніи длины полуденной тѣни въ Александріи въ связи съ совершеннымъ будто бы отсутствіемъ ея въ Ассуанѣ.

Однако я слишкомъ распространяюсь объ „отсутствіи тѣни“—и тѣмъ болѣе не кстати, что въ настоящую минуту господствуетъ обиліе всевозможныхъ тѣней, сливающихся въ непроницаемую тьму. Я не могу признать мѣстности, хотя разумѣется видѣлъ ее днемъ. Сначала мы, казалось, шли по дорогѣ въ Филы, потомъ свернули влѣво и спустились ложбиной на продолговатую песчаную полянку; съ одной стороны къ ней примыкаетъ поле, съ другой волнообразная каменистая пустыня. Поляна, едва брезжущая бѣлизной песка, вся окружена одинаковою темною массой, и о полѣ догадываешься лишь по запаху какихъ-то цвѣтовъ, да по едва уловимому шелесту растущей травы. Мы протянулись рядомъ на краю нивы въ общей засадѣ, подобной тѣмъ, что̀

скрывали меня и Хаиреддина въ устьѣ одного изъ ѳиванскихъ ущелій. Легли мы ничкомъ, ногами къ полю, головой къ пустынѣ (насъ отдѣляла отъ нея ширина песчаной пелены). Чтобы ружья не гремѣли о низенькую застѣнь, эѳіопскій владыка обложилъ ее спереди свернутымъ въ жгутъ халатомъ. Затѣмъ, развивъ чалму и оставшись безъ ничего, спряталъ длинный обмотъ подъ себя, привелъ руки въ положеніе переднихъ лапъ сфинкса и окаменѣлъ въ своемъ логовѣ.

Теперь это уже былъ не африканскій царь, а обломокъ древне-египетскаго храма, изваяніе изъ чернаго гранита, безличное, безстрастное, угловатое и аляповатое, сглаженное столѣтіями и покрытое прахомъ временъ. Будь вмѣсто меня другой такой же обломокъ, звѣри навѣрно наткнулись бы на засаду, но я былъ человѣкъ и не могъ лежать смирно: въ ямѣ, подъ слоемъ пыли, находилось много мелкихъ камешковъ, мертвившихъ локти и мозаикой впивавшихся въ тѣло, какъ въ глину. Чтобы не кричать отъ боли, надо было постоянно мѣнять положеніе, а при всякомъ поворотѣ, какъ бы осторожен онъ ни былъ, камешки слабо скворчали, и звукъ этотъ удерживалъ дичь въ почтительномъ разстояніи. Если я, хотя бы въ теченіе минуты, не шевелился, кругомъ уже зараждалась и творилась воровская жизнь, слышалось какое-то чиханіе, щелканье и голодное мяуканіе; тѣни, отдѣлившись отъ темной полосы, въ ровномъ рѣяніи безшумно сновали по песку, и вдругъ, при новомъ скрипѣ подо мною камешка, какъ стая испуганныхъ рыбъ, проворно уплывали во мракъ; все стихало. Раза два я хотѣлъ выстрѣлить.

„Ла!“ * произносило каменное изваяніе: это значило — по шакаламъ выпускать заряда не стóитъ, слѣдуетъ дождаться чего-либо покрупнѣе.

И впрямь мы дождались... Сзади послышалось шуршаніе раздвигаемыхъ стеблей, мѣрные шаги, сапѣніе... Что-то большое и грузное направлялось полемъ въ нашу сторону.

* Отрицаніе „нѣтъ“

Вотъ шелестъ травы прекратился, когти стучатъ по камню... Оно вышло изъ нивы, оно стоитъ надо мной у самыхъ моихъ пятокъ, шумно нюхаетъ воздухъ и порою издаетъ то отрывистое рыканье или хрюканье, съ которымъ невольно связывается представленіе о желѣзной клѣткѣ... Еще дватри шага, и звѣрь долженъ очутиться противъ насъ на свѣтлѣющейся полянѣ. Полумертвый отъ волненія, я не оглядываюсь, чтобы не испугать его, и съ трепетнымъ, нѣмымъ вопросомъ смотрю на товарища. Надъ сфинксомъ протекло еще нѣсколько вѣковъ; онъ уже не черный, онъ посѣрѣлъ отъ времени и принялъ цвѣтъ пыли, въ которую обрушился много тысячелѣтій назадъ; только полузакрытые глаза бѣлѣютъ бѣлками, зрачки же, пристальные и зоркіе какъ у кошки, ушли въ самый уголъ вѣкъ. Я перевелъ взглядъ на песокъ и жду въ какой-то агоніи...

Еслибы прошлое вернулось съ его очарованіями, еслибы воскресли давно схороненныя чувства, мечты и дорогія сердцу существа, еслибы всѣ мои завѣтныя желанія сбылись въ одинъ мигъ, или—напротивъ—еслибы будущее развернулось предо мною мрачное и ужасающее,—я бы не вздрогнулъ, не двинулся, не моргнулъ... Мнѣ было все равно: я былъ звѣрь, который съ замираньемъ сердца подстерегалъ другаго звѣря; я былъ богъ, который предался любимой страсти со всѣмъ пыломъ безсмертной души...

Подозрительное нюханье и фырканье раздавалось все въ той же точкѣ надъ моими ступнями; со стороны сосѣда дуло пищали понемногу всползало ко мнѣ на спину; самъ я наводилъ ружье на то мѣсто, гдѣ по соображеніямъ моимъ долженъ былъ показаться неизвѣстный звѣрь... Но вдругъ, чѣмъ-то встревоженный, онъ быстро ушелъ назадъ, шумя травами. Безъ сомнѣнія мнѣ было невыразимо досадно, какъ въ Ѳивандѣ, когда я собирался громоздить другъ на дружку горы чтобы лѣзть на войну съ небесами; но съ другой стороны чувство душевнаго спокойствія, нахлынувъ волной, всецѣло охватило меня, и я былъ радъ отдохнуть: напряженное состояніе не могло длиться долѣе, оно переходило въ несносную боль.

„Дэба“, тяжело вздохнувъ, промолвилъ безжизненный камень.

Въ это время черезъ поляну прошли два человѣческіе образа; вѣроятно гіену обратилъ въ бѣгство ихъ англійскій разговоръ, урывки котораго только теперь долетѣли до насъ; въ отдаленіи, слѣдомъ, шла еще двуногая фигура.

Отдавшись на произволъ воображенія, я могъ бы оживить въ этомъ мѣстѣ свой разказъ эпизодомъ свиданія между миссъ Поммерой и мистеромъ Джонсономъ. Послѣднему не трудно было бы придти изъ Филъ пѣшкомъ. Я могъ бы также узнать ревниваго Фанъ-денъ-Боша, слѣдящаго за влюбленными съ кинжаломъ въ рукѣ. Но подобныя догадки имѣли бы столь же мало основанія, какъ догадки князя Вяземскаго о происхожденіи его „Тропинки“, * и еслибы блеснула яркая зарница или дневной свѣтъ внезапно осіялъ землю, быть-можетъ, вмѣсто счастливой молодой четы и злополучнаго ревнивца, я увидалъ бы Ирландца, любующагося въ темнотѣ на свою Ирландку, а за ними мирнаго ученаго, открывающаго въ одиночествѣ новые кругозоры мысли.

Такъ или иначе, гіена скрылась, шакалы, повидимому, тоже распугнутые, мяукали гдѣ-то вдали, подъ самымъ городомъ, и упованіе на удачу покинуло меня. Я принялъ болѣе удобную позу, протянулся на спинѣ головой къ нивѣ, ногами къ песчаной полянѣ, сплелъ пальцы подъ затылкомъ и отрѣшился ото всякихъ охотничьихъ помысловъ. Одно ружье, высунувшись на половину за ограду, продолжало стеречь ночныхъ станичниковъ.

На мгновеніе задумался я, самъ не знаю о чемъ, и уже что-то чудное происходитъ во мнѣ, я испытываю неземное блаженство; исчезла самая память о какихъ бы то ни было треволненіяхъ, забыты мелочныя терзанія тщеславія и самолюбія; внутри меня, какъ при отъѣздѣ изъ Каира, звучитъ пѣснь безъ звуковъ и слагается въ поэму внѣ времени и мѣста.

---

* Заглавіе извѣстнаго стихотворенія, начинающагося словами:

„Кто тебя моя тропинка
Проложилъ здѣсь въ первый разъ.“

Но что же это за *поэма безъ рѣчей?*

Если нѣтъ словъ для ея выраженія, то она уже не мысль...

Такъ неужли я собственно ни о чемъ не думаю; неужли вся моя поэма не что иное, какъ ощущеніе мозговаго отдыха?

Нѣтъ, быть не можетъ! Конечно, созерцая необъятное пространство, гдѣ въ волшебной неподвижности

„вокругъ міровъ вращаются міры",

я безсознательно читаю книгу вселенной, недоступную человѣческому уму при обыкновенномъ процессѣ мышленія, и душа моя любуется всѣмъ твореніемъ съ высоты птичьяго полета. Конечно, на краткій промежутокъ мнѣ сама собою раскрывается та загадка, надъ разрѣшеніемъ которой безплодно трудились всякія головы

Häupter in Hieroglyphenmützen,
Häupter in Turban und schwarzem Barett,
Perückenhäupter und tausend andre
Arme, schwitzende Menschenhäupter! *

Конечно, посѣщаютъ меня дивные образы, неосязаемые и дѣвственные, коихъ до сихъ поръ не провидѣлъ ни одинъ художникъ, кои не одѣлись еще въ краски, не воплотились въ мраморѣ и не вылились въ мірѣ ни словами, ни звуками...

Спалъ ли я на яву въ обаяніи молодости и поэзіи или носился мечтой надъ бездной мірозданія, — я во всякомъ случаѣ переживалъ въ темнотѣ самый свѣтлый изъ свѣтлыхъ праздниковъ безпечнаго моего странствованія. Много часовъ покоился я навзничь безъ движенія. Камешки больше не тревожили меня, я къ нимъ прилежался. Надо мною блестѣли звѣзды, одна другой краше и таинственнѣе. Въ ночной тишинѣ можно было уловить чуть слышный ропотъ пороговъ, схожій съ глухимъ урчаніемъ подпочвеннаго ключа. Позади меня горы Ассуана (я смотрѣлъ на нихъ, запрокинувъ голову) проводили своею незыблемой чертой рѣзкій рубежъ между черною землею и темносинимъ небомъ...

---

* Heine *Fragen.* „Головы въ іероглифныхъ колпакахъ, головы въ тюрбанахъ и черныхъ беретахъ, головы въ парикахъ и тысячи другихъ бѣдныхъ потныхъ человѣческихъ головъ".

Но тутъ внезапно совершилось нѣчто весьма странное: одна изъ горъ, самая крутая и высокая, пошатнулась, измѣнила мгновенно очертанія и, выросши до полярной звѣзды, обрисовалась недвижная въ новомъ своемъ устоѣ; за такимъ вулканическимъ переворотомъ не послѣдовало однако ни землетрясенія, ни ударовъ подземнаго грома; окрестность спокойно спала...

Недоумѣніе мое длилось секунду. Я смигнулъ, и оптическій обманъ разоблачился: то, что̀ казалось мнѣ главною возвышенностью на горизонтѣ было чѣмъ-то живымъ, сравнительно не огромнымъ, но стоявшимъ отъ меня въ двухъ шагахъ. Оно качнулось, надвинулось еще ближе, и я увидалъ надъ собою—гіену! Книга вселенной, разгадка жизни, не воплощенные идеалы,—все навсегда задернулось для меня непроницаемою завѣсой. Весь я замеръ, обратившись съ ногъ до головы въ одинъ застывшій порывъ. Я различалъ звѣря въ мельчайшихъ подробностяхъ, видѣлъ широкую поду̀стцую * харю съ настороженными ушами, щетинистый сутулый хребетъ, мускулистыя лапы, которыя могъ бы схватить, не двинувшись съ мѣста,—и не былъ въ состояніи шевельнуть пальцемъ.

Пока она, хрюкая, пыхала мнѣ въ лицо смѣшанною вонью псины, нашатырнаго спирта и падали, на меня снова тихонько̀ взбиралась пищаль, въ этотъ разъ на грудь. Еще мгновеніе—и красная молнія сверкнула подъ носомъ, грянулъ оглушительный выстрѣлъ, я задохся въ пороховомъ дыму.. Однако сразу угадалъ я промахъ; чуткое ухо поймало на лету звенящій свистъ пули, умчавшейся въ пространство. Негръ, не оглядываясь, просунулъ подъ мышку свое крѣпостное орудіе и выстрѣлилъ на звукъ.

Упругій, исполненный жизненныхъ силъ, вскочилъ онъ на ноги, стряхнувъ съ себя пыль и плѣсень столѣтій. Сфинксъ исчезъ, но и прежняго царя я не узнавалъ. Его величество очевидно забылъ свой санъ: въ подергиваніяхъ всего тѣла

* Поду̀стцею называется собака у которой нижняя челюсть короче и вообще меньше верхней.

махалъ онъ надъ головой ружьемъ и киркой и долго, захлебываясь въ проклятіяхъ, вопилъ и визжалъ какъ поросенокъ.

13 февраля.

О вчерашнемъ днѣ я ничего не занесъ въ свой дневникъ, да и заносить-то было почти нечего: пароходы съ утра пустились въ обратный путь, мимо знакомыхъ мѣстъ утратившихъ для насъ всякую прелесть; пассажиры ходили какъ въ воду опущенные, страдая обычнымъ Katzenjammer'омъ туристовъ—тоской по неизвѣданнымъ странамъ, отъ которыхъ удаляешься; Ахметъ Сафи утѣшалъ меня перспективой поѣздки въ До̀нголу „когда-нибудь"...

Вечеромъ, миновавъ Мата̀ну, славящуюся садами (у одного губернатора ихъ четыре, всѣ превосходно содержимы), остановились въ Луксорѣ. У консула насъ ожидала всегдашняя фантазія. Танцовщицы и музыка были тѣ же, и представитель многихъ державъ съ такою же торжественностью наблюдалъ за благочиніемъ вечеринки; впрочемъ теперь бдительность его не вполнѣ достигала цѣли: на прощаніе все безъ совѣсти просило бакшишъ.

„Бакшишъ!" подъ звуки зурнъ презрительнымъ шепотомъ повелѣвала „царица Савская", точно дарила монаршею милостью.

„Бакшишъ"! дѣтскимъ голоскомъ пѣла мнѣ въ ухо шаловливая плясунья, не переставая сѣменить ногами и дрожать всѣмъ тѣломъ.

„Бакшишъ"! лепетала сказочная красавица, постукивая кастаньетами... Она смотрѣла мнѣ въ глаза, она наклонялась ко мнѣ,—и въ ея устахъ ненавистное слово звучало какимъ-то признаніемъ въ любви.

„Бакшишъ! бакшишъ"! шипѣли и ляскали Негритянка и вѣдьмы.

Когда, подойдя къ сидѣвшимъ на полу музыкантамъ, я разсматривалъ двуструнную скрипку изъ скорлупы кокосоваго орѣха и особаго устройства барабанъ — кувшинъ съ

пробитымъ дномъ, затянутый кожей, — внизу чьи-то руки осторожно ловили меня за ноги, за полы платья, — чьи-то губы цѣловали мои колѣна, и въ воздухѣ носилось слово „бакшишъ" такое же тихое, едва слышное, какъ вѣяніе теплаго вѣтерка, который врывался въ открытыя окна и колыхалъ бумажные фонари подъ потолкомъ.

Часть нынѣшняго дня проводимъ среди Карнакскихъ развалинъ. Погонщики, водоносы, продавцы поддѣльныхъ антиковъ, мальчики и дѣвочки безъ опредѣленныхъ занятій встрѣчаютъ насъ какъ давнишнихъ пріятелей. Изъ Шейхъ-Абдъ-эль-Гурна прибыли Абдуррахманъ и Хайреддинъ; вѣроломная Фатьма, болѣе не вызывающая во мнѣ сердечнаго трепета, тоже появилась на восточномъ берегу. Всѣ вымогаютъ милостыню.

Предъ отплытіемъ пароходовъ зашелъ къ Мустафа-Агѣ. За вторымъ чубукомъ и третьею чашкой кофе, онъ предложилъ мнѣ на память крошечнаго мандриля изъ царскихъ гробницъ, котораго съ четверть часа не выпускалъ изъ пальцевъ и держалъ у рванаго носа, распространяясь въ туманной рѣчи о томъ, что не надо забывать друзей, что подарки поддерживаютъ глубочайшее почтеніе и таковую же преданность, что рекомендованный имъ Абдуррахманъ оказался хорошій охотникъ и истинный другъ...

Я снялъ со шляпы купленный въ Бейрутѣ полосатый шелковый платокъ и отдалъ его мошеннику-проводнику, увязавшемуся за мною и сидѣвшему тутъ же возлѣ большой книги. Консулъ смутился и замолчалъ. Чувствуя нѣкоторую неловкость, я произнесъ ни къ селу, ни къ городу нѣсколько непослѣдовательныхъ словъ о погодѣ, заявилъ что непремѣнно поставлю г. Л. въ извѣстность о радушіи луксорскихъ властей, спросилъ, какъ поживаютъ дѣти, но Мустафа не могъ придти въ себя и долго моргалъ тусклыми глазами, переводя ихъ съ меня на Абдуррахмана, съ Абдуррахмана на платокъ... Мнѣ казалось, онъ смотритъ на меня съ упрекомъ, на истиннаго друга съ завистью и удивляется русской непонятливости.

Губернаторъ (которому я тоже сдѣлалъ visite de congé), отвѣчая на изъявленія благодарности по поводу его ласковаго пріема, выразился только о прочности нашихъ кожаныхъ издѣлій и похвалилъ мою дорожную сумку.

Въ послѣдній разъ шелъ я песчаною площадкой отъ столповъ Луксора къ берегу рѣки, посылая прощальный привѣтъ всѣмъ чудесамъ великой столицы, а кругомъ гремѣлъ хоръ всякихъ пожеланій, „катархераковъ" и неосмысленныхъ криковъ.

„Бакшишъ, эль-хавагія", твердилъ голосъ, знакомый и назойливый, какъ нота, безъ конца повторяющаяся въ напѣвѣ.

Я не останавливался.

— Cataracta, Soudan, Khartoum, Nubia...

Столь необычное здѣсь восклицаніе невольно заставило меня обернуться: въ грязной толпѣ Арабовъ слѣдовалъ щеголеватый Ахметъ Мустафа, благополучно вернувшійся подъ родительскій кровъ; это онъ проказничалъ, неотвязчиво приставая къ туристамъ.

— Что здоровье питомицы? спросилъ я его. Весь вчерашній день молодой человѣкъ просидѣлъ въ каютѣ, нянчась съ больною газелью.

— Такая жалость, издохла! отвѣчалъ онъ,—а въ будущемъ году я взялъ бы за нее хорошія деньги... Мнѣ не разъ... Однако, что же? перебилъ самого себя юноша,—до свиданія! бакшишъ, эль-хавагія!

Потѣхи ради я подалъ ему піастръ.

— Каиро, каиро! воскликнулъ онъ, возвращая монету и затѣмъ, перемѣнивъ тонъ, какъ-то вскользь освѣдомился, видѣлъ ли я подзорную трубу, которую подарилъ ему Фанъ-денъ-Бошъ.

Издали, съ того берега, смотрѣли на насъ колоссы, и въ эту минуту мнѣ почудилось, что я вполнѣ разгадалъ ихъ: они вовсе не ждали кончины міра, они тоже просили бакшишъ...

14 февраля.

Возвратное путешествіе внизъ по теченію совершается головоломно быстро.

Сегодня мы еще дѣлаемъ экскурсію въ Абидосъ, но затѣмъ до самаго Каира не будемъ останавливаться иначе какъ для ночевки. Да и нынѣшняя прогулка почти не задерживаетъ пароходовъ: пока изъ Беліани мы направляемся сухимъ путемъ къ Абидосу, они идутъ порожнякомъ въ Джирджс, гдѣ мы снова на нихъ садимся, вернувшись съ осмотра другою дорогой. „Время—деньги", и все такъ разчитано, чтобъ его не тратить попустому.

Въ Беліани я отказался отъ осла и, захвативъ ружье, пошелъ пѣшкомъ по нивамъ. Съ первыхъ же шаговъ застрѣлилъ красивую крокодилову птицу. Родственница нашему чибезу, она меньше и стройнѣе его. Цвѣта ея траурные: грудь чернобархатная съ бѣлымъ ошейникомъ, крылья сверху черныя, снизу бѣловатыя; на локоткахъ ихъ, то-есть на первомъ отъ плеча сгибѣ торчатъ впередъ длинныя твердыя какъ сталь шпоры, оружіе пригодное развѣ соколу для его охотъ въ поднебесьи и повидимому неумѣстное у болотной птицы. Пускается ли оно въ ходъ на поединкахъ, когда споръ идетъ о сердцѣ траурной красавицы или же дѣйствительно, какъ увѣряетъ Анджело, назвавшій мнѣ птицу, служитъ ей своего рода громоотводомъ при рискованныхъ ея прогулкахъ въ раскрытомъ зѣвѣ крокодила гдѣ, по Геродоту, она исправляетъ должность зубнаго врача, выковыривая изъ зубовъ остатки пищи. Хотя Эзоповскій волкъ посовѣстился откусить голову журавлю, вытаскивавшему у него изъ горла кость, однако, надо полагать, что крокодилъ, стоящій неоспоримо на низшей степени нравственнаго развитія, съ удовольствіемъ полакомился бы своимъ пернатымъ дантистомъ, еслибъ острые шипы крыльевъ не грозили наколоть ему нёбо.

Четверо наемныхъ Арабовъ, идя со мной врядъ, топчутъ сочные полевые злаки. Черезъ каждые три шага изъ-подъ

чьихъ-либо ногъ съ особымъ хрустомъ и слабымъ мурлыкающимъ посвистомъ срывается крупный, жирный перепелъ. На зимніе мѣсяцы перепела улетали далеко за тропикъ, къ самому экватору; теперь же съ возвращеніемъ жаркихъ дней, какъ саранча, наводнили южную часть долины. Подъ вечеръ въ небо несется ихъ влюбленный бой. Собственно они пробуютъ голосъ, настоящую же пѣснь перепелиной любви услышитъ только русская весна. Я стрѣляю довольно неудачно, хотя и съ азартомъ (убилъ всего 14 штукъ). Стрѣльба не такъ-то легка: рыхлый и мягкій грунтъ встрѣчается рѣдко, большею частью приходится ковылять по жесткимъ комьямъ, и передъ выстрѣломъ не успѣваешь твердо установиться на ногахъ, которыя часто застрѣваютъ въ трещинахъ разсохшейся пахоты и пребольно ущемляются въ щиколкахъ.

Иду я лупинами, ячменями и пшеницей; первые такъ густы, что сквозь нихъ насилу можно продраться, хлѣба же темнозеленые и пышные, только-что заколосившіеся, достаютъ уже до пояса, а еще недавно всходы ихъ едва пробивались, подобные нашимъ осеннимъ озимямъ. Диву даешься, глядя, какъ быстро выползаетъ изъ нѣдръ земли растительное царство, и какъ спѣшитъ оно развернуться на славу въ царствѣ свѣта и тепла. [30])

Встрѣчные крестьяне благодушно относятся къ моей облавѣ, несмотря на производимое ею опустошеніе, и на наше „сейламъ алейкумъ", неизмѣнно отвѣчаютъ дружелюбнымъ „алейкумъ селамъ". * Въ этой богатой и нищей странѣ такого рода „droit du seigneur" въ полной силѣ признается за туристомъ—быть-можетъ потому, что, несмотря на всю производительность ежегодно обновляемой почвы, въ его бакшишахъ Арабы видятъ болѣе надежный источникъ дохода, чѣмъ въ урожаяхъ, оплачиваемыхъ непомѣрными податями.

---

* Всегдашнее на Востокѣ привѣтствіе собственно „эсъ-селаму алейкумъ" и „ве-алейкумъ эсъ-селаму"—„да снидетъ на васъ благодать", „да почіетъ на васъ благословеніе".

Арабатъ-эль-Матфунъ, деревня на мѣстѣ бывшаго Абидоса, расположена въ пескахъ, за рубежомъ воздѣланнаго края, верстахъ въ двѣнадцати отъ Белліани. Абидосъ, древнѣйшая изъ метрополій Египта, считался мѣсторожденіемъ Мены и въ числѣ другихъ городовъ некрополемъ Озириса. По легендѣ тѣло Озириса было разрублено Тифономъ на четырнадцать частей и разбросано по всему краю. Изида во всякомъ мѣстѣ, гдѣ находила обрубки бога, воздвигала могильный памятникъ.

Отъ развалинъ посѣщавшихся со временъ римскаго владычества осталось два храма—Сети I и Рамзеса II—и цѣлый холмъ обломковъ.

Великолѣпный храмъ Сети I, воздвигнутый въ честь умерщвленнаго бога, былъ издавна засыпанъ мстительнымъ богомъ убійцей, и большаго труда стоило опростать отъ песку обширныя помѣщенія. Характеръ зданія настолько отличенъ отъ обще-египетскаго, что трудно опредѣлить, гдѣ портикъ, гдѣ наосъ, гдѣ секосъ. Стѣны испещрены всякими миѳологическими, географическими и историческими надписями и картинами.

Храмъ Рамзеса II почти незамѣтенъ: карнизы его еле выглядываютъ изъ земли. Судя по давнимъ описаніямъ были здѣсь и богатыхъ цвѣтовъ рисунки, и архитектурныя украшенія изъ порфира и сіенита, и святое святыхъ, обложенное восточнымъ алебастромъ. Ничего этого не сохранилось: ученые и туристы, что̀ сумѣли, ободрали, а чего взять не могли, на томъ выгравировали исполинскими буквами свои фамиліи.

Холмъ обломковъ Комъ-эсъ-Султанъ, представляетъ бывшее Абидосское кладбище. Здѣсь надъ усыпальницей Озириса вѣками нагромождались другъ на друга гробницы знатныхъ Египтянъ (маста́бы). [31]

Въ главной залѣ храма Сети, въ то время какъ мы закусывали подъ надзоромъ четырехъ прикомандированныхъ къ намъ солдатъ, я имѣлъ довольно непріятное объясненіе съ Мехмедомъ. Арабовъ сюда не пускаютъ, даже облавщиковъ моихъ вытолкали, и заведеннаго акомпанимента по-

прошайничествъ и всякихъ торговыхъ предложеній на этотъ разъ не было; такимъ образомъ Мехмеду некого было бить,— и вотъ, пошептавшись съ буфетчикомъ, онъ послѣ минутнаго колебанія подошелъ ко мнѣ.

— Кто вамъ позволилъ раздавать нашу провизію? дерзко спросилъ инквизиторъ (я дѣйствительно вынесъ облавщикамъ по куску хлѣба, что кажется, не ускользнуло отъ наблюдательнаго Анджело);—сами ѣшьте сколько хотите, но кормить всякое животное не смѣйте!

Сцена заключилась тѣмъ, что M. Alexandre, агентъ, замѣнившій намъ господина Кука, выхватилъ кнутъ у моего соперника и осыпалъ его градомъ ударовъ. Надо отдать справедливость Мехмеду: если онъ любитъ повелѣвать, то умѣетъ и подчиняться. Скрежеща зубами отъ сдержанной злобы, онъ безъ ропота волчьею походкой удалился изъ храма.

— Pachol vonn bolvann! кричалъ ему вслѣдъ другой мой заступникъ, Фанъ-денъ-Бошъ, какъ видно хорошо запомнившій „арабское" мое восклицаніе.

15 февраля.

Въ Сіутъ, мѣсто ночевки, прибыли за нѣсколько часовъ до солнечнаго захода, и я еще разъ прошелся съ ружьемъ по полямъ. Впрочемъ, здѣсь перепеловъ почти не было; *Саидіе* и *Бехера* уже оставили ихъ за собой: въ стремительномъ плаваніи мы настигаемъ отсталыхъ жаворонковъ и скоро обгонимъ самою весну.

Одновременно съ нами пришелъ въ Сіутъ пароходъ изъ Каира, послѣдній въ этомъ году (не принимающій пассажировъ въ Вади-Хальфу). Онъ привезъ почту. Я получилъ нѣсколько писемъ съ родины и обрадовался имъ, какъ морякъ на пути кругомъ свѣта; однако долго не распечатывалъ, стараясь разобрать, что̀ во мнѣ происходитъ. Порою не только чужая, но и своя душа—потемки. Къ моей радости какъ будто примѣшивается нѣкоторое недовольство... Не отъ того ли, что безграничный эгоизмъ туриста потревоженъ истиннымъ чувствомъ? И зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ

вѣетъ на меня иною, далекою, дорогою жизнью, воспоминанія о которой, какъ нѣчто излишнее, были такъ удобно засунуты въ самый темный уголокъ души? Зачѣмъ подъ знойнымъ небомъ Египта пашетъ мнѣ въ лицо морозною, снѣговою Россіей съ ея широкими святками, утреннимъ благовѣстомъ и вечернимъ катаньемъ въ троечныхъ саняхъ? Къ чему встаетъ эта вереница неясныхъ, призрачныхъ картинъ, вызывающихъ сладостное томленіе въ груди? Грязные куверты, прошедшіе чрезъ столько рукъ, исписаны милыми почерками; сверху надъ французскимъ стоитъ русскій адресъ; наклеены русскія марки... Самое позднее письмо отъ 17 января, а есть одно отъ 21 декабря. Надо отвѣчать, скорѣе отвѣчать! Беру перо и исписываю нѣсколько листовъ. Затѣмъ самъ отвожу на почту свои посланія: скачу по шоссированной плотинѣ ко главнымъ воротамъ, въѣзжаю въ городъ (послѣ Кэнэ и Ассуана онъ кажется мнѣ столицей) и, остановившись у окошечка съ надписью „administration des postes", покупаю египетскія марки; на нихъ изображены Большія Пирамиды и голова сфинкса.

Вечеромъ каютъ-компанія *Саидіе* наполнилась выходцами съ другихъ пароходовъ и съ дагабій: по случаю воскресенія, Reverend gentleman снова говорилъ проповѣдь, хорошо обдуманную и гладко выраженную, но приближавшуюся болѣе къ магистерской диссертаціи, чѣмъ къ христіанскому слову. Бѣлокурый нашъ насторъ поучалъ, что общеніе между людьми уподобляетъ ихъ другъ другу въ умственномъ, нравственномъ и даже физическомъ отношеніи. Его смѣнилъ американскій миссіонеръ, пробывшій много лѣтъ въ Сіутѣ и служащій отчасти живымъ подтвержденіемъ приведеннаго тезиса: загорѣлый, испитой, съ безпокойнымъ взглядомъ черныхъ глазъ, онъ очень напоминалъ переряженнаго Араба. Рѣчь его—не проповѣдь и не диссертація — была бѣглымъ отчетомъ собственной миссіонерской дѣятельности и вообще того состоянія, въ какомъ находится протестантская церковь въ Египтѣ. Говорилъ онъ о мѣстныхъ американскихъ школахъ, изъ коихъ ватагами убѣгаютъ ученики, о протестантскомъ храмѣ близь Луксора, построенномъ

шесть лѣтъ тому назадъ, и въ которомъ до сихъ поръ служеніе не разрѣшено, о дикой нетерпимости полновластныхъ шейховъ, преслѣдующихъ феллаховъ-протестантовъ и т. п. Неуклюже размахивая руками, онъ призывалъ Бога и людей на помощь къ угнетеннымъ христіанамъ, и была какая - то неотразимая сила въ его мольбѣ; звучала въ ней крѣпкая вѣра, сознаніе праваго дѣла, самоотверженіе фанатика...

Позже, когда общество пѣло въ каютъ-компаніи гимны, и молодые свѣжіе голоса, вырываясь наружу, неслись далеко въ безмолвную ночь, а надъ ними, точно царь надъ подданными, господствовалъ, увлекая ихъ за собою, голосъ неизвѣстной, прекрасной какъ серафимъ Англичанки,—миссіонеръ казалось прозиралъ небесное видѣніе, и какъ язычникъ уже обращенный, но еще весь черный отъ грѣха, молился на нее, не смѣя возвести очей.

16 февраля.

Прощай ослѣпительный Нилъ, убогія деревушки въ зелени пальмъ и акацій, ширь и гладь благоухающихъ нивъ, хребты дальнихъ горъ съ пещерами, не то птичьими гнѣздами въ отвѣсахъ; прощай прелестное однообразіе, объятое египетскимъ небомъ и обданное воздухомъ пустыни: завтра приходимъ въ Каиръ. Впослѣдніе предаемся мы нѣгѣ нашей поѣздки, этого морскаго путешествія безъ каютнаго запаха, безъ бурь, безъ качки, безъ дождя и холода.

Но между нами есть совсѣмъ несчастный человѣкъ. Онъ ничѣмъ не наслаждается и смотритъ убійцей, осужденнымъ на смертную казнь.

Бѣдный Фанъ-денъ-Бошъ! Съ того злополучнаго дня, какъ онъ подарилъ Американкѣ собачій мѣхъ, отношенія ихъ окончательно испортились. Давно ли съ такимъ увлеченіемъ охотились они вмѣстѣ? давно ли, сидя рядомъ въ качалкахъ и позабывъ на колѣнахъ ружья, смотрѣли другъ другу въ глаза—и грифы, цапли, разнородныя утки продолжали блаженно дремать на песчаныхъ отмеляхъ. Теперь, пока миссъ Поммерой кокетничаетъ напропалую съ остальными

путешественниками, Бельгіецъ, одинокій и сумрачный, безъ промаху бьетъ на лету голубей—только перья несутся по воздуху. Осиротѣлыя стаи, віясь надъ мутными волнами, смотрятъ, какъ теченіе кружитъ и уноситъ убитыхъ товарищей, а Miss Emily хохочетъ во все свое звонкое горло, и серебристыя пушинки, нѣмымъ упрекомъ стоящія въ небѣ, ничего не говорятъ ея черствой душѣ.

17 февраля.

Вотъ она уже потянулась нескончаемая цѣпь мелкихъ житейскихъ заботъ и попеченій!

Проснувшись, долго не встаю съ постели и думаю-не придумаю, какъ уложить и куда запрятать всѣ эти безполезныя страусовыя яйца, ветхія ожерелья, серьги, масляные пояса, глиняную посуду, на половину уже побитую, человѣческія руки и ноги, увернутыя въ проржавѣвшіе бинты и разсыпающіеся отъ малѣйшаго прикосновенія... Послѣ утренняго кофе, запершись у себя, считаю бѣлье выстиранное въ Луксорѣ (тамъ-таки оказалась прачка, но бѣлье, пройдя чрезъ ея руки, стало грязнѣе, чѣмъ было; оно окрасилось въ желтый оттѣнокъ, быть-можетъ отъ полосканія въ нильской водѣ; вдобавокъ платки, сложенные по обыкновенію книжкой, слиплись и не развертываются: ихъ видно накрахмалили вмѣстѣ съ рубашками); привожу въ порядокъ разрозненныя страницы записокъ, составляю смѣту предстоящимъ расходамъ. Ирландка, только сейчасъ узнавшая отъ кого-то что я русскій, непозволительно мнѣ мѣшаетъ, забрасывая сквозь дверь всевозможными разспросами о Россіи, гораздо менѣе поэтичными и гораздо болѣе невѣжественными, чѣмъ разспросы Ахмета Сафи. Далѣе, участвую въ изготовленіи аттестатовъ: 1) лакеямъ, 2) драгоманамъ (какъ Ормузду-Ахмету, такъ и Ариману-Мехмеду), 3) повару, 4) Анджело, 5) капитану, 6) M. Alexandre. Для полноты мистеръ Поммерой предлагаетъ сочинить заодно аттестатъ и хедиву.

За послѣднимъ обѣдомъ, назначеннымъ въ два часа насъ ждетъ сюрпризъ, вѣроятно повторяющійся при каждомъ рейсѣ: на приборахъ лежатъ *menus* съ золотымъ обрѣзомъ, заказанныя по телеграфу въ Каирѣ и доставленныя на *Саидіе* по почтѣ. Наименованія блюдъ, какъ усматривается ниже, льстятъ народному чувству всѣхъ туристовъ:

Paquebot-poste Khédivié.
Service des bateaux du Nil.
Agence Cook: Bateau Saidieh.

Menu du dîner du 28 Fevrier.

Potage général.
Poisson, sauce Américaine.
Gigot d'agneau à la Française.
Pigeons à l'Anglaise.
Asperges en branches, à la Russe.
Dindonneau à l'Irlandaise.
Salade, sauce crocodile.
Entremets à la Belge.
Dessert cosmopolite.

Café à la savant Allemand (au cognac).

Подается и шампанское; его выставилъ буфетчикъ, которому досталась львиная часть бакшиша, собраннаго по подпискѣ для прислуги. Расправивъ цѣпочки на жилетѣ, онъ всѣмъ намъ выдаетъ изустно аттестатъ въ хорошемъ поведеніи: никогда, увѣряетъ онъ, не случалось ему совершать поѣздку въ такомъ пріятномъ, образованномъ и миролюбивомъ обществѣ; обыкновенно trip кончается тѣмъ, что туристы благо еще переругаются, а то и передерутся (!?). Теперь же ничего подобнаго не произошло.

— Это потому, что большинство присутствующихъ Американцы, заключилъ хитрый ученикъ Макіавелли.

Ссоръ между нами дѣйствительно не было. Проведя двадцать дней съ утра до вечера вмѣстѣ, мы не то чтобы подружились, а сжились, привыкли другъ къ другу, стали взаимною потребностью, и въ настоящую минуту мысль о близкой разлукѣ нагоняетъ на насъ не поддѣльную печаль. Слетѣвшись какъ птицы съ разныхъ концовъ земли, мы завтра какъ птицы разлетаемся по всему міру,—одни за море, другіе за океанъ—и больше во вѣки не увидимся. Къ чему же это взаимное влеченіе, если ему суждено исчезнуть въ зародышѣ? Къ чему это начало духовной связи, если, не окрѣпнувъ, она должна навсегда порваться? Всѣмъ намъ грустно до слезъ. Потому-то словно дѣти, которыя бѣснуются, чтобы не плакать, мы такъ шумно хохочемъ и такъ весело носимся по палубѣ въ какомъ-то американскомъ гросфатерѣ, затѣянномъ мистеромъ Поммероемъ и мистеромъ Джэемъ.

А по Нилу плывутъ парусныя баржи, нагруженныя соломой; съ берега, изъ подгородныхъ деревень, горластые мальчишки безкорыстными криками привѣтствуютъ наше возвращеніе, какъ три недѣли назадъ привѣтствовали наше отплытіе; вдали, осѣненный дымнымъ и пыльнымъ пологомъ, показался Каиръ съ тонкими очертаніями своихъ мечетей; вонъ и линія моста, по которому, точно снизанный бисеръ, движутся туда и сюда пѣшеходы, всадники и экипажи...

Тамъ, впереди, снова жизнь, снова безпокойства, снова суета и томленіе духа...

V.

21 февраля, Измаилія.

Послѣ четырехдневной хандры и сожалѣній я съ отрадой вспомнилъ, что до окончательнаго возвращенія съ гулянокъ въ вѣчную школу жизни мнѣ предстоитъ еще посѣтить Суэзскій каналъ, и сегодня утромъ, исполненный свѣжихъ силъ, увлекаемый новымъ наплывомъ безпечности, я летѣлъ по желѣзной дорогѣ въ Измаилію, нащупывая въ карманѣ рекомендательное письмо къ г. Лессепсу—письмо, имѣвшее конечно совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ обыкновенныя рекомендательныя письма. Услаждали меня свѣтъ и зелень, тѣшили безтолковые звонки на станціяхъ, смѣшилъ кондукторъ, слѣдившій въ залахъ за пассажирами, какъ насѣдка за цыплятами... Даже голодный завтракъ на полдорогѣ, въ Загазигѣ, и брань ресторатора, которому путешественники отказались уплатить сполна требуемыя деньги, не омрачили во мнѣ яснаго настроенія духа.

Завтракъ прошелъ довольно забавно. Путешественники сами накрыли столъ, достали тарелокъ, вилокъ, ножей и пр. Единственный слуга, въ хламидѣ и босоногій, былъ занятъ кормленіемъ пріѣхавшихъ со встрѣчнымъ поѣздомъ изъ Измаиліи и Суэза. Кушанья доставлялись намъ уже съ ихъ стола и сведенныя къ алгебраическому нулю. Такъ предстали по очереди: маленькая котлетка, плававшая въ огневомъ морѣ остъ-индскаго соуса (curry), утиная лапка на опустошенномъ въ конецъ блюдѣ и три судка, въ коихъ недавно еще былъ салатъ, а теперь оставался грязноватый уксусъ съ маслеными глазками. Мы хоромъ требовали содержателя

буфета; иные вызывали его, какъ вызываютъ актеровъ въ театрѣ. Напослѣдокъ онъ явился въ сопровожденіи того же слуги съ подносомъ.

— Съ васъ 5 франковъ, и съ васъ 5 франковъ, и съ васъ 5 франковъ! говорилъ онъ громко, отчетисто, голосомъ, не допускавшимъ возраженій, точно командовалъ на военномъ суднѣ.

— Позвольте, намъ еще ничего не дали, прекословили за обнесеннымъ столомъ;—мы, пожалуй, и по 10 франковъ заплатимъ, только сперва накормите насъ.

— Это пустая отговорка, недостойная джентльменовъ! Вы должны были ѣсть въ свое время, а не ждать, пока другіе все съѣдятъ. Съ васъ 5 франковъ, и съ васъ 5 франковъ..

Однако мы положили на подносъ всего по $2^1/_2$ франка каждый, чѣмъ привели буфетчика въ ярость. До тѣхъ поръ онъ изъяснялся по-англійски, но тутъ сразу перешелъ на родной италіянскій языкъ и забросалъ насъ, какъ пушечною картечью, самыми крупными неаполитанскими ругательствами.

— Corrrpo di Bacco, corrrrpo di casseròla! рычалъ онъ въ промежуткахъ, чтобы перевести духъ.—Мы воображаемъ, sacramento, что мы порядочные люди?! Какъ бы не такъ! Онъ одинъ, чортъ побери, въ двѣнадцать разъ болѣе джентльменъ, чѣмъ всѣ мы двѣнадцать вмѣстѣ, cane della Madonna!!...

Соплеменнику Петрарки и Данте безнаказанно сошли его дерзости. Никто изъ насъ какъ слѣдуетъ не обидѣлся,быть-можетъ потому, что оскорбленіе равномѣрно распредѣлилось между нами двѣнадцатью, и на долю каждаго пришлось отъ него весьма немногое. Да и вообще въ путешествіи обижаешься мало. Туристъ какъ бы соблюдаетъ извѣстное incognito, при которомъ вопросы личной чести почти утрачиваютъ смыслъ, и подобно тому, какъ для малолѣтнихъ существуетъ спящая давность, такъ для взрослыхъ на время странствованія возникаетъ honor dormiens. Мистеру Джонсону въ Филахъ мы пожали при разставаніи руку, а

Мехмедъ и Анджело получили отъ насъ аттестаты и награды...

До Загазига поѣздъ шелъ цвѣтущею страной; послѣ Загазига началась пустыня. Изъ вагона виденъ только желтосѣрый песокъ съ рѣдкими пучками травы, торопливо кланяющейся подъ вѣтромъ, да желтосѣрый песочный туманъ, и сквозь него неопредѣленнымъ пятномъ желтѣетъ солнце.

Но въ окно зѣвать некогда: я потерялъ билетъ! Надъ душой стоитъ кондукторъ и съ убійственнымъ хладнокровіемъ смотритъ, какъ я въ десятый разъ и уже безо всякой надежды заглядываю въ портъ-монэ, въ сумку, въ шляпу, подъ сидѣнье... По пріѣздѣ въ Измаилію онъ ведетъ меня, какъ преступника, къ начальнику станціи съ серебряными локомотивчиками, нашитыми на воротникѣ сюртука.

Я предлагаю заплатить.

— У насъ этого не водится, любезно говоритъ начальство;—не откажите лишь снять отвѣтственность съ кондуктора, то-есть засвидѣтельствуйте на бумагѣ, что билетъ вами дѣйствительно потерянъ.

—

Описательная географія моей фантазіи въ числѣ другихъ представленій заключала и картину городовъ Суэзскаго канала. Измаилію я почему-то воображалъ себѣ чаднымъ городомъ съ многоэтажными зданіями, черными трубами фабрикъ, запахомъ каменнаго угля, громомъ каретъ и крикомъ уличныхъ продавцовъ. Но, когда съ платформы, выходящей въ степь, я прошелъ на крыльцо, обращенное къ обширной песчаной площади съ игрушечными дачками по краямъ, и вмѣсто фиктивнаго города увидалъ подлинникъ, меня охватило *чувство деревни*, испытываемое при переѣздѣ изъ пыльной столицы на лѣтнія вакаціи,—какое-то предвкушеніе душевнаго отдыха, длинныхъ безцѣльныхъ прогулокъ и долгаго безцѣльнаго лежанія на спинѣ подъ открытымъ небомъ...

На станціи мнѣ сказали, что г. Лессепса нѣтъ дома, слѣдовательно къ нему не зачѣмъ было торопиться, и по дорогѣ въ гостиницу я изъѣздилъ городъ вдоль и поперекъ. Его негородской чистый воздухъ, прелестные садики, но-

венькіе небольшіе дома съ верандами окончательно опровергли мои былыя географическія догадки, и на этотъ разъ дѣйствительность оказалась лучше мечты. Схожая во многомъ съ Портъ-Саидомъ, Измаилія еще меньше, еще миловиднѣе его *; это тоже ребенокъ—благовоспитанный, вымытый, причесанный, но бѣгающій покамѣсть въ одной рубашонкѣ. Не видать разбираемыхъ старыхъ домовъ—холмовъ мусора и извести, огороженныхъ досчатыми заборами: гдѣ отсутствуетъ хорошенькая дача или садикъ, тамъ ровный, какъ вода въ безвѣтріе, лежитъ песокъ. Улицы широки и прямы. На главной, строенія ближе тѣснятся другъ ко другу; есть здѣсь портной безъ вывѣски, съ модною картинкой за стекломъ, парикмахеръ, расписавшійся во всю стѣну: „Lepelletier coiffeur et parfumeur", „магазинъ суконъ", въ которомъ преобладаютъ ситцы и коленкоръ, нѣсколько табачныхъ лавокъ съ молодыми приказчиками въ галстукахъ цвѣта утренней зари и брюкахъ отблеска солнечнаго заката, чаще же всего попадаются тихія, скромныя какъ молодыя дѣвушки кофейни. Въ сихъ пріютахъ бездѣлья не слыхать ни пьяныхъ возгласовъ, ни дребезга посуды, ни звона стакановъ; доносится лишь чоканіе билліардныхъ шаровъ, сосредоточенное и важное какъ споръ двухъ философовъ. Экипажей, разнощиковъ, даже прохожихъ на улицахъ не встрѣчаешь; только двѣ женщины несли въ корзинахъ крашеныя яйца (по какому случаю ихъ тутъ красятъ, не знаю), да у пороговъ дверей не громко разговаривали черноволосые обвѣтренные люди, коими изобилуютъ всѣ южныя гавани. Наблюдательному путешественнику хорошо извѣстны ихъ полутирольскія шляпы, черныя куртки, порой съ синимъ отливомъ, и коротенькія трубочки или длинныя тонкія сигары, заканчивающіяся соломенкой. Къ какой національности принадлежатъ эти господа—Испанцы ли они, Генуэзцы, Греки,—вѣроятно они и сами того не знаютъ.

---

* Въ Измаиліи всего 3.000 жителей, въ Портъ-Саидѣ, (основанномъ раньше) 10.000.

Измаилія расположилась въ близкомъ сосѣдствѣ Тимсы (Timsah), „Крокодилова озера". Отъ вокзала къ нему ведетъ прямая, широкая, обсаженная деревцами „avenue" сначала пересѣкающая городъ и затѣмъ продолжающаяся за городомъ.

Я проѣхался по „avenue" до озера. Когда постройки кончились, справа разостлалась степь, широко обнявшая Измаилію, а слѣва, на узкой полосѣ между обводнымъ Нильскимъ каналомъ и озеромъ протянулись огороды, поставляющіе овощи въ Каиръ. Не успѣлъ я доѣхать до берега, какъ лѣтній ливень съ крупными задорными каплями больно застегалъ по лицу, по рукамъ и по шеѣ. Пришлось спрятаться въ одинъ изъ деревяныхъ балагановъ, торгующихъ вѣнскимъ пивомъ и другими заграничными напитками. Минутъ черезъ десять дождь уже стоялъ за Тимсой косыми темносѣрыми полосами; солнце еще не проглянуло, на небѣ не очистилось ни клочка лазури, между тѣмъ озеро, подобное огромному ковру пролѣсокъ, свѣтилось среди сыпучихъ песковъ самымъ нѣжнымъ голубымъ свѣтомъ.

Лучшая гостиница въ Измаиліи Hôtel de Paris, но я почему-то попалъ въ café du Luxembourg. Дорогой туда, ослятникъ (другихъ извощиковъ здѣсь нѣтъ) указалъ мнѣ бюстъ графа Адольфа Сала (Sala), основателя Измаиліи, умершаго во время работъ по проведенію морскаго канала, и домъ Лессепса на quai du Khédive, двухъэтажное зданіе въ швейцарскомъ вкусѣ, съ бѣлыми и темнокирпичными полосами, надѣленное вдоль фасада цвѣтникомъ. Quai du Khédive—„набережная", съ которой ни берега, ни воды не видно—находится не надъ озеромъ, а надъ прѣсноводнымъ каналомъ.

Café du Luxembourg, (возлѣ православной церкви, не то въ степи, не то въ городѣ) снаружи мало чѣмъ отличается отъ балагановъ на пристани, за то внутри блеститъ чистотой и опрятностью. Хозяйка, madame Aspert, отвела мнѣ хорошенькую комнату съ окномъ „на улицу", то-есть на песокъ, и со стеклянною дверью во дворъ, увитый зеленью. Вмѣсто постели, она предложила на выборъ нѣсколько ка-

тафалковъ съ бѣлыми какъ снѣгъ пологами,—смѣющихся, обворожительныхъ катафалковъ, исключающихъ всякую мысль о смерти.

Одѣвшись прилично обстоятельству, я отправился къ Лессепсу.

— Теперь онъ вернулся, привѣтливо сообщали мнѣ на разныхъ нарѣчіяхъ портовые люди, вынимая изъ зубовъ кто сигару, кто трубку.

— Г. Лессепсъ дома, говорили мнѣ вслѣдъ прикащики.

— Vous le trouverez chez lui, увѣдомилъ меня г. Лепеллетье.

Я ни о чемъ не спрашивалъ... Очевидно измаильскіе обыватели сами догадались, куда я иду; быть-можетъ, они уже знали, кто я такой, зачѣмъ пріѣхалъ, когда уѣзжаю и проч.

Въ швейцарскомъ домикѣ, за рѣшеткой палисадника, ни одна изъ лицевыхъ дверей не поддавалась моимъ усиліямъ; онѣ собственно не были заперты, къ нимъ только придвинули что-то изнутри.

„Бѣдный! подумалъ я,—несомнѣнно заставился комодами отъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ къ нему на поклонъ...“ Но меня уже теребилъ за рукавъ юный господинъ Лессепсъ, здоровякъ-мальчишка лѣтъ семи, и кричалъ во все горло, словно доподлинно зналъ, что я глухъ какъ чурбанъ:

— Papa m'envoie vous dire d'entrer par le jardin, par ici *.

Мы пошли кругомъ.

Лессепсъ, бодрый старикъ въ серебряныхъ сѣдинахъ, встрѣтилъ меня на порогѣ, направилъ съ радушною улыбкой въ гостиную, подвелъ къ своей женѣ, пригласилъ обѣдать и потомъ уже распечаталъ рекомендательное письмо, немного подмоченное дождемъ.

Есть люди, съ которыми въ первый разъ встрѣчаешься, точно вѣкъ съ ними знался. Мнѣ казалось, что самая наружность Лессепса, его живой взглядъ исполненный ума,

* Папа посылаетъ меня вамъ сказать, чтобы вы вышли изъ саду, отсюда.

бритый подбородокъ, коротко-подстриженные усы, знакомы мнѣ изстари. Я видалъ также его супругу, красивую молодую женщину неподражаемой простоты и изящества,—только не помню, гдѣ и когда.

Нѣсколько дѣтей малъ-мала меньше, подъ наблюденіемъ краснощекой няньки-Альзаски, возились на полу. Ихъ шестеро; всѣ какъ двѣ капли воды похожи на отца; двое младшихъ, близнецы, едва ползаютъ. Старшій — тотъ, что̀ привелъ меня въ домъ—не выпускаетъ моего рукава.

— Maintenant, проголосилъ онъ мнѣ въ ухо, послѣ того какъ „papa", узнавъ изъ письма, что я служу въ Константинополѣ, освѣдомился о генералѣ Игнатьевѣ и его семействѣ:—Maintenant il faut que vous alliez au jardin chez les lapins et les antilopes.

У Лессепсовъ круглый годъ открытый столъ, какъ у русскихъ помѣщиковъ сороковыхъ годовъ; разница въ томъ, что здѣсь „сосѣди" съѣзжаются къ обѣду не изъ ближнихъ имѣній, а со всѣхъ концовъ свѣта. Сегодня, кромѣ меня, Русскаго, съ береговъ Босфора, за столомъ сидятъ дочь испанскаго консула въ Каирѣ, уроженка Андалузіи, французскій военный агентъ въ Японіи, проѣздомъ изъ Нагасаки въ Марсель, кто-то изъ Бразиліи, еще кто-то чуть не изъ Полинезіи, наконецъ прожившій нѣсколько лѣтъ въ Бомбеѣ и Калькуттѣ M. Victor, сынъ Лессепса отъ перваго брака, молодой человѣкъ лѣтъ 30 — 35, носящій на себѣ тотъ особый отпечатокъ скучающей лѣни, который накладываетъ Востокъ на Европейцевъ. Il avait servi dans la diplomatie, mais depuis peu a quitté la carrière....

— Не интересная страна, отвѣчалъ онъ на мои жадные разспросы объ Индіи, — совсѣмъ въ родѣ Египта: зеленыя поля, пальмы, рѣки, мутныя какъ Нилъ, города изъ глины, скрипящія днемъ и ночью колеса водокачекъ, храмы въ утесахъ, храмы въ лѣсу, храмы въ равнинѣ—et avec ça, aucune ressource, pas de societé....

— А охота; тигры, jungles? *

* Jungles—дѣвственныя степи Остъ-Индіи, покрытыя лѣсомъ травъ и камышей.

— Jungles въ томъ видѣ, какъ вы себѣ ихъ представляете, встрѣчаются лишь въ романахъ, а тигры такая же рѣдкость, какъ крокодилы въ Египтѣ: надо ѣхать за ними Богъ знаетъ куда; да и охота на слонахъ изъ-за желѣзной рѣшетки не представляетъ никакой опасности и потому не увлекательна. Не ѣздите же въ Индію, тамъ право скучно... какъ впрочемъ скучно всюду, за исключеніемъ Парижа.

Послѣ кофе Лессепсъ-отецъ долго разсматривалъ висящій на стѣнѣ планъ Измаиліи съ блѣдною канвой будущихъ улицъ и съ черными полосками въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ уже застроились: вдоль озера, въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи, расположены въ одинъ рядъ раздѣленные проспектами квадратные кварталы съ круглыми площадями посрединѣ (rondpoints) и съ перекрестными улицами по перпендикуляру и по діагоналямъ; откуда бы ни дулъ вѣтеръ, онъ будетъ свободно гулять по всему поселенію и уносить міазмы.

— Понравился ли вамъ городъ? спросилъ меня старикъ:— не правда ли, онъ не можетъ не понравиться? Какой климатъ, какой воздухъ, какое купаніе и зимой, и лѣтомъ...

Я конечно отвѣчалъ, что понравился, и онъ обѣщалъ подарить мнѣ карту Суэзскаго канала съ маленькимъ планомъ Измаиліи. Ничѣмъ нельзя такъ обрадовать Лессепса, какъ похваливъ любезный его городокъ. Онъ относится къ нему съ родительскою нѣжностью, какъ къ своему Victor'у, въ которомъ не чаетъ души.

— Ce pauvre Victor, не разъ повторялъ онъ, взглядывая на сына:— sans doute il va mieux, mais il a été bien malade, oh, bien malade!

При блескѣ мѣсяца Измаилія еще лучше, чѣмъ днемъ, и на возвратномъ пути въ „Luxembourg“ я снова слѣдую вдоль и поперекъ всего города. Вѣтеръ слабо вздыхаетъ за низкими оградами въ темныхъ садикахъ; совы совсѣмъ по-деревенски перекликаются съ крышъ; въ небѣ посвистываютъ куличкп; тѣни летучихъ мышей мелькаютъ на пескѣ, гдѣ въ вырытыхъ ямкахъ озаренныя луною спятъ собаки. Торговыя улицы еще бодрствуютъ. У дверей лавокъ прика-

щики бесѣдуютъ обо мнѣ съ приморскими людьми, въ сущности совсѣмъ безобидными, но смахивающими подъ вечеръ на бандитовъ. Въ кофейняхъ слышится несложная музыка, да билліардные шары продолжаютъ вести между собою философскій разговоръ.

Измаилія, 22 февраля.

Славно спалось мнѣ подъ кисейнымъ балдахиномъ на одномъ изъ катафалковъ. Раннее воркованье египетскихъ голубей,—что-то среднее между пѣніемъ кукушки и горленки, — запахъ особой вервены, citronelle, изъ которой въ Дамьетѣ дѣлаютъ духи, церковный благовѣстъ, врывающійся вмѣстѣ съ яркимъ свѣтомъ въ растворенное окно и какъ бы наполняющій комнату, — все это въ общей сложности разбудило меня. Сквозь пологъ въ стеклянную дверь видны клокъ голубаго неба, часть двора съ зеленью на трельяжахъ и madame Aspert въ утреннемъ уборѣ, чистящая баклажаны и бобы для стола своего единственнаго постояльца. Но мнѣ не суждено отвѣдать ея кухни: меня звали завтракать и обѣдать къ Лессепсамъ на все время моего здѣсь пребыванія.

Я лежу еще въ постели, а слуга Арабъ уже вноситъ два рукомойника и полоскательницу съ тазъ величиной... Это не умывальныя принадлежности: въ одномъ рукомойникѣ кофе, въ другомъ молоко, полоскательница же должна служить чашкой; потомъ является хлѣбъ, „pain de ménage“, длинный какъ балясина перилъ, и на тарелкѣ кусокъ масла вѣсомъ въ нѣсколько фунтовъ. По такимъ порціямъ можно съ выгодной стороны судить объ измаильскомъ аппетитѣ.

Что̀ дѣлать сегодня? Собственно надо бы ѣхать на раскопки города Рамзеса или Раамсеса, построеннаго Израильтянами для фараона-утѣснителя [32]). Но пока тамъ отрыта лишь стѣна храма и сфинксъ, что̀ для туриста, только-что вернувшагося изъ Ѳивъ, представляетъ мало любопытнаго. Начинаю съ того, что иду къ Лессепсамъ—и кончаю тѣмъ, что провожу съ ними весь день: сперва бѣгаю и иг-

раю съ дѣтьми подъ надзоромъ цвѣтущей какъ піонія Альзаски, потомъ Лессепсъ показываетъ мнѣ машину, *usine*, качающую прѣсную воду въ Портъ-Саидъ, далѣе по приглашенію madame Лессепсъ ѣду съ многочисленнымъ обществомъ ловить рыбу въ Тимсѣ.

Къ машинѣ на другой конецъ „набережной" повезла насъ пара сытыхъ, рослыхъ лошадей, запряженная въ крѣпкій помѣщичій экипажъ — съ виду плетеную корзину на колесахъ.

Кругомъ usine, содержимой въ образцовомъ порядкѣ и похожей на загородный дворецъ, съ большимъ вкусомъ разбитъ крошечный садикъ; здѣсь, среди мимозъ и банановъ, мнѣ впервые приходится видѣть каучуковыя деревья съ гладкими какъ змѣи вѣтвями. Смотря на толстые стволы въ нѣсколько саженъ вышиною, не вѣришь, что деревья различныхъ породъ сажены которыя девять, которыя семь лѣтъ назадъ. Такую изумительную силу растительности слѣдуетъ приписать сосѣдству нильской воды, проведенной сюда изъ окрестностей Каира и обтекающей въ обводномъ каналѣ городъ. Въ Суэзѣ, въ Измаиліи и Портъ-Саидѣ она, такъ же какъ въ Нильской долинѣ, превращаетъ сыпучій песокъ въ плодороднѣйшую почву. Между извилистыхъ дорожекъ и миніатюрныхъ искусственныхъ скалъ устроено нѣсколько бассейновъ и небольшой прудъ-резервуаръ, изъ коего гонится вода цвѣта жидкой грязи.

Въ просторной комнатѣ, святилищѣ чистоты и тишины, безъ малѣйшаго шума обращается колесо десяти метровъ въ поперечникѣ и съ еле слышнымъ шипѣніемъ движется поршень. Конечно, гулъ и стукотня самой смиренной швейной машины показались бы въ сравненіи небеснымъ громомъ. И въ этой-то торжественной нѣмотѣ творится великое дѣло: 10.000 человѣкъ круглый годъ снабжаются водой. Ее ежедневно перекачивается до 2.000 кубическихъ метровъ. Вода бѣжитъ по двумъ чугуннымъ трубамъ проложеннымъ чрезъ пески вдоль канала [33]).

Рыбная ловля, на ракушки, донными удочками безъ тростей, была не особенно добычлива. Сперва попытали сча-

стья на пристани. Тутъ никто ничего не поймалъ, кромѣ хозяйки, наудившей множество горбоносыхъ дора́дъ. Куда она ни садилась, закидывала ли завороженную удочку во всю длину лесы или роняля ее въ бирюзовую воду у самыхъ свай, чрезъ мгновеніе рыба уже трепетно билась на поводкѣ. Часъ спустя, паровой катеръ увезъ насъ въ „лучшія мѣста", но тамъ перестало клевать и у madame Лессепсъ. Крючки цѣплялись только за подводный тамариксъ, росшій когда-то на сухомъ днѣ озера и теперь кажущій изъ воды мертвыя вѣтки, мѣстами густыя и узловатыя, какъ вершины потопленнаго лѣса. А въ огибаемой песчаными буграми заводи, надъ которою, ища гдѣ приткнуться, вилась стая рѣзвокрылыхъ чирятъ, рыбаки на нашихъ глазахъ взяли сѣтью богатую тоню, вытащили, между прочимъ, аршинное чудо-юдо, полу-ерша и полу-окуня.

Въ заключеніе, когда удильщики приступили къ коробу съ закусками и винами, налетѣлъ съ Чермнаго Моря дождь, еще болѣе задорный и веселый чѣмъ вчера, и въ нѣсколько пріемовъ окатывалъ насъ какъ изъ ведра. Я пострадалъ менѣе другихъ, благодаря заботливости Лессепса. На машинѣ онъ долго воевалъ со мной по поводу того, что пальто мое оставлено дома, и наконецъ самъ заѣхалъ за нимъ въ гостиницу.

Послѣзавтра предположена ловля въ Горькихъ Озерахъ, облюбленномъ притонѣ всякой рыбы; жалѣю, что меня не будетъ: 24 февраля я непремѣнно долженъ съ утреннимъ поѣздомъ вернуться въ Каиръ.

Въ моемъ распоряженіи остался одинъ завтрашній день, а я еще не приступалъ къ осмотру канала, видѣлъ лишь его фарватеръ на Тимсѣ, отмѣченный буями. Лессепсъ совѣтуетъ съѣздить въ Портъ-Саидъ и обратно на одномъ изъ маленькихъ пароходовъ, ежедневно отходящихъ изъ Измаиліи: если я выѣду завтра, то на слѣдующее утро поспѣю назадъ къ желаемому каирскому поѣзду. Я благодарю за совѣтъ, соглашаюсь ему послѣдовать.... но сто́итъ ли тратить цѣлыя сутки на каналъ? Онъ вездѣ одинаковъ, и на него достаточно взглянуть въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ.

Къ тому же съ маленькаго парохода ничего не увидишь; если ѣхать, такъ ужь ѣхать на морскомъ, съ высокой палубы котораго далеко видно въ обѣ стороны,—да когда его дождешься?... Въ Портъ-Саидѣ я уже былъ. Возвращаться придется ночью... Короче, я подбираю всякіе предлоги чтобъ успокоить въ себѣ безпокойную совѣсть туриста; на самомъ же дѣлѣ мнѣ не хочется ѣхать, потому что я предпочитаю провести лишнія сутки здѣсь, въ миломъ обществѣ Лессепса, его жены и товарищей моихъ дѣтскихъ игръ.

Измаилія, 23 февраля.

Директоръ эксплуатаціи Суэзскаго канала былъ очень удивленъ, когда и нынче увидалъ меня за своимъ завтракомъ. Я поспѣшилъ увѣрить, что съ вечера долго писалъ письма, вслѣдствіе чего проспалъ пароходъ; но писемъ я никакихъ не писалъ, и египетскіе голуби, запахъ citronelle, звонъ колоколовъ разбудили меня въ урочный часъ.

— Видно мнѣ самому придется показывать вамъ каналъ, vous faire les honneurs, сказалъ онъ улыбаясь,—однако сегодня у меня нѣтъ парохода. Надо будетъ ѣхать верхомъ.

И вотъ мы въ открытой степи: Лессепсы, отецъ и сынъ, служащій въ Обществѣ г. R. и я. Вмѣсто того, чтобы держаться берега Тимсы, кавалькада направляется къ каналу въ перерѣзъ черезъ степь, на сѣверъ. Измаилія скрылась за нами; кругомъ безпредѣльный просторъ и воздухъ пустыни, чистый и вкусный какъ ключевая вода. Красивыя арабскія лошади, уходя по бабки въ песокъ, ступаютъ широкимъ шагомъ; изъ-подъ ихъ копытъ, слегка загнувъ кверху хвостики, быстрыя какъ мысль, убѣгаютъ ящерицы; на припекѣ опрокидываются черные пузатые жуки, какихъ я ловилъ на кладбищѣ Мемфиса; особые крупные скакуны въ бѣлыхъ крапинахъ (изъ рода cicindella) сторожатъ мелкихъ букашекъ; въ почвѣ видны небольшія отверстія, всегда обращенныя на востокъ, это норы ядовитыхъ Клеопатриныхъ змѣекъ (vipères de Cléopâtre).

Ѣдемъ мы по библейской странѣ Гесемъ, когда-то плодородной и богатой, но давно обратившейся въ пустыню [34]). Теперь съ прорытіемъ морскаго и прѣсноводнаго каналовъ пустыня опять понемногу становится живымъ краемъ: большая водная площадь вновь образовавшихся озеръ распространяетъ влажность и притягиваетъ дожди, что̀ способствуетъ произрастанію злаковъ; по берегамъ каналовъ открылись пастбища, въ озерахъ завелась рыба, въ травѣ — насѣкомыя; скотъ удобряетъ землю; насѣкомыя и рыба приманиваютъ сухозёмную и морскую птицу, а торговля привлекаетъ людей, которые на новомъ морскомъ пути заводятъ поселенія и города. Такимъ образомъ, мало того, что Лессепсъ, создавъ морской проливъ, открылъ прямое сообщеніе между далекими землями, онъ еще вызвалъ къ жизни мертвый край, воскресилъ прежній Гесемъ. Оттого-то онъ и глядитъ на страну, какъ сельскій хозяинъ на свое помѣстье, интересуется каждою ея былинкой, каждою мухой, заглядывается на всякій видъ и съ наслажденіемъ вдыхаетъ воздухъ. Здѣсь все обязано ему своимъ существованіемъ. Въ особенности Измаилія составляетъ его слабость: этой своей „усадьбы“ онъ не промѣняетъ ни на что̀ въ мірѣ и быть-можетъ любитъ ее больше, чѣмъ свое главное созданіе—каналъ.

Вскорѣ Лессепсъ пустилъ лошадь рысью.

— Si je trotte, замѣтилъ онъ,—c'est que j'ai quatre petits clous... je voudrais les aplatir. *

M. Victor, выставляя достоинства своего гнѣдаго четырехлѣтка, началъ вскачь описывать окрестъ насъ плавные круги.

— Ménage-toi, говорилъ отецъ,—n'oublie pas que tu as été malade—и потомъ уже кряхтѣлъ и восклицалъ: „pristi!“ что̀ безъ сомнѣнія относилось къ собственнымъ petits clous.

Конь молодаго человѣка, изо всѣхъ лучшій, скакалъ ровно, вытягиваясь въ струнку, какъ борзая собака; онъ не

---

* Ѣду я рысью потому, что у меня четыре маленькіе чирья... Мнѣ бы хотѣлось ихъ приплюснуть.

заносился, не задавалъ козла, не трясъ гривой, не вставалъ на дыбы и на шагу не показывалъ ни малѣйшаго поползновенія прясть ушами или танцовать. Будучи самыхъ изящныхъ статей, онъ тѣмъ не менѣе отнюдь не походилъ на того звѣря, который извѣстенъ нашему воображенію подъ именемъ кровной „арабской“ лошади, и у котораго изъ глазъ сыплются искры, изо рта клубится пѣна пополамъ съ кровью, а изъ ноздрей и ушей пышутъ пламя и дымъ. Образъ этого баснословнаго животнаго, вмѣстѣ съ давними представленіями о Египтѣ, Алжирѣ и другихъ африканскихъ мѣстностяхъ, до сихъ поръ сохранила моя память, хотя я уже нѣсколько лѣтъ какъ познакомился съ дѣйствительною арабскою лошадью, благородно-прекрасною, но лѣнивою и спокойною какъ корова.

Меня мало занимаютъ эволюціи г. Виктора. Я любуюсь степью и въ то же время слушаю Лессепса, разсказывающаго славную повѣсть Суэзскаго канала.

Въ общемъ степь несказанно хороша, а почему—не разберешь: въ частностяхъ нѣтъ ничего привлекательнаго—песокъ, мѣстами рѣдкіе кивающіе стебельки травъ и больше ничего.

Кругомъ Измаиліи что̀ ни день бываютъ миражи, дальше же къ Портъ-Саиду они прекращаются только на ночь; но мало кто видитъ ихъ въ этихъ безлюдныхъ равнинахъ, и далекія воздушныя видѣнія—живыя картины въ полгоризонта—разнообразясь и перемежаясь въ вѣчной игрѣ, по большей части для себя однихъ ведутъ свои хороводы. Сегодня миражей нѣтъ (небо покрыто серебристыми легче пуха тучками); въ замѣнъ прихотливая степь ежеминутно обманываетъ зрѣніе, порой скрадывая, порой увеличивая разстоянія, такъ что ни о чемъ нельзя судить по глазомѣру.

Вотъ надъ чертой земли на небосклонѣ вырѣзаются фигуры двухъ великановъ, стерегущихъ крошечныхъ овецъ, которыя проворно перебѣгаютъ отъ одного пучка травы къ другому. Все это гдѣ-то далеко-далеко, на краю свѣта. Однако на рысяхъ мы быстро настигаемъ стадо. И что̀ же?

ѳвцы ростомъ не отличаются отъ обыкновенныхъ, а пастухи-Голіаѳы оказываются мальчишками.

Ѣдемъ далѣе: въ какихъ-нибудь ста саженяхъ пасутся два верблюда, нагибая на ходу длинныя шеи; пастуха при нихъ не видно, они сами вернутся къ ночи на мѣсто привала. Направляемся прямо къ нимъ, рысимъ минуту, двѣ, три, а они, едва подвигаясь, все отдаляются отъ насъ. Мы повернули въ сторону, такъ-таки и не нагнавъ ихъ.

Лессепсу не въ тягость говорить о каналѣ, хотя то, что̀ онъ говоритъ, повторяется имъ въ сотый, если не въ тысячный разъ. Въ словахъ его слышится теплое сочувствіе къ предмету рѣчи—сочувствіе, съ какимъ художникъ относится къ своей оконченной картинѣ. Старикъ охотно вдается въ подробности и не скупится отвѣтами на невѣжественные мои вопросы. Благодаря ему, я узнаю̀ исторію канала отъ древнѣйшихъ временъ.

Первая мысль соединенія Чермнаго и Средиземнаго морей принадлежитъ Сезострису *, но приведена она въ исполненіе лишь при царѣ Нехо (616—606). Нехо прокапываетъ прѣсноводный каналъ отъ Пелузійскаго рукава Нила къ теперешнимъ Горькимъ Озерамъ, тогда еще соединеннымъ съ Краснымъ Моремъ чрезъ естественный протокъ и представлявшимъ древній Гереопольскій заливъ. Въ послѣдствіи протокъ этотъ мало-по-малу обмелѣваетъ. Хотя Дарій Гистаспъ (521—486) и углубляетъ его, однако въ непродолжительномъ времени Пелузійскій рукавъ становится несудоходнымъ, и каналъ перестаетъ существовать. Траянъ, какъ полагаютъ одни, или, какъ утверждаютъ другіе, полководецъ Амру, основатель Фостата (Каира), устраиваетъ новый каналъ, взявъ исходною точкой русло самаго Нила близь возникающей столицы. Но тутъ Гереопольскій заливъ окончательно исчезаетъ съ земной карты: сначала протокъ обращается въ сухую песчаную долину, потомъ испаряются и оставшіяся озера.

* Греческое имя Сети I, коего Греки смѣшивали иногда съ Рамзесомъ II.

Такимъ образомъ, первоначальныя попытки направлены къ тому, чтобы связать моря *посредствомъ Нила*. Впрочемъ уже Геродотъ (совершившій путешествіе по Египту въ 454 году до Р. X.) замѣчаетъ, что кратчайшій путь между „Сѣвернымъ“ и „Южнымъ“ морями шелъ бы по границѣ Египта и Сиріи (то-есть по Суэзскому перешейку), и что каналъ царя Нехо гораздо длиннѣе этого пути, ибо дѣлаетъ много изворотовъ.

Проходитъ долгій срокъ; разобщенныя моря постепенно отдаляются другъ отъ друга, и мысль объ ихъ соединеніи дремлетъ вдали отъ человѣчества. Въ 1798 году она возраждается въ безпокойномъ и тщеславномъ умѣ генерала Бонапарта. Главнокомандующій французскою арміей въ Египтѣ поручаетъ инженеру Леперу составить проектъ о прямомъ каналѣ между морями. Но Леперъ находитъ большую разность въ уровнѣ морей: Чермное, по его наблюденіямъ, на 30 футовъ выше Средиземнаго,—и затѣя Наполеона падаетъ на морское дно.

Въ 1831 году въ Александріи, въ качествѣ élève-consul, пріѣзжаетъ сынъ бывшаго французскаго представителя въ Египтѣ, никому невѣдомый Ferdinand de Lesseps, и задерживается въ карантинѣ, гдѣ случайно прочитываетъ mémoire Лепера. 28 лѣтъ спустя (13 апрѣля 1859 года) уже всему міру извѣстный Лессепсъ, окруженный десяткомъ Европейцевъ и сотней Арабовъ, первый ударяетъ лопатой въ песокъ противъ будущаго Портъ-Саида.

О своей дѣятельности Лессепсъ выражается съ тою прелестною скромностью, которая по большей части не отличаетъ великихъ людей. Выдвигая товарищей и помощниковъ, онъ о самомъ себѣ говоритъ лишь вскользь, какъ-то между прочимъ.

Проектъ былъ выработанъ, концессія добыта, однако не мало помѣхъ и препятствій предстояло еще одолѣть для исполненія обширной задачи. Тяжелыхъ хлопотъ стоило достать, хотя и въ разные сроки, 17.000.000 фунтовъ стер-

лингъ *, потребныхъ на производство работъ въ общей ихъ сложности; одно время вслѣдствіе недостатка средствъ трудъ былъ пріостановленъ и исполинскому плану грозило надолго остаться мечтой. Въ теченіе многихъ лѣтъ приходилось бороться съ просвѣщеннымъ Англійскимъ правительствомъ, которое изъ эгоистическихъ разсчетовъ всячески мѣшало осуществленію замысла, имѣвшаго цѣлью общечеловѣческую пользу. Знаменитый мой чичероне съ чувствомъ глубокой благодарности упоминалъ объ энергической поддержкѣ, оказанной ему нашимъ константинопольскимъ посломъ **. Но главныя затрудненія встрѣтились въ дѣлѣ самаго прорытія. Тяжка была борьба съ природой. Пустыня стойко охраняла свои владѣнія — палила рабочихъ зноемъ, изнуряла ихъ голодомъ, мучила жаждой... Сначала одно снабженіе людей прѣсною водой обходилось ежегодно въ 3.000.000 франковъ; подвозомъ ея было занято 1.600 верблюдовъ; другаго средства сообщенія не было. Въ послѣдствіи вода была проведена изъ Нила къ Тимсѣ и отсюда къ Суэзу.

— А мнѣ все-таки жаль, что вы не съѣздили сегодня въ Портъ-Саидъ, говорилъ Лессепсъ, вздыхая за меня.

— Я напротивъ былъ въ восторгѣ. Положимъ я видѣлъ бы если не весь каналъ, то бо̀льшую его часть, но тогда наша прогулка не состоялась бы, и *самъ Лессепсъ* не служилъ бы мнѣ путеводителемъ.

Въ бѣгломъ очеркѣ онъ далъ мнѣ такое ясное понятіе о дорогѣ, проходимой каналомъ, что совѣсть туриста совершенно во мнѣ успокоилась, и послѣдняя тѣнь угрызеній исчезла; безъ сомнѣнія, на пароходѣ я не услыхалъ бы всѣхъ этихъ драгоцѣнныхъ комментаріевъ.

Въ сѣверной части перешейка къ Средиземному морю примыкаетъ мелкое озеро Мензалэ, отдѣленное отъ моря низменною косой, мѣстами не шире двухсотъ аршинъ. На этой-то косѣ, покрываемой въ бурю волнами и пѣной, бы-

* Изъ нихъ 8.418.000 уплачены Египетскимъ правительствомъ; ему никогда не возмѣстилась эта затрата.

** Н. П. Игнатьевъ.

ло начато современное чудо свѣта: вырыта гавань, далеко по мелководному взморью продолженъ фарватеръ и поставлены съ двухъ сторонъ каменные молы. Устройство Портъ-Саида стоило большихъ жертвъ и усилій.

— Теперь же въ награду за труды, какъ бы въ скобкахъ прибавилъ Лессепсъ,—мнѣ нерѣдко случается слышать отъ путешественниковъ подобнаго рода комплиментъ: „Cependant vous avez eu de la chance d'avoir rencontré sur votre tracé un port comme celui de Port Said"!

Каналъ имѣетъ въ длину 150 километровъ. Общее направленіе его—отъ сѣвера къ югу съ едва замѣтнымъ уклоненіемъ отъ запада къ востоку.

Русло канала пролегаетъ прежде всего чрезъ озеро Мензалэ (съ краю вдоль восточнаго берега). * На озерѣ бываетъ пролетомъ множество всякой птицы; попадаются и живыя каррикатуры голенастыхъ фламинго, не встрѣчавшіеся мнѣ въ самой „Нубіи" (я видѣлъ ихъ только въ Джезирскомъ птичникѣ.) Рыба водится въ изобиліи, и съ арендуемыхъ ловель правительство выручаетъ 1.500.000 франковъ.

По выходѣ изъ Мензалэ, каналъ идетъ къ озеру Балла и пересѣкаетъ его.

Между Мензалэ и Балла, по большой Азіято - Африканской дорогѣ, въ разныя историческія эпохи перекочевывали народы. Ассирійскія, персидскія, арабскія, эллинскія, римскія, французскія и египетскія войска ходили этимъ путемъ на побѣды и пораженія. Дорога существуетъ и понынѣ; чрезъ каналъ устроена переправа.

Между озерами Балла и Тимса каналъ прорѣзаетъ *эль-Гисръ* (почва?), гряду незначительныхъ возвышенностей футовъ въ сорокъ надъ уровнемъ моря, послужившую, какъ полагаетъ Шлейденъ, начальнымъ основаніемъ перешейку: по объясненію ученаго, это тѣ дюны и коса, которые, образовавшись въ доисторическомъ Азіято-Африканскомъ проливѣ, поставили первое живое урочище между двумя морями.

---

* Вся та часть озера, которая находится по восточную сторону канала, засыпана и обращена въ материкъ.

Въ Тимсѣ издавна не было воды.

— Помните, какъ озеро постепенно наливалось? обратился Лессепсъ къ г. R.—Помните, какъ мы скакали по зарослямъ тамарикса, когда уже шлюзы были подняты. Несчастные кустарники! Агонія ихъ длилась долго: они утопали въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ.

Далѣе каналъ соединяетъ Тимсу съ Горькими Озерами. На видъ, какъ и Мензалэ, они представляютъ настоящія моря; низменный берегъ исчезаетъ за водною чертой. Глубина обоихъ около тридцати футовъ, такъ что проводить фарватера не было нужды.

Дѣло прорытія канала заключилось именно въ ихъ бассейнѣ. Какъ только на сѣверѣ и на югѣ все было готово, въ озера—еще пустыя—сквозь дверцы двухъ чудовищныхъ плотинъ потекла вода въ ежедневномъ количествѣ семнадцати милліоновъ кубическихъ метровъ, и вскорѣ волны морей, до тѣхъ поръ разобщенныхъ, братски слились и сравнялись зеркальною гладью. Бѣдный Леперъ со своею разницей въ уровняхъ окончательно опростоволосился. [35])

Отъ Горькихъ Озеръ до Суэза не далеко...

Но подробностей объ этой части канала мнѣ не суждено было услыхать. Лессепсъ оборвалъ рѣчь на полусловѣ и, пристально взглянувъ въ даль, какъ борзятникъ воззрѣвшійся въ звѣря, съ мѣста пустилъ коня во всю прыть.

—Un trois-mats *, крикнулъ онъ уже на полномъ скаку.

Всѣ бросились за нимъ. Лошади взрывая песокъ мчались чрезъ бугры и наносы въ ту сторону, гдѣ надъ волнистою равниной, точно кресты семейнаго кладбища, чернѣли три мачты съ поперечными реями. Вскорѣ г. R. и я далеко отстали отъ Лессепсовъ; они преобразились въ двѣ темныя точки на свѣтломъ бездорожьѣ пустыни. Можно было однако разглядѣть, что M. Victor, несмотря на превосходство своей лошади, оставался назади отца. Изъ насъ четырехъ 65лѣтній старикъ оказался лучшимъ ѣздокомъ. Когда я на-

---

* Трехмачтовое судно.

стигъ его, онъ красовался на вершинѣ холма, неподвижный въ своей ловкой посадкѣ.

— J'aime à voir passer des navires comme ça, говорилъ онъ съ какимъ-то юношескимъ жаромъ; глаза его блестѣли ярче обыкновеннаго, а по лицу разлился широкій румянецъ.

Тѣмъ временемъ величественное, хотя и странное, ни съ чѣмъ несообразное, зрѣлище проходило предъ моими глазами. Среди степнаго песку, какъ будто посуху, не слышно и плавно двигалось большое океанское судно. Воды я не замѣчалъ; каналъ имѣетъ всего 58 мѐтровъ ширины, и, чтобы видѣть его, надо подъѣхать къ самому берегу.

То былъ пароходъ, по имени *Бухара*, шедшій прямымъ рейсомъ изъ Бомбея въ Соутгамптонъ, (останавливается онъ за углемъ только въ Аденѣ, Суэзѣ и Мальтѣ). Много пассажировъ высыпало на палубу и смотрятъ на насъ. Догадываются ли они, кто этотъ сѣдой всадникъ на вороной лошади, посылающій рукою привѣтъ капитану? Наврядъ! да и какое имъ дѣло. Слѣдуютъ они по своимъ надобностямъ, утомлены долгимъ путемъ; дорожная скука тускло отражается въ ихъ стальныхъ взорахъ; съ Лессепсомъ они незнакомы и—all right! многіе быть-можетъ забыли, какъ его зовутъ, другіе, если и помнятъ, то пожалуй еще нéдовольны имъ: вѣдь за билетъ и багажъ съ нихъ потребовали лишнія деньги для покрытія 10франковаго сбора, взимаемаго на каналѣ съ пассажира и тонны. Я самъ слышалъ такія жалобы, и не отъ однихъ Англичанъ... А Суэзскій каналъ конечно обогатилъ міръ болѣе, чѣмъ калифорнскіе золотые пріиски, давшіе нажиться отдѣльнымъ людямъ на счетъ общаго пониженія цѣнности золота. Вслѣдствіе новаго пути, сократившаго на половину морской переходъ между Европой и Индіей, [36]) во всесвѣтномъ торговомъ хозяйствѣ образуется громадная экономія каменнаго угля и времени,—экономія, отзывающаяся въ извѣстной степени на благосостояніи всѣхъ и каждаго. Но современники мало цѣнятъ заслуги человѣчеству, и только вѣчно запаздывающая исторія подноситъ великимъ тѣнямъ ненужную свою признательность.

Мы нѣсколько разъ отпускали отъ себя *Бухару*. Большая скорость дозволенная въ каналѣ—10 километровъ въ часъ, такъ что лошади всегда могли безъ особыхъ усилій нагнать пароходъ. Когда корпусъ скрывался за песчаные горбы, и однѣ мачты крестами высились надъ степью, мы снова неслись во весь опоръ, и чрезъ три минуты огромное судно опять находилось въ нашей непосредственной близости. Медленно совершая обороты, винтъ слегка пѣнилъ ровную, прямую какъ стрѣла ленту голубой воды, упорно и равнодушно смотрѣли на насъ стальные глаза, и капитанъ улыбался и кланялся Лессепсу.

— J'aime à voir passer les navires, повторялъ восхищенный, какъ дитя, старикъ.

— Однако мы сами доѣдемъ такъ до Портъ-Саида, сказалъ онъ спохватясь.

Кавалькада повернула назадъ. Тутъ только лошади вздохнули, а я немного оглядѣлся.

Вырытый изъ канала песокъ образуетъ съ двухъ сторонъ цѣпи невысокихъ холмовъ, скупо поросшихъ травою. Въ низменныхъ мѣстахъ она гораздо гуще, и пучки ея разрастаются въ граціозные шелковистые кусты. По берегамъ виднѣются еще слѣды рабочихъ таборовъ, прошедшихъ здѣсь нѣсколько лѣтъ назадъ: разбитыя бутылки, обрѣзки желѣзныхъ листовъ, дребезги посуды, сардиночные и бисквитные ящики, гвозди, банки отъ различныхъ консервовъ, заскорузлые дырявые башмаки и тому подобное старье, изъ котораго парижскій тряпичникъ въ недѣлю составилъ бы себѣ состояніе. И среди всего этого хлама, точно огромные рельсы тянутся водопроводы—двѣ параллельныя чугунныя трубы до половины погребенныя въ песокъ. Первоначально онѣ были совсѣмъ зарыты; теперь вѣтеръ всюду докопался до нихъ.

Каналъ, вездѣ одинаковой приблизительно ширины (какъ сказано выше, около 60 метровъ), выведенъ желобомъ, по выраженію Лессепса, „en cuvette" и только средина русла имѣетъ 27футовую глубину. При такомъ устройствѣ два встрѣчныя судна не могли бы разминоваться, еслибъ не

было станцій для скрещенія. На станціяхъ русло собственно не шире, но глубина въ 27 футовъ начинается отъ самыхъ береговъ. До сихъ поръ не случилось ни одного столкновенія.

Проѣхавъ нѣсколько верстъ по направленію къ Измаиліи, мы увидали надъ каналомъ городокъ съ бѣленькими домиками, мечетью, часовней и пирамидальными тополями. Это Эль-Гисръ, бывшая стоянка артелей, окрещенная именемъ возвышенной гряды. Въ настоящее время купленная у общества хедивомъ, она никѣмъ не обитаема, и песокъ всецѣло завладѣлъ ею: повалилъ заборы, устлалъ садики глубокою пеленой, замелъ сугробами стѣны, ворвался въ разбитыя окна моленъ и полновластнымъ хозяиномъ всыпался въ непритворенныя двери домовъ. Тихо и мертво въ городкѣ, но притомъ все въ немъ такъ современно, такъ ново и чисто, что чудится, будто онъ живетъ самостоятельною жизнію, не слыхать же его потому что домики, тополя, мечеть—все погрузилось въ раздумье, отдавшись славнымъ воспоминаніямъ.

Мы объѣздили одну за другою безлюдныя улицы.

— Здѣсь былъ госпиталь для христіанъ, объяснялъ Лессепсъ,—здѣсь—для мусульманъ. Самъ я жилъ вонъ въ тѣхъ палатахъ. А это главная улица Rue Richelieu, гдѣ.... которая... то-есть... Ah! non! je vous plante là, воскликнулъ онъ и, взвивая клубы песку, помчался какъ полоумный на каналъ по заносамъ Ришельевской улицы. M. Victor, R. и я настигли его лишь у берега: проходило другое большое судно.

— Que c'est joli! Ah que c'est joli! шепталъ онъ, млѣя отъ восторга.

Въ концѣ улицы надъ самымъ каналомъ стоитъ курганъ, съ котораго далеко видно на югъ: верстахъ въ двухъ начинается бирюзовая Тимса, подернутая во всю ширину мелкою какъ песокъ рябью, вдали стелются зеленоватыя Горькія Озера съ водами другаго моря; еще дальше синѣютъ справа Джебель Аттака, слѣва вершины Синая. На этомъ курганѣ, въ день открытія канала, императрица Фран-

цузовъ, при кликахъ „vive l'impératrice", схватила Лессепса за плечи и выдвинула его впередъ.

На память объ Эль-Гисрѣ я увезъ ржавый ключъ, валявшійся на полу, а Лессепсъ, бойко спрыгнувъ съ лошади, поймалъ какую-то сухопутную саламандру и бережно закуталъ ее въ платокъ.

— C'est pour les enfants, пробормоталъ онъ, какъ бы оправдываясь.

Добравшись до Тимсы, направились въ городъ вдоль сѣвернаго берега озера по „avenue", подобной той что соединяетъ вокзалъ съ пристанью. Ѣхали мы лѣнивымъ шагомъ; кажется, никому, кромѣ M. Victor'a, не хотѣлось разставаться со степью. Молодой человѣкъ, давно уже позѣвывавшій, при первыхъ капляхъ набѣжавшаго дождя вихремъ понесся домой.

— Il a raison, сказалъ заботливый отецъ,—il faut qu'il rentre, il prendrait froid.

Avenue ведетъ къ необитаемому дворцу на краю Измаиліи, воздвигнутому единственно для бала, которымъ начался рядъ блистательныхъ празднествъ Суэзскаго канала. Насколько они были пышны, можно судить изъ того, что одно торжество „открытія", „inauguration" (4 (16) ноября 1869), обошлось въ общемъ итогѣ сто милліоновъ франковъ.

Когда вернулись съ прогулки я горячо поблагодарилъ своего безсмертнаго проводника.

— Совсѣмъ не за что, возразилъ онъ,—напротивъ *я* долженъ *васъ* благодарить: вамъ обязанъ я этою прелестною partie de plaisir; вы мнѣ доставили случай побывать еще разъ на нашей стоянкѣ, куда я уже три года не заглядываю. Сколько милыхъ, давно забытыхъ образовъ встало предо мною, сколько проснулось дорогихъ воспоминаній!... Et puis, прибавилъ онъ съ довѣрительною улыбкой, — vous savez je les ai aplatis, les clous...

Послѣ обѣда Лессепсъ, свѣжій и бодрый, какъ ни въ чемъ не бывало, стоялъ надъ своимъ любимымъ планомъ; прогулка повидимому нисколько его не утомила. За то бѣдный M. Victor былъ совершенно разбитъ и въ изнеможеніи ле-

жалъ на диванѣ. Позже, къ концу вечера, склонясь на просьбы дамскаго кружка, онъ показывалъ обществу свое искусство жонглировать, вывезенное вмѣстѣ со сплиномъ изъ Индіи,—перебрасывалъ два яйца, то загоняя ихъ подъ самый потолокъ, то спуская ниже подбородка; перебрасывалъ три мячика; перебрасывалъ апельсинъ и столовый ножъ... Послѣднюю штуку жонглеръ заключилъ тѣмъ, что, поймавъ ножъ за ручку, подставилъ клинокъ подъ апельсинъ, и тяжелый плодъ съ разлету грузно сѣлъ на лезвее, какъ на колъ.

— Ce cher Victor! въ неудержимомъ порывѣ воскликнулъ отецъ.

24 февраля.

Что̀ за утро! Какое небо надъ Тимсой! Какой блескъ и сіяніе! Въ степи миражи навѣрно уже завели волшебную игру. И какъ грустно въ такую погоду разставаться съ Измаиліей! Всецѣло предаюсь я особому чувству нѣжности, точно навсегда разлучаюсь съ дорогимъ существомъ. Улицы, садики, дачи, производятъ на меня обаятельное впечатлѣніе. Влюбленными глазами смотрю я на окружающее: на кофейни, на магазины, на приказчиковъ, на старухъ съ кошёлками красныхъ яицъ (они остались для меня неразрѣшенною загадкой), на портовыхъ людей съ надвинутыми на глаза тирольскими шляпами,—этихъ знакомыхъ незнакомцевъ, вѣчно обвѣянныхъ табачнымъ дымомъ и, надо полагать, замышляющихъ какой-то государственный переворотъ... И мнѣ хочется всѣмъ и всему засвидѣтельствовать сердечную привязанность, чѣмъ-нибудь ее выразить, заказать что ли пиджакъ у портнаго, накупить въ лавкахъ розовыхъ и зеленыхъ галстуковъ или хотя побриться и постричься у милаго Lepelletier. Но надо спѣшить къ завтраку у Лессепсовъ. Пойду на вокзалъ прямо отъ нихъ. Счеты съ Mme Aspert сведены, и моя степная гостиница уже исчезла навѣки за поворотомъ...

По расписанію поѣздъ въ Каиръ отбываетъ въ половинѣ одиннадцатаго; однако поѣзда въ Египтѣ неукоснительно опаздываютъ, кромѣ курьерскаго между Каиромъ и Александріей, отличающагося хронометрическою правильностью. Въ настоящемъ случаѣ на часы еще и потому не зачѣмъ смотрѣть, что станціонныя власти предупреждаютъ Лессепса о близкомъ отходѣ поѣзда. До повѣстки съ вокзала я спокойно наслаждаюсь чаемъ, сливочнымъ масломъ, чудною клубникой „Victoria",—произведеніемъ измаильскихъ огородовъ, и другими явствами, которыми Mme Лессепсъ, стремящаяся ловить рыбу въ Горькихъ Озерахъ, успѣваетъ меня угощать среди своихъ сборовъ и хлопотъ. По полученіи повѣстки, откланиваюсь хозяевамъ, жму руку M. Victor'у, изъявляю уваженіе рдѣющей нянюшкѣ, наскоро обнимаю дѣтей.... Но отъ этихъ господъ не такъ-то легко отдѣлаться; надо сперва проститься съ кроликами и антилопами,—и молодые люди ведутъ меня въ садъ, гдѣ въ одномъ изъ бассейновъ утопаетъ вчерашняя саламандра, признанная ими за лягушку и посаженная на жительство въ воду.

Помня обѣщаніе, Лессепсъ поднесъ мнѣ карту морскаго канала съ планомъ Измаиліи. Внизу мелкимъ красивымъ почеркомъ были написаны слѣдующія десять словъ: „Souvenir d'une aimable visite à Ismailia. Ferdinand de Lesseps".

На вокзалѣ въ ожиданіи суэзскаго поѣзда гуляетъ начальникъ станціи съ серебряными локомотивчиками на воротникѣ. Толпа Арабовъ ждетъ въ припадкѣ полуденной лѣни. Полинялыя лохмотья одеждъ ярко сіяютъ на египетскомъ солнцѣ; преобладающій оттѣнокъ ихъ всегда небесный. Кругомъ какъ море стелется песокъ; вдали, среди его застывшихъ буруновъ, стоитъ зеленымъ островомъ семейство деревьевъ, скрывающихъ мечеть; отъ нея виденъ одинъ минаретъ.

Наконецъ мы размѣщены въ вагоны.

Когда поѣздъ отъѣхалъ саженъ на 50 я усмотрѣлъ, что минаретъ и деревья воображаемые... На мѣстѣ ихъ торчалъ небольшой каменный столбъ, окруженный травяными кустами: степь на прощаніе еще разъ провела меня.

Въ путь мы пустились не вдругъ. Версты полторы бѣжалъ за нами стрѣлочникъ, помахивая краснымъ флагомъ и крича: „осбуръ!" (стой). Видно забыли что-то. Кондуктора, перевѣсившись изъ оконъ, тоже кричали „осбуръ" и махали флагами, однако дойти до тендера полѣнились. Механикъ должно-быть уже самъ догадался,—остановилъ машину и покатилъ обратно въ Измаилію. Потомъ, отъѣхавъ верстъ десять, опять стали и высадили на пески двухъ Бедуиновъ, не имѣвшихъ билетовъ. Суровые, загорѣлые, въ длинныхъ бурнусахъ цвѣта окрестной степи, они долго стояли, не шевелясь, у дороги и, заслонивъ отъ солнца глаза, смотрѣли вслѣдъ удалявшемуся поѣзду. А онъ, безучастный, несся себѣ впередъ и впередъ, вспугивая со шпалъ безчисленныхъ ящерицъ, которыя задравъ острые хвосты рѣзво взбѣгали по крутымъ песчанымъ откосамъ.

VI.

На пути въ Константинополь, 25 февраля — мартъ.

Конецъ путешествію!

Давно бы пора „къ своему посту": не осталось больше ни финансовъ, ни времени, но сокровенная сила приковываетъ меня къ Каиру. Проходятъ часы, дни, недѣли,—я все не рѣшаюсь ѣхать.

Послѣ маленькой европейской Измаиліи, послѣ незначительныхъ арабскихъ городовъ Верхняго и Средняго Египта, послѣ полевой и степной тишины, дивная столица съ ея полувосточнымъ полузападнымъ характеромъ, съ ея пестрою и шумною жизнью, кажется мнѣ какою-то великолѣпною несообразностью, какою-то причудливою путаницей дворцовъ, виллъ, садовъ, мечетей, окруженныхъ праздничною толкотней народа. Въ сущности же эль-Масръ представляетъ мало новаго. Самый строй моей жизни складывается по старому. Помѣщаюсь я въ томъ же нумерѣ гостиницы Аббата; въ ней такъ же укромно и хорошо,—развѣ что къ веснѣ стало еще сильнѣе пахнуть оранжереей. То же щемящее чувство, близкое къ физической боли, испытываю я при видѣ за общимъ столомъ сосѣдей больныхъ. И они все тѣ же,—съ большими блестящими глазами, съ обтянутыми, словно обтаявшими лицами, которыя насмѣшница-чахотка во всю щеку разрумянила своими тонкими румянами. Швейцарецъ еще живъ, но уже не выходитъ къ обѣду; ночью продолжаю слышать его короткій кашель и мнѣ снится, что то̀ лаетъ дряхлая цѣпная собака. По утрамъ у подъѣзда стерегутъ меня продавцы антиковъ и

синайскіе поклонники, торгующіе финиковою колбасой (это кожаные глухіе мѣшечки подушкой, туго начиненные мясомъ финиковъ и миндалинами). По городу возитъ меня старый пріятель Гекторъ. Въ виду наступающаго тепла онъ выстриженъ, какъ вся его братья подъ гребенку, только для красы оставленъ рѣдкій узоръ изъ шерсти. Пошлёпывая туфлями, бѣжитъ сзади кривой Тольби, и при раздачѣ бакшишей во время прогулокъ, при расплатѣ въ лавкахъ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ старается меня обсчитать; принимая во вниманіе скорый мой отъѣздъ, онъ уже не такъ дорожитъ своею репутаціей и торопится извлечь изъ меня наибольшую для себя пользу.

— Хотъ! хотъ! покрикиваетъ онъ, когда Гекторъ вступаетъ въ полосу орошенной мостовой. Междометіе это можно перевести словами: „не поскользнись, легче“. Умный Гекторъ понимаетъ, идетъ тише.

— Go on! кричу я. Оа рэглекъ! Пошелъ, берегись!

Я тороплюсь, мнѣ некогда. Мнѣ хотѣлось бы предъ отъѣздомъ сызнова побывать всюду, видѣть все, вдоволь всѣмъ налюбоваться; хотѣлось бы разомъ обнять весь Каиръ— такъ, чтобы самаго малаго мѣстечка не осталось необнятымъ. Въ какой-то духовной жаждѣ сную я по улицамъ. Летятъ мнѣ на встрѣчу роскошные ландо, предшествуемые бѣгунами; слоняются мулаты и Арабы съ рубцами на щекахъ и на губахъ *, женщины—ходячія тайны, въ темныхъ покрывалахъ, продавцы рыбы, бьющейся въ деревянныхъ клѣткахъ, вожаки мандрилей; голыя дѣти плачутъ, сидя верхомъ на матеряхъ, или играютъ въ пыли, приголубленныя южнымъ солнцемъ; въ широко растворенныхъ кузняхъ, чуть не на мостовой, куютъ на рукахъ лошадей; у овощныхъ лабазовъ ревутъ разгружаемые верблюды; звенятъ мѣнялы, вопятъ разнощики, всхлипываютъ ослы,—и любы мнѣ блескъ, и гулъ, и суматоха дикаго, но несравненнаго города...

---

* На Востокѣ существуетъ 12 арабскихъ племенъ, отличающихся другъ отъ друга особыми насѣчками на лицѣ.

На „Муски“, гдѣ красные товары выпираются изъ оконъ, изъ дверей и изъ огромныхъ во всю лавку пробоевъ, трудно опредѣлить, что пестрѣе: вещи въ магазинахъ или люди наружи. Толпа течетъ безпрерывнымъ, звучнымъ потокомъ, не поймешь только, въ какую сторону. Въ мечетяхъ—прохладный сумракъ и благоговѣйная тишина. Какъ выходецъ изъ мусульманской могилы, въ турбанѣ и саванѣ, плыветъ впереди мулла, скользя по плитамъ босыми ногами. Въ городскомъ саду Эзбекіе, надъ цвѣтами порхаютъ бабочки, и задумчивые лебеди ѣдятъ у меня хлѣбъ изъ рукъ. Въ театрѣ взвивается тотъ же занавѣсъ съ изображеніемъ Измаилъ-паши на ступеняхъ Парѳенона. Самъ оригиналъ занимаетъ литерную ложу. Въ ложѣ рядомъ сидятъ старшіе его сыновья: Мохамедъ-Тевфикъ и Гуссейнъ-Кіямиль и съ ними Якубъ-ханъ, посланникъ Кашгарскаго эмира. Огни сіяютъ, избитая французская оперетка въ полномъ разгарѣ, актрисы подъ взвизгиванія скрипокъ поютъ развеселые куплеты, публика апплодируетъ... А на дворѣ безмолвіе, полнолуніе и сказочная ночь.

Все мнѣ знакомо въ Каирѣ—не только его площади, дома, вывѣски, но и человѣческія лица: узнаю я ослятниковъ, евнуховъ, собирательницъ навоза, узнаю нарядныхъ дамъ и клѣтчатыхъ господъ на террасахъ гостиницъ, не говоря уже что на каждомъ перекресткѣ сталкиваюсь съ нильскими туристами, съ которыми, казалось, я разстался на всю жизнь. Всѣ налицо, за исключеніемъ семейства Поммероевъ и Бельгійца: Поммерои отправились въ Іерусалимъ, а Бельгіецъ вѣроятно ищетъ по свѣту, „гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ“. При встрѣчахъ мы не испытываемъ никакого сладостнаго порыва, никакого желанія излить другъ другу души; напротивъ, стѣснены и смущены, не придумаемъ, что сказать, и ощущаемъ большое облегченіе, когда наконецъ расходимся въ противоположныя стороны. Хуже всего дѣйствуютъ на нервы безцвѣтныя личности; если я не замѣчалъ ихъ во время путешествія, то теперь, какъ бы въ наказаніе, пока они глупо мнѣ улыбаются, признаю ихъ до мельчайшихъ подробностей, до послѣдней бородавки.

Однажды въ нумерѣ докладываютъ мнѣ о приходѣ посѣтителя.

— Ѣздилъ съ вами на Кукѣ, говоритъ слуга и подаетъ мнѣ русскую визитную карточку.... съ моими собственными именемъ, отчествомъ и фамиліей.

Очевидно двойникъ!

Дѣлать нечего, приказываю просить.

Входитъ—Ахметъ-Сафи, блестящій, чистый, въ бѣлыхъ какъ снѣгъ шароварахъ, новой съ иголочки бедуинкѣ, шелковой чалмѣ, зеркально вычищенныхъ полусапожкахъ и съ такимъ лабиринтомъ часовыхъ цѣпочекъ, какому позавидовалъ бы самъ Анджело. Онъ тщательно сберегъ мою карточку, подаренную ему въ Филахъ, и послалъ ее съ человѣкомъ при докладѣ, какъ дѣлается въ высшемъ обществѣ. Старый Нубіецъ держитъ себя хотя скромно, но съ большимъ достоинствомъ; пожавъ мою руку, онъ безъ стѣснительныхъ церемоній садится на предложенный ему стулъ. Еслибы не добродушное лицо съ крупными губами и прелестнымъ взглядомъ, кроткимъ какъ у газели, кто бы могъ узнать драгомана Ахмета, перетиравшаго тарелки на *Саидіе* и выплескивавшаго въ Нилъ помои. Пришелъ онъ показать свои аттестаты; вынимая ихъ поочередно, каждый изъ отдѣльнаго фуляра, какъ ассуанскій торговецъ свои серебряные браслеты, онъ развертываетъ грязные документы и повергаетъ ихъ на мою оцѣнку. Вообще аттестаты интересуютъ лишь тѣхъ кому выданы, и для посторонняго человѣка не содержатъ ничего особенно заманчиваго. Однако изъ вѣжливости я пробѣгаю ихъ всѣ. Собесѣдникъ мой сидитъ довольный и смущенный, какъ двѣнадцатилѣтній мальчикъ, въ присутствіи котораго читаютъ первые его стихотворные опыты, и только изрѣдка дѣлаетъ робкія замѣчанія относительно лица, выдавшаго то или другое свидѣтельство.

— Этотъ живетъ здѣсь постоянно, говоритъ Ахметъ-Сафи,—а этотъ на лѣто уѣзжаетъ; мы съ нимъ странствовали семь мѣсяцевъ,—и онъ показываетъ на картѣ докуда они доходили по Бѣлому и докуда по Голубому Нилу.

Конецъ путешествію! Каиръ уже задернулся темною дымкой, пирамиды скрылись въ опаловой дали: я мчусь черезъ Дельту обратно въ Александрію. Среди зеленыхъ ослѣпительно яркихъ нивъ и въ скудной тѣни пальмовыхъ рощъ ходятъ Феллахи и Феллашки, покрывшись съ головой отъ солнца; буйволы вертятъ надъ колодцами колеса; испуганные поѣздомъ пѣтухи съ квохтаніемъ взлетаютъ на навозныя крыши. Деревушки здѣсь несравненно жальче верхнеегипетскихъ—не потому ли, что онѣ подъ рукой у правительства, и что съ нихъ легче собирать „недоимки“ за будущіе годы. Бѣлыхъ ибисовъ стало какъ будто меньше; * вмѣсто нихъ, у полотна сидятъ или вѣрнѣе стоятъ на широко разставленныхъ ножкахъ налетѣвшія въ большомъ количествѣ крокодиловы птицы: въ складѣ ихъ, въ посадкѣ проглядываетъ что-то совсѣмъ египетское, и, неподвижныя какъ изваянія, онѣ такъ и просятся въ іероглифы на стѣну какого-либо храма...

Да, но только это вовсе не крокодиловы птицы (pluvianus aegyptius трохилъ Геродота), а такъ-называемые шпоровые чибеза (hoplopterus spinosus). Ввелъ меня въ заблужденіе всевѣдущій спутникъ Брэма.

Близь дорожной насыпи, надъ лужами, куда Арабы закидываютъ удочки, склонились деревья сѣверныхъ породъ; они зеленѣютъ первымъ пухомъ или стоятъ „какъ молокомъ облитые“... Весна опять настигла меня, пока я медлилъ на Суэзскомъ каналѣ и бродилъ по Каиру.

На платформахъ глазѣетъ народъ; статныя Арабки продаютъ на подносахъ мандарины; нищіе ползутъ къ вагонамъ; одни высохли какъ муміи, другіе—не то оспенные, не то прокаженные—покрыты язвами, и мухи цѣлымъ облакомъ роятся вокругъ ихъ лицъ, облѣпляя черными кольцами ротъ и глаза. На рукахъ у молодой женщины покоится ребенокъ, исчезающій въ кучѣ тряпья; наружу торчатъ однѣ крохотныя ступни-сморчки, усаженныя ранками....

---

* На лѣто они перекочевываютъ въ южную Россію; мнѣ случалось видѣть ихъ въ іюлѣ на Дону.

Къ счастью поѣздъ останавливается не надолго, и снова пыхтитъ, и снова несется—по полямъ, черезъ хлопчато-бумажныя плантаціи или надъ тихими, широкими разливами, которые въ наступившихъ сумеркахъ напоминаютъ мнѣ какое-то давнее весеннее половодье въ Россіи.

Болѣе и болѣе убѣждаюсь, что міръ тѣсенъ: постоянно наталкиваешься въ немъ какъ на извѣстные предметы, такъ и на знакомыхъ людей. Вечеромъ въ Александріи встрѣчаюсь съ г. R. (узнаю отъ него, что общество Mme Lesseps поймало въ Горькихъ Озерахъ нѣсколько сотъ дорадъ); на слѣдующее утро къ пароходной пристани везетъ меня тотъ самый ослятникъ-Мефистофель, который въ прошлый разъ вывелъ меня изъ терпѣнія на загородной прогулкѣ; наконецъ днемъ троекратно лобызаюсь со стариннымъ пріятелемъ, капитаномъ Семеномъ Семеновичемъ, и веду съ нимъ рѣчь о грузѣ, о фрахтѣ, о таможнѣ и, само собою, о „распротобестіяхъ Арабахъ“... Я ухожу на *Константинъ*.

Конецъ путешествію! Низменные берега уже исчезли, и мы въ открытомъ морѣ. Уныло стою я у поднятаго трапа. За мною стихаетъ возня третьяго класса. Кто-то бранится, шипитъ паръ, гудятъ рычаги, поваръ рубитъ котлеты... Я не пошелъ на ютъ; успѣю тамъ наскучаться въ теченіе 13дневнаго перехода. Отсюда ближе къ свѣтлой водѣ...Дельфины играютъ въ ней и порою въ стремительномъ бѣгѣ выхватываются на воздухъ... Имъ легко странствовать по морямъ и океанамъ: времени свободнаго вдоволь, денегъ же не надо,—и рѣзвятся они со дня на день, забывая о вчерашнемъ, не думая о завтрашнемъ днѣ. А у меня воля, беззаботность, жизнь, все уплыло назадъ; впереди ничего, кромѣ „томленія духа“. Еслибъ еще я ѣхалъ домой, на родину. Нѣтъ! Я возвращаюсь на службу въ постылую Турцію! Какъ же не оглядываться, не подводить итоговъ прошедшему, не жаловаться на судьбу? И со злости я стараюсь убѣдить себя, что въ концѣ-концовъ забиваться въ Египетъ не стоило. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ осталось отъ далекаго путешествія? послѣдствія ѣзды на верблюдѣ—струпья по всему

тѣлу? Верхне-египетскія и нубійскія рѣдкости, отъ которыхъ болѣе или менѣе воняетъ касторкой? или въ памяти нѣсколько именъ исторіи, столь отдаленной, что къ ней не перенесешься мыслью, что прославившіеся ея дѣятели являются воображенію не какъ живые люди, а какъ обтертые и обезличенные временемъ истуканы. Правда, я увожу запасъ воспоминаній, освѣщенныхъ африканскимъ солнцемъ и обвѣянныхъ дыханіемъ не нашей весны. Но что̀ жь изъ этого? Я буду лишь пуще тосковать по краю, гдѣ цвѣтутъ финики и бананы, да по своимъ отошедшимъ въ вѣчность свѣтлымъ праздникамъ! Nessun major dolore....

Вдобавокъ меня уже томитъ неисполнимая мечта. Мелкія ощущенія, обрывки чувствъ, клочки мыслей, все испытанное и передуманное за послѣдніе два мѣсяца, все что̀ я безпорядочно заносилъ въ настоящій дневникъ и чего не заносилъ,—все это мнѣ мучительно хотѣлось бы сплотить въ одно стройное цѣлое, въ одно фантастическое созданіе, которое обнимало бы всѣ рода искусства, которое было бы вмѣстѣ и стихами, широкими и могучими какъ Нилъ, и картиной, гдѣ надъ раздольемъ нивъ, осѣненныхъ пальмами, надъ плоскими крышами городовъ, надъ дальними цѣпями скалъ смѣняли бы другъ друга египетскіе день и ночь,—было бы и музыкой, то необузданною какъ напѣвы баядерокъ, то нѣжною какъ трели жаворонка, было бы и статуей, изображающею арабскую дѣвушку съ кувшиномъ на плечѣ,—статуей, предъ которою, устыдившись своего ничтожества, разсыпалась бы въ прахъ сама Милосская Венера.

Но мои роптанія и утопіи прерваны самымъ внезапнымъ образомъ. Съ юта грянулъ рѣзкій выстрѣлъ, и знакомый голосъ кричитъ:

— Vous l'avez atteint, Miss Pommeroy, vous l'avez atteint... *

Взбѣгаю на верхъ: Бельгіецъ и американская семья— папа, мама, Emily, Gertrude—стоятъ ко мнѣ спиной и,

* Вы въ него попали, миссъ Поммерой, вы въ него попали.

облокотясь на перила, смотрятъ, какъ раненый дельфинъ, тяжело барахтаясь и кувыркаясь, окрашиваетъ кровью голубую воду. Этихъ лицъ я вижу съ истиннымъ удовольствіемъ—быть-можетъ оттого, что встрѣчаюсь съ ними не въ городѣ, а въ пути: въ городѣ и туристы становятся обременительными знакомыми; въ пути же, наоборотъ, всякій знакомый низводится на степень туриста и по тому самому дѣлается человѣкомъ если иногда и не особенно пріятнымъ, то во всякомъ случаѣ не обременительнымъ.

Съ ихъ стороны высказывается шумная радость. Возгласы, объятія, горячіе поцѣлуи, кто-то пытается оторвать у меня руку... а хорошенькая дѣвочка въ ребяческомъ восторгѣ прыгаетъ вокругъ меня и повторяетъ: „gawareety lee we pa roosky, gawareety lee we pa roosky...“

— Возвращаетесь? кричитъ толстый мистеръ Поммерой;— не правда ли, какая прелесть путешествовать? Всякому въ Америкѣ накажу... Кто только можетъ, пусть непремѣнно ѣдетъ, и чѣмъ дальше—тѣмъ лучше: ему будетъ такъ весело возвращаться. Счастливецъ вы, право! А мы все еще движемся впередъ: дочь везетъ насъ ко Святымъ Мѣстамъ!

И неподдѣльный вздохъ всколыхнулъ его широкую грудь.

Между тѣмъ Бельгіецъ шепчется съ Miss Emily,—не то споритъ съ нею, не то убѣждаетъ; вотъ она беретъ его за руку, и оба подходятъ ко мнѣ.

— Если я не на краю свѣта, говоритъ онъ,—то благодаря лишь добротѣ миссъ Поммерой; сегодня уже недѣля, то-есть почти девять дней, то-есть собственно восемь... Поцѣлуемтесь еще.

Здѣсь Бельгіецъ окончательно спутался и заключилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Къ чему распространяться... Я счастливъ, я женюсь,— поздравьте насъ.

— Его, пожалуй, поздравляйте, а меня не съ чѣмъ, вставила миссъ Поммерой и, обратившись къ нему, шутливо

погрозила пальцемъ:—J have not yet forgiven you your dogskin, mind that! *.

— Дорогая миссъ Поммерой, увѣряю васъ, это была гіена...

Обмѣнъ послѣднихъ фразъ произошелъ вполголоса, и предостереженіе Американки очевидно не предназначалось для моихъ ушей, но оно воскресило въ моемъ умѣ всѣ подробности нашей охоты на hyène terre-neuve, и мнѣ стало такъ смѣшно, что я громко захохоталъ.

— Чему вы хохочете? спросила Miss Emily.

— Да вотъ тому самому, отвѣчалъ я съ непростительною безтактностью.

— То-есть какъ это тому самому?

— Нашей оплошности... Вы еще сами въ Ѳивахъ смѣялись.

— Объяснитесь пожалуста, я васъ не понимаю.

— Какъ же, когда мы убили съ вашимъ женихомъ собаку и торжественно привезли ее на пароходъ!..

— Parlez pour vous, сухо перебила она меня, не на шутку разсердившись;—что касается моего жениха, то онъ убилъ настоящую гіену, да и кому же это знать какъ не вамъ: вы, помнится, даже расписались по этому случаю въ книгѣ у луксорскаго консула.

Зачѣмъ я расписался, я теперь и самъ не пойму! Затменіе какое-то нашло. Упрекаемый совѣстью, я стоялъ предъ миссъ Поммерой, сконфуженный и пристыженный; но гнѣвъ ея неожиданно смѣнился на милость и невѣста принялась со мною кокетничать, безъ сомнѣнія съ тѣмъ, чтобъ отмстить жениху за собачью шкуру. Фанъ-денъ-Бошъ сталъ грозно мраченъ, какъ въ былыя времена, когда кровожадно вымещалъ досаду на голубяхъ, и если теперь онъ не казнитъ чаекъ, то только потому, что Семенъ Семеновичъ, услыхавъ выстрѣлъ по дельфину, просилъ убрать ружья въ

---

* Я еще не простила вамъ собачьей шкуры, помните это.

каюту: „чего добраго, еще кому-нибудь въ животъ попадутъ, а я за нихъ отвѣчай!" Впрочемъ, Бельгіецъ таки стрѣляетъ чаекъ—мысленно, одними глазами,—я вижу это по вздрагиванью его лица; бьетъ ихъ безъ промаха, безъ жалости и разстрѣливаетъ въ пухъ. А чайки возрождаются какъ фениксы; невредимыя и легкія продолжаютъ онѣ безъ усилія и шума летѣть за кормой, освѣщенныя отблескомъ вечерней зари, которая зажглась бенгальскимъ огнемъ надъ горизонтомъ и цѣликомъ отдается въ ровномъ какъ зеркало морѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПОѢЗДКѢ ВЪ ЕГИПЕТЪ.

[1]) Лучшую сравнительно стоянку по Сирійскому побережію представляетъ Сайда. Еслибъ лежащій противъ города островъ соединить съ берегомъ посредствомъ мола, образовался бы вполнѣ удобный портъ, и со временемъ торговое значеніе Бейрута исчезло бы.

---

[2]) По другимъ, весьма поэтичнымъ, хотя врядъ ли достовѣрнымъ источникамъ, пирамиды Гизе построены царемъ Суридомъ за триста лѣтъ до всемірнаго потопа, угаданнаго имъ въ пророческомъ снѣ. Въ пустыя пространства своихъ каменныхъ ковчеговъ царь велѣлъ снести тѣла предшественниковъ.

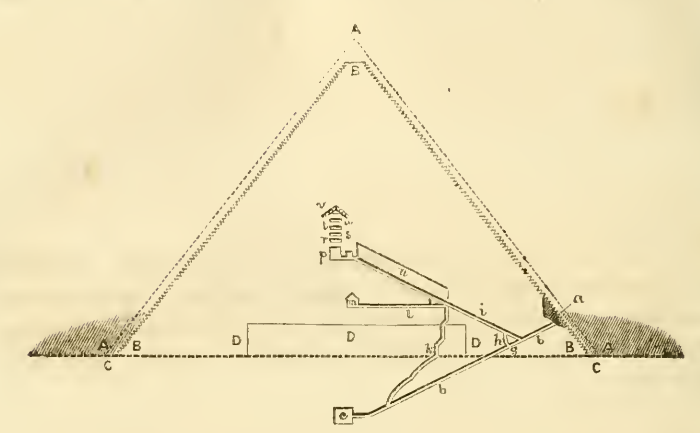
„Эту пирамиду построилъ я, царь Суридъ", было будто бы написано на большей, „и окончилъ ее въ 61 годъ. Пусть вѣнценосецъ, воображающій, что онъ равенъ мнѣ по могуществу, попытается разрушить ее въ 600 лѣтъ. А уничтожать легче, чѣмъ созидать. Я одѣлъ ее шелкомъ, пусть онъ покроетъ ее рогожами (?)".

---

[3]) Вотъ сравнительная вышина самыхъ большихъ зданій въ мірѣ: Кельнскій соборъ—156 метровъ, Хеопсова пирамида (первоначальная вышина)—147; Münster въ Страсбургѣ—144; пирамида Хефрена—138; колокольня церкви св. Стефана въ Вѣнѣ—135; куполъ св. Петра въ Римѣ—131; Св. Павла въ Лондонѣ—106; (пирамида Менкавра—66).

---

[4]) На этомъ рисункѣ представленъ вертикальный разрѣзъ хеопсовой пирамиды.



A. Профиль пирамиды съ первоначальною окладкой.

B. Нынѣшняя профиль пирамиды.

C. Основаніе пирамиды.

D. Естественная скала.

a. Наружный входъ.

b. Нисходящій корридоръ.

c. Подземная комната.

g. Завалившаяся глыба.

h. Ходъ, пробитый эль-Мамуномъ.

i. Восходящій корридоръ.

k. Колодезь (тоже пробитый въ послѣдствіи искателями сокровищъ).

l. Горизонтальный ходъ къ такъназываемой комнатѣ Фараонши.

m. Комната Фараонши.

n. Большая галлерея.

p. Царская комната.

r, s, t, u и v. Пустые объемы, уменьшающіе давленіе каменной массы на царскую комнату.

---

[5]) „И возсталъ въ Египтѣ новый царь, который не зналъ Іосифа" и т. д. (Исходъ, Глава I, стихъ 8 и слѣд.). Рамзесъ II царствовалъ отъ 1392 до 1326.

---

[6]) По историку Манеѳу, уступчатая пирамида воздвигнута однимъ изъ царей первой династіи, Уненефомъ, и въ такомъ случаѣ она, а не большія пирамиды, представляетъ самый древній памятникъ въ мірѣ. Уступчатая пирамида меньше Хеопсовой и

Хефреновой, но больше Менкавровой (190 фут.). Отъ прочихъ пирамидъ она отличается тѣмъ, что стороны ея не вполнѣ соотвѣтствуютъ четыремъ странамъ свѣта, (ось основанія отклоняется отъ меридіана на 4°35' къ востоку), причемъ сѣверная и южная короче западной и восточной, такъ что основаніе не образуетъ правильнаго квадрата: сѣверная и южная стороны имѣютъ въ длину 1707,3 мѣра, западная и восточная 120,6 метра.

---

[7]) Озирисъ и Апи (отсюда Сераписъ и Серапеумъ)—два самостоятельныя божества, иногда сливающіяся воедино, какъ умерщвленный Озирисъ—съ Пта, Аммонъ—съ Ра, Изида—съ Аторъ и пр. Быкъ Аписъ долженъ былъ имѣть черный мѣхъ, на лбу—бѣлую звѣзду трехугольной формы, на спинѣ—свѣтлое пятно съ очертаніемъ орла и подъ языкомъ—наростъ въ видѣ священнаго жука.

---

[8]) Въ стѣнахъ главнаго хода катакомбъ замѣтны небольшія углубленія, откуда вынуты таблицы, хранящіяся теперь частію въ Луврѣ, частію въ Булакскомъ музеѣ, и служащія богатымъ матеріаломъ для хронологіи фараоновъ. На таблицахъ этихъ обозначено въ какой день, мѣсяцъ и годъ правленія извѣстнаго царя родился и скончался тотъ или другой священный быкъ; онѣ вдѣлывались въ стѣну на память о паломничествѣ богомольцами приходившими поклониться праху Аписа на 70-й день по его смерти.

---

[9]) Бо́льшая изъ нихъ,—такъ-называемый гротъ Діаны, (Speos Artemidos), по-арабски Стабль-Антаръ,—начата, какъ указываютъ надписи и рисунки, при Тутмесѣ или Тэутимесѣ III (1597—1447 до Р. Х. XVIII династія). Состоитъ она изъ сѣней или притвора (портикъ) съ тремя столпами (четырехгранными; ихъ было 8, въ два ряда; одинъ рядъ вовсе уничтоженъ, разрушена также крайняя колонна другаго ряда) и внутренней неотдѣланной комнаты. Въ притворѣ, на стѣнахъ и столпахъ, выпуклые и врѣзанные барельефы, часто окрашенные, изображаютъ Тутмеса III и Сети I (отъ 1443—1392 до Р. Х., XIX династіи, отецъ Рамзеса I), приносящихъ жертвы богамъ запутанной египетской миѳологіи,—Аммону „царю боговъ", То̀ту съ головой ибиса, богу мѣры, лѣтосчисленія, письменъ и вообще науки, (подруга его Сафэхъ олицетворяетъ собою музъ), и львиноголовой невѣстѣ Пта, богинѣ

Пахтъ, именуемой въ іероглифахъ „госпожой грота". Богиня эта, называемая также Сехетъ или Бастъ—у Геродота Бубастъ—приходится матерью Имхотепу, египетскому Эскулапу. Ее вѣрнѣе назвать Афродитой, богиней любви, нежели Діаной. Полагають, что пещера служила гробницей ея священнымъ животнымъ, кошкамъ и львамъ. Въ настоящее время барельефы испорчены и краски уцѣлѣли только мѣстами.

---

[10]) Лучшія бенигассанскія гробницы суть двѣ крайнія сѣверныя. Принадлежатъ онѣ правителямъ округа Сса (Санса), полководцамъ Аменъ-Аменемѣ и Нумъ-Хотепу. Первый служилъ при Узертезенѣ I (Узертезенъ I, иначе *Ра-Шеперъ-Ка,* воздвигшій Геліопольскій обелискъ,—фараонъ XII династіи, 2454—2194 до Р. Х.). Второй отличался въ царствованіе Аменемы II (той же династіи.) Полководецъ Амена въ образной и іероглифической автобіографіи разсказываетъ о своихъ походахъ и о славѣ своей, „выросшей до небесъ", а „князь и фараоновъ зять" Нумъ-Хотепъ, въ 222 столбцахъ круговой надписи на нижней части стѣнъ, повѣствуетъ не только о своей жизни и заслугахъ, но и о доблестяхъ отца своего Нехеры. Въ усыпальницѣ Нумъ-Хотепа находится между прочимъ изображеніе пришедшихъ съ дарами переселенцевъ семитическаго племени, которыхъ сперва ошибочно принимали за Іосифовыхъ братьевъ.

---

[11]) Антиноя, основана Адріаномъ (117 — 135 по Р. Х.). Колонны ея, еще недавно покрывавшія мѣстность, пошли на зданія окрестныхъ фабрикъ; впрочемъ великолѣпные театръ и гипподромъ (въ 962 фута длины и 206 ширины) уцѣлѣли.

---

[12]) Копты—иначе Якобиты, Евтихіане, по мѣстному *Юбтъ* или *Кюбтъ,* суть Арабы монофизиты, то-есть признающіе въ Іисусѣ Христѣ одно естество—божеское. Ученіе это, предложенное Евтихіемъ, архимандритомъ Константинопольскимъ, послѣдователемъ Несторія и другихъ, какъ извѣстно, отвергнуто въ 451 году на Халкедонскомъ соборѣ. Во всемъ Египтѣ Коптовъ насчитываютъ не болѣе 300.000.

---

[13]) Сіутскія гробницы относятся ко временамъ XII и XIII династій (отъ 2354 приблизительно до 2000 до Р. Х.) и по большей части высѣчены грубо: каждая состоитъ изъ сѣней и ряда уходящихъ въ нѣдра горы покоевъ, числомъ до пяти. Въ послѣднемъ находится круглый или четырехгранный колодезь. Лучше другихъ сохранившаяся гробница, съ надписями по стѣнамъ и желтыми звѣздами на голубомъ потолкѣ, принадлежитъ нѣкоему Ха-тефѣ, номарху Ликополиса. Кромѣ человѣческихъ останковъ, въ могилахъ находятъ муміи собакъ, волковъ и шакаловъ, священныхъ животныхъ сына Озириса и Нефти—Анубиса (Анепа, Анъ-Херу), бога съ собачьею головой, покровителя города и стража подземнаго міра. Въ одной изъ комнатъ полъ усыпанъ мелкими человѣческими костями; здѣсь я могъ бы между прочимъ набрать цѣлую коллекцію великолѣпнѣйшихъ зубовъ.

---

[14]) Города съ болѣе численнымъ населеніемъ суть наперечетъ слѣдующіе: Каиръ 350.000, Александрія 210.000, Танта 60.000, Загазигъ 40.000, Дамьета 33.000, Сіутъ иначе Ассіутъ 27.000, Даманхуръ 25.000, Розета 16.000, Мансура 16.000, Портъ-Саидъ 11.000, Суэцъ 9.000.

---

[15]) Сооруженіе Дендерскаго храма начато при Птоломеѣ XI Александрѣ (106 до Р. Х.) и окончено при императорѣ Тиберіи (14—37 по Р. Х.) Есть украшенія и пристройки, относящіяся къ позднѣйшему времени (такъ встрѣчаются имена Калигулы, Клавдія, Нерона и другихъ). Рядомъ находится небольшой храмъ Изиды, достроенный при Неронѣ, и такъ-называемый Тифоніумъ, символическій родильный домъ, воздвигнутый въ честь богини Аторъ, раждающей Эу, бога дня. Богиню эту Греки звали Афродитой; какъ сказано выше, она иногда сливается съ Изидой.

---

[16]) Храмъ Гурнэ начатъ собственно отцемъ Рамзеса II фараономъ Сети I (1443—1392 до Р. Х.), посвятившимъ его „отцу своему Аммону-Ра, царю боговъ", (слитное представленіе о двухъ самостоятельныхъ божествахъ: Аммонѣ (скрытый), сынѣ Пта, и Ра, олицетвореніи полуденнаго солнца). Въ числѣ изображеній царей между прочимъ встрѣчаются мало извѣстные фараонъ Пта-сэ-Пта и фараонша Амесъ-Нофріаре,—изъ боговъ можно видѣть возрождающагося Пта, голубаго Аммона въ раздвоенной коро-

нѣ—колпакъ чуть не во весь его ростъ, тріаду божествъ—Озириса, Изиду и зачатаго до ихъ рожденія сына Оруса съ головой хищной птицы и возмутительно-нахальною осанкой (онъ мститъ Тифону за отца. Орусъ сливается иногда съ Армахомъ, богомъ утренняго солнца), богиню Аторъ съ коровьею мордой, кормящую грудью малолѣтняго Сети, Хонзу, бога-цѣлителя, „истребителя враговъ", опору людей на жизненномъ пути, Анубиса, провожатаго въ подземное царство, и другихъ.

---

[17]) Ѳиванскія погребальницы распредѣлены группами вдоль сѣверной окраины бывшаго города: въ пустынѣ (на лѣвомъ берегу), отъ востока къ западу, еле замѣтно уклоняясь къ югу, расположены по склонамъ каменистыхъ возвышенностей могилы Дра-Абу-Нега, Ассассифа, Шейхъ-Абдъ-эль-Гурнэ, Гурнэтъ-Мурай и Бабъ-эсъ-Султанатъ; гораздо сѣвернѣе этой цѣпи кладбищъ, въ горахъ, находится группа Бабъ-эль-Мелюкъ. Въ Дра Абу-Нега покоются фараоны XI, XII, XVII, и начала XVIII династіи, въ Шейхъ-Абдъ-эль-Гурнэ и Гурнэтъ-Мурай—XVIII и XIX династіи, въ Бабъ-эль-Мелюкъ—XVIII, XIX и XX династіи, въ Ассассифѣ—XVIII, XIX, XXII и XXVI династіи и Птоломеи, наконецъ въ Бабъ-эсъ-Султанатѣ похоронены фараонши, не знаю какихъ временъ.

---

[18]) Нумеръ семнадцатый, могила Сети I, называется иначе Бельцоніевою гробницей, по имени Италіянца, открывшаго ее въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Она была расхищена гораздо раньше, и потомъ, неизвѣстно для чего, опять старательно задѣлана; Бельцони засталъ одинъ алебастровый саркофагъ, пустой и безъ крышки, но стѣнная живопись находилась еще въ такой неприкосновенности, что, казалось, она была малевана наканунѣ. Теперь, по прошествіи 50 лѣтъ, ступени лѣстницъ исчезаютъ подъ грудами осколковъ, и въ стѣнахъ сдѣланы большія выбоины или же отлущены куски желтой штукатурки, тонкимъ слоемъ покрывающей скалу въ качествѣ грунта для красокъ. Содержаніе картинъ довольно туманно: главнымъ предметомъ ихъ является странствованіе души по сферамъ Аменти, то-есть подземнаго міра. Конечно, не умѣя читать іероглифы, этого сразу не поймешь. Встрѣчаются спѣсивые боги („первый въ звѣздномъ обиталищѣ" Озирисъ-Унеферъ, послѣ смерти дѣлающійся влады-

кой подземнаго міра, и сливающійся съ Ра, руководитъ фараономъ Сети), встрѣчаются мущины и женщины въ древне-египетскихъ позахъ, плывущія по Нилу парусныя и гребныя суда, крокодилы, змѣи, жуки, катающіе земляные шарики, улитки и множество всякихъ символическихъ знаковъ. Четыре человѣка, разнящіеся цвѣтомъ кожи, представляютъ типы четырехъ извѣстныхъ въ то время племенъ. Такая же группа повторяется въ осьмомъ нумерѣ, въ гробницѣ Менефты. (Менефта (1326—1306), по предположеніямъ ученыхъ, есть тотъ самый фараонъ, войско котораго погибло въ погонѣ за Израильтянами. Исходъ, гл. XIV).

Нумеръ одиннадцатый принадлежитъ Рамзесу III (XX династія 1273—1095), и называется „гробницей Брюса" (Bruce, нашедшій ее путешественникъ), или „Арфистовъ". Тутъ преимущественно изображены сцены изъ обиходной жизни, распредѣленныя систематично по разнымъ комнатамъ. Въ одномъ покоѣ сгруппированы картины земледѣльческаго быта, въ другомъ—картины судоходства, въ третьемъ кухоннаго хозяйства: печеніе хлѣбовъ, булокъ, пироговъ и пр., есть комната съ цѣлою коллекціей нарисованныхъ ножей, кинжаловъ, стрѣлъ, палицъ и копій: ихъ лезвія и наконечники окрашены въ голубой цвѣтъ—обстоятельство, указывающее, что въ XIII вѣкѣ до Р. Х. употребленіе стали было уже извѣстно; есть комната, посвященная домашней птицѣ, гусямъ, перепелкамъ и т. п. Куръ нѣтъ, и яйца нарисованныя тутъ же снесены не ими. Плодамъ, изъ коихъ я разобралъ лишь гранаты и виноградъ, тоже отведено особое помѣщеніе. Въ виду такой разсортировки рисунковъ, думаютъ, что отдѣльныя комнаты предназначались для погребенія служившихъ при фараонѣ лицъ: какъ-то повара, оруженосца, птичника, управляющаго и пр. Въ гробницѣ Брюса есть и образы боговъ, однако сравнительно въ небольшомъ количествѣ. У дверей царскаго покоя двое слѣпцовъ играютъ на арфахъ; отсюда происходитъ второе наименованіе гробницы.

Изъ остальныхъ нумеровъ лучшіе седьмой—Рамзеса II—и девятый—Рамзеса IV.

Въ 1882 или въ концѣ 1881 года открытъ возлѣ Деиръ-эль-Бахрэ новый тайникъ въ которомъ найдено до 40 мумій. Какъ утверждаютъ ученые это тѣла фараоновъ Бабъ-эль-Мелюкской долины, перенесенныя сюда для безопасности.

[19]) Съ пьедесталомъ, теперь ушедшимъ въ землю, вышина колоссовъ достигаетъ 60 футовъ: между плечами—болѣе 18, голова и шея—10 съ половиной, предплечіе—16 съ половиной, отъ колѣна до ступни—почти 20. Барельефъ на правой голени обѣихъ статуй представляетъ супругу Амунофа Ти, а на лѣвой—его мать Мутемуу.

---

[20]) Самыя важныя картины Мемноніума—богатый матеріалъ для исторіи Рамзеса II—изсѣчены частію на уцѣлѣвшихъ наружныхъ стѣнахъ, частію на завалившихся пропилонахъ: это длинная боевая поэма,—мѣстная *Иліада* въ лицахъ, поясненная краткимъ текстомъ.

На стѣнахъ передано со всѣми подробностями сраженіе на берегу „Арунты“ (Оронтеса), подъ крѣпостью Кедешомъ, главнымъ городомъ азіятскаго племени *Хиттимъ* или *Хета* (Хеттеи Библіи),—приведены нѣкоторыя церемоніи, какъ-то коронація, священное „обрѣзаніе виноградныхъ лозъ“ и т. п., а также изображены двадцать три сына и три дочери великаго завоевателя.

На западномъ пропилонѣ Рамзесъ, въ четвертый годъ своего царствованія, беретъ пятнадцать азіятскихъ городовъ; въ спискѣ ихъ встрѣчается имя іероглифическаго Салама, библейскаго Іерусалима. Военныя сцены довольно разнообразны: сомкнувъ щиты, идетъ египетская пѣхота, за нею движется отрядъ *конныхъ* колесницъ. Лошади, были введены въ Египетъ Гиксами, (XIII—XVI династія 2194—1701), но изображенія ихъ встрѣчаются лишь на памятникахъ XVII и позднѣйшихъ династій. Побѣдители овладѣваютъ военною добычей—угоняютъ скотъ, уносятъ драгоцѣнности; плѣнныхъ ведутъ на веревкахъ, бьютъ, хватаютъ за бороду и проч.

На восточномъ пропилонѣ совершаются событія пятаго года царствованія. Рамзесъ идетъ походомъ противъ того же племени Хета. Всюду исполинскаго роста въ непередаваемо-хвастливомъ тѣлоположеніи, онъ пускаетъ стрѣлы въ бѣгущаго непріятеля или стоитъ среди сражающихся, съ боевымъ топоромъ въ рукѣ.

Вблизи Мемноніума находится развалившаяся сводчатая постройка; на кирпичахъ ея выбито клеймо Рамзеса II; говорятъ, она предназначалась для изготовленія мумій.

---

[21]) Вотъ болѣе подробное описаніе этой картины. Въ верхней полосѣ идутъ черные и бурые Негры, „изъ страны Пунтъ" съ леопардами, обезьянами, мѣхами, слоновою костью, сушеными плодами и т. п. Во второй язычники изъ Куфы, краснокожіе люди въ сандаліяхъ и съ длинными вьющимися черными какъ смоль волосами, несутъ въ даръ ожерелья и вазы изящныхъ очертаній. Третьими шагаютъ „язычники съ полудня", Эѳіопы, съ золотыми кольцами, мѣшками золотой пыли (или драгоцѣнныхъ камней), страусовыми яйцами и перьями, звѣриными шкурами, чернымъ деревомъ, рогатымъ скотомъ, жирафами и борзыми собаками. Въ четвертомъ ярусѣ двигаются начальники какого-то бѣлолицаго племени „Ротену" (Кападокійцы?); у нихъ длинныя бѣлыя одѣянія, перчатки, бывшія, по Ксенофонту, въ употребленіи у Персовъ, и небольшія бороды, представляющія на египетскомъ рисункѣ рѣдкое исключеніе; подношенія состоятъ изъ сосудовъ, лошадей, колесницы, слона и медвѣдя. Въ пятой, нижней графѣ идутъ Египтяне, „южныя язычницы", съ дѣтьми въ корзинахъ, и жены Ротену. Противъ каждаго ряда подьячіе дѣлаютъ опись сваленнымъ въ кучу дарамъ.

Отъ прочихъ могилъ Шейхъ-Абдъ-эль-Гурнъ 35-й нумеръ отличается тѣмъ, что главное помѣщеніе представляетъ сначала низкій, а потомъ очень высокій корридоръ: полъ его постепенно опускается, тогда какъ потолокъ остается горизонтальнымъ.

Изъ остальныхъ нумеровъ интересны шестнадцатый и четырнадцатый; въ послѣднемъ изображено множество свиней, кажется, нигдѣ на другихъ египетскихъ памятникахъ не встрѣчающихся.

---

[22]) Богиня Ма носитъ иногда повязку на глазахъ и называется также Мен, съ членомъ—Т'Мен, звукъ напоминающій имя соотвѣтствующаго греческаго божества, Ѳемиды, которую на этомъ основаніи производятъ отъ ея Нильской сестры. Геродотъ, переиначившій главныхъ египетскихъ боговъ на ладъ греческой миѳологіи, исключаетъ Ѳемиду изъ числа тѣхъ божествъ, имена коихъ перешли, по его словамъ, изъ Египта въ Грецію (§ L, кн. II).

Храмъ Дейръ-эль-Мединэ заложенъ Филопаторомъ (Птоломей IV 221—204 до Р. Х.) и оконченъ Фискономъ. (Фисконъ, т.-е. толстобрюхъ—прозваніе Птолемея X Эургета II 169—116.) На барельефахъ оба эти Птолемея, а также Птолемей VII, Филометоръ (181—145) и мать его—правительница Клеопатра I приносятъ жертвы богамъ. Въ позднѣйшее время, какъ указываетъ са-

мое его названіе (*деиръ*—церковь или монастырь), а равно и множество арабскихъ надписей по стѣнамъ, онъ служилъ христіанскою церковью.

---

[28]) Группа Мединетъ-Абу состоитъ изъ двухъ храмовъ, малаго и большаго, и остатковъ дворца Рамзеса III.

Малый храмъ, посвященный Аммону-Ра, замѣчателенъ развѣ количествомъ своихъ зиждителей; въ немъ встрѣчаются имена основательницы, неразгаданной фараонши Хатасу, братьевъ ея Тутмесовъ, Рамзеса III, Тахарка, Ахориса (393 до 380 до Р. Х. XXIX династіи) Нектанебо (358—340 XXX дин.) Фискона, Латира, (Птоломей X, Сотеръ II, 116—81) Автократора (Августъ Цезарь Октавіанъ), Адріана Діонисія, Тита, Элія, Антонина Благочестиваго и другихъ. (Означенный выше *Тахарка*, фараонъ XVIII династіи (VII и VIII вѣкъ до Р. Х.) разбиваетъ Ассирійскаго царя Сеннахериба (Сеннахеримъ Библіи) и освобождаетъ Іерусалимъ; въ послѣдствіи побѣжденъ сыномъ его Асаргадономъ и, при попыткѣ возстанія противъ ассирійскаго владычества, усмиренъ внукомъ Сеннахериба, Асурбаниналомъ (Сарданапаломъ). Упоминается въ Библіи подъ именемъ Тиргаки: „И услышалъ онъ (Сеннахеримъ) о Тиргакѣ, царѣ Еѳіопскомъ и проч.“ (Четв. кн. Царствъ, гл. XIX, ст. 9, также книга прор. Исаіи, гл. XXXVII, ст. 9).

Большой храмъ является Мемноніумомъ Рамзеса III. Снаружи барельефы касаются почти исключительно военныхъ событій его царствованія. Десять главныхъ картинъ слѣдуетъ отнести къ походамъ противъ племенъ Ребу или Либу (Ливійцевъ) и неизвѣстныхъ Таккаро или Ти-ку-ри: 1) фараонъ на колесницѣ, въ сопровожденіи ручнаго льва, дѣлаетъ смотръ своимъ войскамъ (Озимандіасъ, Рамзесъ II, по преданіямъ, тоже имѣлъ при себѣ льва на войнѣ). 2) Въ кровопролитной сѣчѣ Египтяне одерживаютъ побѣду надъ Ребу. 3) Приводится въ извѣстность количество боевыхъ трофеевъ, то-есть отрѣзанныхъ рукъ и языковъ непріятеля; часть уже сосчитана, другая—въ грудахъ, подъ наблюденіемъ военачальниковъ, подносится фараону. 4) Составляется опись военной добычѣ—отбитымъ у враговъ палицамъ, лукамъ и дротикамъ. 5) Египетскія войска продолжаютъ свое побѣдное шествіе въ непріятельскомъ краѣ; предводящій ими Рамзесъ держитъ въ одной рукѣ мечъ и лукъ, въ другой плетку. 6) Египтяне обращаютъ въ бѣгство Ти-ку-ри, женщины и дѣти коихъ спасаются въ

повозкахъ, запряженныхъ быками. 7) При переходѣ черезъ болото фараонъ чуть не погибаетъ отъ дикихъ львовъ; два уже убиты имъ, третьяго онъ готовится встрѣтить ударомъ копья. 8) Происходитъ сраженіе на водѣ: боевыя каторги, не похожія на обыкновенныя гребныя и парусныя суда, имѣютъ особыя стѣнки у бортовъ для прикрытія команды; египетскія лодки отличаются отъ непріятельскихъ львиною головой, изваянною на носу; съ берега Рамзесъ съ пѣхотинцами разитъ враговъ стрѣлами. 9) Египтяне ведутъ плѣнныхъ, складываютъ въ кучи предъ воеводами непріятельскія руки и получаютъ награды отъ фараона. 10) Возвращающійся съ похода побѣдитель торжественно вступаетъ въ Ѳивы и приноситъ жертвы Ѳиванской тріадѣ божествъ: Аммону, Хонзу и Мутъ (Мутъ богиня весьма схожая съ Изидой и Аторъ; имя ея часто употребляется вмѣсто имени Изиды). Прочіе барельефы, частію на самомъ храмѣ, частію на его пропилонахъ, представляютъ войну съ какими-то Азіятами и сводятся къ штурмованію укрѣпленныхъ городовъ.

Дворецъ (отъ него сохранилось немногое) служилъ какъ бы дополненіемъ большаго храма. На наружныхъ стѣнахъ этой башнеобразной развалины изображены азіятскіе и африканскіе властелины, побѣжденные Рамзесомъ III: „презрѣнный царь Аймаріевъ“ (не Амморей ли Библіи?) „презрѣнный царь Хетовъ“ (Хеттеевъ), „князь враждебныхъ Таккаро“, „князь жалкихъ Хушитовъ“ и множество другихъ; все это очевидно портреты; сквозь обычныя уродства египетскаго рисунка проглядываютъ типическія особенности каждаго лица. Живопись внутри дворца знакомитъ насъ съ тихими радостями семейной жизни Рамзеса; жены и дочери опахиваютъ его вѣерами, предлагаютъ цвѣты или играютъ въ шашки, какія уже попадались намъ въ пусскихъ могилахъ. Домочадцы почтительно стоятъ окрестъ владыки; онъ одинъ сидитъ и милостиво держитъ за подбородокъ ближайшую подругу.

---

[14]) Четырнадцатиколонная галлерея, гдѣ пригнѣздился Мустафа Ага, воздвигнута Орусомъ (иначе Оремхебъ, фараонъ XVIII династіи 1597—1447). Если, дойдя до нея отъ пристани, повернуть налѣво, то-есть приблизительно къ сѣверо-востоку, очутишься надъ переднимъ отдѣленіемъ храма, или большимъ Рамзесовымъ дворомъ, на главной деревенской улицѣ. Отъ двора поверхъ земли ничего не осталось; въ одномъ только мѣстѣ выглядываетъ

изъ пыли капитель, служащая опорой для убогой лачужки. Въ концѣ улицы стоятъ высокіе пропилоны, отъ которыхъ велъ къ Карнаку трехверстный дромосъ; на вершину одного изъ нихъ можно взойти по внутренней лѣстницѣ, перебравшись сначала чрезъ крышу прислоненнаго къ нему домика; однако лѣстница обвалилась, и восхожденіе не безопасно. На пропилонахъ, въ числѣ другихъ рисунковъ, изсѣчена картина, схожая по содержанію съ однимъ изъ барельефовъ Мемноніума, а именно взятіе Кедеша на Арунтѣ,—событіе изъ войны съ Хеттеями. Тутъ же по обыкновенію чванная надпись преувеличиваетъ заслуги Рамзеса II: „Божественный охранитель", говорится въ ней, „завоеватель Нубіи, онъ въ одно мгновеніе истребилъ десять милліоновъ и народы обратилъ въ прахъ. Никого нельзя съ нимъ сравнить". Хвастливость текста переступаетъ на этотъ разъ предѣлы дозволеннаго; самъ же фараонъ въ каррикатурно-напыщенной позѣ смахиваетъ немного на продавцовъ Арабовъ, когда они высокомѣрно запрашиваютъ за какую-нибудь совершеннѣйшую дрянь „twenty five sovereigns". По ту сторону пропилоновъ, спиной къ нимъ, сидятъ его черногранитные колоссы, по грудь ушедшіе въ землю, какъ каменныя бабы на нашихъ курганахъ. Впрочемъ до верху остроконечныхъ шишаковъ остается еще три сажени; между плечъ $4^1/_2$ аршина; лица совсѣмъ выбиты. Повернувъ изъ тріумфальныхъ воротъ налѣво, натыкаешься въ нѣкоторомъ отдаленіи на такого же точно колосса. У праваго пропилона, возлѣ колосса, стоитъ обелискъ изъ краснаго гранита, покрытый отъ основанія до верху глубоко врѣзанными письменами. Это одинъ изъ лучшихъ въ мірѣ обелисковъ; въ немъ почти сорокъ аршинъ вышины. Онъ продолжаетъ благоденствовать подъ жизнедарнымъ небомъ Египта, пока осиротѣлый противень его, увезенный Наполеономъ I въ Парижъ на Place de la Concorde быстро вывѣтривается и гибнетъ на чужбинѣ. (Для нагрузки его отъ рѣки до его подножія былъ прорытъ каналъ.)

Вернувшись къ столбамъ Оруса и направившись отъ нихъ въ сторону, противоположную пропилонамъ (то-есть на юго-западъ), вступаешь въ самую старинную часть храма, построенную Амунофомъ III. Сперва она кажетъ изъ-подъ почвы группы колоннъ, далѣе же мало-по-малу исчезаетъ; арабскіе домики стоятъ надъ крышей, и въ нѣкоторые покои входишь, какъ въ подземелье. Стѣнная живопись и барельефы этого отдѣла сохранились довольно хорошо. Въ помѣщеніи, служившемъ Коптамъ церковью, на рисункахъ египетской миѳологіи написаны христіанскіе образа.

Но краски новыя съ годами
Спадаютъ ветхой чешуей.

И покрайней мѣрѣ здѣсь, говоритъ Прокешъ Остенъ (Niefahrt), побѣда остается за сонмомъ древнихъ боговъ. Іероглифы упоминаютъ о походахъ противъ племенъ Ефіопіи и Мессопотаміи — Хушъ и Нахареинъ.

---

25) Верстахъ въ полутора отъ Луксора изъ почвы, по краямъ дороги въ Карнакъ, выросли ряды сфинксовъ съ бараньими головами и небольшою статуей Амунофа III между передними лапами. Это аллея, идущая отъ Луксорскихъ пропилоновъ; ближе къ Луксору сфинксы почиваютъ подъ землей. Бодрствующіе на привольѣ находятся въ печальномъ состояніи: у большей части отбиты головы, нѣкоторые вовсе искалѣчены, иные, будучи соединены между собою глиняными или земляными стѣнками, вошли въ составъ заборовъ, охватывающихъ придорожные огороды.

Аллея приводитъ ко храму бога Хонзу, воздвигнутому Рамзесомъ III. Здѣсь, среди изображеній другихъ фараоновъ, встрѣчается чуть ли не единственный въ Египтѣ портретъ похитителя престола, Херхора, главы безславной династіи жрецовъ (XXI по числу, отъ 1095 до 965). На дочери одного изъ фараоновъ этой династіи былъ женатъ Соломонъ. „(Когда утвердилось царство въ рукахъ Соломона) Соломонъ породнился съ фараономъ, царемъ Египетскимъ, и взялъ за себя дочь фараона“ и проч. (Третья *Книга Царствъ*, глава III, стр. 1). На пилонѣ, поставленномъ Эургетомъ I (Птоломей III, 246—221) въ честь Хонзу и Мутъ, изсѣчены Озирисъ-Унеферъ, подземный владыка, вѣрная супруга его Изида, мать ихъ Нутъ, богиня пространства и небесъ, ученый Тотъ, Аторъ, Орусъ, богъ вечерняго солнца и повелитель сѣвернаго вѣтра Атумъ, сестра и супруга Тифона Небти или Нефтисъ и многіе другіе. (Небти принадлежитъ къ числу свѣтлыхъ божествъ. Она вмѣстѣ съ Изидой оплакиваетъ смерть Озириса, который однажды, принявъ ее во мракѣ за свою супругу, раздѣлилъ съ нею брачное ложе. Отъ этой связи родился собачеголовый Анубисъ.)

Рядомъ съ храмомъ Хонзу помѣщается небольшое святилище Апе, богини съ головой бегемота, покровительницы Ѳивъ; святилище построено Эургетомъ II (Фискономъ).

За этими двумя зданіями расположился Большой Карнакскій храмъ. Ось его, отъ сѣверо-запада къ югу-востоку, приходится

подъ прямымъ, угломъ къ аллеѣ сфинксовъ, и чтобы попасть въ главные (восточные) ворота со стороны рѣки, надо, свернувъ влѣво, обогнуть разныя безыменныя развалины. Начальные пропилоны, если не ошибаюсь, огромнѣйшіе въ Египтѣ (шириной въ 370, вышиной во 140 и толщиной въ 50 футовъ), образуютъ фасадъ зданія. За ними открывается просторный дворъ. Въ проходѣ между башнями, на правой стѣнѣ, отъявленная воровка, французская ученая экспедиція, какъ бы взамѣнъ уносимыхъ ею барельефовъ, выставила географическое опредѣленіе важнѣйшихъ египетскихъ памятниковъ. Она думала, что оказываетъ тѣмъ услугу человѣчеству... Впрочемъ и не прикрѣпленные къ извѣстнымъ градусамъ широты и долготы, памятники не сдвинулись бы со своихъ мѣстъ, а Карнакскій храмъ ни въ какомъ случаѣ не утратился бы для потомства, хотя бы и не былъ помѣченъ „великимъ народомъ".

Дворъ пристроенъ къ существовавшимъ уже частямъ храма фараонами XXII династіи (отъ 965 до 791 до Р. Х.) Шешенкомъ, Озаркономъ и Такелотомъ. Озарконъ названъ въ Библіи Зараемъ. „И вышелъ на нихъ (воиновъ Ассы) Зарай Эфіоплянинъ съ войскомъ въ тысячу тысячъ и съ тремя стами колесницъ и дошелъ до Мареши" (Вторая кн. Паралипоменомъ, гл. XIV, стр. 9.) Про Шешенка смотри ниже. Посреди двора стояло двѣнадцать громадныхъ колоннъ; изъ нихъ уцѣлѣла всего одна съ именами Тахарки (Тиргакъ), Псамметиха (654—616 XVI династіи) и Птоломея IV Филопатора (221—204). Тѣ же имена встрѣчаются и на остаткахъ другихъ одинадцати колоннъ. Справа и слѣва вдоль стѣнъ тянутся перистили. Налѣво, въ ближнемъ углу двора, Менефтой II воздвигнутъ особый храмикъ, а направо въ дальнемъ концѣ, по странной прихоти Рамзеса II, стѣна прорѣзана перпендикулярнымъ къ ней зданіемъ Аммонова храма, такъ что одна часть послѣдняго стоитъ внутри Большаго Храма, другая внѣ его. На противоположной—сѣверо-восточной—стѣнѣ двора, снаружи, начертана живописательная исторія военныхъ подвиговъ Шешенка, греческаго Сезонхиса, упоминаемаго въ русскомъ переводѣ Библіи подъ именемъ Сусакима (во Французскомъ—Sisak, въ Англійскомъ—Shishak), и приведенъ, между прочимъ перечень покоренныхъ имъ 133 городовъ, странъ и народовъ. (Вторая книга Паралипоменовъ, глава XII, стр. 2: „На пятомъ году царствованія Ровоама, Сусакимъ царь Египетскій пошелъ на Іерусалимъ, потому что они (Израильтяне) отступили отъ Господа. 3: Съ тысячью и двумя стами колесницъ, и съ шестьюдесятью тысячами всадниковъ; и не было числа народу, который пришелъ съ нимъ изъ Египта,

Ливіянамъ, Сукхитамъ и Ефіоплянамъ; 9: И пришелъ Сусакимъ царь Египетскій, во Іерусалимъ и взялъ сокровища дома Господня и сокровища дома царскаго; все взялъ онъ, взялъ и щиты золотые, которые сдѣлалъ Соломонъ").

Дворъ замыкается второю парой пропилоновъ, теперь полуразвалившихся; за ними находились Мемноніумъ Сети I, въ 325 футовъ ширины и 160 длины (или глубины). Здѣсь 134 коллонны; двѣнадцать среднихъ (вышиной въ 62 фута) имѣютъ около 34 футовъ въ окружности; остальные (болѣе 42 футовъ высоты) считаютъ въ обхватъ 27 футовъ. Внутренніе рисунки носятъ религіозный характеръ: надменные цари, преимущественно Сети, нѣмотствуютъ въ общеніи съ надменными богами. Снаружи представлены военныя событія: Сети побѣждаетъ племена Ремененъ (Армяне?), Шели, Шазу, Техи, Хета, Ротену; одна за другою падаютъ крѣпости Капана (Ханаанъ?), Нинуаи (Нineвія?), знакомый Кедешъ, окруженный кипарисовыми рощами, и др. На одномъ рисункѣ дѣйствующими лицами являются одновременно Сети и сынъ его Рамзесъ II. Нѣкоторыя картины посвящены исключительно послѣднему: такъ онъ сражается подъ стѣнами Аскалуна (Аскалонъ) и въ послѣдствіи заключаетъ миръ съ Хетазиромъ, царемъ Хетовъ, причемъ, согласно обычаю, удержавшемуся до нашихъ дней, договаривающіяся стороны обязуются въ той *вѣчной* дружбѣ, которая обыкновенно нарушается, когда имъ снова придетъ время поссориться. Однако, въ данномъ случаѣ цари, кажется, сдержали свое слово; по крайней мѣрѣ изъ надписи въ какомъ-то другомъ храмѣ, не помню гдѣ именно, усматривается, что Рамзесъ породнился съ Хетазиромъ, женившись на его прекрасной дочери Ра-Маа-Уръ-Нефру. Въ договорѣ идетъ также рѣчь о союзѣ. Вмѣсто амнистіи, непремѣннаго условія теперешнихъ мирныхъ трактатовъ, поставлена наоборотъ обоюдная выдача перебѣжчиковъ.

Изъ Мемноніума, черезъ двѣ слѣдующіи пары пропилоновъ, совсѣмъ разрушенныхъ, входишь въ самую старинную и вмѣстѣ самую разоренную часть храма, заложенную Узертезеномъ I (XII династіи 2354—2194) и сооружавшуюся потомъ Амесомъ (XVII династіи 1597, по-гречески Амозисъ (не слѣдуетъ смѣшивать съ Амазисомъ), Тутмесами I и IV, Амунофомъ III, Рамзесомъ II и др. Тутъ возлѣ упавшаго противня стоитъ первый по красотѣ и вышинѣ обелискъ (93 фута), на которомъ въ мужскомъ нарядѣ со шлемомъ изображена сестра Тутмесовъ II и III Ра-Маа-ка-Аменъ-Хнумтъ-Хатасу, объявляющая грядущимъ родамъ, что ею

въ теченіе семи мѣсяцевъ, считая отъ начала работъ въ каменоломняхъ, воздвигнуты въ честь отца ея Тутмеса I два обелиска, „ихъ же позлащенныя вершины касаются небесъ". Гдѣ-то на стѣнѣ говорится, что оба были сплошь покрыты чистымъ золотомъ.

Отсюда еще двѣ пары пропилоновъ, тоже разсыпавшихся, указываютъ путь къ порфирнымъ останкамъ святой святыхъ, построенной Филиппомъ Аридэемъ на мѣстѣ прежняго, разобраннаго Персами adytum'а; къ срединной комнатѣ примыкаютъ большіе и малые покои; близь нея въ узкомъ проходѣ помѣщается живописаніе войнъ Тутмеса III.

Далѣе, все еще въ стѣнахъ Большаго Храма, помѣщается дворецъ этого фараона. Главная палата, когда-то обращенная христіанами въ церковь, сохранила слѣды роскошныхъ украшеній. Въ одномъ изъ отдѣловъ, такъ-называемой комнатѣ предковъ (chambre des ancêtres), скорѣе похожей на рядъ стойлъ, чѣмъ на комнату, найдена обрѣтающаяся теперь въ Парижѣ прославленная „Карнакская таблица", на которой Тутмесъ III подноситъ дары пятидесяти шести своимъ предмѣстникамъ.

За дворцомъ Карнакскій храмъ кончается, протянувшись на разстояніи безъ малаго 1.200 футовъ. У задней половины его близь юго-западной стѣны расположено небольшое озерцо, именуемое „озеромъ дагабіи" и вѣроятно служившее для извѣстныхъ обрядовъ (по Геродоту такіе обряды происходили ночью и заключались въ мимическихъ представленіяхъ. Названіе озера, быть-можетъ, завѣщано древними Египтянами, у коихъ священныя лодки играли въ церемоніяхъ важную роль). Отъ средины той же стѣны перпендикулярный къ ней рядъ дворовъ, соединенныхъ или вѣрнѣе раздѣленныхъ пропилонами, и затѣмъ дромосъ (аллея сфинксовъ) направляются къ храму богини Мутъ, съ именами Латира и Аулета Птоломеевъ на остаткахъ воротъ и множествомъ изувѣченныхъ, разбросанныхъ по полу черногранитныхъ статуй львинообразной богини Пахтъ. (Аулетомъ, т.-е. флейтовщикомъ, назывался Птоломей XIII (отъ 80 до 52), отецъ знаменитой Клеопатры (VII). За этимъ храмомъ огибая его лежитъ другое озерцо—подкововидное.

Внутри кирпичной ограды, измѣренной Діодоромъ, и кругомъ нея находится еще много храмовъ (числомъ до двадцати) всякихъ размѣровъ и образца; за рѣдкими исключеніями, они почти совсѣмъ уничтожены; большій, отъ коего виднѣется одно основа-

ніе, построенъ Амунофомъ III и дополненъ Менефтой, Рамзесомъ IV и Птоломеями.

---

[26]) Портикъ опростанъ еще по приказанію Мехмедъ-Али, посѣтившаго Эснэ въ 1842 году. Общимъ видомъ онъ напоминаетъ „Большой Небесный Покой“ въ Дендерѣ, но колонны стройнѣе и выше (55 футовъ высоты, при 16 съ чѣмъ-то въ обхватѣ; какъ и въ Тентирскомъ храмѣ—ихъ 24). Капители представляютъ цвѣты папируса, виноградные листья, вѣнцы пальмъ и проч. Картины изображаютъ боговъ-супруговъ, Нумъ Ра и Небъ Ну. и дѣтище ихъ Хака-Пе-Хротъ, которымъ цари приносятъ по заведенному порядку жертвы. Основателями названы Птоломей VII Филометоръ, мать его Клеопатра I и Эургетъ II. Полагаютъ, однако, что первымъ закладчикомъ былъ Тутмесъ III. Въ надписяхъ упоминаются также римскіе императоры: Автократоръ Августъ, Тиберій, Клавдій, Веспасіанъ, Домиціанъ, Траянъ, Адріанъ и Антонинъ Благочестивый.

---

[27]) Храмъ въ Эдфу находился въ сокровенной религіозной связи съ Дендерскимъ: боги ихъ — Орусъ, покровитель Appolinopolis Magnae (въ іероглифахъ Тебъ или Худъ), и Аторъ, владычица Тентиры, съѣзжались по Нилу на свиданіе. Кромѣ всякихъ религіозныхъ, историческихъ, географическихъ и астрономическихъ свѣдѣній, на стѣнахъ храма выгравирована еще довольно подробная его автобіографія. Въ ней говорится, что торжество закладки произошло „седьмаго эпифа, десятаго года царствованія Птолемея III Эургета I“, то-есть 11-го или 12-го августа 237 до Р. Х.,—что зданіе сооружалось разными царями до Птолемея XIV Аулета включительно, что планъ принадлежитъ архитектору Эйэли-хотепъ-Эръ-Си-Пта и проч. (Судя по одной надписи, можно предположить, что этотъ храмъ воздвигнутъ на мѣстѣ другаго временъ Тутмеса III). На воротахъ приведены въ египетскихъ локтяхъ размѣры какъ всего зданія, такъ и отдѣльныхъ его частей. За дворомъ и многоколоннымъ портикомъ каждое помѣщеніе имѣетъ свое имя. Есть тутъ „звѣздная комната“ для омовенія царя, предъ входомъ его въ дальнѣйшія, завѣтныя палаты, „библіотека“ съ заглавіями содержавшихся въ ней сочиненій, „Поварская“, „Храмина Побѣдъ“, „Чертогъ Приношеній“, „Покой бога Сохема“, охранителя драгоцѣнныхъ камней и другіе.

Пропилоны, замыкающіе дворъ спереди, любопытны во многихъ отношеніяхъ. На лицевой ихъ сторонѣ выдолблены четыре отвѣсные жолоба, куда были вдѣланы древки знаменъ; знамена, повѣствуется на западномъ пропилонѣ, предназначались къ тому, „чтобы сломить непогоду небесъ". Слова эти наводятъ Бругша на мысль, не были ли такіе мачтовые флагштоки первообразомъ громоотводовъ. 242 ступени, такъ мало подержанныя, что въ сравненіи съ ними истертыя лѣстницы европейскихъ колоколенъ показались бы тысячелѣтними, ведутъ круговымъ ходомъ, сквозь четырнадцать ярусовъ, на верхнія террасы башень: во всякомъ ярусѣ къ ходу примыкаетъ полутемная комнатка; свѣтъ имѣетъ въ нее доступъ лишь чрезъ небольшой пробой, снаружи незамѣтный.

---

[28]) Храмы въ Кумъ Омбо посвящены „господину Нильскихъ разливовъ", зеленому крокодилоголовому богу, Себекъ-Ра (въ одномъ впрочемъ есть также придѣлъ Оруса), и относятся ко временамъ Птоломеевъ. Одинъ начатъ Филометромъ, другой Фисокономъ, кончены же оба при Аулетѣ.

---

[29]) Въ покояхъ храма еще двѣ такъ-сказать оффиціальныя надписи: одною, французская экспедиція опредѣляетъ географическое положеніе острова Филъ; другою, весьма темнаго значенія, нѣкто Antonio Calvi свидѣтельствуетъ о Spedizione Romana временъ папы Григорія XVI. Эту послѣднюю надпись я, чтобы не отстать отъ спутниковъ, занесъ въ памятную книжку: „Gregorio XVI F. R. (т.-е. felicitamente regnante), pegli auspici degli Emi pp (eminentissimi padri?) Camberini e tosti fin qui la spedizione romana sul bordo la Fedelta che dal Tevere a questi scogli. Antonio Calvi."

---

[30]) Главныя произведенія Египта суть слѣдующія: сахарный тростникъ, хлопокъ, пшеница, ячмень, кукуруза, рисъ, ленъ, клеверъ (берсимъ), конопля, всякіе бобы и горохъ, лупинъ (Lupinus, у насъ ихъ сажаютъ въ садахъ), чечевица, рисъ, табакъ, макъ, сезамъ, изъ зеренъ котораго изготовляютъ халву, красильныя вещества хенэ (Lawsonia inermis), сафларъ, лѣкарственное растеніе хелбе и проч.

---

[31]) Въ Храмѣ Сети I семь комнатъ одинаковаго размѣра посвященны Ору, Изидѣ, Озирису, Амону, Армаху, Пта и самому Сети I (подобно другимъ фараонамъ, онъ произвольно причислилъ себя къ лику полубоговъ). Тутъ изображены порядокъ жертвоприношенія, служеніе различнымъ божествамъ, священные сосуды, утварь и проч. Кругомъ залъ панелями тянутся длинныя росписи номеновъ (провинцій). Въ узкомъ проходѣ, на одной стѣнѣ. Сети и наслѣдникъ его, мальчикъ съ заплетенными волосами, будущій Рамзесъ II, изъявляютъ почтеніе семидесяти пяти своимъ предшественникамъ, имена, или точнѣе іероглифическія печати (cartouches) коихъ тѣснятся предъ названными царями въ двухъ горизонтальныхъ рядахъ; третій, нижній рядъ заключаетъ много разъ повторенное имя самого Сети, 76е по числу. Родословная начинается съ Менеса; фараоны приведены не всѣ, а только покровители Абидоса, подобно тому, какъ въ Карнакской Chambre des Ancêtres упомянуты лишь благодѣтельствовавшіе Ѳивамъ. На противоположной сторонѣ прохода Сети съ сыномъ покланяются 130 именамъ боговъ.

Въ храмѣ Рамзеса II,тоже посвященномъ памяти Озириса, найдена копія съ родословной Сети, такъ-называемая Абидосская таблица, въ послѣдствіи перевезенная въ Парижъ. На ней, предъ собраніемъ печатей, одинъ, безъ отца, уже взрослый стоитъ вступившій на престолъ Рамзесъ.

Абидосъ назывался у Кобтовъ Аботъ, на языкѣ іероглифовъ Ти или Абту; Фараоны первой династіи зовутся Тинитами (отъ This Thinis).

Противъ Абидоса стоялъ Lepidotum, жители коего поклонялись рыбѣ Lepidotus (?).

---

[32]) „И поставили надъ нимъ (то-есть народомъ сыновъ Израилевыхъ) начальниковъ работъ, чтобъ изнуряли его тяжкими работами. И онъ построилъ фараону Пиѳомъ и Раамсесъ, города для запасовъ.“ Исходъ, гл. I, ст. 11.

---

[33]) Вода гонится только до Эль-Гисра (верстахъ въ четырехъ отъ Измаиліи), высшей на ея дорогѣ точки; далѣе она уже сама стремится въ низменный, стоящій на морскомъ уровнѣ Портъ-Саидъ, куда, вслѣдствіе прохожденія по трубамъ на разстояніи шестидесяти слишкомъ верстъ, притекаетъ настолько чистою, что ее можно пить не цѣдя. Между Портъ-Саидомъ и Измаиліей станціи канала надѣлены водосмами, и, кромѣ того, на пути трубъ

приблизительно чрезъ каждыя пять верстъ устроены цистерны. На югъ прѣсной воды не гонится: каналъ, проведенный отъ Нила къ Измаиліи, продолженъ отсюда вдоль морскаго канала до Суэза. Прѣсный каналъ отъ Каира до Измаиліи въ 1876 году долженъ былъ обратиться въ судоходный; при мнѣ работали надъ послѣднимъ его шлюзомъ.

---

[34]) *Книга Бытія,* гл. XLVII, стих. 6. „Земля Египетская предъ тобою, на лучшемъ мѣстѣ земли посели отца своего и братьевъ своихъ; пусть живутъ они въ землѣ Гесемъ“ ст. 11. „И поселилъ Іосифъ отца своего и братьевъ своихъ, и далъ имъ владѣніе въ землѣ Египетской въ лучшей части земли, въ землѣ Раамсесъ, какъ повелѣлъ Фараонъ.“ Вѣроятно этимъ послѣднимъ именемъ Моисей называетъ страну анахронически, т.-е. по имени города выстроеннаго Израильтянами въ послѣдствіи (см. прим. 32).

---

[35]) Теченіе на каналѣ образуется только во время прилива или вѣтра. Почти незамѣтный въ Средиземномъ морѣ, приливъ гораздо значительнѣе въ Красномъ (въ Чермномъ 1 метръ 30 сантиметровъ, въ Средиземномъ всего 10 сантиметровъ); онъ производитъ теченіе съ юга на сѣверъ, иногда доходящее до Тимсы. При сѣверномъ вѣтрѣ наблюдается обратное явленіе: вода стремится изъ Мензалэ къ Тимсѣ. Водораздѣлъ морей находится между Тимсой и Горькими Озерами.

Два слова о Горькихъ Озерахъ. Въ сѣверномъ, вдвое большемъ противъ южнаго, около тридцати верстъ длины и слишкомъ десять ширины. Средину его, когда оно было сухо, занималъ элиптическій солончакъ во сто квадратныхъ верстъ. По предположенію Бругша, Горькія Озера суть Мерра Библіи. *Исходъ,* гл. XV, 22. „И повелъ Моисей Израильтянъ отъ Чермнаго Моря, и они вступили въ пустыню Суръ; и шли они три дня по пустынѣ, и не находили воды.“ 23. „Пришли въ Мерру и не могли пить воды въ Меррѣ, ибо она была горька, почему и наречено тому (мѣсту) имя Мерра, т.-е. горечь.“

Быть-можетъ вѣрнѣе было бы въ переводѣ 23 стиха вмѣсто „въ Мерру“ поставить къ Меррѣ (въ англійскомъ переводѣ „*to Marah*“ въ Лютеровомъ „*gen Mara*“), а въ скобкахъ слово „мѣсто“ замѣнить словомъ „озеро“. Впрочемъ, не зная еврейскаго языка, предоставляю людямъ болѣе свѣдущимъ судить, основательна ли подобная догадка.

---

[36]) Моремъ отъ Петербурга до Бомбея, мимо мыса Доброй Надежды, считается 11.610 морскихъ миль, — черезъ каналъ всего 6.770, слѣдовательно выгадывается 4.840 миль пути.

Старый морской путь отъ Марселя до Бомбея равняется 10.560 милямъ. Новый—4.620. Разница 5.940 миль.

Изъ Нью-Йорка въ Бомбей сперва было 11.520 миль, теперь 7.920. Разница 3.600.

Изъ Лондона въ Бомбей было 10.860, теперь стало 6.020. Разница 4.840.

Движеніе по каналу возрастаетъ въ быстрой прогрессіи.

Въ	1870	году	прошло	486	судовъ	493.911	тоннъ.
„	1871	„	„	765	„	761.467	„
„	1872	„	„	1.082	„	1.439.169	„
„	1873	„	„	1.173	„	2.085.073	„
„	1874	„	„	1.264	„	2.423.672	„
„	1875	„	„	1.494	„	2.940.708	„

Однако, вслѣдствіе измѣненій тарифа, увеличеніе доходовъ по эксплуатаціи не прямо пропорціально увеличенію движенія. Такъ въ 1871 чистый сборъ былъ въ 340.000 фунтовъ стер., въ 1872—418.000 ф. с., въ 1873 — 916.000, въ 1874 — 808.000 ф. с., въ 1875—1.150.000.